

БАРБАРА ШУТОВА

МЕСТО ВСТРЕЧИ ЛЕВАНТИЯ

Раньше у нее была любящая семья, уютная квартира, веселые подруги, любимая работа. Потом была война. Теперь осталась только работа.

Как склеить разлетевшийся на осколки мир?

Как найти общий язык с новыми коллегами: мальчишкой-уголовником, бывшим одноклассником — магом и плагиатором, а главное — заносчивым и грубым драконом?

И как обуздать преступность, заполонившую послевоенный город?

Часть 1. Левантия. Возвращение

Апрель 1946— Левантия через пять минут.

Сонный голос за спиной привел Арину в себя. Она не спала — хотя привычка спать при каждой возможности, в любом месте, в любой позе была у нее уже давно. Но не в этот раз.

Когда пять лет назад она уезжала из Левантии, родители провожать отказались. Отец не стал ради такого события переставлять смену. «Врач — профессия прежде всего военная» — это первое, что узнала от отца о его работе маленькая Арина, которую тогда звали Ирэнной.

Мама же была обижена на дочь, которую так долго оберегала от всего плохого и страшного, пыталась двигать вперед по намеченному еще до рождения Арины плану, — а та все сопротивлялась, все дурила.

И в медицине вместо уютной фармакологии выбрала ужасную гнойную хирургию. И даже ее бросила потом — ради работы в милиции. И за сына директора маминой аптеки — мальчика из хорошей семьи с блестящими перспективами — выходить отказалась. И даже услышав о том, что началась война, — вместо того чтобы подождать, пока мама подсуетится, найдет хорошее место через знакомых, подальше от фронта, поближе к себе, — пошла добровольцем.

Сколько Арина ни объясняла, что ради месяца, ну максимум — двух, которые продлится война, не стоит развивать бурную деятельность и что с характером Арины проще там, где много работы и для рук и для ума — в полевом подвижном госпитале, да еще специализирующемся на гнойной хирургии, мама молчала, поджав губы.

Провожала Арину Нинка, бывшая одноклассница и любимая соседка.

Арина ушла из дома слишком рано — и они с Нинкой еще долго бродили по улицам, споря о поэзии.

Арина представила, как было бы здорово, если бы поезд остановился — а на платформе стояла Нинка в своем синем платье с белым воротничком. Здорово было бы подойти к ней, и без всякого «здрасте» продолжить тот дурацкий спор. Даже цитата подходящая вспомнилась.

Но, конечно, в половине восьмого утра никакой Нины на вокзале не было.

Арина прыгнула на платформу — и ее окружил воздух Левантии. И как будто бы не было последних пяти лет жизни.

В детстве, когда выяснилось, что зрение у Арины не ахти, она жутко испугалась, что может ослепнуть, совсем как старый Савелий, который сидел на паперти Рождественской церкви рядом с домом. И поэтому она стала каждый день тренироваться ориентироваться в городе с закрытыми глазами. Оказалось, что у каждого района свои звуки. В Приморском — резкие, крикливые,

В Песочном — тихие, приглушенные, в Пороховых складах — напевные. Даже каблучки Ариных туфель стучали по-разному.

А вот запах по всей Левантии был один. Морской, горячий, зеленый. Аптечный и булочный, свежий и капельку цветочный.

Почувствовать запах родного города — это как в детстве бежать зареванной через всю улицу и с размаху уткнуться головой в мягкий мамин живот.

Арина улыбнулась и закурила.

До дома было три трамвайные остановки — совсем пустяк, минут десять быстрым

ходом.

Родители не знали, что Арина приезжает. Она им вообще не писала. Когда добралась до места службы и появилась хоть минутка свободного времени — Левантия была уже под немцами. А когда освободили — два письма Арины вернулись с пометкой «адресат выбыл».

Значит, все-таки успели эвакуироваться...

В то время Арине иногда казалось, что Левантия исчезла с карты целиком: кому бы она ни писала, ответов не было. Подруги, коллеги, соседи — все молчали. Пришло лишь письмо от мамы школьного приятеля Семена, что тот погиб в первые же дни войны, сгорел в танке. От остальных — тишина.

Арина сначала с завистью слушала чужие письма из дома. А потом привыкла. Просто представила, что в мире есть место, где ничего не меняется. И вот она вернется — уже совсем скоро — и даже книжка, которую она оставила на столе, будет открыта на той же странице.

Все так же стоит старый трехэтажный дом на Рождественской улице, три каштана во дворе (на одном из них маленькая Аришка висела когда-то целый час, унизительно зацепившись за ветку подолом платья, пока кто-то из соседей не снял). И сидит на голубом покрывале Ариной кровати затертый до прозрачности плюшевый медведь с красным бантом на шее.

А теперь — через десять минут — все это снова появится в Арином мире. И можно будет наконец снять с себя надоевшую форму, смыть последние пять лет жизни, долго-долго, может, целых пять часов спать, а потом уже — поговорить с родителями, сказать «ну я же говорила, что я у вас везучая» — и придумать, в чем на завтра идти на работу. Наверное, лучше в коричневом платье. Оно строгое, серьезное. Сразу видно, что перед вами не абы кто, а целый милиционер, хоть и в штатском. Или наоборот — голубое. Чтобы было понятно, что не суровый милиционер пришел, а Арина Качинская, вполне, между прочим, симпатичная. А еще надо будет обязательно выщипать брови. В ниточку, причем чтоб одна была так удивленно приподнята. И помаду не забыть...

Арина так замечталась, что даже не сразу поняла, что перед ней.

Церковь, магазинчик на углу, соседний зеленый пятиэтажный дом — все было на месте. А вот вместо двора с каштанами и своего дома Арина обнаружила замусоренный пустырь.

Арина даже не испугалась. Все было как обычно — дурной сон, сейчас ее растолкают — и снова резать, зашивать, колоть... Будни.

Но сон проходить отказывался. Арина слонялась вдоль пустыря. Ей хотелось вернуться к вокзалу — и пройти эти три остановки еще раз, может, тогда наваждение спадет.

Кто-то подошел сзади.

— Еще в сорок первом. В сентябре. Выскочить никто не успел. Арина узнала голос соседки из зеленого дома.

— Анна Самойловна?

— Ой, Ришенька, живая! Хорошо-то как. А твои вот... В одну минуту. А ты только сегодня приехала? Пойдем ко мне, умоешься с дороги, поешь...

Арина отвернулась.

— Я, наверное, пойду, у меня еще дела в городе, — сказала она глухо.

Арина не знала, куда шла. Тоже вьевшийся, как грязь, навыв — идти вперед, не разбирая дороги и не глядя по сторонам, упершись невидящим взглядом в дорогу перед собой. Так можно идти весь день, не замечая холода, голода и жажды. «Пыль — пыль — пыль — пыль от шагающих сапог» — строчка из старого стихотворения вертелась в голове, как заезженная пластинка. Уже пять лет.

Сама того не замечая, Арина шла маршрутами своей жизни. От дома — до школьного здания красного кирпича. Мимо пустыря, где Ариныны одноклассники встречались в футбольных матчах и просто потасовках с учениками соседней школы для особо одаренных детей.

Одаренные были странненькие — в черной форме дореволюционного образца, даже в фуражках и с пряжками на ремнях. То и дело употребляли какие-то странные словечки. Вообще держались как-то отстраненно, общались больше друг с другом, но видно было, что не задаются.

Хотелось познакомиться с ними поближе, но дружить с одаренными считалось ниже достоинства.

Сейчас школьное здание было почти цело, но пусто — ни одного не треснувшего стекла, в нескольких оконных проемах следы пожара.

А вот здание Медицинского института не пострадало совсем. Даже студенты и абитуриенты все так же кучковались на ступенях главного входа, сидели с книгами вокруг фонтана в скверике неподалеку, хлопали огромными, как не для человека сделанными, дверями.

Правда, казалось, что война не тронула институт потому, что тот просочился в собственное прошлое, в те времена, когда он был первым в России женским медицинским институтом, а мама Арины — студенткой. Ни среди ошалевших первокурсников, пытающихся зазубрить латинские названия костей, ни среди мудро улыбающихся старших, чувствующих себя корифеями медицины, парней не было. Может, двое или трое на всю пеструю компанию.

Арина мимолетом подумала об этом — и сразу забыла, снова сосредоточилась на пыли левантийских улиц под ногами. Улицы шли, не останавливаясь, мимо больницы, где работала Арина после института, мимо аптеки, где работала мама, мимо клиники отца. Мимо здания школы милиции, теперь полуразрушенного, мимо Северного порта, мимо стадиона, мимо оперного театра, мимо цирка. И наконец остановились у ограды Южного кладбища.

Кладбище это было любимым местом детских прогулок Арины. Бабушка Фаина, когда ей выпадало погулять с любимой внучкой, надевала нитяные перчатки, соломенную шляпку с выгоревшими синими цветами, брала Арину за руку — и вела ее сюда. Перед оградой всегда спрашивала: «К кому пойдём?». Арина помнила: к папиным родственникам Качинским — налево, к маминым Палеям — направо, а к дальним предкам Шершеверам и Крифуксам — через мостик, на старую территорию.

Позже, когда бабушка уже сама лежала справа от входа, Арина ходила сюда одна. Хорошее место, чтобы подумать, помечтать — и не бояться быть в самый неподходящий

момент выдернутой из своих мыслей.

И родители были довольны, что заботу об участках Арина взяла на себя.

В тридцать девятом, после особо снежной зимы, старое надгробье Качинских треснуло, Арина сама заказала новое. Оно было больше предыдущего, и, когда его устанавливали, Арина поняла, что туда поместятся еще три строки: Павел Качинский, Виктория Качинская, а когда-нибудь — и Арина Качинская. Она представляла, как после смерти окажется за огромным круглым столом с плюшевой скатертью, среди знакомых бабушек и дедушек, смутно припоминаемых прабабок и прадедов ...

Тогда Арину поразило, как же так получилось, что из всего огромного семейства остались только они трое.

А теперь она была одна. И те две строчки на камне, предназначенные маме и папе (какой злой и глупой казалась ей эта тогдашняя мысль), — вряд ли удастся заполнить. Хотя... надо навести справки. Должен же остаться какой-то архив. Может, получится выяснить, где они, договориться об эксгумации, переносе. Ну, или надо хотя бы просто подписать имена.

Плюс надо восстановить документы на участок. Пригодятся.

От того, что боль превратилась в почти четкий план, стало немного легче. Арина еще немного постояла у ограды и пошла направо, к Палеям.

Путь она помнила наизусть, пофамильно. Бабушка учила ее читать по фамилиям на надгробиях, не делая различия между русским, украинским, польским и идишем. Есть буквы — будь любезна прочесть. И считать учила. Кто сколько прожил, сколько лет было матери, когда родился сын, теперь лежащий рядом с ней. Сколько лет было сыну, когда умерла мать. Простая арифметика человеческих жизней.

Но и кладбище в той Левантии, куда по ошибке завез Арину поезд, было не такое, как в настоящем мире, откуда она уехала пять лет назад.

Аккуратненькие участки с пухлыми рыдающими девицами из мрамора, опущенными воинскими знаменами, нелепыми склепами, напоминающими комоды, крестами, полумесяцами, моголеновидами и пятиконечными звездами теперь пребывали в руинах. Как будто злой и пьяный великан порезвился на тихом Южном кладбище, раскидывая надгробные камни, разбивая их один об другой, круша и руша все на своем пути.

Не было больше в мире памяти об Ольховых и Мозулях, о Кнопах и Морозовских, о Бруштейнах и Ратушинских. И, конечно, не было ни Качинских, ни Палеев, ни Крифуксов с Шершеверами.

Под ноги Арине попался маленький кусок светлой плиты с выбитыми на ней двойкой и тройкой. «Аркадий Гордашник, 1820–1823» — автоматически вспомнила Арина эту плиту, мимо которой проходила, наверное, сотни раз. Внизу камня была вырезана лошадка-качалка.

Арина вспомнила, как бабушка Фаня рассказывала, что старость — это когда мир вроде бы не изменился, но все равно стал абсолютно чужим. Новые вывески на старых магазинах, новые люди в старых домах, новая музыка, новые моды... И среди всего этого для тебя нет места. Арина поняла, что за полдня в Левантии она постарела лет на сто.

Что ж. Если в новой Левантии для Арины нет места, ну и пожалуйста. Арина вскинула голову.

Раньше она так убирала челку со лба. Теперь короткий ежик волос не требовал даже расчески, но привычка гордо вскидывать голову, когда весь мир против тебя, осталась.

Даже разреветься не выходило. Папа говорил, что когда все плохо, надо думать не о том, чего у тебя нет, а о том, что у тебя есть. Арина задумалась. Страшно, что папа с мамой тоже теперь в разделе «нет». А есть... Есть живая и вполне здоровая Арина, есть апрельское солнце, есть... Есть работа, наверное. Привычное лекарство от любой боли.

Мир большой. Можно жить где угодно — хоть на севере (тут Арина поежилась), хоть на юге. Вон, говорили, в новом нашем городе Кенигсберге нужны люди, а в милицию — особенно. Вернуться на вокзал, взять билет — и на всех парах в новую жизнь.

Впрочем, было в Левантии место, которое, обойдя весь город вдоль и поперек, Арина тщательно обходила. Потому что была надежда, что там ее помнят и ждут. Что там ничего не изменилось.

Надежда — штука непрочная. Разбивается о реальность в момент. Арина в этом убедилась не раз и не два за один только день.

Но раз решила ехать — так какая уж теперь разница. Все равно по дороге на вокзал мимо УГРО не пройдешь. А вдруг там остался кто-то из прежних... Конечно, не Шурк: Чуприн — он рискованный, и в мирной-то жизни умудрился три пули схватить... И не Жорка Гавриленко — тот, конечно, человек разумный, осторожный, но невезучий. И вряд ли кто из особистов — даже в Арином 215-м полевом подвижном хирургическом, при божественном Александре Зиновьевиче, при жестокой сортировке выживал едва ли каждый пятый из их породы. Серьезно у них там все было.

А может, уже и УГРО никакого нет в этой новой Левантии. Завернешь за угол — а там пустое место. И следа не осталось.

Но стояло УГРО. Нелепый одноэтажный домик, переделанный из каретного сарая. И окна были целы, и даже вымыты. И на крыльце стояло ржавое ведро с водой для окурков. И возле ведра покуривал человек в заношенной форме без погон. Незнакомый, но какой-то очень свой. Невысокий, сероглазый, усаый. Улыбнулся и подмигнул Арине.

— Ле-е-е-е-е... — начал он, дернув головой

— Лейтенант? — попыталась закончить за него Арина.

— Ага. Ва-а-а-а-а... — опять дернулся сероглазый.

— Нет уж, товарищ лейтенант, дальше сам. Я твою фамилию не угадаю. Сероглазый достал из кармана пузатую фляжку и жадно отхлебнул.

— Лейтенант Васько, уголовный розыск, — сказал он, заикаясь уже куда меньше, только немного растягивая согласные в начале каждого слова. — Что у вас случилось, товарищ военврач?

Арина попыталась ответить, но дыхание перехватило. Что ему рассказать? Что у нее случилось за этот день? За последние пять лет? Рассказать, как разрушился мир — сначала в сорок первом, а потом еще раз, в солнечном апреле 46-го, но теперь — персонально для нее?

Арина судорожно достала из кармана портсигар, сунула в рот папиросу, попыталась прикурить — но колесико зажигалки ускользало из-под трясущегося пальца.

Васько поделился огнем, потом, немного подумав, протянул фляжку.

— Коньяк. Барахло, но помогает.

Арина отпила, и ее тут же стошнило желчью.

— Беременная что ли?

Арина энергично замотала головой. Васько улыбнулся:

— Вы когда последний раз ели?

Арина пожала плечами. В поезде? Да, наверное. Потом было не до того. Да и последние сутки в поезде слишком уж волновалась, предвкушая встречу с Левантией. То есть позавчера? Или раньше?

— Вы заходите, у меня тут чаек есть, картошка... Даже сала кусочек. Тетка прислала, — Васько подтолкнул Арину внутрь здания.

Арина шагнула в темноту коридора — и тут же наткнулась на что-то огромное, теплое и мягкое.

Оно схватило Арину за плечи, развернуло к свету, а потом энергично обняло и начало трясти.

— Аринка! Живая!

Арина чувствовала, что плачет, что ее куда-то ведут, что голова кружится нестерпимо, — но ничего не могла ни говорить, ни делать.

Ее усадили на разломанный диван с зеленой рваной обивкой, который был таким же старым

и ломаным и пять лет назад. Зубы Арины звякнули о кружку с водой, поднесенную к ее лицу. Она пила, захлебываясь, снова плакала, снова пила... Кажется, ее били по щекам, прикладывали к лицу мокрое холодное полотенце, трясли, что-то говорили. Она не помнила.

Наконец все прошло — она была спокойной, только безумно усталой.

— Яшенька! Яков Захарович! — слабо улыбнулась она в сторону огромного как медведь мужчины в золотых очках, — вы тут...

— Да куда я денусь? — отмахнулся Яков, а потом подошел и погладил Арину по голове. — Никуда я от вас не денусь, девонька.

И правда. Можно было бы представить себе Левантию без УГРО, но представить УГРО без Якова Захаровича было невозможно. Говорили, что он еще до Ариного рождения был известен любому бандиту Левантии как сыщик, способный определить преступника по волоску, ниточке, а то и по папиросному запаху, оставшемуся на месте преступления. Его уважали даже признанные тузы преступного мира. Рассказывали, что легендарный Ленка Королев здоровался

с ним на улице, снимая кепочку, а Маруська Бесфамильная перед расстрелом запечатлела у него на щеке поцелуй, смазав губы кислотой. Шрам был виден и по сию пору.

— Вы знаете эту дамочку? — Васько ошарашенно наблюдал за начальником.

— Эта дамочка — твои глаза и нос, а главное — мозги, — назидательно и торжественно произнес Яков Захарович, — позволь представить, — он покосился на Аринины погоны, — капитан милиции, эксперт-криминалист, Качинская Арина Павловна.

Васько присвистнул уважительно.

— А это, — Яков Захарович кивнул в сторону Васько, — следователь УГРО, Васьк Николай Олегович. До того — разведчик, до того — столичный житель.

Арина с Николаем пожали друг другу руки, при этом Николай ощутимо покраснел.

— Давай, Арин Пална, ты тут заполнишь, мол, прошу зачислить, все такое, я подпишу

— а завтра уже работать. У тебя жить-то есть где?

Про Якова Захаровича ходили два слуха: что он умеет читать мысли, и что ему невозможно соврать — язык сам правду выболтает. Арина слухам не верила, хотя в их правдивости не раз убеждалась.

Так что выдала все, как на духу. Про разрушенный дом, про кладбище...

Яков Захарович покачал головой неодобрительно, затем что-то забормотал в телефон. И все решилось — для Арины нашлось место в общежитии на другом конце города. Временное, ненадежное, на месяц максимум — но место. Яков Захарович долго извинялся, а Арина, успокоившаяся и поевшая, блаженно щурилась от мысли, что проведет ночь не на улице и не в переполненном вагоне, а на кровати, под крышей, может, даже с одеялом и подушкой.

Она заполняла солидную стопку анкет, курила и отхлебывала крепкий горячий чай.

— А кто-нибудь из наших... тут? — она не знала, как спросить. «Жив», «вернулся», «остался» — все эти слова не подходили, допускали неприятные толкования.

— Ты, да я, да мы с тобой. Остальные почти все новые. Завтра представлю. Хотя кое-кого ты знаешь. И ты это. Сейчас иди спать, а завтра не торопись сильно. Нужна ты, конечно, позарез, но лучше в себя приди. В баню сходи, что ли...

Арина хотела ответить, что она в полном порядке, но поняла, что баня и вправду не помешает.

Сортировка

«Сортировка — это не жестокость, это единственный способ быть полезными», — говорил Александр Зиновьевич еще в сорок первом. Память он имел цепкую, начитан был удивительно. Задашь любой вопрос — получишь ответ. Главное, вопрос придумать правильно, чтоб мощная библиотека в голове Александра Зиновьевича подкинула нужную страницу нужной книги.

Сортировка раненых была придумала задолго до Александра Зиновьевича, но, кажется, никто, кроме него, в тот страшный год не вспомнил этой системы, предложенной каким-то немецким гением.

Потом везде ввели другую систему, пироговскую, но Арина уже привыкла делить раненых на пять разных цветов. Конечно, делала, как велели, но думать-то никто не запрещает.

Сортировка-то что, штука очевидная — каждого поступившего определяют по цвету. Белый — не наш человек. К инфекционистам, к общим, а то и вовсе — назад в окопы, нечего ждать, что добрый доктор на вавочку подует.

Зеленый — подштопать малость и воюй себе, орел. Желтый — случай сложнее. Но за месяц оклемается. Красный — сделать все, чтоб не развалился по дороге, и в тыл. Там им займутся те, у кого есть электричество, лекарства, а главное — время и силы. И, наконец, черный. Черный — это развести руками, сказать «извините» — и идти дальше, к тем, кому еще можно помочь.

Был бы Александр Зиновьевич гением — набрасывался бы на «черных» коршуном, чтобы показать, чтобы доказать... Терял бы «желтых», «красных» и даже «зеленых». Зато о поставленных на ноги «черных» говорили бы все. Но он был трудягой, умницей — да, но не гением.

К сорок третьему, кажется, кто-то умный из командования сложил один и один, сравнил выживаемость у обласканных в газетах и осыпанных медалями светил медицины и у скромного 215-го хирургического. И сортировку ввели повсеместно.

Арина сама поначалу пыталась спорить с Александром Зиновьевичем. Страшно живому, дышащему и даже порой все осознающему человеку говорить: «Ты убит». Но потом признала — прав был Зиновьич, ох, как прав.

По дороге к общежитию Арина сортировала свои мысли. Про родителей — черная. Ничего не поделать. Забыть, двигаться дальше. Про разрушенное кладбище — белая. Не ее ведомство. Отдать тем, кто может. А вот про баню — вполне себе зеленая мысль. Надо действовать.

Общежитие оказалось даже не очень грязным, комната — не слишком шумной. Прямо дортуар из Бронте и Чарской: девять девушек лет на десять младше Арины. Одновременно переоделись, легли, уснули. Пара села к столу, под лампу: одна чинила чулки, другая — что-то читала.

Арина наслаждалась роскошной возможностью спать лежа и даже с постельным бельем. Уже почти заснула, и вдруг все, что она последние пять лет прятала в своей голове за дверь с черной пометкой — мертвое, непоправимое, то, что она приказала себе забыть, чтобы жить и двигаться дальше, — выломало эту дверь и заполнило Арину. Промозглый холод расплылся из груди по всему телу, превращая каждую кость в сосульку, разбивая тело

на тысячи ледяных кристаллов.

«Наверное, так чувствуешь, когда умираешь» — подумала Арина.

И вдруг все прекратилось. Она была холодной и мертвой. Одной во всей вселенной — без чувств, без мыслей, без возможности пошевелиться. Она хотела вскочить, закричать, но не могла. Не только тело, даже мозг не подчинялся — кажется, не видел смысла отдавать телу какие-то команды. Арина поняла: так будет всегда, вечность. Это и значит быть мертвой. Наверное, к этому привыкаешь — когда плоть безболезненно отгнивает — и остается только душа, бессильная и бессмысленная.

И душа эта была абсолютно спокойна. Не хорошо, по-живому, спокойна, а абсолютно пуста.

Пустота звенела, как тишина после разрыва снаряда.

Через вечность все постепенно вернулось: свет настольной лампы, звуки дыхания соседок по комнате, возможность двигаться. Но все это казалось непрочным, тонким фантиком, отделяющим Арину от бездны. «А я ведь мертва», — осознала внезапно Арина. И уснула.

А утром пошла в баню.

Возле бани раскинулся маленький рыночек. Конечно, не чета Центральному — визитной карточке Левантии, но Арина ходила вдоль торговых, сидящих под банной стеной, как по картинной галерее.

Странно было примерять на себя, что любую вещь можно купить. И банку консервов, и мочалку, и мыло с запахом сирени, и даже зеленое шерстяное платье с вышитыми цветами.

Последнее показалось Арине уж совсем нелепостью. Неужели кто-то будет носить сейчас такое яркое, такое мягкое, такое... За платье торговка взяла не так много — как за две банки консервов. Предлагала еще туфельки и сумочку — лаковую, махонькую, но Арина отказалась.

Главное — не думать, откуда у немолодой толстухи это нежное девичье платье. И туфли к нему. Кто их носил раньше. И почему перестал. Арина фыркнула. Пять лет она носила, что дали — и с чужого плеча, и с залатанными дырками слишком уж понятной формы. Но тут — нет. Не хотелось брать в эту новую жизнь ничего из той.

Яростно натирая себя мочалкой, Арина с удивлением разглядывала свое тело. И не чувствовала его своим. Чьи-то ноги, руки, грудь... Незнакомые, неприятные, с волосками, порами, шрамами... Какое-то огромное, слишком просторное для маленькой Арины.

Пять лет никакого тела у Арины не было. Было что-то типа машины, которая реагировала на Аринины команды, а иногда справлялась и без команд, позволяя Арине уйти в полусон. «Пыль-пыль-пыль-пыль».

И платье на это тело было странно натягивать. Как будто пытаешься завернуть танк в тонкую занавесочку. Нет, оно нигде не жало, не морщило — сидело прекрасно, но странно было видеть эту умную, но все-таки машину в таком эфемерном чехле.

И движения выходили неловкими. Было страшно вытянуть руку, сделать шаг — чтоб не память и не порвать эту красоту.

Еле дошла до работы.

Но Яков Захарович платье одобрил, Васько покраснел, так что оно того, может, стоило. — Арина Павловна! Какая вы стали старая и лысая!

В дверном проеме стоял юноша лет восемнадцати и всю пялился на Арину.

Мягкие локоны цвета меди обрамляли лицо церковного херувима с раскосыми

невинными зелеными глазами, в которых, впрочем, плясали золотые чертики. Щеки и нос красавчика украшали темные крупные веснушки, а самая большая из них, отдающая аж в синеву, примостилась на кончике носа.

— Ангел!

— Никак нет! Оперативный сотрудник Иосиф Ли! — а потом добавил как-то по-детски: — Я уже два месяца тут работаю...

— Значит так, Иосиф Ли. Скажи мне, как давний работник милиции: хорошо ли обзывать старшего по званию старой и лысой? Это во-первых, а во-вторых, иди сюда, Ангел, обнимать буду. А ты будешь терпеть, воспринимая объятия старой лысой женщины как тяготы милицейской службы. Понял?

— Ага! — разулыбался Ангел. И они наконец обнялись.

Арина помнила Ангела тоненьким подростком, прекрасным девичьей красотой. С вечным скрипичным футляром под мышкой, он казался действительно маленьким ангелом. Только вот список проступков этого ангела был длиннее его самого. Его музыкальные пальцы побывали в карманах и сумочках чуть ли не половины жителей города.

В наставниках у него ходил сам Марк Аркадьевич Тинкельман, более известный как Мичман. Он сам и сдал Ангела УГРО, как только запахло жареным. Жорка Гавриленко жаждал крови (сам Мичман из рук вырвался), обещал Ангелу все ужасы от расстрела на месте до вечной жизни на рудниках, но получил по шапке от Якова Захаровича.

Тот взял Ангела на поруки, и все УГРО воспитывало Ангела, как Ваню Солнцева и новомодной детской книжки. В общем, спасли негодя от воровской доли.

Арина никак не могла понять, как мальчишка, которому она только что выправляла ошибки в школьных тетрадях, превратился вдруг в молодого мужчину. Это же получается, ему сейчас почти столько же, сколько было Жорке Гавриленке тогда. Теперь мальчишка вырос, а Жорка... Эх.

А сама она, выходит... Ага, старая и лысая. И в глупом платице с цветочками. Но погрузиться в раздумья ей не дали.

Призраки прошлых лет

— Братцы, в катафалке дообнимаетесь, — раздался голос Якова Захаровича, — у нас труп на Гоголя. Вот вместе и поедете.

Ангел — все-таки еще мальчишка — аж подпрыгнул от радости.

— Сейчас мы быстренько!

А потом немного смутился и попросил робко:

— Арин Пална, а можно к особистам вы пойдете?

— Боишься их?

— Почему боюсь? — вскинулся Ангел, но тут же опять стушевался. — Они такие... все из себя Особые...

«Стесняется», — улыбнулась про себя Арина.

— Сходи-сходи, поздоровайся с давней подружкой своей, — усмехнулся Яков Захарович. Пришел черед Арины подпрыгнуть.

— Маринка тут? Что ж вы не сказали?

Яков Захарович опустил голову.

— Нет. Лика. Почти год назад вернулась. Знатно ее... помотало. Теперь всем отделом руководит. Остальные все новые.

Арина стремглав бросилась в Особый отдел. Васько с Ангелом за ее спиной переглянулись — особисты держались в стороне и таких восторгов обычно не вызывали.

— Как проходит свадьба жида с лягушкой? — светским тоном поинтересовалась Арина, заглядывая к особистам.

Лика, она же Особая пятого воздушного ранга Леокадия Викентьевна Поволоцкая очень гордилась тем, что стихотворение Пушкина «Гусар» было написано про ее родную прапрабабушку.

— Отлично проходит, Арин. Ты как, в гости или по делу?

Лика, сумасшедшая и прекрасная Лика, которая в одиночку брала колдуна чуть ли не одиннадцатого ранга, которая могла влететь верхом на венике в бандитскую малину прямо через окно, которая могла предсказать точный маршрут любого уголовника, просто кинув на стол горсть бобов... Ох, которая много что и много всего. Но сейчас она сидела, уткнувшись невидящим взглядом в угол своего стола.

— Устала я, Арин, смертельно что-то устала. И ты устанешь. После огнестрельного в голову.

— Что? — Арина уже привыкла, что иногда Лика говорит странное.

Как-то в ответ на приветствие Чуприна ответила: «Это только первая из двадцати. Остальные позже прилетят», — и в тот день Чуприн схлопотал первую пулю.

Некоторые особые могли предвидеть будущее, но всегда так туманно, что опытные люди и не старались вдуматься в их предсказания — все равно ничего не поймешь, только зря растревожишься.

— Устану — так отдохну. А у нас труп на Гоголя. Кто от вас?

— Вон тех двоих бери, — Лика кивнула головой в сторону окна.

На подоконнике, сидя между распахнутых настежь створок (а день был хоть весенний, но отнюдь не жаркий), примостились двое. Один, невысокий, был одет в костюм-тройку, белую рубашку и даже клетчатый галстук-бабочку. Внешне он напоминал карикатуру на

Шаляпина: зачесанные назад волосы, вдохновенно вздернутый нос, прозрачные глаза устремлены куда-то вдаль. В одной руке папироса, в другой — пижонская тросточка со стеклянным шаром на конце.

В голове у Арины тут же пронеслось:

Впиваясь взором в даль, скрестивши руки, Пророчил гибель темный дух морей,
И звездный блеск в просветах черных рейНе отгонял его извечной скуки.

Мальчик в черной форме школы для особо одаренных стоял на сцене и читал стихи. Девочки из Ариной школы тихо хихикали в задних рядах. Мальчик же был серьезен — он упоенно вслушивался в звуки своего голоса, завораживая сам себя.

— А этот стишок не ты написал. Мне его папа читал, еще до школы! — голос пятиклассницы Качинской прозвенел на весь зал.

Арина помнила, как щипало у нее тогда в носу, как хотелось разреветься от жуткой несправедливости. Папа читал ей это стихотворение каждый раз перед сном. А этот мальчишка... Как если бы он отнял у Арины папу, его поцелуй на ночь, его шепот: «Хороших снов, деточка».

Арина долго потом вынашивала сладкую мысль избить наглого плагиатора, но школьная присказка «тронешь одаренного — заболеешь» была сильнее.

Арина-взрослая усмехнулась. День внезапных встреч.

Хорошо, второй собеседник был абсолютно незнаком. Но выглядел не хуже подросткового одаренного.

Высокий, широкоплечий, но при этом гибкий, он походил на героев плакатов, прославляющих советскую милицию. Или даже на рисунок в детской книжке. Уж слишком идеально он выглядел.

И форма с белой не по сезону гимнастеркой сидела на нем идеально, без намека на складочку, и сапоги блестели, как лакированные, и каждая пуговичка, каждый ремешок были на своем идеальном месте и в идеальном порядке.

Но вот голову этому милиционеру с картинки явно приставили от кого-то другого.

Лицом он напоминал породистого коня с большими, конскими же, белыми зубами. В левом ухе носил здоровую золотую серьгу, а волосы длиной чуть ли не до пояса забраны у него были в тугий хвост, что сходство с конем только усиливало.

— А вы, девушка, нашим новым экспертом будете? — высокомерно произнес похожий на коня, смерив Арину взглядом с ног до головы. Ударение в слове «эксперт» он подчеркнуто сделал на первую букву.

— Новый — это ваш, который вместо Марины Комаровой, а я тут с сорокового. С перерывом на войну, уж извините.

Эти два пижона откровенно раздражали Арину. Не сотрудники милиции, а какие-то актеры из оперетки. Еще и сидят перед стоящей Ариной.

— В общем, на Гоголя труп нашли, от вашего отдела — следователь и эксперт.

Арина выделила ударение в слове «эксперт» — на последний слог, как положено. И вышла, даже не обернувшись.

Кажется, кто-то из двоих пижонов уважительно промычал ей вслед.

На крыльце уже курил Ангел.

— Катафалк только через десять минут придет, так что закуривайте, Арин Пална.

Арина послушно закурила. Но возмущение все еще кипело в ней. Еще и этот. Сколько

сил угробили, чтобы вырастить из него приличного человека, и рос же золотой мальчик — а тут вот курит, еще и «катафалк» какой-то. Шуточки идиотские.

Ангел не замечал настроения Арины.

— Ну как, договорились с особистами? Или тоже забоялись?

— А чего мне их бояться? Люди как люди...

— Так колдуны же!

— И что? Просто талант такой. Вон, у тебя слух абсолютный, тебя Борис Ефимович хвалил, когда ты его уроки не прогуливал, — так что, тебя тоже бояться прикажешь?

— И все равно они дурацкие какие-то. Как из театра сбежали. А уж ва-а-а-ажные.

Арина усмехнулась — Ангел почти в точности повторил ее мысли. Она уже хотела рассказать историю о краденном стихотворении, но тут на крыльце появились пижоны.

— Руководитель группы, следователь Особого отдела Цыбин. Мануил Соломонович, — представился плагиатор. — А это, — он кивнул на лошадиноголового, — Шорин, Давыд Янович. Экспе-е-е-е-е-ерт Особого отдела. А вы?

Арина и Ангел представились.

— Ну, поедем драться за труп, — примирительно улыбнулся Цыбин.

Арина улыбнулась в ответ. Хоть что-то в этом новом мире осталось прежним. Первый выезд на место имеет цель выяснить, есть ли в деле особый след. В принципе, для этого достаточно одного эксперта-особиста, этого их Шорина. Но ведь пока будут след искать — затопчут все, что можно. Так что «первоначальный осмотр трупа производится экспертом-криминалистом при участии оперативного сотрудника, ординарного эксперта и двух понятых. По окончании осмотра те же действия производятся экспертом и следователем особого отдела».

Арина немного удивилась. Столько всего она успела забыть за пять лет, а вот эти казенные формулировки засели в голове намертво. Только что пользы от инструкций, если и криминалист, и судмед, и черт в ступе — это все одна Арина и есть. Так что двое своих, двое особистов и двое понятых. Гармония.

Огромный черный автомобиль, почти автобус, с фиолетовыми бархатными шторами на окошках прервал мысли Арины.

— Это что? — прошептала она Ангелу.

— Да катафалк же. А, так вы не знаете! У нас транспорта своего теперь нет. Яков Захарович пытался что-то выбить — но ему сказали «проявляйте экономию и личную скромность», проще говоря, нафиг послали. Ну вы же знаете Якова Захаровича! Он быстрсмекнул: талоны-то на бензин нам все равно выдают. Вот и договорился с Тазиком Боярским, директором Южного кладбища: мы ему талоны, а он нам — транспорт. И Вазика Архипова в придачу.

— Лихо, — одобрила Арина.

Внутри катафалка оказалось вполне неплохо: просторно, тепло. Шорин тут же, ни у кого не спросив, расстегнул ворот гимнастерки. Они с Цыбиным сели справа, Арина с Ангелом — слева. В середине, где на похоронах положено быть гробу, оставалось пустое пространство.

— А хорошо сидим! Прямо картинка рисуется: безутешная вдова с несчастным сироткой слева, а беспутные друзья, доведшие покойного до могилы, — справа, — раздался веселый голос Цыбина.

Но шутку никто не поддержал. Арине не хотелось разговаривать вообще, Ангел робел, а

Шорин, похоже, считал ниже своего достоинства общаться с кем попало.

— Ну, граждане! Вы реально как на похороны едете! Скучно с вами, право слово!

— Если вам хочется поговорить, почитайте нам стихи. Для разнообразия — свои, —

Арина не упустила случая брызнуть ядом в противного Цыбина.

Тот внимательно посмотрел ей в лицо — и просиял.

— Давыд, братец! Помнишь, я тебе рассказывал про девчонку, которая писала на заборе «смерть одуренным» и следила за мной, как Шерлок Холмс? Кажется, я встретил ее после стольких лет разлуки!

— Сочувствую, — отрезал Шорин и отвернулся к окну. Дальше ехали в тишине.

Дворик выглядел идиллически. Липы с яркими весенними листьями, розовые, праздничного вида подштанники на бельевой веревке. Даже небольшой фонтан был в центре этого двора.

Конечно, сухой, заваленный прошлогодней листвой, но весьма изящный.

Но обнаруживший труп участковый повел их не к фонтану, а вглубь двора, где в узкой щели между забором и задними стенками нужника и дровяного сарая примостился труп.

— Мальчишки нашли. Никто в этот уголок не залазит, они на крыше сарая играли.

Арина жестом попросила коллег немного отойти — и встала на колени, склонившись над трупом.

— Ангел, дорогой! Тебе как — подробно и по пунктам, или потом напишу, а сейчас — кратенько, только выводы?

— Давайте кратенько, вы умная, я вам верю.

— Не пугайся в показаниях. Я старая и лысая. У нас имеется мужчина, около пятидесяти, рост сто семьдесят, худощавый... В общем, если не видишь — считаешь.

— Вы обещали интересное, а не что я сам вижу.

— Прекрасно. Тогда дай старой лысой тете насладиться зрелищем. Значит, лежит он тут дня три — не меньше. Почему я так думаю — объяснять надо?

— Я прочитаю...

— Но при этом — ни одна муха не отложила яйца ни в глаза, ни в рот, ни куда еще. Отнесем это к странному и нетипичному.

— Угу. Любопытно.

Ангела заметно передернуло.

— Так, а вот теперь — совсем интересное. Если судить по цвету кожи, наш товарищ давно и сильно болел гепатитом, то есть воспалением печени. Но при этом белки глаз у него не желто-коричневатые, как должны были бы быть, а даже наоборот — в голубизну, как у очень здорового человека. Отчего помер — узнаем в морге.

Одет вполне опрятно, пятки чистые, то есть был в обуви. Сняли после смерти. Судя по штанам — это были сапоги, в которые он те штаны заправлял.

— Карманы посмотрите?

— Легко! Только вряд ли вор сапоги забрал, а бумажником побрезговал. А нет, смотри-ка, что-то нашлось. Билет в оперу. Пятый ряд, восьмое место. Неплохо. Черт! Ангел, какое сегодня число?

— Десятое, Арин Пална.

— Точно?

— Да десятое, десятое, давайте уже быстрее! — нетерпеливо зашипел Шорин из-за

спины Ангела.

— Тогда чертовщина совсем уж полная. Потому что билет на девятое, то есть на вчерашний вечер. И корешок оторван.

— То есть помер непонятно от чего, полежал пару деньков, заскучал, сходил в оперу — и на место лег? Как раз тут до оперы — два двора пройти.

— Примерно так и было, судя по всему. Ах, да. Аккуратненько забрался в эту щель, чтоб на проходе не валяться, людям не мешать. Какой молодец!

— А действительно, как он сюда попал?

— Судя вон по той нитке на заборе, его перекинули. Но довольно аккуратненько. Арина встала и сделала приглашающий жест.

Ее место занял Шорин. Он не стал ползать на коленях, просто присел не без изящества.

И вдруг стал бледен и сосредоточен.

— Моня, пять шагов назад. Фонишь! — хрипло огрызнулся он за спину. Цыбин послушно отошел.

Ангел тоже предпочел отойти, но в другой угол двора. Поманил за собой Арину, предложил папиросу.

— А эти, Особые, они что, так всегда и работают? Постоял, руками помахал — и готово дело?

— Ага. А ты чего хотел?

— Ну вот как вы, каждый волосок, на коленках...

Арина перевела взгляд на свои колени, стыдливо стала стряхивать налипшую пыль.

— Другая специфика. У них следы не на земле, глазами и руками не найдешь...

— А вы уверены? Может, вообще ничего такого нет? А эти клоуны просто каждый раз помашут руками, скажут «ничего нет» — и уходят? А оклад и паек у них, между прочим, побольше нашего. Вот брошу все — пойду в такие «эксперты», я могу руками красиво махать.

Арина улыбнулась. Ей бы очень хотелось, чтобы все было так, как говорит Ангел. Чтобы никогда не видеть особых ранений, когда тело становится похоже на оконное стекло, в которое кинули камень: круглое черное отверстие — и отходящие от него зигзагами глубокие лучи, сочащиеся кровью. Чтобы уже после войны не видеть пленников концлагеря, высосанных до капли Смертными фашистов. Чтобы... Но особая сила — вот она. Редкая, непознаваемая, но основательно портящая жизнь.

— Вот сейчас посмотришь, когда он скажет «есть». Дальше будет зрелище — ни в одном цирке не увидишь.

В этот момент Шорин открыл глаза.

— Все чисто! Следа нет!

— Вы уверены? — Арина попыталась еще раз хоть как-то состыковать детали. — Ну посмотрите просто глазами. Несвежий труп со свежим билетом, но без единой личинки. Либо ваш человек, либо совсем уж чертовщина какая-то.

— Я никогда не ошибаюсь. Возможно, вы что-то напутали.

— Мне бы вашу самоуверенность. Но я все-таки проверю себя в морге. Я, бывает, ошибаюсь. Например, когда решила обратиться к вам. Но в данном случае — я уверена, ошибки нет. Если у вас есть иное объяснение...

— Ах, простите, забыл, что вы здесь аж с сорокового! С перерывом. А вот я, знаете ли, уже с тридцать первого года имею специальность «обнаружение и уничтожение

специальных сил противника».

Арина, признаться, была впечатлена. Слухи об Особых, у которых такая профессия стоит в военном билете, долетали до нее не раз и не два, а вот видеть эту элиту особых войск не приходилось. Москва, Сталинград, Курск, почти бескровное освобождение Одессы, Ленинград, да даже самоубийство Гитлера — все это приписывали «обнаружистам». Даже особые говорили о таких с уважением. Впрочем, мало ли кто что говорит. Один мордастеный лейтенантик, помнится, бредил и о боевых оборотнях, и о воюющих домовых, и даже о ком-то типа лесных эльфов в штрафных батальонах. Но если Шорин не врал, то да, это было сильно.

Но если бы этот противный Шорин похвастался по-человечески, нос свой длинный задрал гордо — она бы даже восхитилась вслух. А он так холодно... Как будто заодно и Арину в стан противника записал.

— Я что-то не понял, дуэль будет или нет? — Цыбин подошел с ехидной улыбкой.

— Если бы передо мной стоял мужчина, была бы, — ответил Шорин, оскалившись.

— Если бы передо мной стоял мужчина, то и разговора бы не было, — в тон ему бросила Арина — и направилась к арке двора.

— Ты как хочешь, Ангел, а я пешком вернусь, можешь составить компанию. Заодно в оперу заглянем, вдруг там кто помнит, было ли занято восьмое место пятого ряда. Разрешите идти, товарищ Цыбин?

— Да идите вы уже все... В смысле да, разрешаю. Труп мы вам доставим.

Шляпка, салат и скандал

— Я что, действительно старая и лысая? — спросила Арина у почти бегущего рядом Ангела.

— Ну, раньше вы были...

Ангел покрутил руками вокруг головы, изображая длинные волосы. Да, косы у Арины были великолепные. Толстые, длинные, с платиновым отливом. Мама говорила, такой цвет называется «пепельный блондин». Даже взрослой уже Арине мама иногда помогала справиться с мытьем этого великолепия. Ополаскивала из ковшика травяным настоем, причесывала, заплетала.

Арина досадливо сплюнула. Ведь запретила себе думать о том, что было до. Новая жизнь. Точка.

— А хотите, я вам шляпку подгоню? По последней моде — как у фокусника в цирке!

— Цилиндр, что ли?

— Не, такая... — Ангел опять начал махать руками вокруг головы. На этот раз он изображал пальцами чалму, — Я своей Наташе подарить хотел, но она не взяла.

— Сказала, что старушечья?

— Не, вы что! Последний писк! Сказала, что я заслужить еще должен, чтоб она у меня подарки брала.

— Строгая она у тебя!

— Жуть!

Арина снова удивилась тому, как летит время. У Ангела есть любимая девушка! И впрямь вырос мальчик.

В опере им повезло. Пожилая билетерша обладала исключительной памятью. К сожалению, к ней прилагалась и такая же исключительная болтливость.

Ангел откровенно зевал, выслушивая всю более чем столетнюю историю театра, начиная от визита императрицы Елизаветы, жены Александра Первого, в честь которой театр назвали.

Конечно, были упомянуты все звезды и примы, все хористки — любовницы сильных мира сего.

Блистательная Неронова, великолепная Гескина, гениальный Кощевский и сладкоголосый Казенас — фамилии, подробности и даже фрагменты из арий сыпались из билетерши, как горох из мешка.

«Ах, но вам, должно быть, интересно другое», — прервала себя билетерша, перейдя уже к новым временам, концертной бригаде под руководством самого Буркини (конечно, младшего) и успеху «Евгения Онегина» на сцене Омского театра в эвакуации.

Ангел возликовал. Но рано.

Так же обстоятельно билетерша стала описывать всех преступников Левантии, имевших хоть какое-то отношение к опере.

Арина улыбнулась. Большую часть этих историй ей, да и Ангелу, рассказывал Яков Захарович. И про Соньку Багдасарову, работавшую на Деркачей — и виртуозно заменявшую драгоценности дам на подделки. И про Артема Корсуна, стрелявшего в царскую ложу как раз в момент выстрела Онегина — и попавшего в городского голову. И даже про Маруську Бесфамильную, тихое и скромное второе сопрано хора, знаменитую скупщицу краденого, а

позже — организаторшу дерзких налетов.

Ангел пытался вставить слово, но тщетно. Арина же откровенно наслаждалась историями. Наконец собирательница старины утомилась — и прекратила свой бесконечный рассказ.

— Надеюсь, я рассказала все, что вы хотели услышать. Но если есть вопросы...

Ангел встрепенулся и наконец-то начал действовать.

Память на свежие события у билетерши оказалась не хуже, чем на старые байки. Уже через пару минут она вдохновенно описывала «элегантного господина» с восьмого места. Удача — после спектакля он вынес на сцену цветы («ужасные манеры, цветы надо передавать только через капельдинера»), причем вручил их не примадонне, а какой-то юной девушке на вторых ролях.

Описание товарища было точнейшим и совпадало в мельчайших деталях с тем, что видели Арина с Ангелом на Гоголя. За одним мелким исключением: описываемый билетершей человек был жив и каких-то признаков нездоровья, тем более трупного разложения не имел.

— Арин Палн, у вас какие-нибудь мысли есть? — избавившись от словоохотливой билетерши, Ангел шел с ошалелым лицом.

— Так, Ангел, мысли у меня кончились, начались фантазии, — Арина остановилась на мосту за театром и закурила. — Кто-то ошибается. Допустим, я. Труп свежайший, но... Не знаю. Его охладили, потом нагрели, потом подержали в болоте... Потом... Нет, все-таки бред. Теперь твоя очередь сказки рассказывать.

— Ну, допустим, ошибся Шорин...

— Исключено! Ты же сам слышал — он никогда не ошибается! — Арина скорчила крайне ироничную мину.

— Это точно, — совершенно серьезно ответил Ангел, — никогда. Он дракон.

Арина аж присела. Она всегда считала драконов выдумкой, сказкой. У Особых четыре стихии: Огонь, Вода, Воздух и Земля. Есть еще Смертные, но это совсем другая песня. А каждой стихии — по двенадцать рангов. Первый ранг — почти не Особые. От обычных людей, или Ординарных, как они это называют, отличаются мало. Могут зуб зашептать (Аринин отец, стоматолог, очень это не одобрял), вшей прогнать или там сказать, выйдет ли девушка в этом году замуж. Чем выше ранг — тем выше способности. Двенадцатые — почти боги, способные, в зависимости от стихии, поворачивать реки вспять, сдвигать горы, запускать пневмопочту из

Ленинграда в Омск, да что угодно могут.

И только у Огня есть Тринадцатые. Огненные Особые невозможной, какой-то нереальной силы, способные изменить ход сражения, остановить целую армию, сдвинуть линию фронта на десятки километров чуть ли не одним взмахом руки. Или что там у них? Крылья? Лапы?

Таких, по слухам, было не больше сотни на весь мир. Может, меньше. Конечно, лучшее место для дракона — особый отдел УГРО провинциальной Левантии.

— Осенька, котик, ты же пошутил?

— Не-а. Реально, дракон. Лика говорит — и документы видела, и сама чувствует.

— Чушь какая-то. Кто к нам дракона-то отправит? И зачем?

— Лика говорит, его этот Цыбин привел. Служили вместе... Так что же у нас

получается?

— Ничего тогда не получается. Даже если эта тетка из оперы врет, это ничего не объясняет. В общем, я еще посмотрю, если найду что интересное — скажу.

— Вы не могли бы прекратить петь? — нервно вскинулся Шорин.

— Я не пою, вам кажется.

— Мне никогда не кажется. Вы все время поете про Африку.

— Как интересно! Не знаю ни одной песни про Африку.

Арина гневно отвернулась и снова углубилась в работу.

— Ну вот опять: «Пыль-пыль-пыль-пыль от шагающих сапог». Если уж поете про свою Африку, делайте это хотя бы чуть мелодичнее.

— А ведь точно — это же про Африку. Киплинг, кажется...

— Возможно. «Отпуска нет на войне».

— А я запомнила — «Нет сражений на войне». В книге, кажется, так было.

— Мы читали разные книги. Но если вы можете не петь...

— Я постараюсь. Извините.

Арина подумала, что ведь Шорин прав — и в стихотворении была горячая африканская пыль. Но в голове у Арины эта пыль была обжигающе-холодной, песок пополам со льдом, и острой как битое стекло.

— Надеюсь, вы звали меня не концерт ваш слушать.

— Несомненно. Вот, посмотрите сюда.

Перед Ариной стояла маленькая фарфоровая плошка с углублениями, похожая на палитру. В одной из лунок этой палитры виднелась кучка чего-то, напоминающего пепел.

— И что я должен увидеть?

— Кровь нашего совсем-совсем чистого, по вашим словам, трупа.

— Да объясните же, невыносимый вы человек!

— Лучше один раз увидеть... Можно взять у вас немного крови?

— Вы только этим и занимаетесь, что кровь мне портите, — сказал раздраженно Шорин, протягивая руку.

Арина ловко проколола ему палец и выщедила каплю крови в углубление блюда. В соседнее углубление точно так же капнула свою.

— Перед нами две капли крови, одна взята от человека с обычным особым показателем, другая — от Особого. Добавляем реактив, — в руках у нее появилась пипетка с чем-то желтым внутри.

Шорин наблюдал, задумчиво посасывая проколотый палец.

— Вот, видите — моя кровь не дает никакой реакции. А вот ваша...

Как только реактив капнул в лунку, кровь в ней мгновенно высохла, превратившись в бурый порошок.

— У водяных красивее — еще и синее, а вот у воздушных становится абсолютно прозрачной.

— Красивый фокус. Видел его лет тридцать назад. Но как он связан с тем, что вы требуете от меня извинений?

— Вот это, — Арина показала пипеткой на первую лунку, — типичная реакция крови земляного. У меня нет возможности сейчас посчитать ранг, но не меньше тройки. Чисто по скорости.

— Так. Где он?

Арина отвела.

Шорин долго стоял с закрытыми глазами, положив руки на грудь трупа.

— Не понимаю. Ничего. Скажите, а у вас тут есть кто-нибудь Особый?

— Ну вот вы.

— Понимаете, я никогда не имел дела... Точнее, мне никогда не приходило в голову...

Шорин замялся.

— Вы не представляете фон покойного Особого.

— Вот.

Арина провела Шорина в угол.

— Бабка-шептунья. Единичка или Двойка. Извините, не свежа.

Шорин протянул руки к бабке.

— Ну да. Вот. Есть. Вижу. Воздушная. Единичка. А тот... Сами посмотрите. Черт, вы же не чувствуете.

— Я вам верю. Ладно. Делать выводы — не наше дело. Давайте опишем, как есть, а дальше пусть Цыбин с Ангелом дерутся, чья это история. Жаль, Смертного у нас нет. Быстр бы рассказал, что да как.

Шорина заметно передернуло. Он, как и все Особые, не любил Смертных. Арина не знала, в чем причина такой нелюбви, — вроде бы, тоже вид особых способностей...

— Никогда не слышал, чтобы Смертные работали на уголовный розыск!

— Да вы что!

Арина вспомнила, как еще в сороковом, на дне рождения их Смертного, милого и забавного Мити Куницына, Яков Захарович встал и начал рассказывать.

Сразу после Революции работал в левантийском уголовном сыске легендарный Смертный — Антон Олефир. И был у него лучший друг, не менее легендарный сыщик Борис Исакович. Ученик Якова Захаровича, между прочим. В общем, дружили они, пока однажды Исаковича не убили.

Антон, конечно, погоревал часа два, а потом... В общем, Исакович сам свое убийство расследовал, сам убийца взял и сюда привел. Причем не шушеру какую-нибудь. Исакович многим бандитам кровь попортил, так что ради его убийства объединились, вы не поверите, но Курлянд, который Виленский Волкодав, вы тем более не поверите, но Гоцман, который Голубятник, и даже Вовочка Машков, артист больших и малых налетов, которого мы до того год пасли. И все трое под его диктовку явку с повинной написали.

Он их до камеры проводил, потом поцеловал вдову, обнял напоследок друга — и отправился пешком на кладбище, чтобы ценный лошадиный ресурс на себя не расходовать!

— Вот какие люди были в наше время! — подытожил рассказ Яков Захарович.

— А доказательную базу собрал, прежде чем на кладбище идти? — Арина откинулась на спинку стула, хитро посмотрев на Якова.

— Нудная ты, Аришка, за что и люблю, — сказал тогда Митя — и поцеловал ее в щеку. Арина пересказала историю Шорину, разумеется, умолчав про поцелуй.

— Да, хорошо бы нам Смертного, — вздохнул Шорин.

— Товарищ Сталин лично сказал, что пока не будет допрошен и похоронен последний убитый солдат, война не закончена, а значит, Смертные демобилизованы не будут. Так что привыкайте — Смертного мы получим лет через пятьдесят.

— За неимением гербовой...

— А кстати, скажите, товарищ Шорин, ваш след можно затереть? Ну вот отпечаток, —

она прижала палец к обитому жестью столу, — а вот его и нет, — она дыхла на поверхность и протерла рукавом. — По вашему ведомству так можно?

— Сегодня днем я бы сказал «нет». Но сейчас... Черт его знает, товарищ Качинская, черт его знает.

Шорин вышел, тихий и задумчивый. Арина еще некоторое время посидела над трупом, переписывая в блокнотик все его странности, необычности и мелкие детали, пытаясь найти под ногтями, во рту или в уголках глаз хоть какую-то зацепку к разгадке.

Безуспешно. Впрочем, как она сама сказала, делать выводы — не ее прерогатива. Ее задача — замечать, описывать и поставлять материал для размышлений.

Арина вышла из морга, закурила и попыталась справиться с сумятицей в голове. Какая-то книжка из папиной библиотеки советовала для этого оглядеться вокруг и описать то, что видишь перед собой.

Она стояла посреди хозяйственного двора усадьбы Оболяниновых. Сам главный особняк был повернут к ним глухой стеной, и войти туда можно было только со Старолитейной площади, обогнув квартал. В этом помпезном здании с мраморными лестницами и огромными окнами располагалась местная госбезопасность. Вроде бы коллеги, товарищи, но всегда с некоторым презрением смотревшие на обитателей каретного сарая. Те, в свою очередь, называли МГБ не иначе как «барским домом», а сидевших там людей почитали за бездельников.

Здание, из которого вышла Арина, служило когда-то прачечной. Его так и называли, мол, «отвезли тело в прачечную», или «там тебе стирки подвезли».

За углом — дровяной сарай, ради разнообразия, используемый по назначению. И уборная — постройка нового времени. Остальные постройки усадьбы не пережили бурной левантийской жизни.

От крыльца к Арине шел Васько:

— Простите, вы комсомолка? — спросил он, почти не растягивая согласные. Видать, фляжка его успела почти опустеть.

— Выбыла по возрасту.

— Никогда бы не поверил!

— Николай Олегович, вам интересен мой возраст или партийная принадлежность? — Арина поправила очки и сурово посмотрела на Васько, отчего он покраснел, — если что, я с 14-го,

в партии — с 42-го. Устраивает?

— Устраивает. Сегодня в пять собрание.

— Вы председатель?

Арина представила заикающегося Васько в процессе длинной речи — и поняла, что эта оперетка может и до полуночи затянуться.

— Не, я по комсомольской линии. У нас отдельно. А у вас там Клим Петрович — серьезный человек!

— Ну, если серьезный — надо идти.

— Сказали, явка для всех обязательна.

Арина кивнула и поспешила внутрь каретного сарая — до пяти можно было успеть написать часть отчета. А он обещал быть длинным.

Оглашенные, изыдите

Когда Арина вспомнила о собрании и смогла оторваться от бумаг, надежды занять хорошее место в зале уже не было. Все места у стеночки, где можно тихо прикорнуть, пока парторг разоряется, привстав за столом с зеленой бархатной скатертью, были заняты. Заполнены были и задние ряды.

Арина еще раз тоскливо оглядела зал. В углу, в самом удобном месте, уже спал Шорин, разве что не похрапывая. Рядом сидел Цыбин, углубившись в какие-то бумаги. А вот соседний стул пустовал. Арина, поймав взгляд Цыбина, спросила жестом, можно ли, и он дружелюбно похлопал по сиденью.

Арина прошла мимо сидящих.

— Видно заядлую театралку, — ухмыльнулся Цыбин, — но после третьего звонка — все-таки спиной к залу, лицом к артистам.

— А что, уже звонили?

— Увертюра в разгаре. Тенор уже показался, но забыл взять повестку — так что убежал за кулисы, сейчас вернется.

Они с Ариной обменялись понимающими улыбками.

— Не хочу развеять очарование спектакля, но предлагаю партию в «морской бой», — промурлыкал Цыбин через пять минут, когда запыхавшийся Клим снова вошел на свое место и принялся пересказывать своими словами передовицу «Правды».

— Давайте, а то я уже читала либретто.

Цыбин протянул листочек, и они, как школьники, принялись расставлять кораблики на квадратном поле, загораживая их друг от друга ладошкой.

— А1, — торжественно произнес Цыбин.

— Обидеть хотите? Мимо, конечно. Д5.

— Ну, вы меня, смотрю, тоже не слишком уважаете, Арина... Павловна? Мимо. А давайте посмотрим, что на Д5 у вас.

— Море до горизонта. Мимо, Мануил Соломонович. А10.

— Если что, по паспорту — Мануэль. Я немного португалец. Но не придирчив, в отличие от, — он кивнул в сторону спящего Шорина. — Если хотите стать его врагом, обязательно назовите его Давидом, через «и». Он от этого бесится. А вы, кстати, попали.

— Обязательно воспользуюсь вашим советом, Мануэль Соломонович. А пока — А9.

— Мимо! Можно просто Моня. А обижать Шорина я не позволю никому. Вот тут серьезно. Я его Второй.

Арина посмотрела вопросительно.

— Если кратко — отвечаю за его жизнь, здоровье и душевное равновесие. Держу, так сказать, в боевой готовности и идеальном состоянии. Как механик при самолете или танке. Давайте попробуем В10.

— Ранили. Так скажите вашему Шорину, чтобы подстригся. Хорошо защищает от вшей и косых взглядов.

— Вши на драконах не живут. Проверено. То ли уважают, то ли брезгуют. А он не пострижется. Древняя драконья традиция. У него и отец шевелюру отращивал, и дед... Г10.

— Ранил. И серьги тоже от дедушки?

— Казацкий обычай. Означает единственного сына в семье. Типа нельзя посылать в

опасные места. Но бесполезно. Сам лезет, куда погорячее. Д10.

— Убили.

— Ура!

Цыбин прокричал это, кажется, слишком громко. Весь зал и Клим уставились на него.

— Вот товарищ согласен, — нашелся Клим, — подходите, подписывайтесь.

Моня встал, приложив руку к груди, как бы намекая на поклон, и пробираясь к столу Клима, шепнул Арине:

— На что я подписался?

— Сто пятьдесят процентов месячной зарплаты на облигации.

— Этот трехпалубник дорого мне стоил, — Цыбин печально развел руками и пошел к столу.

Пока Цыбин подписывал обязательство заема, Шорин во сне оттолкнулся от стены, попытался пристроиться на плечо Цыбина, но, не нащупав его, чуть не упал, и проснулся, и принялся ошалело оглядываться.

Арина приложила палец к губам.

— Что я пропустил? — спросил Шорин шепотом.

— Потопление трехпалубного корабля ценой в полторы зарплаты.

— Это еще надолго?

— Еще полчаса минимум. А потом — продолжение только для партийных. Вы как?

— Сочувствующий.

— Тогда вам не грозит. Как раз успеете отчет доделать.

— Какой отчет?

— О сегодняшнем трупе. Даже завидую — у вас там почти без писанины в этот раз.

— У него всегда без писанины, — прошептал вернувшийся Цыбин. — Честно говоря, ваш коллега — не большой мастер словесности.

— Хоть грамотный?

— Ну... Школу закончил. А дальше все — приравнял перо к штыку и выбрал второй.

— То есть вы за своего протеже еще и всю документацию оформляете?

— Блестящая догадка, Холмс!

— Между прочим, Моня, — обиженно пробурчал Шорин, — твоя неприязнь к военным не помешала тебе дослужиться до капитана.

— Однако разница между профессиональным потомственным воякой и интеллигентом, вынужденным защищать Отечество, вполне очевидна, — горделиво заметил Цыбин, одной рукой поправляя бабочку, а другой — указывая на Шорина.

— Мануэль Соломонович, если вы такой добрый — может, и за меня напишете? А то там страниц на пять.

— Был бы рад, но время, но силы... увы, не безграничны.

— Но их хватает, чтобы делать всю работу за друга.

— Распределение сил и времени Цыбина не входит в число ваших обязанностей, — отрезал Шорин.

Арина отвернулась. Хорошо, что вскоре Клим объявил перекур, после которого начиналось собрание только для членов партии.

«Оглашенные, изыдите», — привычно пробурчала под нос Арина — и чуть не улыбнулась, когда услышала, что Моня произнес то же самое вслух. Все-таки приятный человек этот Мануэль, жаль, что так держится за своего... дракона.

Все бросились к выходу.

Арина отловила в толпе Лику — и направилась к ней, лавируя, как еще не затонувший трехпалубный корабль.

— Леокадия Викентьевна, а не выйти ли нам на крылечко, не посплетничать ли по-девичьи? — Арина говорила сладеньким голоском, но внутри вся кипела.

— Если угостишь папироской, то запросто.

Но крыльцо было уже занято — на нем Цыбин с важным видом поучал Васько. Тот внимал каждому слову, разве что не записывал. До Арины долетело:

— И главное, учти, она больше всего ценит в своей внешности глаза. Так что обязательно что-нибудь про них заверни. Но без пошлостей: никакой там «бирюзы», никаких «небесных глаз»... Придумай что-нибудь оригинальное, например...

— Напомни мне поговорить с Тоней Янкевич о моральном облике советской ведьмы... — Лика взяла Арину под руку и повела ее за угол, к дровяному сараю.

Возле сарая они и уселись на почти сухой колоде.

— А теперь объясни мне, в чем смысл использовать вместо примуса доменную печь, — начала Арина.

— Догадываюсь, про кого ты.

— А что тут догадываться? Более заносчивого, глупого и некомпетентного человека найти было трудно. Я понимаю, что на фронте драконы на вес золота, но нам здесь оно зачем?

— Скучаешь по Маринке? — спросила Лика, глубоко затянувшись.

— Это тут ни при чем, — сказала Арина, но почувствовала, что врет.

— Она держала Мыс неделю после того, как были захвачены остальные форты, — Лика говорила глухо, не глядя на Арину, — до последнего. Мыс взяли не с моря — а со стороны Левантии.

Со стороны Левантии. Значит, Маринка держала форт, когда город был уже взят. Арина вспомнила карту фортов, висевшую в классе истории. Двадцать один форт, делавший Левантию, а значит — и всю Украину, а значит — и всю страну, неприступной с моря. От Князя Кирилла, стоящего так далеко в море, что даже не видно с Андреевской Горки, до Мыса — на самом берегу. На Мысе Арина даже была в детстве, когда у коменданта Мыса разболелся зуб — и папу вызвали для срочного лечения. Папа ворчал, что проще было бы господину офицеру, то есть товарищу командиру, пройти до кабинета, там и чище, и светлее, и бормашина новейшей

немецкой конструкции. А Арина, открыв рот, разглядывала замшелые стены, огромные оружейные механизмы, крохотные окна-бойницы, бесконечные переходы.

Арина представила себе среди этих темных, почти тюремных стен маленькую Маринку в больших очках, в рваном рябчике не по размеру, в штанах-клешах — а может, в рваной юбке до пят — и как она держала форт до последнего.

Арина мотнула головой, отгоняя видение.

— Лика, зачем тебе дракон?

— Не знаю, возможно, пригодится. Но пока у нас недокомплект штата, так что берем, что дают.

— Да любая твоя практикантка справится лучше! По крайней мере, не будет на каждом углу кричать «я никогда не ошибаюсь».

— Ладно. Это, конечно, не твое дело, но так, между нами, — мне его навязали.

Арина вопросительно показала пальцем вверх.

— Нет, что ты. Шел в комплекте с Цыбиным. А Цыбин мне нужен. Может, драконы и редкие зверьки, но вот Особый с юридическим образованием — вообще уникальный. Так что если Цыбин хочет дракона — будет ему дракон. А Шорин этот... В общем, даю ему год. Либо он поймет, как быть примусом, либо мы научимся жарить котлеты на мартене.

Оперетка

— Всегда быть в ма-а-а-аске — судьба-а-а-а моя! — старательно, но неумело выпевал голос из-за закрытой двери.

Ему отвечал громкий смех.

Арина приоткрыла дверь. Спиной к ней, лицом к восхищенно аплодирующим практиканткам, раскланивался Шорин. На плечи ему на манер романтического плаща была накинута скатерть из актового зала.

Голову новой знаменитости украшало нечто невообразимое. Черная чалма, по поверхности которой шла россыпь красных роз с ядовито-зелеными стеблями. Красота!

— А теперь, медам и мусью, сеанс магии с разоблачением! — провозгласил Шорин, блеснув серьгой.

Он снял чалму — и вытащил из нее игрушечного зайца. Арина видела — таких продавала полусумасшедшая девушка на Вокзальной площади.

Практикантки опять заплодировали. Шорин поклонился, завернулся в плащ — и направился к выходу, чуть не сбив Арину с ног.

— Простите. Не заметил. И, кстати, это ваше, — он протянул ей свою клоунскую чалму, — Ваш юный паж приволок.

— Оставьте себе. Вам она больше к лицу. Составляет ансамбль с прической и украшениями, — Арина отодвинула протянутую руку Шорина и прошла в кабинет.

— Моня, пойдём! Здесь не ценят искусство!

— Дамы! Перемещаемся в Особый отдел! — Цыбин жестом проводил практиканток за дверь. В кабинете стало тихо. Только смущенный донельзя Ангел остался сидеть в уголке.

— Зря вы его выгнали, Арин Пална, он смешно же показывал! И вообще, хоть колдун, но клё-ё-ё-ё-ёвый же!

Арина поморщилась от вульгарного словечка.

— Ну, в смысле, такой... Ну, как граф Монте-Кристо или там...

— Как герой-любовник второсортной оперетки, — подытожила Арина, давая понять, что разговор закончен.

Яков Захарович вошел в прекрасном расположении духа, помахивая свежей газетой.

— Вы только посмотрите, что у нас за оперетка! — пропыхтел он, усаживаясь в кресло и разворачивая газету, — сейчас я вам зачитаю.

Арина подняла голову. На нее смотрели самые синие в мире глаза.

Конечно, на зернистой фотографии в местном «Большевицком знамени» нельзя было понять точно, синие они, серые или вообще карие, но эту улыбку, скользящую по лицу с самого неба, эти брови с изломом, эту морщинку между бровей она узнала бы из миллиона других.

Его звали Антон Хайков.

Он был гением. Первая его статья, написанная на коленке где-то на третьем курсе института, была перепечатана в нескольких медицинских журналах, в том числе, говорили, и иностранных. Тогда его стал называть «коллегой» даже седобородый ректор института. Следующие статьи фурор наделали не меньший.

Но писал он нечасто и лениво — он был практиком. Фанатичным, восторженным, влюбленным. Он произносил «гнилая хирургия» так, как произносят имя любимой

женщины — с придыханием, пробуя на вкус каждый звук.

Когда Арина пошла учиться, он был уже аспирантом. И достопримечательностью института.

Его операции собирали больше восторженных зрителей, чем гастроли столичных певцов. За право подавать ему инструменты шли нешуточные бои среди студенток.

Арина держалась долго. Два первых года она хихикала над однокурсницами, создававшими ради Антона невозможные прически, красившимися в стиле киношных фам-фаталь и прочими способами пытавшихся обратить на себя внимание.

А на третьем курсе поймала взгляд его синих глаз — и утонула в них. Конечно, она не стала проводить часы наедине со щипцами для завивки, не наводила томность на лицо. Она пошла другим путем.

Раз сердце Хайкова принадлежит гнойной хирургии, значит, Арина станет лучшим хирургом... после самого Антона.

Профессора очень удивились, когда Арина, раньше откровенно скучавшая на занятиях, вдруг с остервенением погрузилась в учебу. То, что раньше было для нее лишь данью уважения семейным традициям, внезапно обрело смысл, стало частью и целью жизни. И в конце года первый бастион был взят — ее ответ на экзамене с кучей дополнений к учебному материалу,

найденных во время ночных бдений в библиотеке, удостоился сдержанной улыбки Хайкова и его тихого шепота «недурно».

Арина летала как на крыльях. Еще больше теории, а теперь еще — и практика. Еще пара дежурств, пусть даже ее задача — мыть полы или наводить порядок в аптеке. На пути к победе не бывает неважных дел.

Когда пришло время распределения по специальностям, Арина ни на секунду не задумалась.

На вопрос комиссии ответила только: «А что, в мире придумали что-то интереснее гнойной хирургии?» — и поймала уже полную улыбку доцента Хайкова.

Гонка продолжалась. Быть лучшей, чтобы быть достойной.

Родители удивлялись. Они знали, что в медицинском халтуры не бывает, но чтоб вот так — забыть обо всем, годами не бывать в кино и театре, ни разу не прогуляться с каким-нибудь приличным молодым человеком, проводить все время то в институте, то в библиотеке, то в институтской клинике...

Диплом с отличием Хайков вручил ей лично, но при этом — открыл его, чтобы прочесть фамилию. «Он не помнит, как меня зовут», — впервые поняла Арина.

Еще два года жизни она потратила на то, чтобы доказать ему, что он не прав, — а доказала только себе, что без синих глаз Хайкова хирургия для нее потеряла все очарование. Снова стала чем-то мертвым, чередой заученных движений и шаблонных решений, задач, не вызывавших любопытства и озарений, не приносящих радости.

Нет, она была неплохим профессионалом. Среднячком из тех, на которых держится любое дело, рабочей лошадкой.

Блеск, который поразил бы Хайкова, заставил запомнить ее имя, в Арине отсутствовал.

Впрочем, была ли в мире девушка, достойная ловить на себе взгляд бездонных синих глаз, Арина не знала — Хайков так и не женился.

Она сбежала из хирургии. Сбежала от скуки, рутины, духоты. Сбежала от того, что понимала — лучше, чем она есть, она уже никогда не станет.

Неделю пролежала в кровати, глядя в потолок и обнимая плюшевого медведя (мама с папой устроили консилиум у постели, на котором внезапно постановили, что дочь взрослая, имеет право решать свою судьбу сама), — а потом пошла туда, где было интересно.

В общем-то, так Арина и оказалась в уголовном розыске. Снова училась, снова ночевала в библиотеке — но теперь для себя, никого не стараясь победить или поразить. И, кажется, получилось то ли найти себя, то ли наконец-то найти свое.

Но, конечно, в сорок первом хирургия догнала Арину. Бывает время, когда так себе хирург полезнее хорошего криминалиста.

Арина усилием воли отвела взгляд от фотографии в газете. Яков Захарович уже закончил чтение и ждал реакции публики.

— Да, сплошная оперетка, — задумчиво произнесла Арина. И все-таки стыдливец попросила газету.

Она думала, каково будет прочесть про очередное достижение Хайкова. Приятно («это мой учитель»), горько («я так и не смогла») или просто скучно. Но статья оказалась совсем другой. Враг. Сотрудничал. Высшая мера. Слова били в глаза, но сердце стучало ровно. Просто окончилась еще одна глава. Пора перевернуть страницу.

Май 1946

«Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых» — надрывался динамик на столбе.

— И тебе привет, — хмуро ответил ему Цыбин.

— Мануэль Соломонович, что вы не в духе? — улыбнулась Арина. — Не выспались?

— Ненавижу ходить пешком. Причем бессмысленно.

— А я как-то уже привыкла.

Цыбин достал фляжку, отпил и поморщился. Видимо, любимое лекарство Васько пользовалось популярностью. Арину неприятно царапнуло, что ей он выпить не предложил.

Постепенно подтянулись и остальные.

Коля Васько выглядел веселым и бодрым, Ангел был растерян и печален, Лика — погружена в себя.

Арина заметила в толпе знакомый резкий профиль, который не видела с сорок первого года:

— Евгений Петрович! Как вы?

Евгений Петрович Бачей тоже совмещал должности судмедка и криминалиста.

Арина любила его за богатую биографию, за милые чудачества и за добродушный характер. В юности, сразу после революции, он успел пожить по поддельным документам, поработать фельетонистом в местной газете, посидеть под арестом в ЧК и даже опубликовать поэтический сборник. Но романтическая любовь к уголовному розыску победила, и Евгений Петрович отправился на медицинский факультет, сразу предупредив всех вокруг: живых он лечить не собирается, даже и не

надейтесь. Его литературные таланты с тех пор проявлялись в основном в протоколах осмотра места происшествия, часто излишне цветистых и напоминающих плутовские романы.

Евгений Петрович улыбнулся Арине:

— Рад вас видеть, коллега! Говорят, вы уже месяц с нами — и так ни разу не зашли ко мне на огонек.

— Пока обживаюсь, ни минутки свободной.

— Как будет — заходите. У меня есть очень неплохой чай, брат из Москвы привез. А хотите, познакомлю вас с третьей частью нашего узкого кружка?

По количеству дежурств Арина подозревала, что ординарных экспертов трое. Но все не доходило руки выяснить, кто пришел на место страненького Алеши Голобокова, который еще в начале сорок первого уехал в столицу «на преподавательскую должность», не оставив себе замены. Тогда Арина с Бачеем крутились вдвоем, не успевали примерно ничего и часто встречались посреди ночи в темных коридорах УГРО.

— Позвольте представить — Табаровские, — Евгений Петрович подвел Арину к совсем молодой паре: юноша в военном без знаков различия нежно обнимал девушку в пестром платье и плащике. Обоим на вид было не больше двадцати. Оба улыбались застенчиво и мило.

— Я Лев, а это моя жена Изабелла, можно просто Бэба, — пожал Арине руку Табаровский, и ответил на удивленный взгляд, — мы с двадцать четвертого, выглядим

моложе.

— Я думала, вы вообще близнецы.

— Все так думают. Мы уже четыре года женаты, а раньше — десять лет за одной партией сидели. Теперь вот и работаем вдвоем: Бэбочка по следам, я по телам.

Арина рассмеялась — Табаровские ей понравились. Трогательные...

— Это что за маскарад? — раздался у нее за спиной голос Клима. — В приказе же ясно было: форменная и летняя одежда.

Все четверо переглянулись: погода стояла отнюдь не летняя. Хотя весна в Левантии всегда была ранней и дружной, к маю холодало. А уж эксперт в милицейской форме — и вовсе какой-то нонсенс... Ну, если не считать Шорина, который вообще странный. По умолчанию считалось, что эксперты — люди глубоко и безнадежно штатские, почти кабинетные ученые, не зря они числились «научным отделом».

— Так мы домой пойдем? — задорно спросила Бэба.

— Нет. Явка — обязательна. Пойдете в задних рядах. И права нести флаг я вас тоже лишу! — сурово сдвинул брови Клим.

Все четверо попытались сдержать смех. Вот уж наказал так наказал.

— А от вас, Арина Павловна, не ожидал! Вы же член партии, понимать должны, — продолжил Клим, глядя уже только на Арину.

— Но холодно же!

— Настолько, чтобы одеваться, как Наполеон под Москвой?

Арина оглядела себя. Перед праздниками она как раз позволила себе огромную трату: купила с рук очень милый костюмчик. И даже две блузки к нему. Очень практично — не надо чуть ли не каждый вечер класть под матрас мокрое платье — и надеяться, что к утру оно высохнет.

Из-за холода пришлось надеть под костюм свитер, а сверху все-таки накинуть шинель, но свой вид Арина оценивала как если не летний, то вполне весенний.

— Снимите шинель и свитер — и оставьте их у себя в кабинете, — сурово потребовал Клим.

— Не могу, у меня под свитером только белье...

Клим задумался.

— Что вы пристали к человеку? — раздался голос Шорина. — Подняли ни свет ни заря, заставляете ходить по городу, а теперь еще — внешность не нравится.

Арина оглянулась. Ну этот-то был и в форме, и по-летнему. Аж смотреть холодно.

— Ну вот вы же смогли одеться в соответствии с распоряжением.

— Я всегда так одеваюсь. А если вы простудите ценного сотрудника — отвечать буду не я. Сегодня действительно холодно.

— Меня предупредили, демонстрацию будут снимать для кинохроники!

— Вы перепутали. Эта девушка — не Любовь Орлова. Она не обязана наряжаться на съемки. У нее другая работа.

Клим что-то хотел сказать, но только досадливо махнул рукой.

— Спасибо, что защитили, — улыбнулась Арина Шорину.

— Защитил? — Шорин посмотрел на Арину, как будто впервые заметил ее присутствие. — Просто немного позлил этого дурака.

Он отошел к Цыбину — и эта парочка начала презрительно обозревать окрестности.

Арина дернула плечом. Но тут же подняла брови. Мимо них шла колонна МГБ-шников. Какой-то не то седоватый, не то просто очень светловолосый еще нестарый майор, проходя мимо Шорина и Цыбина, улыбнулся им. У Арины потеплело на душе — такой светлой, такой искренней улыбки она давно не встречала.

Эти же явно скисли, нехотя кивнули в ответ и пошли нога за ногу к раздающему указания Климу.

А сама демонстрация оказалась и не такой противной. Улицы Левантии радовались хоть холодной, но весне. Листочки на деревьях были веселые, нереально-яркого зеленого цвета. Сам город казался умытым и помолодевшим. Евгений Петрович, идущий рядом, рассказал байку, как некий товарищ изображал призрака в своей конторе — и потом все члены коллектива по очереди бегали с заявлениями в Особый отдел.

Табаровские ответили историей, как развесили сушиться свежеотпечатанные фото с места убийства на коммунальной кухне — и почему-то получили некоторое непонимание от соседей. Арина тоже что-то припомнила из забавного — в общем, шли, как и требовало распоряжение, — с широкими улыбками и радостью на лице.

Даже жалко было прощаться. Но к Евгению Петровичу приехал брат аж из самой Москвы, Табаровские дежурили — и очень хотели наконец-то остаться наедине, так что Арина пошла бродить по городу в одиночестве.

И вдруг увидела знакомое платье.

— Нинка! — закричала она.

Нина оглянулась. Лицо у нее было знакомое, но какое-то усталое, чуть ли не постаревшее.

— А вы, простите, кто? — спросила Нина сурово.

Арина удивилась. Неужели она тоже сильно изменилась?

— Я Арина, Качинская... — произнесла она неуверенно. Нина разулыбалась.

— Ни за что бы не узнала! Пошли ко мне — посидим, выпьем-закусим, девочки знакомые подтянутся

— А ты вот совсем не изменилась. Пять лет не виделись — и сразу в дом зовешь. Может, я все это время по карманам шарила.

— Ой, да я тебя сколько лет знаю! Ты в чужой карман разве что положишь что приятное.

В общем, пошли.

По дороге Нинка без умолку щебетала о своем житье-бытье. Как тяжело было в эвакуации, зато познакомилась там с прекрасным Владиком, важным человеком на каком-то там сталепрокатном, кажется, заводе. Как они поженились, как родилась дочка, а через год — сын, как после войны Нина вернулась домой, а Владик все хлопотал о переводе из Сибири в Левантию, к жене и детям, а пока каждый день слал письма и открытки.

Арина улыбалась. Хлопотливое, сложное — но все-таки счастье.

А еще удивлялась, как много вещей называла Нина. Говорит, кажется, о том, что денег не было — а упоминает какие-то платки, которые привезла с собой, а потом меняла на еду — сначала целиком, а потом догадалась разрезать каждый на две косынки.

Или вот о детях. Даже не сказала, как зовут. Зато упомянула и рожки для молока, и пеленки, и даже какие-то неведомые «гусарики».

А ведь нормальная жизнь — она из вещей и состоит — осенило вдруг Арину. Из кучи мелких предметиков, которые не замечаешь. Чтобы просто выпить чаю, надо быть

владельцем стакана, ложки, примуса, чайника, сахарницы, стола и стула. А уж если что посерьезнее... Арина с ужасом подумала, сколько же вещичек, штучек, предметов и приспособлений ей надо купить, достать, выменять, найти — просто чтоб наконец-то начать жить каким-то подобием обычной мирной жизни. Может, и начинать не стоит...

Наконец пришли.

Дети у Нины были милые, но какие-то очень тихие и застенчивые. При любых попытках заговорить с ними — прятались за мать.

А вот новые Нинины подружки — маленькая Раечка с обезьяньим лицом и ширококостная статная Алла — оказались что надо. Шутили, пели, обсуждали новые фильмы.

Кажется, с обсуждения красавчиков-актеров перешли на мужчин вообще. Нина зачитала письмо от своего Владика — десяток пустых фраз ни о чем. Алла, краснея, рассказала, что подцепила на танцах очень элегантного и совершенно не женатого ухажера с великолепными манерами. Арина почему-то представила в качестве этого ухажера Цыбина — и чуть не рассмеялась вслух. Пожалуй, привстав на цыпочки, Моня мог достать Алле до плеча.

А Раечка вдруг разозлилась — и начала кричать, что всех приличных мужиков либо войной скосило, либо разобрали всякие...

Нина шепнула, что Раечкин муж ушел от нее к связистке. Арина попыталась как-то успокоить Раечку, и ей почти удалось, но тут Рая заметила висящую на вешалке Аринину шинель.

— Так ты тоже из этих? На фронт за мужиками сбегала? — Глаза у Раи превратились в узкие щелки.

Арина не знала, что ответить. Оправдываться? Спорить? Она оглянулась на Нину и Аллу. Алла отвернулась, а Нина показала глазами на дверь.

Арина кивнула и вышла.

Еще один кусочек прежней жизни абсолютно не подходил к нынешней.

Милые кости

— О! Ангел! Можем сразу уходить. Не наша девочка.

Ангел уставился на Арину во все глаза.

— Я эту картинку повидала аж до тошноты. Но записывай, если интересно. Девушка, на вид лет 18–20. Причина смерти — перелом позвоночника из-за падения с высоты.

Арина принялась.

— Управляла несданной военной техникой в нетрезвом состоянии. Не справилась с управлением. Да, Ангел, радость моя, ждет тебя служебная командировка.

— Куда?

— Во-о-он на то дерево. Залезешь, найдешь ту самую технику. Выглядит как веник. Или как ухват. А уж сама упала или помог кто — вон, товарищи особисты расскажут. Прошу!

Арина сделала дурашливый приглашающий жест в сторону Шорина. И только тогда заметила слезы на глазах Леокадии.

— Лика! Ты что?

— Арина, я же вот такими командовала... У меня за месяц лица менялись... Расходный материал... Девочки. Двадцать лет, девятнадцать... потом совсем маленькие пошли... четырнадцать, пятнадцать... А все зачем? Чтобы самолеты наши фашистам не достались. Каждый воздушный бой окружали... И падали, падали... Ради железок дурацких девочек моих... девочек...

Лика плакала тихо, устало. Это было совсем на нее не похоже. Арина обняла ее принялась покачивать, как младенца. Вправо-влево, вправо-влево. Пыль-пыль-пыль-пыль.

— Я в порядке, спасибо, Арин, — шепнула, наконец, Лика глухо.

— Пойдем в машине посидим. Справитесь без нас? — крикнула Арина Ангелу и Шорину. Те кивнули.

Вазик Архипов разложил на белой тряпке возле катафалка какие-то детали непонятного назначения и любовно протирал их маслом. Заметив Арину и Лику, тут же скрылся внутри катафалка — и вернулся с двумя подушками от сидений, термосом и каким-то свертком.

— Присаживайтесь, дамы, — он положил подушки на землю. — Чай горячий и очень сладкий. К нему, правда, только вот сухари.

В этом был весь Вазик. Если что-то вокруг него плохо работало — он чинил. Хоть лопату, хоть автомобиль, хоть настроение человека. Не мог иначе.

Со всей Левантии к нему приходили люди, чтобы починить то, что другими мастерами было признано хламом: любимую разбившуюся чашку, прожженный чайник, взорвавшийся керогаз, сломанную швейную машинку. И Вазик брался за все. И с каждой вещью говорил ласково, как с заболевшим ребенком. И в его умелых руках вещи воскресали, становясь лучше новых.

И люди рядом с Вазиком, попадая в ритм его ласковой деловитости, становились собраннее и спокойнее.

Вот и Лика, прихлебывая чай, как зачарованная, следила за точными движениями Вазика — и уже не плакала.

— А ведь меня еще в сорок третьем расстрелять хотели, — сказала она Арине как-то между прочим, как будто речь шла о мелочи типа покупки керосина, — за проявления трусости и паники.

Арина подавилась сухарем. Назвать Лику паникером или трусом... Сильное заявление.

— Ну, я любезно предложила командованию вместо того, чтобы тратить моих девочек, как спички, полетать самостоятельно. Обещала им веник вставить... для прочной фиксации.

Вазик хихикнул.

— Зря смеетесь, Вацлав Михайлович, Лика — может, — улыбнулась Арина. — И что они согласились?

— Почему-то отказались. Вместо этого прислали ко мне двух смершевцев, которые сначала пообещали меня расстрелять, а потом сказали, что, мол, прощают, ибо воевать некому. Приставили ко мне какого-то... скользкого. С приказом стрелять, если что. И девочек поставляли исправно.

— Гниды. Образцовые, — пробурчал себе под нос Вазик

— Кстати, Вацлав Михайлович, не завезете меня к вам на обратном пути? Мне бы с Тазиком пообщаться...

Вазик удивленно посмотрел на Арину. Тазик, то есть Тадеуш Боярский, был начальником Вазика на Южном кладбище. Скользковатый тип. Если к Вазику шли починить, то к Тазику — достать. Добыть, урвать, взять в обход правил, а иногда и законов.

— Насчет бабушки... И других.

Вазик кивнул, но выразительно показал глазами на Лику — мол, не надо при ней о кладбище, — и завел разговор о новом кино.

Тазик встретил Арину с распростертыми объятиями.

— Скажите, вам же нужны чулки? Шелковые, самых разных цветов, — произнес он вместо «здравствуйте».

— Ох, пан Тадеуш, откуда у честного служащего деньги на ваши чулки?

— Жаль, жаль. А сигареты? Американские, «Лаки», зеленая пачка. Хотите попробовать?

— Пробовала. Но, опять же, не при деньгах. Я к вам не на базар. Скажите, пан Тадеуш можно мне как-то восстановить наш участок?

— Да кто ж вам помешает? Восстанавливайте! Но, простите, раз не при деньгах, могу помочь только напутствием. Ну, или... — Тазик хитро посмотрел на Арину.

— Или? Чем-то могу быть вам полезна?

— Та... Михала, Вацекова сына опять посадили. Что-то там по пьяни то ли разбил, то ли сломал...

— А я чем могу помочь?

— А... Все вы одна контора. Ну раз нет — так нет. Но сигаретку все-таки возьмите, угощаю.

Арина была удивлена. Никогда не ждала от Тазика сочувствия к кому-то, кроме собственного кошелька. И Вазик тоже — ни слова не сказал...

Как ни жаль, но поделаться Арина действительно ничего не могла: Михал, единственный любимый сын Вацека, пил беспробудно, а выпив, становился буен. Хорошо, что злость свою вымещал не на людях, а на вещах. Ей оставалось только молиться, чтобы в этот раз объектом его злобы оказалось личное имущество, а не государственное, — за личное дают меньше. Впрочем, как знать — может, лучше, чтоб Вазик подольше отдохнул от своего сынишки.

Арина вздохнула и пошла на участок Палеев. Когда-то этот участок показывали гостям города — прапрадед Арины установил на могиле умершей супруги ее статую. А так как прапрабабушка была первой левантийской женщиной-дантистом, то в руках у статуи была

дрель — бормашин тогда не знали.

Памятник завораживал сочетанием тонкого лица и брутальной позы. «Динора Палей, 1836–1900, лечила зубы и разбила сердце» — вспомнила Арина надпись на постаменте. Прапрадед обожал жену.

Сейчас от «девушки с отбойным молотком», как называли памятник местные, остался только расколотый постамент с нечитаемой надписью.

Арина вздохнула. Конечно, прекрасную Динору не вернуть, но хотя бы очистить участок от обломков надо. А дальше придумаем. Можно разбить цветник или заказать копию памятника — благо, фотографии остались...

Но сначала — уборка. Перекурить — и идти к Вазику за инструментом и мешками.

— Вы похожи на нее, — произнес тихий бархатный голос откуда-то сбоку.

Арина обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина средних лет с бледным овальным лицом. Весь какой-то серый: сидящие волосы, темно-серые глаза, костюм цвета пыли. В руках он держал голову той самой статуи.

— Моя прапрабабушка, — улыбнулась Арина, — Динора Палей.

— Неужели из тех самых князей Палеев?

— Нет, что вы, из левантийских мещан.

— А я, стыдно сказать, чуть не обозначился, приняв вас за Ирину Павловну...

— Ну, меня так и зовут. Так что ваша ошибка не столь велика.

— Очень приятно! А меня, если позволите, Кодан, Кирилл Константинович.

Арина улыбнулась Кодану и достала папиросы. Тот попросил одну каким-то развязным жестом, но сочетающимся ни с его внешностью, ни с тихим голосом. Курил он тоже странно — отплевываясь после каждой затяжки. При этом бесконечно кашлял, как будто курил первый раз в жизни, но папиросу держал уверенно, между большим и указательным пальцем, прикрывая огонек ладонью. «Немолодой ведь человек, а судя по жесту — служил» — подумала Арина. Впрочем, Александр Зиновьевич был ненамного моложе. Специалисты нужны войне вне зависимости от возраста.

— Ирина Павловна, а вы не подскажите, — Кодан выбросил окурок ловким щелчком и снова стал тихим и смиренным, — что за странная статуя шахтера в юбке и без головы лежит в тех кустах?

Арина посмотрела — и не удержалась от улыбки.

— Это та же самая статуя, голову которой вы нашли. Первая женщина-дантист Левантии с рабочим инструментом в руках.

— Прошу вас, скажите, что вы меня разыгрываете! Не может быть, чтобы зубы лечили при помощи дрели!

— Но тем не менее так оно и было.

— Ужасно! Хотя не буду врать, что мне не нравится эта нимфа с отбойным молотком.

— Жаль, что мы с ней не были знакомы. Кажется, у нас с ней много общего.

— А вы замечали, что это самая частая мысль на кладбище — «жаль, что мы не были знакомы»?

— Да, пожалуй. Но, с другой стороны, близких там, — Арина растерялась, показать вверх, на небеса, или вниз, на землю, так что жест вышел какой-то неопределенный, — все больше, а вокруг — все меньше...

— Удивительно точное наблюдение! При этом замечаешь, что люди умершие — все более близки, более понятны, а вот те, что живы, — все дальше, все более чужие...

У Арины как будто что-то холодное проползло между лопаток. Как же прав был Кирилл Константинович! Как же точно описал то, что чувствовала Арина. Да, папа, мама, бабушка — они остались прежними, родными и любимыми. А вот живые как-то стали «бывшими» — бывшая подруга Нинка, бывшая соседка, бывшая яростная Лика... Вот разве что Яков Захарович почти не изменился.

— Вы не знаете, что случилось с кладбищем? Бомбардировка? — Арина спросила, только чтобы переменить тему, чтобы не думать о мире, где она совсем одна.

— К сожалению или к счастью — но нет. Видите ли, некий весьма самонадеянный Смертный решил призвать всех левантийцев на защиту города...

Арина представила, как ее родители, бабушки, дедушки выходят единой колонной на защиту Левантии. И так вдруг захотелось встать с ними в ряд. Рука об руку с мужественной дантистом Динорой и нежной аптекаршей Фаиной, желчным венерологом Михаилом и барственным профессором анатомии Иваном Леопольдовичем.

— Как понимаете, — продолжил Кирилл Константинович, — идея была обречена на провал.

Большинство восставших было не в том состоянии, чтобы воевать. Прошу прощения за неаппетитные подробности, но трудно держать оружие в разложившихся руках.

— Если бы воевать мог только дух, без тела — отстояли бы, — уверенно сказала Арина и добавила задумчиво: — Хорошая была бы война. Ни убитых, ни раненых. И экономия какая: ни снарядов, ни пуль, ни даже кухни полевой — ничего не надо.

Кирилл Константинович сдержанно улыбнулся.

— Так, говорят, только драконы воюют. Дух линию фронта пробивает, а тело — в окопе сидит тихо, чуть ли не чаек попивает. Вот если бы только они и воевали...

Арина улыбнулась понимающе. Еще постояли-покурили (как же раздражала Арину манера Кодана курить!) — и, тихо попрощавшись, разошлись каждый к своим дорогим покойникам.

День Победы

Клим Петрович решительно стучал кулаком по столу:

— Не время, товарищи, праздновать! Наша победа наступит, когда преступность снизится!

— Ну, то есть примерно никогда, — шепотом подытожила Арина.

— А насчет «праздновать» — это он хорошо сказал, — мечтательно протянул Цыбин, раскачиваясь на стуле. — Как насчет устроить небольшой междусобойчик после трудового дня?

— Набегут, — веско произнес Шорин.

— А чем плохо, если и набегут? Все свои. Неприятных лиц вокруг не наблюдаю.

— Где ты водки на всех возьмешь? И еды.

— Боже мой! Всему их учить надо! Будем заимствовать методы у Клима Петровича, не побрезгуем.

Моня достал карандаш и лист бумаги и принялся писать своим красивым почерком.

Закончив, он предъявил написанное Шорину. Шорин что-то дописал небрежно и протянул листок Арине.

«Подписка на совместное восстановление сил и нервов сотрудников путем скромной пьянки сегодня вечером». Дальше была расчерчена таблица на две графы. Первая была озаглавлена «фамилия», вторая — «что принесет».

Цыбин обещал от себя две бутылки водки, Шорин — банку соленых огурцов и банку соленых грибов.

Арина шепнула:

— Мануэль Соломонович, я, наверное, пас!

— Что же так?

— Нести нечего!

Вмешался Шорин:

— Врет! Сам видел ведомость — им спирт выдают в количествах!

— Дельно! Арина Павловна, не пожертвуете ли толику ценного продукта в целях, указанных выше?

— Не больше литра!

— Это по-царски! Запишите как четыре бутылки водки. Люди тут хорошие, но разные, могут и грудью встать за казенное имущество.

Арина кивнула, написала — и передала лист дальше.

Цыбин напряженно ждал, отслеживая каждого подписывающего и качаясь на стуле, Шорин прикорнул у него на плече. Клим Петрович продолжал разглагольствовать, перейдя от праздников к успехам в строительстве, металлургии и сельском хозяйстве, от них — к международному положению — и далее, далее, бесконечно и монотонно.

Арина даже подумала, не использовать ли второе плечо Цыбина в качестве подушки. Вряд ли он воспринял бы это как нескромный намек — он тоже из тех, кому война объяснила ценность сна при любой возможности.

Но тут раздался грохот. Стул Цыбина не выдержал и развалился. Шорин тут же вскочил, помог Моне встать, подал ему трость и усадил на свое место. Сам же прислонился к стене.

— Товарищ, может вы сядете? — строго уставился на него Клим.

— Рад бы, да не на что. Стулья кончились.

— А стулья, между прочим, наш рабочий инструмент! Мы на них думаем! — добавил Цыбин.

— Вот, между прочим, — с пафосом заявил Клим, — рабочий Левантийского завода токарных изделий Сокольский привез с фронта целый мешок трофейных резцов! Если вам нужны стулья...

— Съездить за ними в Германию? Или взять у этого Сокольского резцы — и выточить из подсобных материалов? Да я ща, быстренько. Одна нога здесь, другая там.

— В общем, изыщите себе стулья сами, — подытожил Клим.

— Прямо сейчас?

— Я вас не держу, — Клим поджал губы.

Моня встал, осторожно опираясь на руку Шорина, — и они вдвоем направились к выходу.

Когда Арина вышла после собрания наконец-то спокойно покурить и стряхнуть с себя сонное оцепенение, она увидела, как во двор въезжает старая побитая «площадка» — плоская телега, запряженная парой коней.

На телеге высилась пирамида из весьма изящных венских стульев. На козлах с невозмутимым видом сидели Цыбин с Шориным.

— Разгружайте, товарищи! Дюжина стульев из тех еще времен! — Цыбин привстал на козлах с видом аукциониста, — и диван, а то наш уже людям показывать неприлично.

— Разгрузите — телегу на дрова, — добавил Шорин.

Они с Мoneй как-то очень синхронно, как будто много лет репетировали этот номер, выпрягли коней.

Шорин подставил Цыбину сцепленные в замок ладони — и посадил его на одного из коней. На второго вскочил сам. Арина залюбовалась, как ловко оба держатся верхом без седел. Шорин поднял коня в свечку, махнул рукой — и парочка пустилась в карьер.

— Кентавры, — уважительно произнес Яков Захарович, глядя вслед Цыбину и Шорину.

— Разгильдяи и пижоны, — ответила ему Лика. Арина усмехнулась.

Оба кентавра вернулись довольно скоро, уже пешком, причем у Шорина на плече висел плотно набитый и подозрительно позвякивающий вещмешок.

Моня бегал по всему каретному сараю, вел конфиденциальные беседы с акционерами, заодно притащил к Арине в кабинетик один из стульев.

— Не могу смотреть, как вы на своей табуреточке с кривой спиной сидите.

Арина поблагодарила и выдала в ответ бутылки со спиртом.

— Развести сумеете?

— Обидеть хотите, Арина Павловна? Почти профессионал. Если бы весь тот спирт, что я...

— Не ударяйтесь в лирику, умоляю! Вон, даже Николай Олегович уже на мирный коньяк перешел.

— Вы тот мирный коньяк пробовали? Этот мирный коньяк его тетка гонит, и я даже не хочу думать, из чего. Впрочем, Васько обещал свою гадость на стол не ставить, зато принести сала. Вот сало у него — мирное, я бы даже сказал — мировое у него сало!

Сама вечеринка прошла идеально. Цыбин подрядил рябчиков (молодых сотрудников УГРО и практикантов, почти поголовно облаченных в тельняшки-рябчики разной степени

застиранности) расставлять и накрывать столы — и актовый зал стал вполне банкетным. А уж обилие и разнообразие блюд этого банкета сделало бы честь любому натюрморту «из прежней жизни». Кто-то даже банку крабов притащил.

Ждали гнева Клима Петровича, но тот, внезапно, решительно занял председательское место за столом.

— Если не можешь остановить толпу, возглавь ее, — пробурчал Цыбин

— Мы собрались здесь... — начал Клим

— Так давайте выпьем за то, что мы все здесь, все живы! — радостно перебил его Цыбин, подливая ему в стакан и подталкивая руку Клима к лицу.

Клим Петрович покосился на Цыбина неодобрительно, но выпил. Цыбин тут же подлил еще.

— Ровно год назад Германия... — попытался продолжить Клим севшим голосом

— Полностью капитулировала. За что и пьем, — Цыбин повторил маневр со стаканом.

— Не все дожили... — голос у Клима заметно поплыл.

— А за них — не чокаясь. И полный.

— Но мы продл... продол... продолжаем... — гнул свою линию Клим.

— И за мирные победы тоже! — Цыбин проследил, как жадно Клим опустошил стакан, а потом шепотом произнес: — Эйн, цвей, дрей!

На «дрей» Клим Петрович свалился под стол, и оттуда немедленно зазвучал громкий храп.

— Вот теперь, когда нам никто не мешает, можем и начать, — улыбнулся Цыбин, а потом добавил тихо: — Согласитесь, Арина Павловна, чистый спирт очень помогает в борьбе с заразой. Разведенный бы не справился.

И вечеринка началась. Веселая и бестолковая. Без председателя сборище быстро разбилось на маленькие группки. Кто-то травил анекдоты, кто-то ударился в воспоминания, кто-то пытался в общей сумятице разъяснить какие-то служебные дела.

Цыбин сновал между компаниями, ненавязчиво направляя беседу, разряжая споры до их начала и осыпая дам комплиментами. Арина только сейчас заметила, что элегантный Моня тяжело опирается на свою пижонскую трость.

— Хорошо грохнулись? — спросила она, указывая глазами на его ногу.

— Да нет, это старое. Еще с флота. Погода меняется, завтра потеплеет.

— Вы служили на флоте? А я уж решила, что вы кавалерист. Как вы сегодня изящно скакали...

— Ну, в общем-то, из-за ноги меня с флота в кавалерию и перевели.

— Мудрёно.

— Пока лежал в госпитале, сверху сочли, что в море ничего интересного не происходит, а вот некий дракон, по традиции причисленный к кавалерии, остался без Второго. Вот меня и направили... Я тогда лошадей побаивался. Но ничего — привык. Арина рассмеялась, а потом посмотрела на Цыбина серьезно.

— Мануэль Соломонович, объясните мне, что делают драконы на войне. Слышала о них много, но одни сплетни. То ли города сверху выжигают, то ли наоборот — сидят тихенько и всеми командуют.

— Если совсем упрощать, их задача — прорыв фронта. Понимаете, линию фронта держат особые. С двух сторон. Как, впрочем, границы любого государства, или, допустим, Кремль. И пробить эту защиту может, собственно говоря, только дракон.

— Ой! Здорово! У меня подруга была, Маринка Комарова...

— Слыхал, — Цыбин наклонил голову и глянул на Арину сочувственно.

— Так вот Маринка доказывала, что игра «Цепи кованые» — она про драконов. Она вообще мечтала драконов изучать. Но не сложилось...

Арина вздохнула, Цыбин еще раз погладил ее взглядом голубоватых глаз. «Как старший брат», — подумала Арина, у которой, впрочем, братьев никогда не было.

— Ну вот так примерно и есть. Только если с другой стороны другой такой же дракон маячит — это уже особый таран. Двое лоб в лоб. И тогда один, возможно, выживает. Ну, как повезет.

А бывает, что какую-то важную точку так держат, что и пара драконов понадобится может, а то и четверо.

— Моня! Распорядись музыкой, а то благородное общество скучать начинает, — раздался зычный голос Шорина.

— Ух. Все-таки нализался, не уследил я, — встрепенулся Цыбин.

Арина с удивлением обнаружила, что в углу зала стоит патефон с кучей пластинок. Моня отловил кого-то из рябчиков и посадил менять пластинки.

Арина заметила, что, проходя мимо Шорина, Моня дотронулся до его головы — и тот сел заметно прямее.

При первых же звуках танго Шорин встал, огляделся — и протянул руку Арине, оказавшейся ближе других дам.

— Не волнуйтесь, товарищи! У каждого кавалера будет возможность пригласить каждую даму! — прокричал Моня, ведя в танце симпатичную практикантку.

Арина положила руку на ладонь Шорина — и они вышли танцевать. Шорин вел без форса, но красиво и уверенно.

— Снимите очки! — вдруг шепнул он ей в ухо. Арина остановилась.

— Зачем?

— Ни за чем. Просто снимите.

— Да чем вам помешали мои очки?

— А может, я хочу вашими прекрасными глазами полюбоваться? — пьяно хмыкнул Шорин. Арина вырвала свою руку из его — и убежала на крыльцо.

— Да не идут они вам. Старят, — крикнул ей вслед Шорин. Арина даже не обернулась.

Пару минут спустя на крыльцо вышел Цыбин.

— Не злитесь на него, ладно? — попросил он, заискивающе глядя Арине в глаза, — Человек пьян.

— В перечне смягчающих отсутствует.

— Но вы ведь не уйдете? Я прослежу, чтобы он больше к вам не подходил. А вы развлекайтесь...

— Простите, Мануил Соломонович, кажется, я совсем разучилась развлекаться...

Идти было некуда. В общежитии девушки планировали пить-гулять до утра. Арина прошмыгнула в каморку, гордо называемую ее кабинетом, и ушла с головой в отчеты.

Когда она закончила все документы, из актового зала не доносилось ни звука. Все уже разошлись.

Она прошлась по темным гулким коридорам угро, ища место для ночлега. В приемной стоял новенький диван, привезенный Цыбиным. Похожий был у папы в кабинете —

большой, кожаный, с зеркалом и закрытой полкой правее. В папином диване в такой полке жил тайный невидимый друг Арины — мальчик с рекламы зубного порошка. Папа придумывал для Арины новые и новые приключения этого мальчика, и только когда она подросла и пошла в школу, истории эти как-то постепенно закончились.

Арина вспомнила, как мальчик из полки пошел кататься на трамвае, как убегал от дворника... И сама не заметила, как уснула.

Особые способности

— Дава! Милый! Я готов танцевать с тобой это танго с утра до ночи, но тут диван точно не пройдет!

Арина проснулась от громкого натужного шепота Мони — и почувствовала, что диван не то шатается, не то парит в воздухе.

Она чуть-чуть приоткрыла глаза. Диван действительно качался в полуметре над полом. Моня держал его за изножье. Кто держал в головах, догадаться было нетрудно.

— Должен пройти, я сказал, — раздался не менее громкий шепот Шорина.

Их движения, и верно, со стороны напоминали танго. Шорин вел, а Цыбин, повинаясь его молчаливым распоряжениям, то делал крохотный шагок влево, то вправо, то пятился, то двигался вперед.

Им все-таки удалось миновать коварный угол (наклонив диван так, что Арина вжалась в его спинку) и даже затащить его в кабинет Арины.

Кабинет был действительно крошечным. Основное его пространство занимал стол с микроскопом, множеством реактивов и другими полезными приборами и приспособлениями. Были стеллажи, был маленький шкафчик для одежды, был венский стул, притащенный накануне Цыбиным. Но точно не было места для дивана.

— Ну и куда его? — Цыбин широким жестом обеих рук показал на обстановку кабинета. При этом его угол дивана даже не шелохнулся, остался замершим в воздухе.

— Надо подумать, — Шорин вышел из-за головы все еще притворяющейся спящей Арины. Его угол дивана тоже не упал.

— А если так?

Стол Арины аккуратно сдвинулся в угол.

— Неудобно. Она дымит как паровоз, весь дым в коридор тянуть будет.

— А если...

Шкаф передвинулся в угол, стол встал возле окна — и вполне расчистилось место примерно на полдивана.

— Уже лучше.

Шорин уставился в пустой угол — и вся мебель еще немного потеснилась, куда спокойнее и аккуратнее.

— Вот теперь — в самый раз! — Шорин гордо оглядел свою работу.

— Задвигаем — и к делу!

Диван с Ариной довольно резко влетел в угол. Притворяться спящей было уже невозможно, Арина села.

— Моня! Ты неизящен! Бутылки побьешь!

Диван поерзал, вставая аккуратно.

На пороге появилась раздраженная Лика.

— Два ночных дежурства каждому. Фоните так, что у меня девочка чуть в обморок не упала. Устроили тут спектакль!

Она фыркнула, развернулась на каблуках и убежала.

Арина сидела с незажженной папиросой во рту, пытаясь нащупать по карманам спички и не пропустить представление.

Шорин щелкнул пальцами — и папироса зажглась.

— По три дежурства! — раздался голос Лики издалека.

Особые обернулись на голос, а дверь Ариного кабинета сама собой с грохотом захлопнулась.

— Позвольте? — Цыбин протянул руку к полке над головой Арины. К той, где у папы жил мальчик с плаката.

Арина отодвинулась. Цыбин достал две бутылки пива, передал одну Шорину — и пробки в буквальном смысле полетели в потолок.

— А я и не знала, что у нас продается бутылочное пиво, — сказала Арина, чтобы хоть что-то сказать.

— Так в Юзовке завод еще к Ноябрью пустили. Во всех газетах писали. Хотите? Очень приличное! — Цыбин уселся на венский стул, прихлебывая пиво прямо из горлышка, — идеальное начало нового дня.

— Не пью на работе.

— Вот, посмотри, брат Шорин, — среди нас есть серьезный человек, — Цыбин перешел на шепот, — но вы же не расскажете начальству о нашей маленькой слабости?

— Да тут каждый... Кто пиво, кто коньяк...

— Не говорите это слово на букву «к» — простонал позеленевший Шорин, — а то тут будет грязно!

— Дава, милый, не рычи на Арину Павловну. Это не она заставила тебя вчера смешать слово на букву «к» со словом на букву «в» и другими словами русского языка в количествах, превышающих разумные. Кстати, как ты?

Цыбин заботливо взял руку Шорина и принялся считать пульс.

— Сорок пять. Допрыгался, — задумчиво протянул он, качая головой.

— Да ладно тебе, завтра буду как огурчик.

— Вроде бы, с похмелья должен учащаться, — произнесла Арина.

— Ой, Арина Павловна, не обращайтесь внимания, тут другое.

Арина почувствовала себя девочкой, которую не взяли в игру. «Ну и пожалуйста», — подумала она по-детски.

— Вы диван-то вернете на место? — спросила она, справившись с обидой. — Мне он тут не нужен, а Цецилия Цезаревна наверняка уже всех на уши поставила.

— Цецилия как раз просила убрать диван из приемной как не соответствующий и преступно роскошный. Так что, боюсь, придется ему здесь навеки поселиться. Тем более, назад мы его не потащим.

Шорин что-то хотел возразить, но Мануэль сурово сдвинул светлые брови — и покачал головой.

— Не потащим. Иначе останемся до вечера без особого эксперта.

— Где вы вообще взяли эту красоту?

— Моя личная. Все равно в сарае валялись без смысла. Чуть на растопку не пошли. А тут вот — для дела пригодились. Оказывается, в диванах так удобно носить пиво! Или вы про него?

Цыбин кивнул головой в сторону Шорина, крайне сосредоточенно пьющего пиво.

— Про мебель.

— Вы же не возражаете, если мы будем изредка навещать мой любимый диванчик? У

вас тут уютно — начальство далеко, дверь хорошо закрывается...

— Всегда рада.

— Ну, не будем злоупотреблять вашим вниманием. Особые вышли, и Арина приступила к работе.

Первый бал

Июнь 1946

— Не слюни мне руку. Поцелуй руки — это символический жест. Просто наклонись и изобрази поцелуй, не касаясь губами руки! Представь, не знаю, что знамя целуешь, ты же не будешь его себе в рот пихать.

— Вот так?

— Да, неплохо. Только смотри в глаза.

— Не могу. На смех пробирает.

— Эх. Ладно. Потом повторим. Теперь к главному. Возьми меня за руку. Крепче, покажи, что ты мужчина... Уй! Не настолько же! Теперь вторую руку положи мне на спину. Примерно, где застежка бюстгальтера.

— А где она?

— Ну вот тут, примерно. Что ты там нащупать пытаешься? Я это не ношу. И расслабься ты, будь нежен, но не робок.

Арина знала, что это неприлично, неправильно и вообще гадко, но ничего не могла с собой поделать: она прижалась ухом к двери актового зала и пыталась представить, что там происходит. Голос принадлежал Цыбину, отвечал ему, кажется Ангел — версий не намечалось. Никого, кроме этих двоих, Арины и дежурного за стойкой в приемной, в каретном сарае не было.

А ситуация за дверью накалялась.

— Давай, решительно, как я тебя учил... Ой! Больно же! Продолжай, не останавливайся... Не смотри туда, только в глаза... Где твое чувство ритма? Ну, давай, раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре...

— Можно я немного отдохну?

— погоди, я только начал получать удовольствие. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, — Моня устало пыхтел.

— А если я вот так?

— О! Ты начинаешь понимать суть! Можно — все! Я весь в твоей власти! Делай со мной что угодно — только смотри в глаза!

Арина поняла, что сейчас лопнет от любопытства. Она краем уха слышала, как стажеры (по большей части — стажерки) Особого отдела обсуждают слишком уж нежную дружбу между Цыбиным и Шориным. Слышала, как про кроткого Мануэля, сносящего грубость друга, говорили «походная жена». В общем-то Арине было все равно, но вот Ангел... И она решительно вошла.

— О! Арин Пална! Заходите! — улыбнулся ей навстречу Цыбин. — Вы ведь умеете медленный фокстрот? А то этот ваш мальчик мне уже все ноги оттоптал.

Арина улыбнулась. Ангел неумело вел Цыбина в фокстроте.

— Давай, Ося, смена партнера, как я тебя учил!

Ангел взял Цыбина за руку, отвел к стене и поклонился Арине. Арина подала руку.

— Давайте, а я вам вместо музыки буду! — Мануэль развалился на стуле и начал петь, подвывая и жеманничая:

Оська сорване-е-ец, Зеленоглазый удале-е-ец, Веселый друг моих забав,
Вообще, чудесный, славный парень. Ося, ты помнишь наши встречи

В Приморском парке, на берегу?

Он отбивал ритм пальцами по подоконнику и явно наслаждался зрелищем. Ангел краснел, путался в ногах, сбивался с ритма.

— Не, братец, таким манером ты свою Гамильтонику не поразишь. Давай еще раз. И помни, левая нога у тебя слева, правая — несколько правее, а всего у тебя их две. Непонятно, где здесь может быть проблема. Арина Павловна! К вам тоже претензия — очень скучно танцуете. Задора не чувствуется, знаете ли...

— Ну, вы тоже не Изабелла Юрьева. И какой задор в одиннадцать вечера?

— Уже одиннадцать? — Мануэль встрепнулся. — Эх, никакой жизни с вами. Опоздал везде. Давайте уж, танцуйте, хоть какая-то радость в этот вечерочек...

Арина и Ангел старательно выделывали па на стертых досках актового зала под окрики Цыбина: «Спину держи!», «В глаза гляди!», «Где ритм?».

В какой-то момент он не выдержал — и вскочил.

— Так, Ося! Я тебе сейчас покажу, но учти — это в последний раз. Смотри внимательно.

Оттоптаннные Ангелом ноги нещадно гудели, да и день выдался муторным, смертельно хотелось упасть на диванчик в своем кабинете — и уснуть. Арина не раз готова была расцеловать Цыбина за этот диван — можно было не идти час по ночному городу, а спать прямо в УГРО, в тишине и одиночестве.

Так что, как бы ни манил диван, — она улыбнулась Цыбину.

Танцевать с Мануэлем было непросто. Он отлично вел, провоцируя партнершу на забавные отступления от классического рисунка. Но параллельно так старательно и громко отвечивал комплименты, косясь в сторону Ангела, так акцентировал каждое движение, что сдерживать смех было совершенно невозможно. И при этом он продолжал распевать, пародируя то Юрьеву, то Вертинского, то Утесова.

Наконец Цыбин допел последнее «Как незаметно бегут года» — и действие остановилось. Ангел заплодировал:

— Ух! Мануэль Соломонович, после такого танца вы прям обязаны жениться на Арине Павловне!

— Во-о-от. А я тебе что говорю? Закружишь свою Гамильтонику — считай, она твоя навеки! Но, мальчик мой, тренировки, тренировки и еще раз тренировки! Завтра пойдем в парк на танцы — будешь на живых людях тренироваться.

— А я что, не живая? — Арине даже обидно стало.

— Простите, оговорился, на незнакомых. Так как насчет женитьбы?

— Воздержусь, пожалуй. Поверьте, ничего личного — просто не входит в планы.

— Это замечательно! В смысле, я был бы рад, то есть... В общем, не смущайте меня — я о другом. У меня дома раз в пару недель собирается некий клуб убежденных холостяков обоюбого пола. Немного выпивки, немного музыки, немного разговоров — приятно проводим время. Приглашаю присоединиться.

— Почту за честь.

— Как будем заседать — дам вам знать. А пока — вынужден проститься. До встречи! Ося, не стой болваном, пошли по домам, завтра работать!

И он поцеловал Арине руку, как учил Ангела: лишь обозначив поцелуй в воздухе.

Особый маскарад

— Ах, вот вы где прохлаждаетесь! — голос Лики не предвещал ничего хорошего. — Давайте быстро на выход, Ли уже в катафалке.

Арина сгорбилась над очередной загадкой. Две пули, одна из трупа, другая — из пистолета подозреваемого, были чертовски похожи друг на друга, кроме одной мелкой царапинки. И вот поди пойми — то ли царапнуло пулю об кость, то ли поцарапало еще на заводе, то ли все-таки не тот пистолет, не тот человек, не то, все не то.

Цыбин же с Шориным («Мы не к вам, Арина Павловна, мы к нашему любимому диванчику»), вольготно развалившись, попивали чаек.

— А что случилось, Леокадия Викентьевна? — Цыбин поставил кружку на табурет, не вставать не торопился.

— Опять Маскарад.

Цыбин и Арина вскочили, как ужаленные. Шорин остался сидеть, недоуменно глядя на них.

— А тебе особое приглашение нужно? Вряд ли тебе там работа будет, но быть обязан, — Мануэль аккуратно пнул Шорина ногой.

— Да иду я, иду. В катафалке расскажешь. Ангел приветливо махал рукой из катафалка.

— Вы слышали? «Маскарад» снова за дело взялся!

— Да объясните уже толком, что за маскарад такой, — вспыхнул Шорин.

— Банда с таким названием известна еще с тридцатых годов... — начал Цыбин.

— Ага, их даже местные все уважали. Серьезные ребята. Фимка Джокер, Марат Киса Чеснок, Глаз, еще парочка... граждан.

— Ничего себе познания! — Мануэль был восхищен.

— За такие познания пороть кой-кого нужно. Тебе что Яков Захарович говорил? Чтоб забыл своих Джокеров да Глазов как страшный сон, — Арина грозила Ангелу пальцем, сурово сведя брови, но все ж таки улыбнулась: — Хотя твои познания сейчас вполне уместны.

— Не ругайте товарища Ли, Арина Павловна, — мягко вступился Цыбин. — Знание контингента — первая вещь для оперативного сотрудника. Не успеете оглянуться — и вам в пример будут ставить некоего Ли, Иосифа... Как там тебя по батюшке?

— Ваньшеневич.

— Иосифа Ваньшеневича, — на автомате добавил Мануэль, а потом, выпучив глаза, резко развернулся к Шорину. — Дава! Ты это слышал?

— Может, совпадение. Фамилия не редкая.

— А скажите, Иосиф Ваньшеневич, как вашу бабушку зовут? — обратился Мануэль вкрадчиво.

— Фрида Леоновна, многострадальная женщина, сколько ей крови этот поросенок попил, — вздохнула Арина. — Она его приличным человеком считала, мол, Осенька и на скрипочке учится, и в школе отличник, — а Осенька ее...

Арина сокрушенно покачала головой.

— Фрида Леоновна Ли? Звучит странно даже для Левантии, — удивился Мануэль.

— Озанян она, кажется, была...

— Озанян, Озанян, она мамина мама. А папину маму я никогда не видел. Как-то ее

звали... Ли Тао Лун, кажется. Она китайка, у них фамилии сначала, а имя потом.

Цыбин аж подпрыгнул — и завопил радостно:

— Ну? Что я тебе говорил? Она самая, самая она! Насчет «звали» — это вы поторопились, юноша. Насколько мне известно, ваша бабушка и ныне вполне себе здравствует, вполне бодр, без скидки на возраст.

— Мне бы так, — подтвердил Шорин.

— А не говорили ли в вашей семье, — продолжил Цыбин вкрадчиво, — о некоторых, гм, способностях вашей уважаемой бабушки Ли Тао?

— Не, не говорили. Бабушка ее не любила, а родители померли — мне и пяти не было.

— А знаете ли вы, что значит слово Лун на китайском? Произносится, впрочем, немного не так. Арина и Ангел смотрели на Цыбина полными любопытства глазами.

— А означает это слово — «дракон», — торжественно произнес Цыбин.

— Видел бы ты, как мы с твоей бабушкой порезвились в тридцать девятом под Уханем, — потянулся Шорин, улыбнувшись, — на нас сам Жуков матом орал за некую излишнюю активность.

— А вы что? — открыл рот Ося.

— А мы — ну, ответили, мол, рады стараться... Ну, не так немного. В общем, ругается твоя бабка не хуже, чем воют.

— Говорят, после Халхин-Гола в Японии не осталось драконов старше десяти лет. Вот и сидели смиренно, пока не подрастили. Потом снова наглеть начали...

Цыбин замолчал, наверное, вспоминал что-то свое.

— Так что там с этим вашим «Маскарадом»? — нарушил тишину Шорин.

— А что с «Маскарадом»? Брали банки, склады, как-то даже музей грабнули, — вышел из задумчивости Мануэль. — Взяли их в сорок первом. В январе...

— Ага. Громкая история была. Мы с Евгением Петровичем сутками совпадения искали.

— А мимо меня чуть не пролетело. Типа не мой район. Я тогда по Приморскому работал... Погодите, им же тогда всем дали... Ну, по максимуму.

— Честно говоря, не узнавала.

— Ну да, даже мелкой шустере, которая как бы ни при чем, — лет по десять. Откуда они вдруг взялись?

— Ну, значит, другие. Они вывеску не патентовали. Кто хочешь приди, «Маскарадом» назовись — и пожалуйста.

— Значит, повезло Ангелу. Раз у них фантазии даже на новое название не хватило, то и поймать их будет нетрудно. Да, Ося?

Арина и Мануэль повернулись к Ангелу. Тот сидел с открытым ртом, во все глаза глядя на прикорнувшего Шорина.

— Эй, Ангел, ты там живой? — Арина хлопнула его по плечу.

— А? Не, нормально все. Так получается, я тоже — немножко дракон?

— И не мечтай. У вас только по женской линии, — развел руками Цыбин. — Старшая дочь старшей дочери. Ты не знаешь, у тебя тетка есть?

— Не знаю. Бабушка мне не рассказывала... Ну, бабушка Фрида.

— Так что, может, у тебя есть кузина-дракон.

— Ага, Аманда Ли, дочь Ли Сюин. Обе в Америке. Союзнички, так сказать, — Шорин казалось, и не спал вовсе.

— А у меня — никаких шансов?

— Не, пацан, это либо с рождения, либо никак.

— То есть я никогда не буду как вы?

— А что я? Вот бабка твоя...

— Расскажите?

Цыбин встал со своего сидения — и жестом пригласил Ангела поменяться местами.

— Это теперь надолго... — вздохнул он, присаживаясь рядом с Ариной.

Но доехали быстро, Шорину пришлось пообещать Ангелу, что на обратном пути расскажет еще.

Орсовский склад Левантийской судовой верфи, бывший склад Федяковых, по-купчески добротное и унылое здание из грязного красного кирпича, прятался за бетонным забором с узкой проходной и шлагбаумом для грузовиков.

Катафалк, впрочем, внутрь не пустили — пришлось спешиться.

— Сахар-рафинад колотый — десять мешков, мука пшеничная сорт первый — восемь мешков, сорт второй — двенадцать мешков... — монотонно перечислял потери завскладом, глядя в ведомость.

Цыбин слушал, тоскливо разглядывая «автограф» банды — нарисованную на стене углем черную маску-домино, похожую на поваленную букву В. Арина ползала среди нагромождения продуктов, как Папанин среди торосов. Все было понятно, но ничего не ясно. Вот тут взяли, вот сюда поволокли, передавали по цепочке.

А дальше?

— Эх, собачку бы нам, следы вынюхивать, — вздохнула Арина.

— У нас этот вместо собачки, — кивнул Мануэль на Шорина. — Хочешь — можешь сахарком угостить.

— Я, между прочим, все слышу, — пробормотал Шорин, — Монь, опять фолишь.

— И что сделаешь? Укусишь? — улыбнулся Цыбин, но отошел.

— О! Другое дело. Чисто, следов нет.

— О! Есть след! — почти одновременно воскликнула Арина, — хорошо так наследил, прямо в муку вступил. Впрочем, бесполезно. Сапог кирзовый рядового или младшего командного состава армии, без каких-то характерных отличий. Размер сороковой — тоже вполне стандартный.

След Арина, конечно, сфотографировала, но, как любил говорить Евгений Петрович «для семейного альбома» — то есть абсолютно не веря в пользу дела.

— Простите, Давыд Янович, не знаю, как фонят, но свет вы мне загораживаете, — обратилась она к Шорину.

Тот пожал плечами и вышел на свежий воздух. Послonyaлся, насвистывая, по двору, остановился, замер — и вдруг закричал:

— Моня, быстро сюда, тут это... след.

Цыбин подбежал с другого конца двора, где общался с унылым завскладом, Ангел выскочил откуда-то из конторы, даже Арина пришла глянуть на редкое зрелище.

— Значит, вот тут он начал мутить.

— Что делать? — не понял Ангел.

— Проявлять в деле Особые способности, — объяснил Цыбин, — давай отойдем на пару шагов — не будем мешать.

— Воздух, четверка. Настроение — приподнятое, веселое. Куражился он, развлекался так. Сытый, здоровый... здоровая.

— Женщина? — переспросил Цыбин, — Откуда понял?

— У нее эти... регулы, — Шорин как будто даже слегка запнулся и покраснел.

— Значит, в остальное время она тройка. Ага, дальше.

— А дальше интереснее. Умело тетка работала. Шла вон туда, но мутить не переставала.

Шорин показал рукой, а потом сам пошел в том же направлении. Арина только сейчас заметила, что глаза у Давыда были закрыты. Но шел он быстро, уверенно, и впрямь напоминал овчарку, взявшую след.

Все трое почти побежали за ним. Шорин провел их в угол двора, на мощный пятак размером с баскетбольную площадку, примыкавший к углу склада.

— Тут у них грузовик стоял, говорят — угнали. Видимо, на нем шамовку и увезли, — пояснил Ангел, — заодно и кладовщика прихватили.

— Еду, не шамовку, — на автомате поправила Арина.

— А дальше она намного быстрее двигалась, но при этом уставала меньше... — в голосе Шорина появилась задумчивость. — Ну то есть в машину села. Но при этом мутила всюю.

Шорин бросился в сторону шлагбаума.

— Дальше на катафалке надо. Они по дороге ехали. Если пешком — придется по проезжей части идти... — Мануэль за руку, как слепого, отвел Шорина к машине.

Арина с Ангелом запрыгнули в катафалк, Шорин сел рядом с Вазиком, Цыбин — у него за спиной.

— Тут налево, — сказал Шорин, не открывая глаз, — дальше метров через сто — направо.

«Маринка так не могла», — пронеслась у Арины мысль.

— Метров двадцать — и резко направо, — произнес Шорин все так же уверенно.

— Там поворота нет, — тихо возразил Вазик.

— Сказали — сворачивай, значит сворачивай, — отрезал Цыбин. Катафалк забился на ухабах обочины.

— А вон ведь след шин, — показала Арина, — значит, верно едем.

— Он не ошибается, он дракон, — восхищенно пискнул Ангел.

Проехали еще метров сто.

— Тпр-ру, — вдруг резко крикнул Шорин и открыл глаза. — В смысле, остановите, пожалуйста.

Огляделся растерянно, как только проснувшийся человек.

— Все, перестала она мутить. Вот тут.

— Арина Павловна, оглядитесь? — попросил Цыбин.

Арина вышла. Они оказались на берегу, поросшем высокими кустами. В одном месте кусты были заметно прорежены — даже издали Арина заметила сломанные ветки.

За кустами скрывался небольшой обрыв — метра два.

— Не поможете спуститься? — неуверенно попросила она, обращаясь ко всем трем сразу. Шорин и Ангел, не сговариваясь, сиганули вниз и встали как два рыцаря, протягивая руки.

Арина оперлась на обе — и сошла бы, наверное, царственной походкой, если бы не скользкая глина под каблуком. Так что съехала.

И почти сразу же наткнулась на кладовщика. Он лежал у самой кромки прибоа, лицом вниз.

— Ребята! Быстро сюда! Он живой! — закричала Арина, нащупав слабый, но вполне убедительный пульс. — В рубашке мужик родился — мог шею сломать, мог захлебнуться — но жив же, жив!

Ангел и Шорин взяли кладовщика на руки.

— Погодите, может, рядом есть пологое место — тут вы его не вытащите, — Арина метнулась в сторону.

Мужик был невозможным везунчиком — действительно, не слишком далеко к воде спускалась тропка. Узенькая, крутая, но проходимая.

Мужчины, как могли осторожно, донесли пострадавшего до катафалка. Кладовщика пристроили на полу, и Арина внимательно его осмотрела.

— Вацлав Михайлович, дуйте в больницу! Он в шоке, но серьезных повреждений нет.

— Ну, если нет, — рассудительно заметил Вазик, — давайте я вас тогда у вашего сарая выкину, благо по дороге, а его сам сдам.

Арина кивнула благодарно. И еще раз с грустью подумала, почему такому золотому Вазику достался такой негодный сын.

— Ангел мой, это же шутка, правда? Ты же не отдашь вот это, — Арина потрясла мятым листом бумаги, — Мануэлю Соломоновичу?

— А что? Нормальный протокол...

— Осенька, тут двадцать три ошибки. На одну страничку. Это не считая того, что ты употребил такие, гм, не слишком подходящие для протокола слова, как «шамовка», «халыва» и вот этот оборот «пошли на тихую»... Ну не пишут так, не надо. Ты же можешь по-человечески, что с тобой, Ангел?

— Да не могу я! Как об этом складе думаю, сразу жрать охота, аж жуть! У них там, я посмотрел, и мясо американское в банках такое, с ключиком, вку-у-у-у-усное, и пряники мешками, и даже халва!

Арина печально посмотрела на Ангела. Она старалась видеть в нем взрослого человека, коллегу, но видела только растущего, а оттого вечно голодного мальчика.

— Так, халвы у меня нет, но вот хлеб, и даже с сахаром, — найдется. Сейчас чаю поьем — а потом исправишь все ошибки. Договорились?

— Идет!

За чаем Ангел болтал исключительно о драконах. Какие они кле-е-е-е-евые, мощные и прекрасные. Арина слушала, закатывая глаза, при этом успевала править ошибки в Ангеловом протоколе.

— Ты восьмилетку-то закончил? — спросила она вдруг, оборвав его восторженный писк.

— Ну вы сами знаете, как-то не до того было.

— Так запишись в вечернюю. У тебя вся жизнь впереди, образование пригодится. Не до старости же тебе в операх сидеть. Выучишься, станешь кем сам захочешь — хоть следователем, хоть инженером, хоть врачом.

— Кем захочу — не выйдет. Давыд Янович сказал, дракон — это с рождения.

— Хорошо, кем сам хочешь, кроме дракона.

— У-у-у-у-у... — Ангел засопел обиженно, — а смысл тогда учиться?

Арина снова закатила глаза.

— Осенька, ну давай ты пойдешь в школу, потому что я тебя об этом лично попросила. Ну смотри. Вот война кончилась. Еще год-другой — все отстроим, жизнь пойдет нормальная, мирная. И придут сюда работать те, кто по двадцать ошибок подряд не делает. И выгонят тебя. Будешь на улице ботинки чистить. Ты же этого не хочешь?

— Не выгонят. У меня это, познания из прежней жизни. Вон из «Маскарада» всех знаю... знал. Не, правду Мануэль Соломонович говорит — другие они. Эти бы Особук никогда не взяли. Западло это.

Арина сдвинула брови.

— Пожалуйста, добавь эту мысль к своему протоколу, только, пожалуйста, без слова «западло». И давай я все-таки узнаю про вечернюю школу. Ну честно, если надо — с уроками помогу. Хотя ты умный — сам все быстро сообразишь. Будешь там главный отличник. О! Кстати! Хочешь, поищу, где китайский учат, — будешь бабушке своей, драконше, письма писать.

— А что, так можно? Тогда давайте! И это... Можно еще сахару?

На следующее утро Арина пришла в УГРО с загадочной улыбкой на лице. Ей сказочно повезло — в магазин, к которому были привязаны ее карточки, завезли самую настоящую халву и отоваривали по сахару. Кусочек удалось раздобыть небольшой, но его вполне хватит, чтобы и Ангела как следует угостить, и самой попить чай с вкусеньким. Зайдя к себе в кабинет, она быстро развернула покупку, отрезала большую часть — и отнесла на стол Ангелу. Прикрыла бумагами — пусть будет сюрприз, а сама пошла в морг, предвкушая, как в середине дня выпьет чаю с халвой.

В морге, впрочем, благодушное настроение с нее слетело. Прекрасный во всем прочем Евгений Петрович умудрился оставить после себя чудовищный беспорядок, раскидав по всей прачечной инструменты, образцы тканей и какие-то бумаги явно не рабочего характера. Да, и огрызок яблока. Ржавый, мерзкий огрызок прямо посреди цинкового стола, который Арина вчера лично отмыла до приятного деликатного блеска.

Глаза Арины сузились. Она небольшим, но очень злобным демоном мщения влетела обратно в каретный сарай — и направилась напрямиком к кабинету Бачея, такой же небольшой клетушке, как и ее собственный.

— Доброе утро, Арина Павловна! Хотите яблочко? — улыбнулся ей навстречу Евгений Петрович.

Году в сорок первом Арина представляла, как убьет своего первого человека. Немца, румына... Но, кажется, жизнь складывалась так, что первой ее жертвой должен был стать хорошо знакомый левантиец.

— Евгений Петрович, я прошу вас убрать за собой рабочее место, — произнесла Арина так холодно, что яблоко в руках Бачея, кажется, покрылось ледяной коркой.

— Простите, Арина Павловна, вдохновение напало внезапно. Сейчас уберу.

Кроткость Евгения Петровича даже раздосадовала Арину. Хотелось боя.

Она сопровождала Бачея до прачечной, проследила за его работой (то есть несколько раз отвлекала от перечитывания забытых им в морге листочков), убедилась, что все снова сияет, выкурила подряд три папиросы, но прежнего душевного покоя не обрела.

Закончив дела в прачечной, она возвращалась к себе. В темном коридоре навстречу ей показались начищенные до блеска сапоги и белая гимнастерка.

Странно, ей показалось, что Шорин стал как будто ниже ростом и светлее лицом.

— Арин Пална, а у вас очки запотели, — сказал вдруг Шорин голосом Ангела.

Арина протерла очки и прищурилась. Ангел выглядел так, будто решил одеться на маскарад Шориным. Конечно, так идеально выгладить форму ему не удалось, зато волосы набриолинил до абсолютной гладкости.

— Ты, я смотрю, выбрал себе кумира? — Арина вложила в свои слова весь возможный яд.

— Человек, настроенный на получение образования, должен выглядеть солидно! — серьезно ответил Ангел.

Арина все-таки сдержалась, чтоб не засмеяться.

— Я там тебе сюрприз оставила на столе.

— Спаси-и-и-и-и-ибо, — с Ангела слетела вся его серьезность, и он побежал в сторону своего кабинета.

Арина вернулась к себе. На диване примостился сам оригинал Ангелова маскарада. Он шумно прихлебывал чай из большой железной кружки и облизывал пальцы.

На столе у Арины сиротливо лежала бумажка из-под халвы. Даже крошки с нее были собраны, а возможно и слизаны.

— Добрый день, Давыд Янович, — произнесла Арина спокойно, — а вы не видели, кто съел мою халву?

Шорин встрепенулся, как будто после сна. Бросил быстрый удивленный взгляд на бумажку от халвы, потом виноватый — на Арину.

— Я зашел, вас не было. А она — была, — он показал пальцем на бумажку, — в смысле, халва. Я решил попробовать. И, кажется, увлекся. Простите.

Арина широко улыбнулась.

— Я вас убью, и нарсуд меня оправдает, — сказала она, кажется, чуть более серьезно, чем стоило.

Шорин побледнел и выскочил за дверь, забыв кружку.

Арина села за стол — и всю накопившуюся в ней злость вылила в написание рутинных бумаг.

«Отчет о вскрытии», «Протокол криминалистического анализа», «Заключение». Документы летели из-под ее пера, как из типографии.

— «Отдыха нет на войне солдату», — раздался голос Мануила Соломоновича.

Арина подняла голову. Солнце ушло за барскую усадьбу — значит, было не меньше четырех часов вечера. Спина ныла, пальцы, весь день сжимавшие ручку, сводило.

— Извините, привычка, напеваю всякую ерунду.

— Да не стесняйтесь, мне нравится. Вот, Шорин просил передать с извинениями.

Он положил ей на стол увесистый кулек.

— Халвы не достал, но зато обнаружил вполне годные конфеты, — он произнес «конфеты» так приятно, по-домашнему, на старый манер, что у Арины во рту возник вкус шоколадки братьев Крахмальниковых. Папа обязательно дарил Арине, которую тогда звали Ирэнной, шоколадку на Рождество и целую бонбоньерку на именины.

Впрочем, «конфеты» оказались карамельками фабрики Кирова, к которым был добавлен цибик чаю. По-королевски щедро — если Шорин покупал все это у коммерсантов, вышло рублей на сто.

— Благодарю вас, Мануэль Соломонович, я извинения принимаю только лично.

— Понимаю и передам. И вновь прошу не сердиться на Давыда Яновича.

— Вы постоянно об этом просите. Попросите уже своего Давыда Яновича перестать меня сердить.

— Поверьте, он старается. Но воспитание...

— Отсутствует.

— Ну, я бы не был столь категоричен... Но в целом вы правы. И жду вас на нашей маленькой встрече клуба холостяков. В эту субботу. Вы собирались быть!

— Хорошо.

— Но есть одно условие — что-нибудь к столу. От меня будет ведро щей.

— Конфеты пойдут?

— Если есть спирт... — глаза Цыбина стали бархатными и молящими. — А Впрочем, сойдут и конфеты. И второе. У нас все на «ты». По именам.

— Принято, Мануэль Соломонович.

— Моня, просто Моня.

Он закинул в рот одну карамельку и вышел, чуть пританцовывая.

Без женщин и без фраз

Без женщин и без фраз

— Мануэль Соломонович! Вы пригласили меня к себе, но даже не сказали, куда идти.

Это оплошность или хитрость? Если второе — не смею навязывать вам свою компанию.

— Оплошность. Непростительная. Впрочем, вы ведь в субботу будете на работе?

— Да, я дежурю до двух.

— Прекрасно! Тогда я смогу, вместо пространных объяснений, довести вас до места.

— Договорились.

В субботу в два Мануэль Соломонович стоял на крыльце даже более нарядный, чем обычно.

Даже запонки синего стекла стягивали манжеты — и пускали солнечных зайчиков.

Арина заговорщицки подмигнула Цыбину и покачала сумкой, в которой солидно булькало и жизнеутверждающе звякало.

— Спирт не дам, казенное имущество, но вот водку раздобыла. Вполне качественную.

— Уважаю вашу позицию.

Мануэль Соломонович подал Арине руку калачиком.

— И не забудьте, только на «ты» и по именам. Я суровый хозяин, за выканье — выгоняю. Если желаете, можем попрактиковаться по дороге.

— А далеко ли нам идти, эм, Моня?

— Арина, мы же с тобой соседи. В Рождественскую улицу, конечно.

Арина остановилась, как будто наткнулась на невидимую стену.

— Прости, Монь, я, наверное, не пойду... Ну, там... там был мой дом.

— Всю жизнь будешь обходить эту часть города?

— Возможно.

— А если по работе? У нас теперь не такие тихие места, как были до войны.

— Поменяюсь с Евгением Петровичем.

— Так тебе и дадут. В общем, тебе решать — но предлагаю, раз уж я рядом и мы никуда особо не торопимся, попробовать пройтись. Может, все не так страшно. Или же — доведу тебя обратно.

— А давай... Я попробую.

— Пока предлагаю попытаться подумать о чем-то другом. Знаешь, например, что было вот в этом доме?

— Ты про Первый левантийский Коминтерн поэтов?

— Ух ты! Еще никто не отвечал мне на этот вопрос! Уважаю.

— Интересовалась вопросом. У меня родители были помешаны на левантийских поэтах.

И авиаторах.

— Тогда зайдём на Площадку?

— Разумеется!

Площадка была местом странным даже для Левантии. Михаил Райко, один из первых левантийских авиаторов, по совместительству поэт, художник, первый, кто привез в Левантию кино, в общем, человек-легенда, завещал, чтобы вокруг его могилы разбили сквер для детей.

Похоронили его прямо посреди города, в том месте, где разбился его биплан, под чугунной плитой, а вокруг высадили розы и расставили детские качели, лавочки и турники.

И дети круглый год бегали и играли вокруг могилы Райко.

Они сели на лавочку полюбоваться зрелищем. Арина погрузилась в философские размышления, хотела ли она бы так вот — посреди шумного сквера... Но не с Монею же это обсуждать — обяэзвит. Вот Кодан понял бы...

— Дай папироску! — хриплый голос вывел Арину из раздумий.

К ним подошел парнишка лет десяти — грязный, босой, сопливый.

— Не курим, — ответил Монея, затягиваясь папиросой. Мальчик отошел.

— Вот так рушатся легенды о нежных невинных крошках, мило резвящихся на костях старых поэтов, — сокрушенно вздохнул Монея и поднялся. — Пойдем?

Они пошли дальше. Между ними образовалось что-то вроде игры-состязания. Проходя мимо дома, где жил, работал или бывал какой-либо из левантийских или приезжих поэтов, они наперебой вспоминали строчки из него. Пока что шли ноздря в ноздю. Монея вспомнил возле бывшей извозчичьей биржи, как Пушкин заехал в Левантию, взял извозчика — и сказал, чтобы тот за любые деньги увез его подальше от города, зато Арина вспомнила, как в вокзальном буфете пьяный Есенин обучал персонал готовить свой фирменный салат (и до самой войны в этом буфете подавали салат «Есенинский»).

— Ну, вот мы и пришли, — вдруг сказал Цыбин.

Арина как раз мучительно пыталась вспомнить строчку из «Грота Диониса» поэта, стоявшего на воротах стадиона «Пищевик» (бывший Южного Банка, бывший Петровский) так что совершенно не соображала, где находится.

Глухой двор, со всех сторон окруженный желтыми стенами, показался знакомым.

— А ты знаешь, что поэт, стихи которого ты присвоил, жил в этом доме? — спросила она у Мони сурово. — Мне папа показывал!

— Арина! Ты сказочно злопамятна! Это было... почти двадцать лет назад.

— Прости. Для меня эти стихи очень много значат.

— Для меня чуть больше. Видишь ли, поэт, который их написал и который жил в этом доме, — немножечко мой отец. Понимаешь, он же бросил стихи. Та книжка, которую ты читала, так и осталась единственной. Работал в какой-то конторе, жил скучно... А я хотел, чтобы у меня был папа-поэт. Хотел доказать ему, себе... Не знаю уж, кому и что.

— Звучит трогательно. Но что-то я не помню, чтобы книжка была подписана Соломоном Цыбиным.

— О! Тогда были в моде пышные псевдонимы! Эдзю, Пьеро, Пурпур... А отец подписывался Матвей Дальницкий. Пошловато звучит, но такое было время.

— И лишь, как встарь, светло моё окно

С чернеющей на крыше голубятней... — задумчиво процитировала Арина, глядя на контур голубятни на фоне темнеющего неба.

— Да. Ведь скажи, правда же — он был поэт?

Арина улыбнулась и кивнула.

— Монея! Опять соблазняешь дам поэзией? — раздался голос Шорина откуда-то снизу.

— Нет, редкий случай — беседую с интеллигентным человеком, а не с дурным солдафоном типа тебя.

— А мы тут сидим, не едим, не пьем, ждем вас...

— Сейчас, уже идем.

Цыбин подошел к подвальному окошку, нырнул куда-то вниз и исчез.

— Арин, давай к нам!

Арина заглянула. На подоконник был постелен половик, а внизу в качестве ступеньки была приставлена табуреточка. Моня уже куда-то убежал, а вот Шорин стоял возле табуретки и протягивал Арине руку.

Арина спустилась в довольно большую комнату. По случаю вечеринки мебель была придвинута к стенам, а возможно, частично убрана. На стульях и диванчике (младшем брате того, что стоял теперь в кабинете Арины) теснились гости. Перед ними была расстелена скатерть. Без стола, прямо на полу. На скатерти громоздились бутылки, тарелки и миски с какими-то закусками, открытые банки консервов, кастрюли с супом и вареной картошкой.

— Давай покажу, где тут у меня что, — шепнул внезапно оказавшийся рядом Цыбин и повел Арину к двери.

Пожалуй, это была самая странная квартира из виденных Ариной. Больше всего она напоминала катакомбы. Из комнаты выходил темный извилистый коридор с бугристым полом и неровными стенами. Где-то вдалеке он заканчивался тупиком. Множество ответвлений тоже вели в тупики, лишь три заканчивались дверями — в ванную (с дровяной колонкой и ванной на львиных лапах), на кухню (где уже какие-то незнакомые Арине люди раскатывали тесто, растапливали огромную печь и доставали какие-то запасы) и еще одна, запертая — «бывшая кладовка, ныне моя скромная келья, куда не ступит нога постороннего» — обозначил ее Моня.

— И это... Уборная на улице. За углом, — застенчиво признался Моня, когда экскурсия была окончена.

Увидев крайнюю степень недоумения на Арином лице, Моня рассказал вкратце историю своего жилья.

Раньше это была огромная четырехкомнатная квартира, где жили Моня, его родители, бабушка, тетка с двумя дочерьми, а также сестра с мужем и сыном.

Когда Моня вернулся, в квартире не было никого. «Немцы», — коротко обозначил Моня, не вдаваясь в детали.

Одинокого Цыбина, конечно, немедленно уплотнили — в квартиру въехала шумная и многочисленная семья Бекир-заде. Глава семейства, покурив на кухне с Мoneй, договорился о разделе квартиры. Всего-то и нужно было — поставить перегородку, и получались два совершенно независимых помещения Бекир-заде достались три комнаты, половина кухни, уборная и входная дверь вместе с прихожей, а Цыбину — все остальное.

Тем временем вечеринка все-таки началась. Моня торжественно представил всех собравшихся.

Арина пыталась запомнить имена, но через некоторое время сдалась. Из знакомых лиц Арина увидела только Шорина, то есть Даву, Лику и Евгения Петровича, которого почему-то представили как Валентина.

— Зря ты сюда пришла, никакой пользы! — тут же после знакомства обратилась к Арине крупная девушка с необъятного размера бюстом. Кажется, ее представили как Дашу.

— А какая здесь может быть польза?

— Ну ты дурочку-то не строй. Небось, решила, что раз холостяцкая вечеринка — найдешь тут себе мужика? Гиблое дело! Уже месяц хожу, ни разу никого не подцепила. А я цепкая — если уж возьмусь, мужик от меня не уйдет.

— Я сюда, честно говоря, не за этим... Не тороплюсь...

— Не торопиться? Да тебе, небось, уже за тридцать. В твоём возрасте детей уже в школу водить надо. В общем, хочешь совет — не провыбирайся. Но тут ловить нечего, серьёзно.

— А ты зачем сюда ходишь, раз нечего ловить?

В ответ Даша только фыркнула и наконец-то потеряла к Арине всякий интерес.

Арина следила краем глаза за Евгением Петровичем. А он вел себя чуть более, чем странно.

Увидев, что в оконном проеме появился немолодой мужчина со смеющимися глазами за толстыми стеклами пенсне, с большими губами и мужественным подбородком, тут же начал от него натуральным образом прятаться.

Тот, в свою очередь, тоже слишком старательно избегал «Валентина».

— Они в ссоре? — спросила Арина у Цыбина, когда они оказались на кухне вдвоем.

— Наоборот. Ближе людей не встретить. Видишь ли, у них роман...

Арина поморщилась. Она слыхала о таком, но это было как-то очень противно.

— В хорошем смысле. Пишут роман по переписке. Уже год. Я читал кусочек — очень приятная история. Но оба считают это делом несерьёзным — так что тщательно делают вид, что незнакомы. Кстати, ты его узнала?

— Валентина-то?

— Нет, второго.

Арина задумалась.

— «Сегодня стулья глядят странно», — промурлыкал Цыбин

— Ничего себе! Неужели Агата Сердоликова?

— Она самая, самая она. Но он. Здесь, кстати, его зовут Саул.

— Почему они двое под псевдонимами? Чтобы легче было не узнавать друг друга?

— Все куда прозаичнее. Оба давно и счастливо женаты. Так что холостяками считаться не могут. Поэтому — приходят как бы инкогнито. Жены их тоже иногда нас посещают — но отдельно и тоже под псевдонимами. Не волнуйся, скоро они успокоятся в уголке — и начнут бесконечный спор, может ли героиня простить героя за гибель котика. И если да — при каких обстоятельствах. Наорут друг на друга, выкурят по полпачки папирос, обнимутся...

— Моня, но это же совершеннейшая чушь, — перебила его Арина. — Признайся, ты меня разыгрываешь, и нет ни жен, ни котика, ни романа?

— Может быть, и нет. А может быть, и есть, — тонко улыбнулся Моня и отвернулся к столу. Арина рассмеялась. Поддерживать с ним беседу было необыкновенно легко.

— А меня тут уже обвинили в желании женить на себе половину присутствующих.

— Даша? Прекрасная девушка, но, к сожалению, слишком грезит о замужестве. Мне понадобилось очень много времени, чтобы доказать ей, что я абсолютно не подхожу на роль супруга. Так что если услышишь какие-нибудь гадости обо мне — почти наверняка это я сам придумал их персонально для Даши.

— Неужели кто-то распускает о тебе сплетни?

— Обо всех, Арина, обо всех. Здесь, по месту жительства, на работе...

— Ну не на работе же. У нас народ серьёзный...

— Ага. Только еще до твоего возвращения я узнал, что у тебя роман с Бачеем, долгая, почти супружеская жизнь с Яковом Захаровичем, от которого ты в юном возрасте родила Ангела, а в свободное от любовных утех время ты хранишь в морге контрабанду и торгуешь

золотыми коронками покойников.

— Какая я молодец! Прямо самой завидно. О тебе я пока что знаю только то, что ты спишь с Шориным.

— Исключено, — Шорин вошел на кухню неожиданно, — он храпит и дрыгает во сне ногами. Совершенно невозможно уснуть.

— Шел бы ты отсюда, мы тут курим и сплетничаем, а ты не терпишь ни того, ни другого, — улыбнулся другу Цыбин.

— Я бы пошел, но дамы в зале требуют тапера. Валентин будет петь. Давай, пока он не углубился в литературные труды.

Евгений Петрович, то есть, конечно, Валентин, пел прекрасно. В качестве коронного номера исполнил каватину Валентина — «Бог всеильный, бог любви» и так далее.

Потом пели другие. Репертуар был разнообразен — от помпезных до почти хулиганских.

Спонтанно образовывались дуэты и даже небольшие хоры.

Это было иногда великолепно, иногда — смешно, но никогда не скучно и не стыдно. Моня всегда помогал певцу, заглушая неверно взятые ноты бравурными аккордами, вводя в исполнение конферанс и рассыпая воздушные поцелуи.

Потом танцевали под патефон, потом просто болтали... Вечеринка закончилась затемно.

— А теперь каждый мужчина берет одну, а самый везучий — сразу двух девушек — и провожает до дома! — объявил Моня торжественно.

Арина вздохнула. До дома ей было пять минут пешком, до УГРО — минут двадцать, а до общежития — чуть ли не час. Эх, был бы тот дом...

— Дава, проводишь Арину до работы. У нее там еще оставались какие-то дела, — походя распорядился Моня.

Арина посмотрела на Моню с благодарностью. Объяснять, почему перестала ночевать в общежитии, Арине не хотелось. Скромные девы, как оказалось, приехали из деревни — и потому первое время стеснялись города. Но быстро разобравшись, изменили порядки общежития на свой манер. Теперь там были какие-то бесконечные посиделки, постоянно сновали какие-то мужчины неизвестного статуса... Арине приходилось спать и не в таких условиях, но от нее постоянно требовали участия в ночных забавах. А петь, танцевать, готовить для чужих людей после трудового дня не хотелось категорически. Так что диван Цыбина стал для Арины новым домом.

— Вы тоже работать еще будете? — уточнила Арина у Давыда, когда они вышли.

— Мы разве на «вы»? Я пожалуюсь на тебя Моне, — с оскорбленным видом заявил он. — Но нет, я домой. Живу недалеко от работы, повезло.

Странно, быть на «ты» с Монею было просто и естественно, а вот с Давыдом сразу чувствовалась какая-то напряженность. И ведь вроде тоже коллега, тоже, вроде, приятный человек. Арине захотелось как-то разрядить обстановку.

— Ты здорово танцуешь, когда не просишь меня снять очки! — улыбнулась Арина.

— Спасибо. С тобой приятно танцевать. И все-таки без очков ты красивее, — улыбнулся он. — Извини, у тебя красивые глаза, а очки делают их меньше.

— Остается только смириться. Без очков мне страшно, — выпалила она, и сама испугалась такой откровенности.

— Найди мужчину, рядом с которым не страшно. И он будет любоваться твоими

глазами.

Арина почувствовала, что хочет сменить тему.

— А Моня прекрасный аккомпаниатор, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Разумеется. Знаешь, что у американцев Второй при драконе так и называется — аккомпанист. А Моня — лучший аккомпанист, который у меня был.

— И много их у вас было?

— Прошу вас не язвить. Единственная причина, по которой у дракона появляется новый Второй, — гибель предыдущего. Как и причина появления у Второго нового дракона. Я у Мони — первый Первый, он у меня — второй Второй.

— Извините.

— Наверное, со стороны мы выйдем смешно. Это трудно понять, что такое отношения дракона и его Второго. Я ведь всю войну полностью от него зависел. Боеспособность, здоровье, жизнь, в конце концов... Это как...

Он попытался что-то сказать, но, видно, не смог придумать нужного сравнения — и развел руками.

— Наверное, это счастье — когда в мире есть настолько близкий человек, — задумчиво произнесла Арина.

— Может быть. Я по-другому не пробовал. И это... мы уже на «ты».

— А девушки вас друг к другу не ревнуют?

— Бывает. Но пока удавалось или объяснить, или мирно расстаться с девушкой. Или ты интересуешься, насколько я свободен? Или насколько свободен Моня?

— Не путай меня с Дашей. Просто поинтересовалась. Кстати, о любви. Ты заметил, Ангел начал тебя копировать?

— Да, хотел попросить. Ты с ним ближе знакома, намекни ему, чтобы португалею изнутри мебельным лаком смазал. А то она гимнастерку красит. Будет ходить в полосочку, как зебра.

Арина засмеялась — и напряжение внезапно лопнуло с тихим звоном, как самая тонкая струна.

Пустота под маской

Июль 1946

Новая работа «Маскарада» была как две капли воды похожа на предыдущую. Тоже орсовский склад — на этот раз водоканала. И тоже — нарисованная углем маска.

Арина искала следы — но напрасно. В этот раз сработали чисто.

— Скажите, Иосиф, вы смогли по моей просьбе опросить, гм, агентуру? — обратился Цыбин к Ангелу у нее над головой.

— Опросил. Толку ноль. Сказали что я... — Ангел замялся, глядя на Арину, — ...в общем, что я контуженный, потому что все знают — шлепнули «Маскарадов», а новые не появлялись. И вообще, говорили со мной как-то неохотно.

— И почему это левантийские бандиты не хотят открывать душу человеку в милицейской форме? — протянула Арина.

Цыбин засмеялся, а Ангел покраснел до корней волос.

— Ну, они меня знают... Я хороший...

— Угу. Знали. Пока ты, сука, из честных воров в легавые не проданся, — карикатурно изображая криминальный элемент, прорычал Моня. — Кстати, был в моей жизни подобный случай, не знаю, стоит ли при дамах...

«Дама» заверила Моню, что в первую очередь она медэксперт, а потому шокировать ее нелегко.

— Ну хорошо. История. Только поклянитесь, что никому. Особенно — главному герою.

Арина с Ангелом энергично закивали.

— В общем, один представитель левантийского уголовного розыска, назовем его условно Ш., решил испробовать продажной любви. Зря я ему Достоевского подсунул для культурного развития — что-то он там не то вычитал. И пошел этот наш недоокультурившийся Ш. напрямик в порт. Там, конечно, девушек — море. Но как назло, все абсолютно приличные. Одна жениха-матроса ждет, другая — думает, не наняться ли поваром на судно, третья просто прогуливается... Потому что когда на тебя выбегает здоровенный мужик в милицейской форме и спрашивает, не продаешь ли ты себя, тут любая честной станет.

Арина как-то очень непедагогично расхохоталась, представив картинку. И вдруг резко оборвала смех — возле двери склада что-то блеснуло. Она подбежала, наклонилась — и воровато оглянулась.

Цыбин с Ангелом обсуждали особенности портовых девиц, Шорин все еще бродил по двору с отрешенной физиономией, так что Арина спрятала находку в карман.

Это был крохотный нательный образок необычной формы — похожий на средневековый щит, шестиугольный, с волнистыми краями. Арина потрогала его в кармане пальцами — архангел Михаил выступал четким и очень детальным рельефом.

Конечно, в Левантии немало было Михайлов, Михалов, Михлов, Мигелей и Микаэлей. Но этот образок Арина знала. С месяц назад Вазик гордо показывал его всем желающим хвастаясь, что медальончик этот ему привезли для сына от самого папы римского. Что теперь Михал возьмется за ум — с таким-то заступничеством...

Но если образок тут, значит, Михал был на складе. Значит...

Арина понимала, что образок — это улика. Хорошая, однозначная. Подарок судьбы. С

другой — это же Михал. Непутевый пьяница, Вазиково наказание божье. Но он же — его любимый мальчик, его последняя надежда. И если вцепится Моня в Михала, то банду-то, конечно, через него возьмет, но вот как Арине после этого смотреть Вазику в глаза...

Но прятать — брать на себя часть вины за будущие трупы, за голодных рабочих, за осужденных за халатность начальников этих складов...

Арина быстрым шагом пошла к катафалку.

— Вазик! Надо бы поговорить, — шепнула она. Хотела сказать громко, но голос подвел. Вазик улыбнулся доброжелательно.

— В общем, — Арина не знала, как начать, — в общем, вот.

Она протянула Вазику образок.

— Оттуда? — Вазик махнул головой в сторону склада.

— Да.

— Так это не ко мне. Это к пану следователю, — Вазик сделал вид, что очень занят, копаясь в моторе.

Когда Арина уходила, ей показалось, что Вазик шепнул «спасибо». Но, скорее всего, просто что-то прошелестело.

Цыбин, конечно, находку оценил. А уж комментарий к находке — тем более. Тут же пошел опрашивать Вазика.

Впрочем, Вазик ничего путного не рассказал. Михал после последнего дебоша дома не показывался, писем не писал и телеграмм не слал. Так что где он, что с ним — Вазик не ведал.

Моня кивнул и сделал пометку в блокноте.

Шорин тоже хороших вестей не принес. Да, мутили. Да, тот же почерк, та же девушка, что и в прошлый раз, тот же день цикла... «Как часы, хорошая девушка, здоровая», — вздохнула Арина.

Только в этот раз никого никуда не везли. След находился ровно на одном месте. Цыбин обсудил что-то с завскладом, а потом махнул Ангелу.

Тот убежал — и вернулся минут через двадцать, ведя с собой перепуганного старика. Как оказалось — сторожа, который должен был охранять склад в ночь кражи.

Старик хлопал глазами и нес какую-то околесицу. Мол, пришел на пост, совершил обход, всё как положено... а потом сразу вдруг очнулся дома в постели, но почему-то в сапогах и кепке, хотя, как правило, перед сном их снимает. Что было между — не помнит.

Шорин подтвердил — следы воздействия на стороже имелись те самые.

— Задурила она его, значит. Но молодец — не стала никуда таскать, просто приказ дала — мол, иди домой, мил человек, ложись себе баиньки — мы тут сами разберемся.

Цыбин опять покивал, опять поставил галочку, но было видно — не очень-то он доволен.

Михала нашли быстро. Он, в общем-то, и не прятался — понуро бродил возле пивного павильона, клячил поток-другой у каждого пьющего. Красные глаза, трясущиеся руки и гримаса мученика на лице не оставляли вариантов — Михал мучался чудовищным похмельем.

Когда его доставили в каретный сарай, Арина из соображений гуманизма предложила налить ему немного, но Цыбин строго запретил, указав, что подозреваемый может начать буйнить, либо, что хуже, уснет.

Впрочем, ничего путного от Михала не добились. Его наняли за бутылку помогать грузить машину. Люди незнакомые, видел, в общем-то, только одного мужика — обычного такого, рожа небритая, нос картошкой, одет как все — рябчик, пиджак, кепка. Ну, зуб железный — так он у каждого второго. Запомнил только, что разгружались где-то в районе Канатных складов. Ну то есть опять ищи ветра в поле. Канатные склады — район, застроенный красными кирпичными бараками чуть ли не при самом основании города, был местом темным и страшным. В этих лабиринтах между хлебозаводом, калошной фабрикой и старой гаванью можно было спрятать все: от иголки до танка. Найти там неприметные мешки сахара было нереально — и все это понимали. Михала передали из рук в руки Вазику, чему тот был явно не рад. Все как-то разбрелись по рабочим местам.

Денек у Арины выдался муторный, так что освободилась она часам к восьми вечера, когда уже все разошлись, только над стойкой дежурного светилась тусклая лампочка.

Она вышла набрать в чайник воды. Хотя бы пообедать... Или позавтракать? Арина не помнила, что она ела и ела ли вообще.

Выйдя на крыльцо, она увидела курящего там Цыбина.

— Монь, а ты что не дома? — удивилась она.

— Да, пока то, пока се... Не одна ты в бумагах по уши, — махнул рукой Моня.

— Насколько я понимаю, половина твоих бумаг — немного не твои... А их потенциальный автор сегодня бегал по всему УГРО, изнывая от скуки и не зная, чем бы себя занять.

— Арин, ну прошу тебя как человека — не лезь. Ну напишет он отчеты — мне же потом их все равно переписывать. Стыд же сплошной. И это... у него от бумаг тоска начинается.

— Отчеты не навевают тоску только на Евгения Петровича. Потому что он к ним подходит художественно. Один раз на спор написал в стихах, кольцовским пятисложником...

— Тут немного другое. Разница... Ну вот я крайне теплолюбив. Можно сказать, боюсь морозов. И вот ты...

Арина потупилась.

— Это так заметно?

— Сейчас около двадцати пяти градусов. На тебе вязаная кофта, сапоги и шерстяное платье. И при этом ты постоянно потираешь руки, как будто они мерзнут. Я не врач, но предположу обморожение.

— И это тоже. Но вернемся к Шорину. Так что с ним?

— Переутомление. Официальный диагноз. Издержки, так сказать, профессии. Не умоляю — никому ни слова! Он и в обычном-то состоянии раним...

— И давно у него это?

— С Берлина. Бывали в этом чудесном городке?

— Приходилось.

— Но позже нас. Ах, какая там была встреча... На высшем, можно сказать, уровне.

Моня прикрыл глаза. Говорил он ярко и красиво, время от времени отвлекаясь на описания погоды, запомнившихся домов и особо очаровательных девушек. Но сама история была невеселой. Приказ был прост — «взять Берлин до союзников». И со всех фронтов, с границ, даже из Кремля туда свезли советских драконов. Всех до одного. Даже одного мальчишку лет двенадцати. Пятьдесят девять человек.

Немцы тоже зря времени не теряли — собирали своих драконов. Сколько их было точно — Моня не знал. По слухам — не меньше сорока. «Почему-то при этом совершенно забыли о расовой теории — притащили и истинных арийцев, и всех союзных, и даже несколько пленных», — мрачно усмехнулся Моня.

В общем, встреча обещала быть жаркой. А перед самой встречей драконов (с нашей стороны — точно, с противоположной — предположительно) еще и усилили фармакологическими, так сказать, средствами. Тут Моня сказал, что не спец, но как поняла Арина, это было какое-то очень жесткое стимулирующее средство, рядом с которым и кокаин показался бы детским питанием. «Я один раз из любопытства попросил мне четвертушку дозы вколоть — так сутки козликом прыгал, не ел — не спал, дров нарубил поленицу — и даже перекурить не останавливался», — вспоминал Моня.

В общем, с десяти до одиннадцати тридцати утра двадцать пятого апреля сорок пятого года в окрестностях Берлина погибло не меньше шестидесяти драконов. С обеих сторон. Но Берлин все-таки прорвали, и через какое-то время взяли.

Шорину, хоть и кинули его под Берлин из госпиталя, недолеченного, сочащегося сукровицей, все-таки удалось выжить. Моня не ставил это себе в заслугу — «не в тот раз, тогда — чистое везение». Но вот дальше стало понятно, что везение-то было не полным.

После применения Особых способностей на полную катушку у любого Особого наступает утомление. Особый теряет не только силу, но и интерес к жизни. На час, на сутки, на неделю — зависит от человека. У Шорина, не без Мониных стараний, больше трех дней не было ни разу. А тут — как заело. Через неделю Моня начал беспокоиться. Через полторы — обратился к командованию, мол, что-то не то. А через две — был направлен в Японию, уже без Шорина.

Нашел он друга только в начале сорок шестого, причем случайно. Шорин пил горькую, сидя в каком-то заштатном гарнизоне. Ни силы, ни жизнь в него не вернулись. И Моня побежал по инстанциям. Орал, доказывал, умолял, нужна была бы взятка — и взятку бы дал, но не брали. В общем, выщеганил Шорина у родного государства, отпустили его на инвалидную пенсию.

И Цыбин увез Давыда домой. Левантийское солнце, морской воздух, сговорчивые дамы, поставляемые Моней в ассортименте, домашние борщи и прочие простые радости немного взбудрили Шорина. Но до полного выздоровления было далеко. Работа в УГРО тоже была частью терапии — Давыд тяготился своей бесполезностью, а тут мог реально помочь.

— А почему в эксперты? У нас работа скучная, ему бы в опера...

— Оперов в нашем отделе не положено. Весь штатный состав — два следователя, то есть мы с Ликой, да эксперт. Так что выбирать не приходилось. У Лики, кстати, сдается мне, та же ерунда. Только слабее. Но посмотрим, что там сможет добрый доктор дядя Моня...

— Может, им в санаторий какой? — задумчиво произнесла Арина.

Моня глядел на нее глазами, полными надежды. Она знала этот взгляд. Взгляд раненого, наконец-то добравшегося до врача и ждущего мгновенного исцеления. Но не было у Арины в руках такого волшебства, ни тогда, ни сейчас.

— Да был он в санатории. Целый месяц держали. Потом выгнали. Устроил такой свиарник, что даже соседи сбежали. Сидел в одиночестве и пил. Периодически принимал дам из числа пациенток санатория. Причем, заметь, и санаторий был непростой, и дамы... Так что чуть скандал не случился. До сих пор слухи ходят, что внука одного высокопоставленного товарища ему ни разу не внука... Но брехня.

— И что в нем те дамы находили?

— Ну не скажи. Он красивый, мужественный, загадочный, опять же. Ну да толку...

Цыбин махнул рукой, выкинул окурок и пошел к себе.

— И еще раз прошу: никому ни слова, — шепнул он Арине на прощание.

Леди Гамильтон

— Мне сказали, что жаловаться на Ли — это к вам, — застенчиво произнес Васько, входя к Арине в кабинетик.

Арина отметила про себя, что Николай Олегович совершенно не заикался, что бывало с ним только в случае весьма добротного опьянения. Но на ногах держался, что радовало.

— Ну, де юре он подчиняется вам, так что можете применять дисциплинарные методы вплоть до физических, но с удовольствием послушаю о похождениях этого юного негодника.

— Ну нет, он молодец, старается, расторопный, не дурак... — Васько совсем стушевался, он явно не был готов к применению физических методов, — но он это... влюбился, в общем. Так что иногда нормальный, а иногда — слушает вполуха, смотрит вполглаза, думает... Да вообще не думает ничего.

— Влюбился — это вы про Наташу, или появилась какая посвежее?

— Ага, про нее, про Гамильтониху эту.

— А что вы ее все Гамильтонихой-то зовете? Фамилия, что ли, такая?

— Ну, это была история...

И Николай, немного заикаясь на крутых поворотах истории, начал рассказывать.

В первый же день работы в уголовном розыске Ангелу посчастливилось участвовать в задержании настоящей банды.

Задача, как казалось Васько, была поставлена максимально понятно: пройти через черный ход к комнате, где, по данным осведомителя, заседали бандиты.

Дальше — вроде бы, сложнее, но трудности возникли уже на этом этапе.

Войдя через черный ход на кухню, оперативный сотрудник Ли увидел там деву неземной красоты, моющуюся в тазу. И пропал. Стоял у двери и смотрел, даже рот закрыть не смог.

Дева та, увидав у себя на пороге гостя, не растерялась, не завизжала, а выдала ему мочалку — и попросила потереть спинку. И тот потер. Потом помог ей вытереться, платье застегнул...

В общем, совершенно манкировал рабочими обязанностями.

Вытянули его из этой кухни только когда все кончено было — банду и без него повязали.

— Так почему Гамильтониха? — выслушав историю, уточнила Арина

— Он потом неделю ко всем приставал, говорил, что девушку встретил, цитирую, «Как с афиши про леди Гамильтон, только красивее». А потом купил букет — и пошел официально знакомиться. Теперь вот... гуляют.

— Ладно, прослежу за моральным обликом товарища Ли.

— И хорошо бы нормально гуляли. Так нет же. Неделю — шерочка с машерочкой, неделю — как кошка с собакой. Она его до своей особы не допускает, он — страдает, а больше всего страдает дело. И это... Может, ему зрение проверить? Видел я ту Гамильтониху. Баба как баба. Ни разу на афишу не похожа. Вообще, все они одинаковые.

Арина подняла брови на это «они». Интересно, к кому Николай Олегович причисляет саму Арину — к мужикам? К сослуживцам без различия полов?

А Васько продолжал:

— Бровки выщипают, губки намажут — и ищут, кого повыгоднее. Чтоб с карточками

первой рабочей, с зарплатой хорошей — и дома реже появлялся...

Арина поняла, что речь уже не о Гамильтонихе. Достала из шкафа склянку с разведенным спиртом (полезный запас, который чаще использовался при опознании покойных родственниками, чем на дружеских пирушках), плеснула Николаю.

— Выкладываете, Николай Олегович!

История была банальна донельзя. «Я был батальонный разведчик, а он — писаришка штабной». В смысле, разведчиком был Васько — действительно был, раз двадцать с «языком» на плече через линию фронта возвращался, а вот «штабной писаришка» — директором магазина с купленной справкой о полной непригодности к службе.

— И Оленька эта, Оленька... Такая нежная, такая чистая, в беретике всегда беленьком таком... И ведь, сука, деньги по моему аттестату получала аккуратненько. А сама с ним... А я там... А они тут...

Николая Олеговича развезло окончательно. Кажется, весьма умеренное количество спирта либо легло на старые дрожжи, либо было уже далеко не первым за этот день. Васько сбивался с прозы на пение, причем исполнил не только про писаришку штабного, но и про «ничего, и такие вопросы разрешаются пулей простой» и про «ваш муж не получил письма, он не был ранен словом пошлым» и еще какие-то, незнакомые Арине.

— Так. Николай Олегович, давайте-ка мы с вами пройдемся немного, а то вам совсем нехорошо, — вздохнула Арина, — только подождите минутку.

Она стукнулась к Особым.

— Монь! Чаю крепкого не будет? У нас тут человеку нехорошо...

— Кофе есть! Настоящий, — Шорин протянул ей кружку.

— Такое сокровище разбазариваете?

— Ну должен же я как-то компенсировать ту вашу халву.

Арина выразительно посмотрела на Цыбина. Кажется, карамельки и чай были его импровизацией. Цыбин потешно развел руками.

Вернувшись, Арина влила кофе в Васько. Взгляд его сфокусировался, но слезы течь не перестали.

— Пойдемте, погуляем. Вы ведь, кажется, не местный?

— Да, я из столицы. Жил на углу Кольцевой и Либкнехта. Теперь там эти, двое, в моей комнате...

— Давайте я вам Левантию покажу. — быстро заговорила Арина, которой уже до чертиков надоели излишества Васько.

— Давайте, а то я тут ничего не видел. Работа, общежитие... Ну, иногда в кино выбираюсь.

Арина чувствовала себя глупо, прогуливая Васько по стандартному маршруту всех приезжих.

Но Николай Олегович смотрел восхищенно, как ребенок, и на пушки возле Музея военной истории, и на конную статую основателя города (Шорин как-то, проходя мимо, обронил, что без штанов верхом на лошади — это не классицизм, а травматизм, так что не одобряет он такое), и на покореженные останки Кафедрального собора, в который попала одна из первых бомб этой войны.

Особо восхитили Васько скульптуры на здании университета — по идее, они должны были изображать муз, но автор не смог скрыть витальности под хитонами — и музы получились крепкими казачками.

— Ух, какие у них эти... как вы сказали... атрибуты, во.

— Ну да... — Арина постаралась не заметить жест, которым Васько проиллюстрировал свою фразу.

Вернувшись в каретный сарай и кое-как избавившись от повеселевшего Васько, она проскользнула к особистам.

— Мануэль Соломонович, можно Моню на два слова? — спросила она.

— Формулировочки у тебя, — усмехнулся Моня, когда они вышли на крыльцо и закурили.

— Есть способ нейтрализовать эту твою Дашу, — Арина повторила жест, которым Васько описывал атрибуты муз, — раз и навсегда. Выдать замуж за честного хорошего человека с карточками первой рабочей и вполне приятной зарплатой.

— Надеюсь, этот человек не я.

Арина кратко описала Моне страдания Васько и его реакцию на университетских муз. Цыбин стоял задумчивый, крутил руками, как будто просчитывал варианты:

— Ты знаешь, из этого может получиться что-то забавное. Я подумаю, как их свести.

На крыльце показались о чем-то активно спорящие Ангел и Шорин. Моня оживился:

— А не прогуляться ли нам, товарищи? Раз уж рабочий день как-то не очень задался, да к тому же, — он посмотрел на часы, — кончился час назад?

— Ну, я уже нагулялась, — вздохнула Арина, но, поймав грустный взгляд Мони, продолжила, — но составлю вам компанию. Погода неплоха.

— Это да, погодка шепчет, — улыбнулся Шорин.

— Я тоже не против, — поддакнул Ангел.

— А вот вас, товарищ Ли, ждут неотложные дела. Ваш непосредственный начальник, Николай Олегович, сегодня жаловался на ваше халатное отношение к службе, — строго и сухо произнес Моня.

Ангел вздохнул — и ушел в каретный сарай. Моня улыбнулся Арине и Давыду:

— Нечего юношу подвергать искушениям. Лично я планировал пойти через парк, а там пиво, танцы и прочие увеселения.

— Мануэль Соломонович, прошу вас, воспитание этого поросенка — моя повинность, а для вас он — оперативный сотрудник, вполне совершеннолетний и могущий сам решать, пить ли ему пиво, — так же строго и сухо, как раньше Моня, отчеканила Арина.

— Понял. Больше вашего бэби воспитывать не буду.

И они двинулись к парку.

В парке, как и предсказал Цыбин, было пиво. Даже нашелся уютный столик с чистой клеенкой, где можно было сесть и выпить культурно. Цыбин оставил Арину и Шорина сидеть за столиком, а сам, вальсируя под звуки музыки из динамиков, умчался за пивом.

Арина и Давыд сидели молча, не зная, как начать разговор. Наконец, Давыд произнес:

— А ты уже новый фильм смотрела? «Беспокойное хозяйство». Говорят, хорошая комедия про войну.

— Не люблю кино про войну. Всегда расстраиваюсь, что была не в том месте.

— В смысле?

— Ну, ни разу не оказывалась там, где все чистенькие, целенькие, улыбаются — и время от времени запевают голосом Бернеса.

— Да уж. Я тоже с неправильной войны, где все воняют и матерятся.

Они улыбнулись друг другу.

Очередь оказалась небольшой, так что Цыбин вскоре вернулся с двумя большими кружками пива и вазочкой мороженого.

— Даме сладкое, мужчинам — грубый напиток, — он расставил принесенное.

Шорин тоскливым взглядом голодной собаки проследил за вазочкой с мороженым и брезгливо покосился на свое пиво. Моня же развалился на стуле и сделал первый глоток с таким видимым удовольствием, что Арина почувствовала жажду. Хорошо быть мужчиной — не надо давиться этим липким сладким мороженым, можно пить вкусное горькое пиво...

— Позвольте? — не дожидаясь ответа, к ним подсел мужчина с усами-щеточкой и набриолиненным пробором и поставил на стол свою кружку.

Моня поморщился, Давыд напрягся, а Арина только равнодушно скользнула взглядом по незнакомцу. Вроде, ничего серьезного обсуждать не собирались, а одним болтуном больше, одним меньше — какая разница.

— Меня зовут Валерий, но все называют меня Асмодей, — торжественно представился усатый, — потому что, будучи наделен Особыми способностями, я заглядываю людям прямо в душу!

Арина старательно прикусила щеку, чтобы не рассмеяться. Шорин незаметно провел рукой за спиной у Асмодеев — и покачал отрицательно головой. Цыбин закашлялся.

— Вот про вас я точно могу сказать, кто вы. Вы — участники труппы оперетты, о гастролях которой пишут на всех афишах. Вот вы, — он показал на Цыбина, — режиссер, вот вы — тенор и герой-любовник, а вы — скорее всего, костюмерша.

Арина даже немного расстроилась. Ну почему сразу костюмерша? Неужели она недостаточно хороша, даже по мнению этого Асмодеев? Она никогда и не претендовала, но все-таки.

— Вы абсолютно, удивительно правы! — восхищенно запрыгал Цыбин. — Все именно так!

— И я знаю, зачем вы пришли сюда. Ваш премьер примеряет костюм для нового спектакля, а вы вдвоем следите, чтобы все было идеально.

— Именно.

— А что за спектакль, позвольте полюбопытствовать?

— О! Замечательная оперетта «Новый маскарад, или Таинственная незнакомка». Наш дебютант как раз сейчас разучивает романс «Не искушай меня без нужды».

Давыд с Ариной переглянулись и усмехнулись.

— Обязательно посету! Уверен, это шедевр! Кстати, как к вам обращаться? Я силен, но не всемогущ, так что имена ваши угадать не могу.

— Ну как же вы их не узнали! Вот он — Березин, а он — Тимошенко, — ядовито заметила Арина, — а я Любовь Орлова, но другая.

— Очень приятно. А теперь о неприятном: я смотрю, что и у меня, и у товарища Березина кончилось пиво. Так что мы сейчас сходим за еще, а в это время товарищ Любовь поправит товарищу Тимошенко манжеты — они слегка широковаты.

— За ваш счет. Мы пока без гонораров сидим, — строго сказал Цыбин. Асмодей хотел что-то возразить, но не успел — Цыбин поволок его к ларьку.

Оставшись наедине с Давыдом, Арина вновь смерила тоскливым взглядом его даже не начатое пиво. И поймала его столь же грустный взгляд на своем мороженом.

Они переглянулись.

— Махнемся не глядя? — шепнул Шорин заговорщицки.

— Ага, — так же шепотом ответила она.

Быстрым движением они свершили обмен — и принялись наслаждаться.

Когда вазочка и кружка были уже пусты, вернулся Цыбин. С двумя кружками пива, мороженым, но без Асмодея.

— Куда ты дел преданного поклонника своего таланта, а тем более — Особого? — спросила Арина.

— Написал для него записку директору театра. А пока он благодарил — сдал его постовому, — Цыбин говорил равнодушно, но краем глаза смотрел, оценили ли слушатели. И, кстати, расставил принесенное правильно: Арине пиво, Давыду — мороженое.

— За что? — удивилась Арина. — Мирный псих, никому не мешал...

— Твои бимбаррики? — Цыбин помахал перед Ариной золотыми часиками на тоненьком браслете.

— Мои... — Арина растерялась.

— Извини, конфисковал у товарища Асмодея в процессе, чтоб по делу не прошли. А то сама знаешь — потом долго их получить не сможешь. Но и без часов там хватало...

— А зачем он Особого-то изображал? — удивилась Арина.

— Чтоб мы уши развесили. Это тебе Особые — просто люди, ну и нам, понятное дело, а вообще мы — диковинка. Цирк уродов, считай.

— А потом слухи ходят, мол, Особые — главные бандиты, — зло сказал Шорин.

— Ну слушай, если бы все Особые были белые и пушистые — наш отдел не имел бы смысла, — резонно заметил Моня.

Все трое замолчали и задумались — каждый о своем.

Голоса мертвецов

— Давы-ы-ы-ыд! Угадай, кто твоя золотая рыбка, исполняющая любое желание в разумных пределах? — сияющий Моня несся по коридору УГРО.

Арина поморщилась. Она привыкла, что сотрудники говорят громко. Ревущий бас Якова Захаровича весь день сплетался с визгливым фальцетом Клима, мощным контральто Цецилии Цезаревны, секретаря УГРО и генератора слухов всего города, нудным протяжным тенором Васько и нестройным, но громким хором рябчиков. Но Моня, интеллигентный куртуазный Моня, который вопил, как ужаленный, — это было выше Ариных сил.

— Мануэль Соломонович, чему вы так радуетесь с утра пораньше? — спросила она со всей возможной суровостью.

— Помните, Шорин ныл, что его тут обделяют и за эксперта не держат? Так вот, теперь вы этого нытья больше не услышите!

Арина улыбнулась. Шорин как-то обмолвился, что вот и у Арины, и у Бачея, и даже у Тобаровских есть свои кабинеты, а он вынужден обитать в одном помещении с Ликой и Моней.

Арина тогда пыталась объяснить, что, во-первых, Шорин по большей части работает на месте преступления, а в УГРО только штаны просиживает, а во-вторых, кабинетики-то слова доброго не стоят — крохотные, темные, воздуха нет, зато все звуки слышны.

А вот Моня, услышав от друга хоть что-то, напоминающее пожелание, начал действовать. И выбил-таки у Цецилии Цезаревны заветный ключик от крохотной комнатки по соседству с Ариным кабинетом.

Давыд, схватив ключик, чуть не расцеловал Моню, а открыв комнатенку, всплеснул руками, как мальчишка, получивший рождественский подарок.

Арина удивилась. Комнатенка была, кажется, втрое меньше даже Ариной, да еще и завалена каким-то хламом.

Моня с Давыдом, даже не пытаясь изображать, что работают руками, выкинули хлам на улицу, просто указывая глазами траекторию.

В кабинете остались только печка, табуретка и письменный стол, которые, оказывается, скрывались под грудой хлама.

Шорин развалился за столом, оглядывая свои владения.

— А вы, товарищи, по какому вопросу ко мне? — спросил он высокомерно у стоящих в дверях Арины и Мони.

Моня захлопнул дверь — и они с Ариной наконец-то рассмеялись.

— Вот заметь — сплошная польза: и Давыд довольный, и мы с Ликой сможем спокойно покурить, не выбегая на улицу. Сейчас-то ладно, а зимой — будет актуально.

— Моня, ты наивный романтик. Думаешь, он долго в этой клетушке высидит? Все равно будет торчать или у вас, или у меня на диване, или в приемной.

— Понимаю, но мне хотя бы будет, куда его послать.

Шорин зашел к Арине где-то через полтора часа.

— Там весь стол забит какими-то бумагами. Возьмите, на растопку пригодится.

Он небрежно кинул бумаги в сторону Арины. Арина поймала их, мельком глянула — и замерла.

Маринкин почерк Арина узнала бы из миллиона других. Да кто угодно узнал бы. Смесь

русских, латинских, еврейских и арабских букв — Марине, кажется, было все равно, откуда буква, лишь бы читалась похоже на то, что она хочет написать. Говорила она так же — на множестве языков вперемешку.

В детстве ее, вырывая друг у друга из рук, воспитывали четыре прабабушки — лезгинка, немка, украинка и еврейка. Каждая требовала, чтобы в ее присутствии Марина говорила только на ее языке, каждая закармливала единственную правнучку лакомствами и сказками своего народа.

Когда Марина подросла, а бодрые старухи одна за другой сошли в могилу, Марина уже сама выучила еще десяток языков. Просто между делом. Когда Арина как-то восхитилась ее лингвистическими талантами, Марина только рукой махнула: «Ничего такого. Просто ищю отличия. Если поймешь, чем отличается китайский от абхазского, — считай, оба и выучила. Легко».

В этом была вся Маринка. Когда они впервые встретились, вместо «здрасьте» Маринка протянула руку и спросила:

— «Я несчастна сирота, отворяю ворота», а чем было в вашей версии?

— Ключиком, замочком, шелковым платочком, — без запинки ответила Арина, — а как еще?

— Аленьким платочком, маленьким цветочком, ключиком кованым — платочком разрисованным... Да много чем. Вы где-то тринадцатого-четырнадцатого года? И родились в Левантии?

— На Рождественской.

— Ага... А вот родились бы года на три позже — была бы уже не несчастна сирота, а убога сирота. А лет на пять раньше — Манька, божья сирота. И платочек аленький.

Сначала Арина пыталась разузнать, зачем Маринке все эти мелочи и тонкости. Может, исследует что-то или роман пишет... Потом поняла — ни за чем, просто человек такой, любит тонкости и детали. У нее всегда был с собой огромный потрепанный блокнот — как только один кончался, она где-то раздобывала следующий — и она туда писала все вперемежку: дневниковые записи, научные гипотезы, черновики протоколов, кулинарные рецепты и стихи.

Хотела стать настоящим ученым, даже тему диссертации придумала — «Теоретические и практические проблемы собирания доказательств при расследовании преступлений, совершенных с применением особых методов».

Правда, с практикой все было так себе — она чуть ли не головой об стол билась, пытаясь показать Арине разницу между следом Огненного и Водяного. Не было таких слов, которыми можно было эту разницу описать, хотя, по словам Маринки, она была более очевидна, чем разница между красным и зеленым цветами. «Как глухому музыку показывать», — вздыхала Маринка.

Арина скользила глазами по строчкам, а сама видела глаза Маринки, казавшиеся всегда немного растерянными из-за толстых линз очков.

— «Почему я ее подчинила? Потому что хотела ее, безумно, до боли в яйцах...» — прочла Арина первую попавшуюся строчку.

Странно, почерк был Маринин — а вот мысли как-то не соответствовали. Какое подчинение?

Какие яйца? Она поймала на себе не менее ошарашенный взгляд Шорина.

— Ты это вот тут прочла? То есть это не просто каракули... А дальше, дальше-то там

что?

— «Мне было противно от этих мыслей, но я получала какое-то животное удовольствие, представляя, как эта девушка бросится ко мне, будет униженно просить быть с нею, а я буду холодно соглашаться... иногда. Как же мерзко и как же сладко!»

— Хм. А она это точно подметила.

— Подметила что?

— Что происходит, когда берешь особый след. Сразу вдруг понимаешь мотив этой сволочи. Нет, даже не понимаешь — чувствуешь. И от этого мерзко.

— Но это же не ты, это он...

— Вот в том-то и дело. Эти чувства — они такие. Как будто свои. Как будто вдруг разрешил себе хотеть этого. У меня один раз такое было, еще в самом начале. В общем, шел за одним мелким бандитом. Злобная, обиженная на весь мир гнида. И вот поймал он женщину. А у той щенок в корзинке. Маленький, тонколапый. Он женщину обездвигил, а сам начал щенку лапки ломать. Просто куража ради. И такое наслаждение было чувствовать под пальцами хруст косточек. А я ведь собак люблю. И вообще животных. А тут такое. Моня давно предлагал мне собачку завести, чтоб не так тоскливо. А я как тот хруст вспомню.....

— Но ты ведь не ломал лапы тому щенку!

— А ты поручишься, что вот если увижу — не сломаю? Так, проверить — вдруг оно действительно так здорово, как тот гад ощущал? Я вот за себя не поручусь. И Марина твоя это понимала, и рассказать смогла хорошо.

— Она вообще хотела ученым быть. Изучать Особых...

— Почитай мне еще.

— Тут много всякой чепухи, чтоб разобраться, нужно время. Давай после работы — сейчас дел много.

Шорин кивнул и задумчиво удалился.

Но вечером посидеть не вышло. Моня утащил слегка сопротивляющегося Шорина куда-то «танцевать в приятной компании» — и Арина пошла на кладбище.

Арина привыкла ходить туда как на вторую работу. В выходные — на целый день, в будни — иногда на часок, иногда на полдня, смотря как выпадали смены. Привести в порядок целое кладбище — задача казалась невыполнимой. Ну как — в порядок... Разбитые плиты, расколотые памятники, разорванные ограды — починить все это было не в Ариных силах, да и в человеческих ли?

Она могла немного: убрать осколки, подмести, посадить цветы, оставить на участке кусок доски, где химическим карандашом по памяти писала фамилии и даты. Очень мало и очень медленно. Три-четыре участка в хороший день.

Хорошее упражнение в математике — считать, сколько лет надо, чтобы навести на всем кладбище хотя бы видимость порядка. Пока получалось, что понадобится Арине прожить мафусаилов век. Так что математику она быстро отставила. Что успеет — то успеет. В конце концов, физический труд на свежем воздухе — отличный отдых.

Но в этот раз отдохнуть с метлой и лопатой ей не дали. Вазик смущенно выдвинул вперед помятого, но трезвого Михала — и сообщил, что тот поступает в полное Арино распоряжение. Арина показала, что где мести, копать и чинить, а сама отошла выкурить папиросу.

Кодан подошел тихо, свое присутствие обозначил деликатным покашливанием. Арина

уже привыкла, что он каждую их встречу появляется ниоткуда. Удивилась бы, если бы в этот раз его не было.

— Приятно видеть вас, — начал он своим негромким голосом, — немногие люди предпочитают кладбище в качестве места прогулок. А напрасно, тут так спокойно... Не зря говорят про вечный покой.

Арина вспомнила свой кошмар в первую ночь в общежитии. Да, наверное, это был просто кошмар, затем много раз повторявшийся — как повторялись в детстве сны про бегущих в никуда волков или про бесконечные лестничные пролеты. Арина почти убедила себя в этом. Но знала, знала, что не сон это вовсе — а реальность. И, скорее всего, наоборот — все, что она видела, — лишь галлюцинация умирающего человека в последний его миг. Интересно, когда она умерла?

Может, в левантийском поезде? Говорят, составы постоянно сходят с рельсов. Или в сорок третьем, когда в их госпиталь попал снаряд? Ее тогда хорошо приложило к какому-то дереву — потом долго гудело в голове и болела спина.

Или вообще она не успела уехать из Левантии — и дом ее сложился, погребя под собой не только родителей, но и ее саму? Или...

— Поверьте, это другой покой. Холодный и выжженный, — тихо сказала она Кодану.

— Вы понимаете, что чувствуют они? — он сделал жест в сторону могил. — Какая поразительная эмпатия!

— Скорее, наоборот — «Но надо, надо в общество втираться».

— «Усталый друг, могила холодна» — процитировал Кодан. Скорее всего, хотел показать, что вспомнил цитату, но Арине показалось, что он хотел поделиться чем-то очень интимным, понятным только им двоим.

Впрочем, Арине постоянно казалось, что Кодан говорит меньше, чем хочет до нее донести, надеясь на ее понятливость. Но он явно преувеличивал это Аринино качество.

— Знаете, Кирилл Константинович, — вдруг вспомнила Арина, — был у меня в ноябре сорок второго жуткий день. Двадцать часов у стола. Почти без перерыва. Думала, просто упаду — и заплачу. А Катя, медсестра, вдруг сказала: «Кажется, мы в аду». И вдруг мне так легко от этой мысли стало... Ведь если это ад — то не все так плохо. К этому же можно привыкнуть. А как привыкнешь — станет легче.

— Опять же, если подумать, то в мире сейчас всего два, ну, может, два с половиной миллиарда человек. И часть из них — мечтает наконец-то попасть с этого света на тот. При том, что назад пока никто не стремился настолько, чтоб вернуться.

— Может, не пускают?

— Нет уж, если человек хочет откуда-то сбежать — сбежит непременно. Такова уж человеческая природа.

— От себя не убежишь.

— Зачем убегать от себя, когда можно тихо уйти в себя? Обратите внимание, «выйти из себя», «быть не в себе» — это нелестные характеристики человека.

— Так всю жизнь и прожить, спрятавшись в себя, как в раковину?

— А ведь вы сейчас поймали очень точную метафору! Спрятаться в себя, как в раковину, — и наращивать вокруг себя новый перламутровый мир, как жемчужину. Огромную и переливающуюся вокруг пылинки вашей личности. Зачем искать комнату, город, страну среди чужих и построенных кем-то другим, когда можно создать свои? Из мечты и воспоминаний.

Арина промолчала, задумавшись.

Единение с природой

Август 1946

— Осталось меньше месяца до конца лета, товарищи! — Яков Захарович попросил слова на очередном общем собрании, и начал выступление с этого глубокого и неожиданного наблюдения.

— И так — каждый август, — глубокомысленно прошептал Моня. — Почему-то в августе всегда скоро осень. Чертовщина какая-то!

— А потом еще зима будет, точно вам говорю, — поддержал Шорин.

— Я не верила, что Особые будущее предсказывают, а оказывается — можете! — с деланным удивлением произнесла Арина.

— Можем, мы все можем, но не выше ранга способностей, — прищурившись, шепнул Моня, — а сейчас тише — кажется, он что-то интересное говорит.

Яков Захарович выступал в своем коронном амплуа — любящего папочки всего УГРО. Он напомнил сотрудникам, что каждый из них — прежде всего, человек. Открытие, конечно, тоже не из феноменальных, но Яков Захарович сделал из него практический вывод — в ближайшее воскресенье все, кроме дежурных, отправляются чуть ли не в приказном порядке на пляж купаться, отдыхать, играть в подвижные игры и восстанавливать боевой настрой.

Арину такое предложение расстроило. Она думала все воскресенье проработать на кладбище, теперь, когда Михал активно помогал (а парень он был рукастый, даже когда не слишком трезвый), дела пошли быстрее. И, честно говоря, Арине нравились встречи с Кириллом Константиновичем. Они не требовали усилий — не надо было казаться остроумной, веселой и бодрой. Кодану, кажется, нравилось беседовать с ней несмотря на то, что она вела себя так неинтересно.

Но с начальством не спорят. Скажем так, не спорят по столь пустячным поводам. На море — так на море.

Остальные сотрудники были явно вдохновлены предстоящим мероприятием.

Всю неделю девушки-стажерки щебетали по углам, одна даже гордо продемонстрировала всем, какой великолепный купальный костюм — сине-зеленый, с искрой, — ей привез из Германии отец.

Моня, конечно, тут же предложил ей надеть костюм и пройти перед публикой, за что получил оным предметом туалета по носу. Утверждал, что был оцарапан застежкой и теперь невероятно страдает.

Сам же при этом вел какие-то тайные переговоры с Шориным, сбегал в обед в неизвестном направлении — в общем, тоже явно готовился к выезду на природу.

Да что Моня, даже Цецилия Цезаревна разложила у себя на столе огромную соломенную шляпу и в свободные минуты деловито подновляла на ней цветочки.

И вот наконец настало воскресенье. Все сотрудники сгрудились во дворе. Странно было видеть их в нерабочей одежде и таком же настрое. Бачей принес мяч, но просто так держать его в руках не мог — постоянно то чеканил его на коленке, то вел попеременно щечкой и шведкой, то изображал какую-то сложную обводку вокруг столба. Его жена, деловитая толстушка с жареной курицей в авоське, обреченно закатывала глаза — и он тут же виновато брал мяч в руки и держался так минуту-другую. Арина вспомнила, что в молодости его

считали лучшим голкипером во всех Пороховых складах.

Супруга Якова Захаровича, худая и высокая Мария Владимировна, о чем-то беседовала с Цецилией, уже облаченной в шляпку с цветами и держащей на поводке крохотную трясущую собачку.

Сам же Яков Захарович, в рябчике под цивильным пиджаком, курил в сторонке с Ликой, которой очень шло ее легкое серое платье в цветочек.

Коля Васько явно старался, наряжаясь. К белой футболке он прикрутил значок ГТО, начистил сапоги, даже, кажется, отстирал свою засаленную до блеска кепочку — она оказалась вполне приятного серого цвета, а вовсе не темно-бурая. На плече у него висел пижонский перламутровый трофейный аккордеон. Васько немного нервничал, оглядывался по сторонам и то и дело краснел до корней волос. Станный какой-то.

Но все внимание Арины было обращено к Ангелу. Одет он был неброско — рябчик, кепочка, теннисные парусиновые туфли... Но вот рядом с ним... «Так вот ты какая, Гамильтониха», — подумала Арина, глядя на статную белокурую барышню, которая уверенно держала Ангела под руку и поглаживала по плечу. Она была одета в весьма откровенное вечернее платье — синее, шелковое, струящееся до земли. Платье выглядело несколько неуместно для пикника на пляже, зато подчеркивало весьма соблазнительные округлости Наташи, приковывая к ней взгляды всех окружающих.

— Немецкое. Говорят, это не платья вовсе, а ночные сорочки и комбинашки такие, — заметив направление взгляда Арины, прошептала ей в ухо одна из стажерок. Обычно стажеры Арину побаивались, но, видимо, слишком уж хотелось посплетничать о Гамильтонихе.

— Да вряд ли. Неужели в такой красоте спать? — ошарашенно прошептала Арина.

— Точно говорю. А еще она старше Иосифа Ваньшеневича лет на пять. Или вообще на шесть!

Арина близоруко сощурилась. Наверное, стажерка была права. И шикарное платье было всего лишь сорочкой, и ее туфельки на каблуках и толстый слой пудры на лице мало подходили для выезда на природу. А впрочем, — усмехнулась Арина, — девочка просто сохнет по Оське, вот

и говорит гадости про Наташу. Наверное, и сама Арина, как любящая мамочка, немного ревновала Ангела к этой красоте. Но, с другой стороны, приятно, что мальчишка с улицы возмужал и завоевал такую звезду. Арина хотела поделиться своими сумбурными мыслями с Моней и наконец заметила, что ни его, ни Шорина среди сотрудников не было.

— А где Мона? — шепотом спросила Арина у Лики.

— Так они с Давой прямо на место приедут. На личном транспорте.

Арина пожалала плечами. А неплохо живет особый отдел — вот у некоторых сотрудников личный транспорт завелся. Интересно, какой? Неужели лошади? Арина вспомнила, как эти два кентавра красовались на лошадях перед УГРО, — и вздохнула.

Она перевела взгляд туда, куда умчались в мае эти двое на своих скакунах, — и увидела... Нечто ярко-красное.

Присмотревшись, она поняла, что перед ней — женщина весьма нескромных форм, затянутая в облегающее алое платье в белый горох, в шляпке с маками (каждый — с кулак размером), с гитарой, украшенной малиновым шелковым бантом, и сама раскрасневшаяся от жары и быстрой ходьбы.

Подойдя ближе, женщина оказалась Дашей, разозлившей Арину на первой встрече у

Цыбина нелепыми подозрениями.

— Арин, который тут Николай Олегович? — пропыхтела Даша ей в ухо.

— Вот он, — Арина указала на Васько

Васько оглянулся — и его взгляд выразил заинтересованность. Но он тут же сурово нахмурился — и отвернулся гордо и независимо.

— Вы та самая Дарья, за которой Мануэль Соломонович просил меня присмотреть?

— Она самая, — Даша решительно взяла замершего Васько под руку.

Во двор УГРО въехал грузовик. Арина с уважением посмотрела на Якова Захаровича — ну да, в катафалке все вряд ли бы поместились.

Рябчики чуть не подрались за право помочь Гамильтонихе и Даше взойти на борт грузовика. Ангел и Васько вежливо, но решительно отстранили нахалов и чуть ли не на руках втащили дам в грузовик. Арина разозлилась — ей никто помочь не спешил. Впрочем, сама справилась, не больная.

Доехали до вполне живописного пляжика, расположились. Кто-то полез в воду, кто-то тут же принялся культурно закусьивать, кто-то гонял мяч. Арина уткнулась в книгу, но буквально через десять минут закрыла — ничегонеделание вместо отдыха причиняло беспокойство. Она слишком привыкла, что отдых — это когда падаешь на кровать или на сколоченные наспех нары, на стул, на землю, подстелив шинель, — да куда угодно и засыпаешь мертвым сном.

Издали раздался рокот какой-то машины. Арина по привычке вскинула голову — иногда этот звук означал надежду, иногда — наоборот. Она помотала головой. Сорок шестой год. Левантия. Просто машина просто едет мимо пляжа.

Арина оглянулась по сторонам. Никто, кроме нее, кажется, не среагировал на звук. Евгений Петрович показывал рябчикам какие-то хитрые обводки, Даша закладывала в Васько уже, кажется, пятую котлету подряд, а тот млел и жмурился, как кот, Ангел пел своей Наташе что-то тихое

и романтическое, путаясь в струнах Дашиной гитары. Нормальные люди.

Вскоре стал виден источник шума. Серебристый, матово поблескивающий мотоцикл с двумя седоками.

— Трофейный. БэМэВэ! — с придыханием произнес кто-то из рябчиков неподалеку от Арины. Подняв тучи песка в красивом развороте, мотоцикл остановился на пляже.

Шорин и Цыбин спешили. Выглядели они непривычно.

Франт Моня облачился в выцветший рябчик, галифе и сапоги, явно знавшие лучшие времена. Шорин же был, как всегда, в форменной одежде, но мятая добела застиранная гимнастерка, заляпанные чем-то черным галифе и сапоги, хоть и вычищенные, но залатанные выглядели странно после идеальной милицейской формы. Наряд, в котором ходил каждый второй левантиец, на Шорине казался тряпьем.

— Кто желает мороженого? — Моня повернул к публике большой синий ящик, висевший у него на спине, — Мы тут целый ларь купили! На всех хватит!

Тут же выстроилась очередь из практиканток. Подтянулись и некоторые парни, и даже Евгений Петрович встал.

Моня минутку поизображал услужливого официанта, но потом приставил к ларю кого-то из рябчиков, сбросил штаны и сапоги и полез в море.

Давыд же достал тряпку — и принялся полировать и так сияющий мотоцикл. Вокруг него сгрудились рябчики — и внезапно Лица.

Арина навострила уши — она уже давно не видела заинтересованную Лику.

— Давыд, я Конотопской эскадрильей командовала, чуть ли не за все самолеты Юго-Западного фронта отвечала, что я, какой-то мотоцикл не смогу сто метров провести? — канючила Лика, — Ну дайте покататься!

— Это не «какой-то мотоцикл», это практически боевой товарищ. И, простите, коня и женщину ни с кем не делю, — отрезал Шорин, полируя бензобак тряпочкой.

— А он у вас проходит как конь или как женщина? Уж больно вы за ним... ухаживаете, — Лика не стала дожидаться ответа, презрительно фыркнула и отошла.

Арина хихикнула. Не ее одну раздражает невоспитанность Шорина. Хотя, кажется, Мона называл это «непосредственностью».

Непосредственный Шорин закончил полировать свой мотоцикл, набрал полную миску мороженого и присел рядом с Ариной на песок.

— Арин! Ты часом блокнотик не прихватила?

— Нет. Не хочу читать при людях... Это все-таки довольно личное.

Они сидели над Мариниными блокнотами по два, а то и три вечера в неделю уже где-то месяц. Это было очень странное времяпрепровождение: Арина, не выбирая, читала какой-то кусочек. Это мог оказаться список покупок, или описание места преступления, или очередной фрагмент размышлений Марины — но почему-то каждый раз из этого кусочка чужих записей получался долгий разговор. Иногда — шутливая перебранка, иногда — серьезная беседа.

Казалось, они оба вспоминают какие-то полузабытые слова. Марина писала из прошлого, из мира, который еще не рухнул. Где все были живы, дома и памятники — целы, звенели трамваи и исправно работал водопровод. Где можно было выбрать, какой борщ вкуснее: панский на говядине, жидовский на курице или обычный, на свином мосле. А еще можно было сидеть в библиотеке — и выписывать из сборников фольклора все, что относилось к драконам.

Но когда они переходили от записок Марины к собственным воспоминаниям, дело иногда заканчивалось спорами — они помнили слишком разные детали. Арина удивлялась, насколько разным был «нормальный, целый мир» для нее и для Шорина. Вот с Монею, когда они вспоминали что-то из «того мира», было куда проще — они читали одни книги, ходили по одним улицам, любили одни сладости... А Давыд — как будто с другой планеты... Арина не сразу поняла, в чем дело. Неужели разница в четыре года, которая была между ней и Шориным, настолько принципиальна? А потом как-то у Мони зашел спор, как надо было поступить, чтоб принести максимум пользы на войне (да, бывало, что спорили у Мони о серьезном — тот только качал головой и убирал со скатерти лишний алкоголь). Кто-то говорил, мол, если Родина зовет — надо идти не раздумывая — куда пошлют, кто-то — что подождать, оценить ситуацию — и выбрать место, где можешь сделать больше других. Когда дошла очередь до Шорина, тот пожал плечами: «Да я с двенадцати лет военнообязанный. Служу с двадцати одного. Куда пошлют. Как отец, как дед, как прадед. Я не человек, а орудие. Нет у пушки права выбора». Конечно, пьян был на грани приличия... Но вдруг Арине стало как-то грустно за него — ведь, получается, он нормальную жизнь-то только в детстве и видал. Впрочем, как многие на этой войне — пришедшие со школьной скамьи.

Но иногда их воспоминания все-таки совпадали.

В такие минуты казалось, что ту прошлую жизнь можно как-то собрать из кусочков, склеить гуммиарабиком.

Но достать хрупкие свидетельства существования того, настоящего мира при всех, под ярким солнцем, среди криков футбольных болельщиков и завываний патефона Арина бы не смогла.

— Мороженое не предлагаю, ты, кажется, не любительница, — продолжил Шорин, показывая на свою миску, — но если вдруг — бери ложку, присоединяйся. Не побрезгуешь со мной из одной миски?

Арина усмехнулась. Вот тоже слово из прошлого мира — «побрезгуешь». Когда-то Арина была очень брезгливым человеком. Даже в библиотеку не ходила — противно было держать в руках книги, которые кто-то чужой листал, возможно, за едой, а то и в уборной. Благо в доме книг хватало. Потом постепенно отучилась. Но забавно из брезгливости не идти в столовую института после зачета в морге.

Так что Арина все-таки достала ложку — и попробовала немного мороженого с краешку.

— А что ты так вокруг этого мотоцикла пляшешь? — спросила она у Давыда. — Не замечала в тебе такой нежности к вещам.

— Потому что если он заведет коня, его соседи не поймут. Пришлось вот искать замену... — Моня подошел, как всегда, незаметно, выжал себе под ноги рябчик, снова надел, отряхнулся как собака — и присел рядом. — Водичка шик! Арин, пошли купаться!

— Прости, я пас. Не захватила купального костюма. Вон, Давыда зови.

— О! В этом плане наш Давыд уникам! Представляешь, коренной левантиец — и совершенно не умеет плавать!

— Талант!

— Никак не пойму, чем он все детство занимался. На море не ходил, книжки не читал...

— А вы разве не в одной школе учились?

— В одной... Но я же насколько младше! Что я там видел? Ну бегал, в футбол гонял, девочек за косички дергал...

— Он их, или они его?

— Ты не поверишь, он тогда еще стригся под человека. Получалось прилично, но неубедительно.

— Ничего, что я тоже тут? — осторожно вмешался Шорин.

Арина и Моня посмотрели на него, картинно изобразив удивление.

— Да ну вас, — махнул рукой Шорин — и присоединился к компании футболистов.

— Вот я все думаю про «Маскарад»... — начала Арина

— А напрасно, — прервал ее Моня, — мы тут отдыхаем. Никаких «Маскарадов», никакой работы — только солнце, море, песочек...

— Я, кажется, разучилась отдыхать. Все время ощущение, что трачу время без пользы.

— Учись. Полезная вещь.

— У кого учиться? Все вокруг усталые.

— Это точно. Будь моя воля... Я бы по всему Союзу устроил бы тихий год. Как тихий час в санаториях, только на год. Чтоб никто никуда не бежал, не строил, не пахал — только отдыхали. Жаль, не получится. В общем, не знаю, как оно на самом деле надо, — ты врач, тебе виднее, но могу показать, как отдыхаю я.

— А покажи.

Моня встал и подал руку Арине.

Они пошли вдоль линии прибоа, подальше от остальных.

— Разуйся. Почувствуй воду. Она хорошая сегодня, тепленькая.

Арина улыбнулась, сняла сапоги.

— Ну что ты все лето в таких тяжелых сапожищах ходишь? У тебя что, другой обуви нет? — проворчал Моня, подхватывая Арины сапоги.

— Есть. Валенки.

— На широкую ногу живешь!

— А смысл? Я на танцы редко хожу...

— Зря, ты хорошо танцуешь.

— Да... Все равно никто не приглашает. Там девочки молоденькие, в шелках и кудрях. Стою, как дурочка, жду своего принца.

— А у нас с Давыдом правило. Пришел на танцы — изволь протанцевать каждый танец, и каждый раз с другой дамой. Чтоб честно.

— М-да. Трудное правило. И не устаете?

— Еще как устаем! Как вагоны разгружали! Но мы договорились, что у нас это типа общественной нагрузки — дать понять каждой даме в городе, что она хороша собой.

— благородно...

Моня дурашливо поклонился.

Они дошли до маленькой лодочной станции. Старик («Мы его в детстве Хароном дразнили», — шепнул Моня) выдал им лодочку со скрипучими уключинами. Долго бормотал что-то, из чего Арина слышала только «правила эксплуатации транспортного средства». Моня слушал со скучающим лицом, потом, взяв весла, сказал: «Не волнуйся, Харон, мы только до Турции — и сразу обратно», — и быстро отчалил от берега.

Он греб, пока берег не перестал быть виден. Остановил лодку — и они просто сидели, глядя на море и небо вокруг. Молча, даже без мыслей. А потом вернулись.

— А ну, кыш! — на пляже Арина убежала от Мони со скоростью, ей несвойственной.

Она неслась в направлении Ангела, чуть ли не сметая все на своем пути. Дело в том, что Ангел решил сфотографировать Гамильтонику.

Желание, может, похвальное, только вот использовать он для этого собирался главное сокровище научного отдела УГРО — фотоаппарат ФЭД, легкий, ухватистый, но нежный, как цветок. Капля воды, песчинка, встряска — все выводило его из строя. Конечно, и Арина, и Бачей, и Тобаровские уже давно научились разбирать, чистить, смазывать и снова собирать капризный механизм, но радости от этой процедуры никто не испытывал, потому старались фотоаппарат беречь.

А тут — на пляже, грязными руками...

Только что забивший гол Шорин обернулся на крик Арины — и побежал туда же.

В качестве фона для своей композиции Ангел выбрал мотоцикл. Наташа красиво разлеглась в своем голубом купальном костюме прямо на седле. И царапала каблуком изящной туфельки серебристую краску.

Вдвоем они набросились на Ангела — и принялись объяснять ему правила обращения с техникой в весьма нелестной форме.

— Не замечал в тебе такой нежности к вещам, — язвительно заметил Шорин, когда Арина принялась обтирать отобранный у Ангела фотоаппарат.

— Это рабочий инструмент, а не просто блестящая игрушка для привлечения дамочек, — сурово буркнула Арина.

— Кстати, о дамочках, — подоспевший Моня был неожиданно серьезен. — Арин,

между нами, Наташа-то фонит...

— То есть она Особая? Вот Ангел-то небось счастлив! Он от вас млеет, а тут — любимая тоже... из ваших.

— Странно, что нам он этого не сказал, интересно, знает ли? — Моня задумчиво скривил рот, но потом махнул рукой — и снова полез в воду.

Когда стемнело, Моня и Давыд натаскали откуда-то дров — тут без колдовства не обошлось, берега были отнюдь не лесистыми, — и развели огромный костер. Шорин тут же уселся, как зачарованный глядя в пламя. Арина заметила, что в его черных глазах появились красные отблески — причем, казалось, костер тут ни при чем. Остальные тоже постепенно подсели.

Арина подумала, что раньше это было бы романтично, напоминало о ночевках на берегу с друзьями или там о поездках за город, но сейчас огонь, скорее, пугает.

Кажется, об этом подумала не только она.

— А давайте прыгать через костер! — с какой-то деланной веселостью в голосе предложил Моня.

Вокруг раздались робкие смешки. Моня решительно выхватил из круга кого-то из практиканток, они разбежались — и прыгнули. За ними потянулись остальные.

— Вот так один раз прыгнешь — а потом всю жизнь помнить будешь, — сказала в ухо Арине Лика.

Арина, как всегда, не поняла, о чем та. Но тут ее схватили за руку — и потащили прыгать.

После яркого костра Арина не смогла разглядеть, чья горячая и крепкая рука ее держит. Но все-таки разбежалась — и прыгнула. Лететь над костром было как-то неожиданно легко, как будто кто-то из Особых удерживал ее в воздухе. Обернувшись к своему визави, она увидела в темноте только красные отблески глаз.

Сентябрь 1946

Как-то Моня жаловался Арине на то, какие скучные у него друзья. На вечеринки они ходят поесть-выпить-поболтать-песни попеть — и все. А у него столько идей, столько мыслей.

Например, здорово было бы при входе вручать каждой даме накладные усы, а каждому мужчине — боа и губную помаду. Или, допустим, беседовать весь вечер только шекспировским слогом. Или...

Арина представила усы и Шекспира и решительно сообщила, что она в таком точно участвовать не будет. Предложила Моне попробовать себя в качестве клубного работника — такие передовые идеи на этой должности обязательно оценят.

На что Моня серьезно возразил, что усы и Шекспир вряд ли впишутся в план культработы ДК имени Дзержинского.

Но в этот раз Моня провозгласил: никакого балагана. Все будет серьезно, торжественно, а местами, возможно, даже печально.

— А в честь чего такие строгости? — украдкой спросила Арина у Шорина.

— Так окончание войны. Для Мони — самый важный праздник. Япония капитулировала. Личный День Победы.

Арина понимающе кивнула.

Так получилось, что она пришла раньше остальных. Но окно было открыто, а значит, гостей уже ждали.

День у Мони был выходной, Арина с утра его не видела, так что стоило найти его, хоть поздороваться.

В комнате его не было, на кухне тоже. Арина уже решила, что Моня, пригласив гостей, сам под шумок сбежал (либо готовит какой-то очередной масштабный сюрприз), как Цыбин в трусах и майке чуть не сбил ее открывающейся дверью «кельи».

— Милая моя, давай, не привлекая внимания, на выход. Это скучные люди, будут говорить только о поэзии... А завтра мы обязательно сходим в кино!

Моня за локоток вывел из своего убежища очаровательную девушку лет двадцати, не больше.

— Ох, Арина Павловна, вы уже пришли? — Моня повернулся к Арине и изобразил лицом умоляющую пантомиму., — Я буду буквально через пять минут.

— Не торопитесь, Мануэль Соломонович! Мы еще не закончили обсуждать последние творения имажинистов, к футуристам даже не приступали, так что времени еще вагон! — в тон ему ответила Арина.

Моня украдкой пожал ей руку — и скрылся у себя в келье.

Арина немного позавидовала Моне. Вокруг нее был мир из папиросной бумаги, который можно было прорвать любым неосторожным движением. А вот Монин мир был плотным, разноцветным — в нем были юные девушки, которых приятно водить в кино, друзья — любители поэзии, морские волны и лимонного цвета солнечные лучи.

Но ведь она знала, что война очень много отняла у Мони. Как он сумел удержать свой мир, не дать ему истончиться? Вот умеет человек быть счастливым.

Арина вышла в комнату, когда девушка, по ее расчетам, должна была уже уйти. В окне

показались холеные сапоги Шорина.

Разумеется, собеседник из него так себе, но Моню он знал лучше любого — так что можно было хоть попытаться его расспросить.

Арина вылезла из окна, делая вид, что просто решила покурить на свежем воздухе.

— Тоже поэзию не любишь? — спросил Шорин многозначительно.

— А ты откуда про поэзию знаешь? — усмехнулась Арина.

— Да тут каждую неделю, а то и чаще выбегает какая-нибудь юная дева с криком, что не готова тратить свою молодую жизнь на обсуждение Левантийской поэтической школы. А я видел, как Моня вокруг тебя на пляже увивался. Но учти: раз начал про «поэзия — это скучно» — все, любовь ушла.

— Не, я покурить. Муза сбежала чуть раньше. Тебе никогда не говорили, что о некоторых вещах лучше не говорить посторонним?

— Ну какая ж ты посторонняя? — искренне удивился Шорин. — И я не чтоб насплетничать. Просто если он тебя бросил — ты же переживать будешь. А он такой... Легкий. А ты вот не такая.

— Давыд! А ты — легкий?

— Да не знаю. Я по-другому легкий. Вот просыпаюсь — и думаю, а есть ли я вообще. Раньше я был такой весомый, всем нужный, на мне Родина держалась... А сейчас — фантик конфетный. Дырка от бублика. Легкий...

Арина с интересом посмотрела на Шорина. Он, кажется, прочел ее мысль. Ей хотелось рассказать Шорину про то, как чувствует себя она... А как? Арина удивилась — она представляла себе тонкий бумажный мир, космическую пустоту за его тоненькими стеночками, но совершенно не представляла себя. Какая она? Легкая? Тяжелая? Холодная? Горячая? Большая? Маленькая?

Но договорить им не дали — из окна замахали, мол, вечеринка начинается.

Среди гостей Арина заметила Васько и удивилась. Она понимала, что раз он теперь при Даше — то как бы входит в их компанию. Но все равно ощущала его человеком «не своего круга». Хорошим, приятным коллегой, милым человеком, но не своим.

Добрый Ангел называл Васько за глаза «своей личной машинисткой» и утверждал, что единственная задача Николая Олеговича — набивать на допотопном «ремингтоне» с ятями все те сведения, которые Ангел притаскивает ему в клювике. Арина окорачивала юного нахала, напоминала, что Николай старше по званию и по должности, но в душе была с ним согласна.

Васько звезд с неба не хватал. И был очень тихим — то ли заикания своего стеснялся, то ли просто не любил праздную болтовню.

А тут вон, сидел, примостившись на подлокотник Дашиного кресла, торжественный, даже в галстухе.

Остальные выглядели какими-то немного смущенными.

Моня вышел к гостям — и Арина присвистнула. Такого иконостаса она, признаться, никогда не видела. Одних Красных Знамен — три штуки. А уж по медалям «за взятие» и «за оборону» можно было изучать географию.

— Хочу попросить прощения у всех женщин, на грудь которых имел неосторожность пялиться. Кажется, я понимаю, что вы испытывали, — вздохнул Моня, немного покраснев, но явно не без удовольствия, — в общем, если вы мне позволите снять пиджак со всей этой мишурой, буду благодарен.

Общий смех был воспринят как разрешение, и пиджак перекочевал на вешалку.

Моня по традиции представил каждого из присутствующих. Отдельно задержался на новеньких, в том числе на Васько.

— Дорогие новички, так как праздник мой, первый тост мне говорить как-то неудобно. Так что прошу желающих.

Все трое спрятали глаза. Но тут Васько невнятно вскрикнул — Арина видела, как Даша толкнула его в спину.

— Коля? А давай, скажи, — кивнул ему Цыбин с улыбкой. Васько встал и поднял стакан.

— 3-3-3-3-3-за... — начал он, мотнул напряженно головой, попытался еще раз начать, потом вздохнул, отхлебнул из стакана и продолжил уже бодро: — За то, чтоб косоглазые больше к нам не лезли.

Шорин зло посмотрел на Васько и с грохотом поставил стакан на подоконник.

— Извините, за такое пить не буду.

Раздался шум опускаемых стаканов. Почти все присутствующие отодвинули от себя коньяк — и теперь смотрели на Николая.

— А что? Что я такое сказал? — Васько удивленно оглядывал присутствующих.

— Это Левантия, детка. Привыкай, — улыбнулся Цыбин, — здесь так не принято. Вот эти все «узкоглазый», «черный», «носатый» — это ты в своей столице оставь. Мы так не говорим. Ты вообще знаешь, кто такие левантийцы?

— Ну, жители Левантии...

— Если в словаре посмотришь — получится что-то типа католиков, живших в Средневековье на Ближнем Востоке. Ну и их потомков. Знаешь, при чем тут мы?

— При чем?

Цыбин начал рассказывать, элегически глядя куда-то в пространство.

Все началось с трусоватого фаворита Анны Иоанновны, наотрез отказавшегося исполнять приказ императрицы и ехать строить новый город у моря, в местах окраинных, диких, полных лихим народом.

В назидание трусу Анна Иоанновна послала туда подарок фаворита — Сильвестра Пиццекато, шута, лично захваченного им у турков. Который, кстати, и был потомком левантийцев, хотя сам не очень понимал, что это значит. Но очень это слово любил.

А тот возьми — и справься. Город, конечно, получился дурацкий — был бы Сильвестр генералом — оказался бы генеральский, — но милый.

Было в нем все: итальянские уютные дворики и турецкие кривые переулки, белые церкви и синие минареты, северные березы и южные платаны.

И люди в этом городе поселились такие же пестрые. Самые странные смеси кровей текли в их венах. А уж в венах их потомков... Порт, где девушки красивы и темпераментны, а ночи темны, привлекал одиноких моряков со всего мира, добавляя новые оттенки кожи, разрезы глаз и акценты в левантийскую толпу.

И гордились левантийцы своими пестрыми предками, каждый помнил имена и происхождение пращуров если не до Адама, то хотя бы до основания Левантии.

И когда в Левантию пришли Советы и стали выдавать какие-то бумажки с графой «национальность», начался самый цирк. «Мама гречанка, наполовину шведка, отец — румын, по маме — калмык» — далеко не самая странная генеалогия из тех, с которыми пришлось столкнуться товарищам комиссарам.

А потому главный советский начальник сперва ушел в запой на неделю, а потом велел вписывать во все документы национальность «левантиец». Так и повелось. Даже фашисты не смогли вычлениить среди левантийцев евреев, цыган и прочий «генетический мусор» — а потому вешали всех без разбору.

— Так что вот так, Коля, — подытожил Цыбин. — Если спросить — тут каждый, как ты выразился, «косоглазый». Или очень обязан какому-нибудь «косоглазому». Вот я, например, хожу на двух ногах только благодаря доктору Цюю, вполне, как ты выразился, косоглазому.

— А моими боевыми товарищами были китайка Ли Тао Лун, казашка Алия Абжанова и Юрка Охлопков, наполовину бурят.

— У нас в госпитале все держалось на Баймуханове и Байгирееве. Фельдшеры, казахи не однофамильцы, — улыбнулась Арина.

— А я на четверть калмык, — поднял стакан Илья, кудрявый мужчина в очках слева от Арины.

— А я...

— А у меня...

Со всех концов стола посыпались какие-то истории, байки и рассказы о родственниках.

— Вот за это и выпьем, — радостно предложил Моня и залпом влил в себя коньяк.

Зря Моня пугал — ничего особо торжественного и печального в тот вечер не было. Все почти как обычно — разве что чуть меньше джаза и оперных арий.

Завели патефон. Гриша, один из завсегдатаев Мониных посиделок, уже не слишком трезвый, поставил первую попавшуюся пластинку и уронил на нее иглу. Раздалось хриплое:

Soldaten wohnen Auf den Kanonen

Vom Cap bis Couch Behar.

Wenn es mal regnete

Und es begegnete

Ihnen 'ne neue Rasse'ne braune oder blasse

Da machen sie vielleicht daraus ihr Beefsteak Tartar.

Все, кто находились в комнате, замерли — и посмотрели в сторону патефона. Гриша, сидя в той же позе и не меняя выражения лица, снял пластинку с патефона, кинул об пол и раздавил каблуком.

— Я понимаю твои чувства, но это был марш из «Трехгрошовой оперы». Про Индию. В очень неплохом исполнении, — вздохнул Цыбин, подметая осколки.

Гриша только пожал плечами.

— Вот мы тут празднуем окончание войны, — сказал кто-то срывающимся высоким голосом, — а ведь, получается, война еще не закончилась. Раз мы все вот так реагируем.

— Пафоса, конечно, многовато, но по сути верно, — задумчиво произнес Моня. — Вот для меня война закончилась третьего сентября. Я спал, меня товарищ, Коля Гуляев, сапогом по спине разбудил. Я ему, мол, какого черта — а он мне: «Война закончилась!» И водки дает. А зачем мне водка-то, я и так счастливый, как не знаю кто. Мир вокруг вдруг ожил... Как будто смотришь кино, а оно вдруг цветное стало. И цвета такие яркие... В общем, у меня так.

И все начали рассказывать свои истории. Кому-то довелось расписаться на Рейхстаге. Кто-то ощутил неминуемую победу еще весной сорок четвертого, когда румын выгнали из Левантии. Кого-то выпустили из концлагеря. Наконец, остались только двое — Арина и

Давыд. Они сидели рядом — и Цыбин глянул на них.

— У меня очень не к столу, — смущенно сказала Арина.

— Я сейчас умру от любопытства. Вы посмотрите — эта прекрасная во всех отношениях дама вчера за обедом рассказывала мне подробности вскрытия трупа. А теперь говорит — не к столу. Я просто не представляю, что это должно быть! Рассказывай! Готов лично извиниться перед каждым, кому эта история испортит аппетит.

— Давай потом...

Моня не стал настаивать. Но когда позже оказались на кухне втроем — Арина, Моня и Давыд, все-таки попросил рассказать.

— Дурацкая история. Понимаешь, люди сердцем победу чуяли а я... извините, задницей.

Мужчины засмеялись от неожиданности.

Арина смотрела на них и чувствовала — они поймут. И рассказала про маленький румынский городок, где их госпиталю, привыкшему к поездам и палаткам, отвели аж целую частную больничку. Где было чистенько, светло и даже медикаменты не разворованы. Это когда они уже привыкли, что даже самые простые вещи — бинты, вату, йод — надо экономить. А тут — все есть, все на месте.

И вот Арина поинтересовалась у одного парня из хозяйки, а где выкопана яма. Важная вещь — народу много, если быстро не выкопать — все вокруг загажено будет. А он засмеялся — и отвел ее прямо в больничке этой в теплый кафельный сортир. С водой из труб, с лампочкой под потолком, с мягкой бумажкой в ящике. И с крючком на двери. Самым настоящим. И вот села Арина, а там — сидение деревянное, теплое.

У нее тогда аж истерика случилась. От переизбытка эмоций. Вот такая глупость невозможная.

Арина замолчала и спрятала глаза. Что Моня, что Давыд рассказывали о войне мало, сводили все к шуточкам, но все равно — то, что удавалось узнать, было такое... Настоящее. Страшное, за пределами представления Ординарного. А она тут — про сортир. Сейчас эти двое брезгливо скорчатся...

— А ты спрашиваешь, Давыд, что я так дорожу шелковыми носками. Вот ровно поэтому, — улыбнулся Моня, — потому что они — из нормальной жизни. И ты кофе пьешь по две чашки за день по той же причине. Или нет?

Шорин улыбнулся и закивал.

Разошлись уже совсем поздно. Арину, как всегда, провожал Шорин.

— Значит, говоришь, Моня за мной ухлестывал? — Арина до сих пор не могла поверить.

— «Ах, сними сапожки, пусть тебе прибором поласкает босые ножки!» и все такое. Если это не ухаживания, то я не знаю...

— Ой, Давыд, ты же знаешь Моню лучше меня. Он машинально начинает ухаживать за любой дамой от пятнадцати до девяноста, что оказалась в поле его зрения. Ну, и за тобой заодно. А может, это у вас роман? — добавила она ехидно.

— То есть вы не пара? — уточнил Давыд, пропустив колкость мимо ушей.

— Не-а. Абсолютно.

Судя по всему, Давыд изобразил что-то лицом, то ли крайнее удивление, то ли радость — Арина не видела в темноте. Самой ей от этого дурацкого разговора стало вдруг легко и весело.

Давыд подождал, пока Арина откроет дверь своего кабинета. Дело было небыстрое —

старый капризный замок отказывался подчиняться.

— Давай помогу, — Давыд взял у Арины из руки ключ.

— Ты не сумеешь, тут подход нужен.

— Сейчас разберусь. Ага, тут поднажать, здесь приподнять... Давыд нажал на дверь — и она открылась.

— Скажи честно, это ты наколдовал?

— Взлом с применением Особых способностей — это статья. Ты меня за жулика не держи. Просто подход нужен. А что у тебя руки такие холодные? — спросил он, передавая ключи.

— Не знаю. Уже года четыре согреться не могу. Все время мерзну.

— Дай погрею.

Он не стал дожидаться ответа, а погрузил ее ладони в свои.

Арина почувствовала сначала уколы, как от слабого тока, а потом — тепло. Оно проникало в каждую клеточку тела, обволакивало, пьянило. Она подняла голову, чтобы посмотреть на Шорина, поблагодарить его, но в этот же момент он наклонился — и их губы коснулись друг друга. Они отстранились испуганно, но потом вновь прижались друг к другу губами.

— Девочка, с огнем играешь, — прошептал Давыд через вечность, переводя дыхание, — я не смогу остановиться.

— Не останавливайся, — выдохнула Арина и сама потянулась к его губам. Старый диван жалостно скрипнул, когда они почти упали на него.

Арина потом совершенно не помнила, что было и как это было. Помнила только, что вдруг оказалась в своем теле, почувствовала, что вот эти руки, ноги, все остальное — это она и есть. Живая. Настоящая. Очень счастливая.

А потом они бесконечно долго лежали обнявшись.

— Прости, — голос Шорина звучал хрипло, как будто он до этого лет сто молчал, — мне показалось, или ты была...

— В моем возрасте это называется «старая дева».

— И как, стоило оно того?

— Вполне.

— Тогда повторим?

И он властно привлек ее к себе.

— Извини, вот теперь я точно должен идти, — сказал Давыд где-то через час, с удовольствием наблюдая, как Арина курит, сидя на окне.

Она ощущала, что движения ее изменились. Что теперь они стали — ее движениями. Ее руки подносили сигарету к ее рту. Ее легкие вдыхали дым. Как будто после долгого отсутствия она вернулась домой. В себя.

— До завтра, — прошептала она Шорину.

Первый раз в Левантии ей не страшно было засыпать.

В маске и без маски

— Я требую, чтобы вы положили этому конец! Разная тварь разухабилась, а вы сидитесь сложа руки! Вы же понимаете, они не мое личное украли, они наше, государственное, стащили, каждого из нас обворовали! Каждого советского человека!

В приемной УГРО патетически заламывал руки мужчина в сером костюме. Вал ег красноречия, впрочем, разбивался о гранитный утес Цецилии Цезаревны.

— Спасибо за своевременный сигнал, товарищ, — тихо и проникновенно произнес подошедший Цыбин, когда в потоке красноречия посетителя возникла пауза, — а теперь давайте к делу.

— Склад! Обнесли! И маску на стене нарисовали! — снова завелся тот. — А на складе ценные продукты питания, предназначенные для обеспечения сотрудников завода!

— Погодите вы! — взмолился Моня, — давайте по порядку. Я следователь уголовного розыска, Цыбин Мануэль Соломонович. Занимаюсь делом «Маскарада».

— Плохо занимаетесь!

— Возможно. А с кем я имею честь беседовать?

— Зиминин я. Максим Валерьянович. Заведующий складом. Который ограбили. Ваши «маскарады». А вы тут сидите. И ничего не делаете, — похоже, у посетителя от переживаний начало перехватывать дыхание.

— Да едем мы уже! — Моня обернулся к дверному проему, где скопились любопытные сотрудники УГРО. — Товарищей Шорина, Качинскую и Ли прошу со мной. Вы ведь поедете с нами, товарищ Зиминин?

Зиминин недовольно кивнул.

В катафалке сидели тихо — при постороннем вести разговоры было не с руки.

Когда выходили, Шорин подал Арине руку — и незаметно пожал ее ладонь. От этого тепло разбежалось по всему телу — она улыбнулась, и они на миг встретились глазами. И тут же разошлись работать.

Арина не могла понять, что ее смущает. Очередной склад, очередная маска на стене — но что-то выглядело иначе. Как картинки в стереоскопе: вроде бы, одинаковые, а чуть-чуть отличаются, отчего и возникает иллюзия глубины.

Но сформулировать, что не так, Арине не удавалось. Чуть иначе лежат мешки, чем лежали на предыдущих складах, чуть по-другому нарисована маска на стене... Арина фотографировала каждый миллиметр пространства — потом можно будет сравнить, определить разницу. Видимых следов не было.

Шорин бродил по двору, тоскливо оглядываясь и бормоча под нос:

— Ну и где ты, девочка моя? Покажись, красавица! Ищу тебя.

Арина понимала, к кому обращается Шорин: к таинственной Особой, чей след ищет, но от слов «девочка моя» по спине пробежали мурашки.

— Монь, а нет ничего! — наконец удивленно сказал Шорин. — Чисто.

Моня отмахнулся. Максим Валерьянович держал его за пуговицу и перечислял похищенное.

— Так и не надо было ей мутить. Сторож сам ушел в неизвестном направлении. То ли они ему долю дали, то ли решил, мол, раз склад грабят — взять под шумок что ценное — и сбежать. Домой к нему уже ходили — нет его там, — доложил Ангел.

Моня почесал в затылке.

— Что же, товарищ Зиминин, вы такого ненадежного человека в сторожа-то взяли?

— Так откуда ж мне знать, что он ненадежный? Вроде местный, не сидевший, беспартийный, происхождение самое то... Что б не взять? На нем же не написано.

В общем, ничего толкового не добились.

Несмотря на конец сентября, погода стояла практически летняя, так что возвращаться в УГРО решили пешком. Проходя мимо площадки Райко, Цыбин предложил остановиться покурить, насладиться погодой и природой. Никто не стал возражать.

Они сидели на лавочке, неспешно покуривая, когда раздался истошный рев. Лопухий мальчишка лет пяти в черных трусиках до колена сидел на бордюре клумбы и рыдал, размазывая слезы и грязь по загорелому лицу. Ни его обидчиков, ни чего-то, что могло его испугать, видно не было.

— Не, я так не могу, — вскочил Шорин.

Арина испугалась за малыша. Она видела, как Шорин реагирует на громкие неприятные звуки. Пьяному задержанному, выведшему Шорина из себя песнопениями, пришлось вправлять сломанный нос.

Но Шорин подошел к ребенку тихо, сел рядом на корточки — и о чем-то с ним заговорил.

Потом вернулся к коллегам.

— Арин, у тебя не будет нитки с иглой? Лучше черной, — спросил он деловым тоном.

— У меня есть, — Цыбин отвернул лацкан, за которым были вколоты две иглы: с черной и белой ниткой, — что там у тебя случилось?

— Да малой штаны порвал, говорит — мамка высечь обещала. Я говорю, мол, не высечет, она же мама, — а он не верит. Вот, зашить надо.

— А ты сумеешь? Может, я? — Арина привстала со скамейки.

— Обижает. У меня слуг никогда не было. Так что зашью я ему штаны, не вопрос.

Шорин снова удалился. Через пару минут вернулся ненадолго отдать Моне иглу — и снова убежал.

Арина посмотрела на часы. Шло рабочее время, а они сидели на площадке, как какие-нибудь тунеядцы.

Моня поймал ее взгляд, достал из портфеля лист бумаги и вечное перо.

— Товарищи, я вас не держу, если желаете — идите на рабочие места, а я тут поработаю — нужно пользоваться теплыми денечками.

Арина пожалала плечами, но уходить не стала — денек действительно стоял прекрасный, какой-то уж совсем срочной работы не было. Ну вот разве что отчет для Мони же и написать. А какой смысл писать его на рабочем месте, если адресат — вот он, сидит рядышком, прилежно скрипит ручкой по бумаге, покуривает, ногой болтает...

Арина вздохнула — и принялась за свой отчет. Теперь бездельником выглядел только Ангел, но его это, кажется, не смущало.

Арина еще раз прочла все свои заметки. Вроде, обычный почерк «Маскарада»... Но что-то смущало, что-то не давало покоя.

У Мони с края портфеля упал блокнот. Цыбин наклонился за ним, ругнувшись шепотом.

— Ось! Будь другом — продиктуй мне вот отсюда список похищенного. А то рук не

хватает, а глаза скоро в кучку соберутся.

Ангел взял блокнот и начал зачитывать с выражением:

— Сахар-песок, двенадцать мешков.

— Стой! Поняла, — Арина аж подпрыгнула, — Смотрите, что получается. Она перевернула лист с отчетом и начала чертить.

— Вот это, скажем, склад. Вот тут лежит сахар — только тут, весь в одном месте. Между флягами с маслом и коробками с мылом, — она дорисовала фляги и коробки, — Часть сахара взяли. Вопрос — откуда? Нет места для тех двенадцати мешков! Нету! Значит, и не лежали они там!

— Интересно, — задумался Моня, — Арин, я тебя понял, думаю, а ты, Ось, читай дальше.

— Консервы «Спам» мясные, производство США — три ящика. Вкуснющие. И удобные — с ключиком на крышке. Только бы их и ел всю жизнь...

— Погоди-ка, Ангел! — Арина снова восторженно вскрикнула, — Говоришь, консервы взяли?

— Ну да, три ящика. А что?

— На прошлых складах этот самый «Спам» с ключиком тоже лежал, тогда не тронули.

— Да тут вообще куча всего, чего раньше не брали, — задумчиво произнес Моня, отобрав у Ангела список и внимательно его разглядывая. — Вон, макаронные изделия, конфеты, даже водка пропала — восемь ящиков. Неплохо так.

— Поумнели, что ли? А то все муку с сахаром крали. А они дешевле тушенки, да и продать сложно...

— Оська! Ты гений! — Моня обнял Ангела, — Арин, понимаешь, что твой вундеркинд только что сказал?

— Это был не тот «Маскарад»? В смысле, другая банда с тем же знаком?

— Да зуб даю — сам Зиминин все и перетаскал. А на «Маскарад» свалил. Трудно, что ли, маску на стене нарисовать. Ты другое сообрази. Если они брали только некий определенный, не слишком дорогой и не слишком удобный товар, значит...

— Значит, у них имелся покупатель. Погоди! Михал говорил — они у Канатных складов разгружались...

— А мука и сахар — это у нас Хлебзавод. То есть можно предположить, кто-то на заводе покупал у них муку и сахар — и делал левые булки?

— Погоди, Монь! Все шикарно получается, но вот был еще и чай... Один раз, правда, но был же!

— В общем, берем версию за рабочую... А Зимининым и директором Хлебзавода нехай ОБХСС занимается. Сейчас напишу докладную Якову Захаровичу. Печатай скорее свои фотографии, добавлю их для убедительности.

Моня сложил имущество назад в портфель и посмотрел на часы.

— И пора нам уже по рабочим местам. Пока прохлаждаемся — пол-Левантии обнести можно успеть, — и крикнул в дальний конец площадки: — Шорин! Пошли уже!

Из-за деревьев на дальнем конце площадки показался наряд конной милиции. Ну ладно, один конный милиционер.

Вид он имел до невозможности гордый, хотя фуражка то и дело съезжала ему на глаза и приходилось ее поправлять, заодно вытирая нос тыльной стороной ладони.

Кроме фуражки, на милиционере были черные трусики — и все.

Его конь вороной масти горделиво гарцевал под седоком, бросая виноватые взгляды на

Цыбина.

— Тпр-р-ру, — сказал милиционер, поравнявшись со скамейкой.

Конь остановился и принялся облизывать левое переднее копыто — видимо, занозил.

Когда Моня наконец-то просмеялся и смог говорить, он встал перед грозным милиционером и представился:

— Капитан Мануэль Цыбин, уголовный розыск. А вы кто будете?

Милиционер козырнул:

— Генерал Мотя Мороз, тоже уголовный розыск, — лихо представился он, изрядно картавя.

— Прямо вот генерал! — уважительно протянул Моня.

— А то ж! У него вон даже конь в капитанских погонах, — подхватила Арина, которая тоже наконец-то перестала смеяться и обрела дар речи.

— Простите, товарищ генерал, мы у вас коня-то конфискуем.

— Не дам. Он обещал мне пистолет показать и овчарку рисовать научить, — надул губы генерал Мотя.

— Старшина милиции Ли, — козырнул генералу Ангел, — давайте, товарищ генерал, мы вашего коня на петуха обменяем.

Он достал из кармана весьма запывившегося петушка на палочке.

Мотя приоткрыл рот. Он переводил взгляд с Шорина на Ангела и обратно. Видно было, что леденец ему очень хочется, но и остаться без коня было бы грустно.

— Ладно, Моть, у меня завтра выходной, ты приходи сюда с утра — я тебя еще покатаю. И овчарку нарисую, — пообещал Шорин, вывернув шею, чтобы посмотреть на своего седока. Придерживая Мотю за ноги, он осторожно встал, спустил его на землю и забрал фуражку.

Конфисковал у Ангела петуха — и отдал Моте.

— Точно придешь, не обманешь? — строго спросил генерал Мороз, глядя Шорину в глаза.

— Честное слово! А теперь беги домой, мамка, наверное, волнуется.

Мотька убежал, облизывая на ходу леденец. Давыд развел руками:

— Ну не люблю, когда дети плачут. Дети радоваться должны.

Арина улыбнулась ему:

— Это называется «профилактика преступности среди молодежи». Этот мелкий теперь крепко знает, что милиция — хорошие люди, милиционеру доверять надо, так что есть шанс, что не пойдет через пару лет по карманам у честных людей шарить. Чтоб его лошадка любимая не поймала.

Арина выразительно посмотрела на Ангела. Тот сделал максимально невинное лицо, мол, не понимаю, о чем вы, Арина Павловна, говорите.

Вся группа неторопливо направилась в сторону УГРО. Ангел с Шориным сцепились языками по поводу шансов киевского «Динамо» в следующем сезоне, Моня с Ариной — люди от футбола далекие, — немного отстали.

— Я его давно таким счастливым не видел, — шепнул Моня. Арине показалось, что глаза у Мони как-то странно блестят.

Вечера с Давыдом, начинающиеся чтением Маринкиных блокнотов и заканчивающиеся на скрипучем диване, стали чуть ли не ежедневной традицией. Арина не спрашивала себя, зачем ей это, как она относится к Шорину, что планирует делать дальше. Просто эти два-три часа она была живой. Настоящей.

В такие моменты мир из тонкого, бумажного становился плотным, медовым, теплым. И Арина была в нем его частью и одновременно чем-то совершенно отдельным. Она чувствовала свою плотность, весомость в этом мире.

И вдруг все в одночасье кончилось.

Шорин стал чужим, нервным, раздражительным. Избегал встреч, даже попытки перекинуться парой слов пресекал. На месте преступления отработывал молча, почти всегда впустую, и уходил в сторону.

Арина пыталась как-то поговорить с ним, понять, что случилось, — но он тут же убегал, как будто по неотложным делам.

Моня в ответ на ее осторожные расспросы только отмахивался: потом, потом. Сам же окружил друга какой-то приторной материнской заботой — водил его обедать чуть ли не за руку, вечерами вел с ним долгие беседы.

Конечно, можно было бы заставить Давыда поговорить серьезно, но Арина чувствовала — не время.

К тому же, они ведь ничего друг другу не обещали. Если Шорин почему-то захотел прервать их милую традицию — это его право. Пора возвращаться к обычной жизни.

И Арина, вместо того чтобы засесть после работы ждать Шорина, пошла на кладбище. Стыдно признать, но теперь она бывала там все реже.

Делать ей там, по большому счету, было особо нечего. Михал взял на себя всю работу — и даже злился, когда Арина пыталась помочь. Мол, не женское дело. Однако же постоянно присылал с отцом отчеты, закрашивая на плане кладбища все новые и новые участки. Работал он куда быстрее Арины, причем не халтурил — Арина проверяла. Теперь уже полный порядок на кладбище был делом не веков, а всего-навсего десятков лет. Что тоже, конечно, невозможно, но не так страшно.

Кирилл Константинович тоже куда-то пропал — она не виделась с ним с конца августа.

В их последнюю встречу он сказал, что из-за переменчивой погоды очень болит шрам на голове — приходится сидеть дома.

На предложение Арины посмотреть, может, что-то подсказать, гордо отказался. Арине осталось только вздохнуть и подумать о том, как много раненых среди тех, кто никогда не был на фронте.

Но в этот раз Кодан окликнул Арину, когда она только зашла на кладбище. Арина предложила ему закурить, но тот отказался.

— Бросил. И вам советую. Все-таки очень неприятная привычка.

Арина только плечами пожала:

— Вы сильно изменились с нашей последней встречи.

— Ну что вы, вам кажется. Бросил курить, шляпу вот новую купил — не более того. А вот вы действительно изменились.

— Симпатичная шляпа. Но вот я как раз совершенно прежняя. Даже, как видите, курю.

— Мне трудно сформулировать отличия. Но раньше вы были как-то ближе к этому месту, какой-то немного... не из нашего мира. А теперь стали обычной.

Арина замялась. Не рассказывать же Кириллу Константиновичу про Шорина, не та близость дружбы.

— Но, согласитесь, до того как попасть сюда, все эти люди были обычными. Живыми.

— Да, обычной толпой. Заметьте, попав на кладбище, мы обретаем индивидуальность, — он прочел первую попавшуюся табличку из подписанных Ариной, — «Сергей Николаевич Лященко. Утолял жажду и давал жизнь садам». Красота, правда? А ведь он был обычный водовоз. Интересно, он при жизни знал, что он вот такой — почти библейский персонаж? Кстати, зря его вдова поскромничала. «Превращал воду в вино» — так было бы честнее, ибо пропивал всю свою выручку до гроша. Вот как смерть людей меняет — из пьяниц в почти святые.

— Работала я с одним Смертным, Митей Куницыным, он говорил, что после смерти люди не меняются.

— Вы не боитесь Смертных? Редкое качество в наше время. Я вас, кстати, в начале нашего знакомства за Смертную и принял. Было в вас что-то такое, немного... Как будто бы на границе между тем миром и этим.

— Откуда в Левантии Смертному взяться? Все в армии. Говорят, даже стариков еще не демобилизовали. Только школьников отпустили.

— Совершенно верно. Для всех война кончилась в сорок пятом, а для них она кончится, когда найдут последнего павшего воина, а не сообщат его близким, мол, ваш муж или сын погиб там-то. А ведь им все эти фокусы не так просто даются. Вы представьте только — человек в мгновение наполняется силой. Может подкову пополам разорвать, как булку, может танк поднять... И вот он всю эту свою силу до капельки отдает тому, кому она не нужна. Мертвецу. На войне — ради атаки, в которую живые не пойдут. А в мирной жизни — так вообще ради пустяков. А сила-то эта, которую в покойников вдыхают, она же от живых людей берется.

— Я знаю, говорю же — работала.

— Смертные — как тонкие сосуды, через которые переливается сама жизнь.

— Как поэтично!

— Несчастливая это участь — ради чужих прихотей переливать жизнь из одного тела в другое, не оставляя себе ни капли. Надо очень хорошо понимаешь, за что служишь, — не за деньги, не за паек, а за идею, в величие которой веришь больше, чем в самого себя. Иначе... — он сокрушенно махнул рукой.

— Пожалуй, буду радоваться тому, что я не Смертная.

— Напрасно. Им зато дано понимание, что есть жизнь, а что есть смерть. А это, поверьте, дорогого стоит. А если люди вдруг перестанут брезгливо бояться Смертных — и применят к ним научный подход... Впрочем, как ученый, могу сказать, что научный подход, примененный в любой области, делает эту область лучше, чище и полезнее людям.

— Все равно, выбирать родиться Смертным, Ординарным или Особым — не в нашей власти.

— Пока. Но поверьте, наука может многое. И, возможно, не мы, но наши внуки будут сами выбирать, кем им быть.

— Нет, пожалуй, все-таки даже если бы был выбор — я бы осталась Ординаром, — задумчиво произнесла Арина.

— В самом деле? Ваше право, — сказал Кодан и улыбнулся своей обычной любезной улыбкой.

Вдохновенное выражение, которое было таким необычным для его лица, снова куда-то ушло.

На следующий день Шорина на работе не было. «Отсутствует по болезни», — сухо сообщил Моня, давая понять, что подробностей не будет. Весь день он заметно нервничал, отвечал невпопад, явно не мог сосредоточиться на работе. А наутро появился в несусветную рань и стоял на крыльце, вглядываясь в улицу, как собака, ждущая хозяина.

Шорин появился, как раз когда Арина вышла покурить.

— Ну как? — бросился к нему Моня. В глазах у него было столько надежды и любви, что сходство с собакой увеличилось многократно.

— Восемь из двенадцати, — буркнул Давыд и постарался пройти дальше.

— Ну это же здорово! Уже восемь! Ты же помнишь, было же шесть! Так, глядишь, лет за десять...

— Шорины до сорока не доживают, — все так же зло бросил Давыд. — Не успею.

Он чуть ли не смел Моню с пути, прорвался внутрь каретного сарая — и хлопнул за собой дверью кабинета.

На лице Мони было написано сильнейшее облегчение.

— Все будет здорово, вот увидишь! Мы еще повоюем, — шепнул он Арине. Арина пожала плечами и ушла к себе.

К обеду она так зарылась в работу, что не сразу заметила, что в ее кабинет зашел Давыд.

— Ты извини меня, — сказал он растерянно, — я с этой комиссией совсем голову потерял. Так надеялся, что в этот раз все на ура пройдет. Но вот не вышло.

— Что за комиссия?

— Вроде медицинской, только Особая. Я же это, — он досадливо поморщился, — сломанный дракон. Практически бывший. Раз в год хожу выяснять, не восстановился ли. Пока вот нет. Понимаешь, с тобой я... Ну, другим стал. Тоска проходить стала, все такое. Думал — все, вернулся. Оказалось — пока нет. Я тебя очень обидел?

Арина неопределенно дернула плечом.

— Ты простишь меня?

Арина улыбнулась Давыду. Он обнял ее и поцеловал.

— Вот так бы всегда — обнимать тебя. Долго-долго. Лет сто.

— Шорины до сорока не доживают.

— Зато живут красиво, — Шорин едва заметным движением глаз заставил замок запереться и притянул к себе Арину.

Октябрь 1946

Арина никогда не видела матерящегося Моню. Не сказать, чтобы отдел уголовного розыска Левантии сильно напоминал дворянское собрание. После войны преступники почувствовали такую свободу, что штат УГРО — недоукомплектованный, по подсчетам Якова Захаровича, процентов на сорок, а в остальном состоявший почти сплошь из необученных, а то и полуграмотных новичков, — просто сбивался с ног, пытаясь хоть как-то остановить эту лавину бандитизма. Так что крепкое словцо звучало из каждой двери.

Но Мануэль Соломонович Цыбин себя блюл. Даже с последним отребьем говорил интеллигентно, с легкой улыбкой. Иные даже принимали это за слабость, хотя потом быстро осознавали ошибку.

Однако же Арина столкнулась в коридоре с Монею, изрыгающим потоки самой отборной брани.

Шепотом, под нос, но вполне разборчиво.

— Кому морду бить? — деловито осведомился Шорин, кладя руку на плечо другу.

— Мне, — отрезал Моня.

— А если без мордобоя, по сути? — Арина остановила парочку в коридоре. Моня ей был нужен по очередной служебной надобности. В смысле, нужен был Мануэль Соломонович Цыбин, а не вот это — злое, несчастное и матерящееся.

— По сути — я осел. А возможно — и похуже. Что мне только что доказали.

— Так, давайте оба ко мне, выпьем чаю, и ты, осел, все подробно расскажешь.

Арина решительно распахнула дверь кабинета.

Моня плюхнулся на диван, избегая встречаться глазами с друзьями.

— В общем, я с «Маскарадом» так сел в лужу, что рассказывать стыдно.

— А придется, — отрезал Шорин, наливая чай.

— Сам все, дурак, загубил. Во-первых, сдал Зиминина и директора Хлебзавода, некоего Савченкова, ОБХСС. Там, конечно, спасибо сказали, но теперь же ни до того, ни до другого не дотянуться. Если б я сначала хоть допросил их как следует...

— Если бы у бабушки... — начал Шорин.

— Это только начало и самая мелкая глупость, которую я сделал. Там еще во-вторых, в-третьих и в-десятих.

И Моня принялся рассказывать. Если вычесть из рассказа посыпание головы пеплом, завывания о том, как нормальные родители могли родить такого дурака, и прочие актерские этюды, оставалось следующее. Моня здраво рассудил, что все преступления «Маскарада» были совершены примерно в одном районе — между Предпортовой и Гаванской.

Там Моня обнаружил около тридцати складов. И только десять из них подходили под условия «Маскарада» — на них были сахар и мука. Моня уже потирал руки. Он знал число, когда будет ограбление, знал склады... Расставить десяток рябчиков с приказом «Увидишь что — свисти в свисток и стрелой ко мне» — и всего делов.

Конечно, остальные склады района тоже следовало, по-хорошему, пронаблюдать. Моня думал выпросить еще народа у Якова Захаровича, но потом решил не показываться ему на глаза. На последнем собрании тот слишком уж много говорил о повышении раскрываемости, выразительно глядя именно на Моню. Нет, ну тут он, конечно, был прав — по сравнению с

другими следователями, у Мони процент был так себе. Вон, Асатурян недавно самого Сеньку Федорова отловил. Да что Асатурян, даже Коля Васько умудрился закрыть дело по квартирным кражам на Мельничном. И только Моня возился со своим «Маскарадом» уже как-то неприлично долго. Конечно, кое-что по мелочи раскрывал, кого-то находил, вон, даже дезертира одного поймал — пятерку Земли, умудрившегося просидеть всю войну в подвале, — но вот «Маскарад»... В общем, решил сделать начальству сюрприз.

Разумеется, с утра выяснилось, что ограбление склада произошло, причем именно в том районе, который указал Моня, но вот склад, который обнесли, Моня счел не слишком заслуживающим внимания. Был он не продуктовый, как предыдущие, а общим складом системы дошкольного образования. Так что, кроме сахара и муки, там лежали горшки, одеяла и резиновые пупсы.

И конечно же, Яков Захарович выразил свое недовольство Моней... Немного в резкой форме.

— Это только в книжках Особые мысли читают, — вздохнула Арина, — ну не угадал ты со складом... Ну бывает.

— Да фиг с ним, что не угадал. Я просто только сейчас сообразил. Если бы угадал — хуже бы было. Вот если бы они на рябчика нашего наткнулись? В лучшем случае бы ему та девица голову задурила, а в худшем? Чужие жизни на кон поставил ради красивой позы...

— Else, was weinst du? — процитировала Арина сказку Гриммов.

Их учительница немецкого, Ванда Бруновна, преподавала и в Ариной школе, и в школе для Особых. Эту сказку она обожала — и требовала ее чуть ли не наизусть зубрить.

— Ach, soll ich nicht weinen? — хором процитировали Шорин и Моня. Переглянулись и рассмеялись.

— Однако, — отставив в сторону кружку, сказал чуть повеселевший Моня, — нам пора на склад.

В этот раз сомнения не было — «Маскарад» действовал настоящий. И, кроме муки и сахара, пропал сторож. Домой не вернулся. Все на складе говорили о нем, как о человеке серьезном, трезвом и семейном, так что просто загулять он едва ли мог. И Шорин вскоре напал на след.

— Пошли, — серьезно и встревоженно выкрикнул Цыбин. В этот раз ехали недалеко.

— Она сильно напрягается, мутить не выходит почему-то... И там второй Особый был, послабее, мужчина, где-то двойка, земля, какой-то... контуженный, что ли... — шептал Давыд сомнамбулически. — Стой. Тут все закончилось.

Они выскочили из катафалка. Места были обжитые, не центр города, но вполне заселенная окраина.

Грузовик нашли в ближайшей подворотне. Ни чая, ни муки, унесенных со склада, в грузовике не было, зато обнаружился труп.

— Это он, — вздохнул Шорин, — тот самый Особый, двойка.

— Убит совершенно банально — финский нож под ребро, — вторила ему Арина.

— Ага, — задумчиво резюмировал Моня, — кажется, я начинаю понимать.

— Подчинила? — поинтересовался Давыд.

— Ага. Потому ты его за контуженного и принял. Но сопротивлялся. Слабенько, но ее это сбило, так что пришлось его того...

— Разведчица? — Арина посмотрела на Цыбина вопросительно.

— Рабочая версия. Ой, рабочая. Спасибо... — Цыбин улыбнулся. — Ну да, языка брала

подчинением, финкой легко машет... Ангел, можешь сбегать в военкомат, поискать там девушку-разведчицу, Особую, четверку Воздуха, живущую в нашем городе?

— Ага. Хорошо. Мне как раз делать нечего.

— Неужели Наташа тебя отвергла?

— Не, сказала, что занята, ей не до меня. Она это — на курсах каких-то экзамены сдает.

— Вот! Бери пример! Человек учится, растет над собой! — не преминула вставить

Арина.

— Ну, значит, сходишь прямо сейчас, — покивал головой Моня, — а потом уже — за учебу.

— погоди, Моня! — Арина, пребывавшая в задумчивости, выкрикнула это внезапно, кажется, даже для себя. — А куда они все добро из грузовика дели? И в этот раз, и в прошлый.

— Ангел! — Моня стал серьезен. — Военкомат от нас не уйдет, а сейчас срочно пробегись по квартирам: может, кто видел, не заезжал ли сюда кто, кроме этого грузовика?

Ангел кивнул и убежал. И скоро вернулся с одноруким мужчиной в синих галифе и застиранной гимнастерке без знаков различия.

— Савелий Дмитриевич, инвалид войны. Говорит, видел, — представил Ангел своего спутника. Савелий внимательно присмотрелся к Цыбину. А потом обрадованно заорал:

— «Воевать подано», ты что ли?

— Антонов?

Они обнялись. Шорин, криво улыбнувшись, махнул рукой, мол «привет-привет».

— И этот тут? — чуть ли не брезгливо спросил Антонов Цыбина.

— Временно. Но он тут экспертом.

— Ну и черт бы с ним, — Антонов начал произносить другое слово, но очень быстро исправился на «черта».

— Всегда со мной, — очень широко улыбнулся Шорин.

— Ладно, Антонов, мы тебя не за этим звали. Вон, наш сотрудник говорит, ты видел, кто ночью сюда въезжал.

— Еще как видел! Заснуть не мог — погода меняется, все ноет, так что всю ночь, считай, вон там на лавочке просидел.

— Это точно, меняется, — Цыбин задумчиво потер колено. — Так кого видел?

— Площадку о двух лошадях. Одна — ну вот помнишь мою Ласточку? Одно лицо. Только...

Описание лошадей заняло, кажется, час. Антонов описывал каждую статью двух, как поняла Арина, довольно немолодых и не слишком породистых кобыл, как будто рассказывал то ли о киноактрисах, то ли о любимых женщинах. Цыбин со знанием дела уточнял, спорил, переспрашивал. Даже Шорин влез с каким-то замечанием. Постепенно они перешли на обсуждение «лошадей вообще» — у каждого из троих оказались свои пристрастия, свои представления о красоте и уме этих животных.

Арина деликатно кашлянула.

— Савелий Дмитриевич, не могли бы вы... — начала она.

— Что ни говори, а лошадь должна одну руку знать. Если она, как девка портовая, под кого угодно готова... — начал в то же самое время Шорин.

И спор снова разгорелся.

— Савелий Дмитриевич! — снова начала Арина, склонившись к уху Антонова.

— Ну раздерешь ты ему рот, и что? — кипятился Цыбин у другого уха. Арина выпрямилась.

— Моня! — она почти дернула Цыбина за плечо. — Неплохо бы не только про лошадок, но и про человека, ими правившего, спросить...

Цыбин посмотрел на нее мутно, как будто бы она его разбудила.

— О! Точно! А скажи мне, Антонов, кто правил той площадкой?

— Какой?

— Ну, в которую были запряжены... — Цыбин, даже не сверяясь с блокнотом, повторил описание лошадей со всеми подробностями.

— А-а-а-а. Ну, мужик.

— А подробнее? Как выглядел, во что одет был?

— Ну, одет... Ну да, был одет, — задумчиво протянул Антонов.

— Не голый? Уже хорошо! А лицо?

— Было лицо.

— Совсем здорово! И какое же?

— Ну такое, обычное...

— Как у меня? Как у него? Как у тебя? На кого похож?

— Ну, я не смотрел особо... Кажется, на этого похож, как его, Меркурьева, который Тучу играл.

— Понял тебя, спасибо. Ладно, пойдем мы, но адресок твой я знаю, так что не отвертись — зайду выпить.

— А заходи. Я один живу, никому не помешаем, — и добавил шепотом: — Только без этого своего.

Ангел вернулся задумчивый. Лошадей по описанию он нашел быстро — они числились за пожарной командой. Только вот незадача — были выкрадены оттуда в день ограбления склада.

— Еще и наорали на меня, мол, заявление написали, а я его даже не прочел, — надул губы Ангел.

— Так, — Цыбин вдруг стал серьезен и, кажется, даже вырос и раздался в плечах. — Иосиф, соберите, пожалуйста, в Особом отделе всех рябчиков, кто не очень занят прямо сейчас.

Арине нечего было делать на этом собрании, но образ Мони-полковнца завораживал, она тихонько пробралась в Особый отдел и пристроилась на табуреточке возле Ликиного стола.

Моня склонился над картой. Выглядел — хоть картину пиши маслом. Жалко, карта была не мира, и даже не Советского Союза, а всего лишь подробный план Левантии.

Рябчики опасливо жались в углу напротив. Моня решительно провел три ломаные линии.

— От конюшни пожарной команды до двора, где лошадей видел свидетель, можно добраться тремя путями. Можно по Офицерской до Мастерской, а оттуда вот сюда, налево, — Моня показал на первую нарисованную линию, — значит, их могли видеть из окон пятнадцатого дома, из окон двадцатого и, возможно, двадцать восьмого. Это понятно?

Рябчики закивали и замычали.

— Ты, ты и ты, — Моня показал кончиком карандаша на троих рябчиков, оказавшихся в первом ряду, — обойдете указанные дома, найдите свидетеля, который видел, кто управлял

лошадьми, — и сможет описать. Словесный портрет составить сумеете?

— Я даже нарисовать смогу! — пропищал худенький длинношей рябчик из заднего ряда.

— Прекрасно. Значит, все составляете словесные портреты и несете товарищу... Как вас?

— Вова... Владимир Камаев.

— И несете товарищу Камаеву. Он нарисует. Так, дальше. Второй маршрут — сначала по Декабристов, потом по Грязному переулку. Тут могли видеть из окон домов три, шесть и одиннадцать. Пойдете вот вы двое. И третий маршрут — сначала по Морской, потом дворами. Тут каждый дом мог что-то видеть, так что все остальные — туда. Ангел, будешь руководить группой. Всем все понятно?

— Всем, — нестройно промычали рябчики.

— Тогда выполнять! — отчеканил Моня.

Рябчики бросились на выход. Арина улыбнулась их молодому задору.

Не прошло и трех часов, как у Мони появился портрет подозреваемого. Немного карикатурный, но вполне узнаваемый. Наверное. По крайней мере, уже можно было расспрашивать людей, показывая им это.

К особым приметам, по словам очевидцев, стоило добавить также отсутствие музыкального слуха — в процессе кражи лошадей подозреваемый исполнял Утесова крайне немзыкально.

К вечеру Моня раздал рябчикам портреты, на которых гордый Камаев не преминул оставить автографы, и указания, где и у кого спрашивать про изображенного.

Моня светился от радости.

— Возьмем голубчиков! Как бог свят — возьмем! — почти напевал он. — Любит не любит

— Скажи, Давыд, а почему этот Антонов тебя так не любит? — поинтересовалась Арина, когда вечером они остались вдвоем.

— А меня никто не любит. Если я рядом — значит, скоро в атаку поднимут. Меня и вестником смерти обзывали, и дьяволом...

— Знакомо. Выздоровливают — по воле божьей, а все трупы — на совести врача, — печально улыбнулась Арина.

— Ты понимаешь, — Шорин улыбнулся в ответ.

— А почему он Моню «Воевать подано» обозвал?

— О! Это коронная Мониная фразочка! Означает: дракон свое дело сделал, можете наступать. Он так и рапортовал. Обстановку разряжал, так сказать.

— Но его вот никто вестником смерти не называет...

— Он обаятельный. И милый. И понятный. А я вот... — Шорин развел руками.

— Все ты на себя наговариваешь. Обычный ты. В смысле, симпатичный, и это... хорошо с тобой. Или ты меня подчинил?

— Это еще зачем? Скорее уж, ты меня...

Он уютно ее обнял — и Арина вдруг почувствовала, что она дома, что ей спокойно и тепло, что любые проблемы — решаемы, а хорошо — не когда-нибудь потом, а здесь и сейчас, а дальше будет только лучше.

Она глотнула чаю — и начала читать очередную страничку из Марининых блокнотов.

Уже не раз бывало, что записи в блокнотах удивительным образом соответствовали

настроению Арины, ее желаниям, а иногда — и погоде за окном. Пишет Марина: «...до обеда было так солнечно, казалось, уже лето пришло — и вот опять дождь...» — и небо покрывается тучами, и капли начинают стучать по подоконнику.

В этот раз Марина писала про любовь. Она не называла имени, но было понятно — кто-то из УГРО. Арина читала о случайных обменах взглядами, крошечных разговорах, улыбках — и пыталась понять, кто это. Наверное, Жорка Гавриленко. Красивый мужик... был. Девушки на него так и вешались. Говорят, перед гибелью под Севастополем успел все-таки жениться на связистке. Или Ахав Лазарев из Особого — тоже красавчик был, но совсем другого толка — Земля, серьезный человек. Очень обстоятельный.

— Пропустить? А то тут всякое девчачье, про прекрасные глаза и нежные пальцы, — спросила Арина у Шорина.

Она почувствовала какую-то неловкость, что пускает его в личную, сокровенную часть жизни своей подруги.

— Если можно, прочти. Тут... Ну, в общем, как со следом — тоже думал, один я такой дурак, а оказывается — у всех так.

— Ты о чем?

— Да не важно.

Наконец, состоялось признание в любви. Арина порадовалась — все опасения Марины оказались напрасными, чувства были вполне взаимными. Наконец-то возникло имя возлюбленного. Крупным, небывало аккуратным почерком посреди листа было написано «Дмитрий».

— Так это же Митя Куницын был! — выпалила она, обрадовавшись догадке.

— Где-то слышал это имя, — задумчиво протянул Шорин, — что-то неприятное... Бандит?

— Наоборот! Прекраснейший человек! Наш штатный Смертный.

Давыда передернуло.

— Да что ты так Смертных-то не любишь? — удивилась Арина.

— Понимаешь... Ты когда-нибудь стояла над пропастью?

— Нет. Не случилось.

— Ну, не знаю. На краю крыши, или там где еще...

— Парашютная вышка пойдет?

— Вот. И вот помнишь это тошнотное чувство, когда тебя тянет вниз, без парашюта, без всего. И жить хочется, и все у тебя хорошо — но так тянет, что еле убеждаешь себя не прыгать.

— Угу. Было. Но не на вышке — на мосту.

— Вот когда рядом Смертный — я что-то похожее чувствую. Сильно, аж голова кружится. Очень неприятное чувство.

— Ну они же не виноваты.

— А черт их знает. Ты мышей боишься?

— Нет, только крыс.

— Умных и, если взглянуть непредвзято, довольно симпатичных животных. Которые тебе зла не желают и ни в чем не виноваты.

— Ну вот Марина с Митей ничего такого не чувствовала.

— Влюбленные глупеют. Поэтому стараюсь не влюбляться.

— Я тоже, наверное...

— Договорились. Никаких влюбленностей, никаких глупостей. Просто приятное времяпрепровождение.

— По рукам.

— Да, стой, о влюбленных. Пока не забыл. Я сегодня утром Наташу видел. В общем, хочу серьезно поговорить с Ангелом.

— А чем она опять тебе не угодила?

— Да она-то... В общем, глаз подбит, лицо все синее... Мордобой был знатный.

— Ты думаешь, это Ося ее так?

— А кому же еще...

Арина задумалась. Конечно, Ангел очень изменился за то время, пока они друг друга не видели. Но не до такой же степени! Арина поверила бы, если бы ей сказали, что Ангел украл чьи-то часы. Ну ладно, не поверила бы, но устроила Ангелу разнос в профилактических целях. Ну, подшутил над кем-то грубо (например, сунул мышь в сапог Васько, когда тот разулся за столом, думая, что никто не заметит). Но ударить женщину, тем более — любимую?

— Нет, это точно не он! — сказала Арина решительно.

Ноябрь 1946

Арина попыталась сосредоточиться на работе, но выходило плохо — отвлекал жуткий шум. В каретном сарае галдели, как на вокзале.

Любопытство пересилило, и, не закончив исследования (преступник, убегая, зацепился за забор, очевидно, штанами, задача — определить материал), Арина вышла из кабинета.

«Вот так выходишь на улицу — а там накурено», — подумала Арина, выйдя на крыльцо. Дым стоял коромыслом — человек пять рябчиков одновременно курили, демонстрируя подчеркнутое наслаждение от каждой затяжки.

Опросив курильщиков, Арина составила картину. Некий постовой по фамилии Калинин задержал на базаре двоих субъектов, подравшихся до крови и выбитых зубов. Заодно захватил свидетеля. Так как тащить всю эту компанию в район было далеко и трудно, довел их до каретного сарая — сто метров дворами — и попросил выделить ему камеру, чтобы подержать там драчунов на время составления протокола.

Но надо знать левантийских рябчиков! Услышав о «безвозмездной аренде камеры» эти ушлые молодчики возмутились и потребовали от постового мзды в размере почти полной пачки беломора. А теперь радостно наслаждались добычей.

Арина уже хотела поинтересоваться, не входит ли в их планы превращение камер УГРО в гостиницу для приезжих, но шум со стороны камер интриговал. Так что она пошла туда.

Постовой маялся за крохотным столиком дежурного, кажется, в десятый раз пытаюсь переписать бумагу.

— Так почему он на вас набросился? — с отчаяньем в голосе задал он, судя по всему, не в первый раз вопрос в сторону камеры.

— Да шут его знает! — раздался из камеры молодой обиженный голос. — Он не сказал.

— А вы как объясните свой поступок? — уныло продолжил постовой.

— Товарищ старшина! Я еще раз повторю, у меня слабое зрение, так что я принял молодого человека за другого. Простите за личные подробности, но тот другой был несколько ближе с моей женой, чем мне бы этого хотелось.

Второй голос был явно старше — и какой-то до боли знакомый.

— Врут они все! — аж запрыгал на стуле бритый налысо усатый мужик в косоворотке, судя по всему — свидетель. — Сам слышал, как тот тому кричал «отдай часы, сволочь».

Арина заглянула в камеру, расплылась в улыбке и побежала по коридору, радостно крича:

— Евгений Петрович! Евгений Петрович! Посмотрите, кого к нам привели! Вы не поверите!

Евгения Петровича уговаривать не пришлось, и вот они уже вдвоем стояли перед камерой, с умилением глядя внутрь, как дети в зоосаде.

— Базиль Тимурович! Счастлив наблюдать вас в добром здравии! — улыбаясь во весь рот, выговорил Бачей.

— Вы знаете этого гражданина? — в голосе постового слышалась надежда.

— О! Да это левантийская легенда! — воздел очи Евгений Петрович.

— Наш учитель! — добавила Арина. И начали наперебой рассказывать.

Базиль Тимурович Санжаров и правда был знаменит в узких кругах Левантии.

Потомственный искусствовед, даже имя получивший в честь малоизвестного художника круга Моне и Ренуара, скромный работник музея, он не раз выступал экспертом в области художественной ценности тех или иных найденных УГРО предметов. Впрочем, знаменит был отнюдь не как коллега Арины.

Дело в том, что у Базиля Тимуровича были золотые руки. Сначала он применял их скромно — для реставрации музейных ценностей. Но потом стал негласно предоставлять услуги реставратора всем желающим.

Как-то раз к нему обратился директор комиссионного магазина. И у них завязалась крепкая дружба на почве обогащения. Базиль Тимурович филигранно маскировал дешевые часы, тарелки, лампы и чернильницы под изделия прошлых эпох, а его подельник сбывал их доверчивой публике. Вопросов ни у кого не возникало. Большая часть денег шла, разумеется, мимо кассы. По всем документам вещи проходили как копеечные безделушки, так что взяли директора комиссионки очень и очень не сразу.

Подельника он назвать отказался, заявил, что вещи получал на комиссию от самых разных людей, причем каждого описал так подробно, что ведущий дело следователь заподозрил нашествие мошенников в Левантию. Дело тут, конечно, было не в благородстве — просто за организованную группу судья добавил бы срок. Впрочем, молчание директора не сильно помогло Базиле Тимуровичу.

Он уже привык тратить деньги направо и налево, а потому быстро обеднел и свой следующий шедевр толкнул клиенту напрямую, на чем и был взят, но ненадолго — поскольку выгоду получил грошовую.

Рассказ о легендарных подделках, ходивших по рукам местных подпольных магнатов, прервал зашедший на шум Ангел.

— Боже мой! Желудок! Тебя ли я вижу! — закричал он радостно, заглянув в камеру. Несчастный постовой сидел, открыв рот.

— Вы и этого знаете? — спросил он несмело.

— Ага! Мой учитель! — гордо сказал Ангел.

— И чему же вас научил, — постовой заглянул в бумаги, — Дмитрий Геннадиевич Осипов?

— Так по карманам шарить. Он по этому делу — первый сорт! Мастер! Может сапоги с человека на ходу снять так, что тот и не заметит! — Ангел явно гордился учителем.

На постового было жалко смотреть. Он вжался в угол, переводя затравленный взгляд то на Евгения Петровича, обсуждавшего с Санжаровым дела давно минувших дней, то на Ангела, расспрашивавшего Желудка о его житье-бытье.

Арина обратилась к свидетелю, все еще сидящему на своей табуреточке:

— А вы что видели, товарищ...

— Виноградов моя фамилия. А видел я, как этот, — он показал на Санжарова, — бежал за тем и требовал вернуть какие-то часы. Потом догнал — и они драться стали. Этот тому зуб выбил.

— Дмитрий Геннадьевич, а покажите часики, — ласково обратилась Арина к Желудку.

— А если нет — то что? Общешься? Давай-давай, засунь свои ручки мне в бручки!

— Не надо так, Желудок! — веско произнес Ангел, — Тут найдется, кому тебя обыскать. И, поверь, ручки тут у народа не нежные.

— А с тобой, легаш, я не то что разговаривать, я с тобой, как ты продался, срать на одном поле не сяду! — заорал ему в лицо Желудок.

— Сядет-сядет, здесь больше негде, — рассудительно произнесла Арина. — Так что, мне звать товарищей?

— Держи, тварь, — Желудок, сморщившись, кинул в ее сторону часы, раскачав их на цепочке.

— Спасибо! — Арина ловко поймала часы. — А посмотрите-ка, Евгений Петрович, не те ли это знаменитые часики, которые Васько уже полгода пытается найти? Начало прошлого века, подношение левантийскому губернатору от турецкого посла, музейный экспонат... Или опять подделка? Может, спросим знатока?

Арина улыбнулась Санжарову, но тот отвернулся.

— В общем, спасибо вам большое, товарищ Калинин, подарок сделали царский. Сейчас у нас два дела закроются, так как на гражданина Осипова у нас тоже кое-что есть.

Постовой покраснел.

— Так мы с товарищем свидетелем Виноградовым пойдем?

— Вы идите, а товарищ Виноградов, если можно, пусть повторит показания нашему следователю — и может быть свободен... Ну, если у него никто из наших не учился.

— Интересно у вас тут... Все такие ученые... — протянул постовой.

— И не говорите! Учение — свет.

— А вот молодежь ваша у каких ухорезов училась? Вы слышали — пачку папирос у меня за аренду камеры слупили. А между прочим, задержанные — ваши люди, так что это, наоборот, мне папиросы положены...

— Товарищ старшина Калинин! За проявленное мужество при задержании опасных преступников премирую вас... — Ангел отчеканил это так торжественно, что Арина едва сдержала смех, — вот этим скромным материальным подарком.

Ангел достал из кармана «беломорину» — и засунул ее за ухо постовому.

— Простите, но тут же четко указано — военная форма с соответствующими знаками различия может заменять собой милицейскую! — Таборовский тыкал пальцем в какую-то бумагу, придерживая ее другой рукой перед носом Клима Петровича

— Да! Но не парадной же! Главный праздник страны! Вы обязаны быть при параде! К тому же, возможны награждения. Не выйдите же вы получать медаль в этом... — Клим брезгливо показал пальцем на застиранную гимнастерку Таборовского.

Клим Петрович развил бурную деятельность. Предупредил каждого, что седьмого ноября все должны быть в парадной форме, да, и научный отдел тоже, грозил карами небесными и земными тем, кто посмеет проявить одежную вольность.

— А помнишь тот фильм? — подмигнул Моня Давыду, в очередной раз выслушав требования Клима.

Оба неприлично заржали. Лика и Арина недоуменно переглянулись.

— Да уже в Германии. Там кинозальчик был... особого свойства. В общем, не буду пересказывать все, но был там один персонаж, который мог любить дам, только если на них полная форма. Немецкая, разумеется. Вот я и думаю, не схож ли он с нашим Климом Петровичем некоторыми предпочтениями...

— Тебе виднее, ты спец, — сурово посмотрела на него Лика, — опять лекторий для рябчиков устроил?

— Создаю прочные советские семьи, — улыбнулся Моня. — Практически Купидон на полставки.

Все присутствующие рассмеялись. Моня знал, кажется, всех девушек и женщин Левантии. И утверждал, что к каждой может найти подход. Стоя в окружении рябчиков, он предлагал им называть интересующих особ — а сам с важным видом рассказывал, на что какая клюнет. Кого-то достаточно сводить в кино на фильм про любовь, кого — лучше на танцы, а к кому-то без подарка в виде пары шелковых чулок лучше не соваться.

Как-то раз, проходя мимо этой компании, Арина услышала, как стоявший неподалеку Шорин назвал ее имя.

— А вот эту даму я вам всем категорически не рекомендую, — начал Моня. Арина хотела возмутиться, но тот продолжил:

— Во-первых, никогда не гадыте, где живете. В смысле, не совмещайте работу с личным, если не готовы свить семейное гнездышко. Иначе рядом с вами останется брошенная женщина, винящая вас во всех своих несчастьях. Даже если сама вас отшила. А во-вторых, — он крайне многозначительно глянул на Шорина, — вокруг указанной дамы бродит один ревнивец, отличающийся буйным нравом и пудовыми кулаками. Еще и с Особыми способностями. Придется вправлять нос и отрубать хвост.

Арина вздохнула. Отвратительно, конечно, что Моня догадывается об их отношениях с Шориным, а еще отвратительнее — что считает их влюбленной парой. И, пожалуй, отвратительнее всего, что про влюбленную пару — неправда.

Она пару раз ловила себя на зависти к Марине, которая легко и свободно обсуждала с Митей будущее — где они будут жить, когда поженятся, что будут есть на завтрак, как назовут детей. Но каждый раз одергивала себя, вспоминая, что ничего из этих разговоров не вышло, где теперь Митя — бог весть, а Марина... эх.

— Тебе форму на завтра погладить? — спросил Давыд вечером шестого.

Спросил так буднично, как будто каждый вечер помогал ей гладить одежду, а она каждое утро подавала ему завтрак.

— Буду благодарна. У меня тут с хозяйством, как видишь, не густо.

— Да уж. А ты не думала снять комнату, завести утюг, фикус на окошке и прочие признаки налаженного быта?

Наваждение слетело. Значит, утюг и фикус. Ну и пожалуйста.

— Ага. Утюг, фикус, мужа и котика толстенького. Чтоб об ноги терся, когда домой прихожу.

— А если муж котиков не любит? Скажем, у его соседей кот — редкостная сволочь и все время норовит этому самому мужу сапоги замочить? Так что ему приходится держать их в комнате под замком? Еще и умный, гад. Как понял, что сапоги недоступны — на бархотку напрудил. Полирую сапоги, а сам не понимаю, чем пахнет. А этот сидит на вешалке — и разве что не ржет надо мной.

Арина рассмеялась от облегчения.

Когда Шорин ушел, она еще долго улыбалась.

А утро было действительно каким-то праздничным. То ли запах утюга от принесенной Шориным отглаженной Ариной формы так действовал, то ли вид самого Давыда, надевшего по случаю праздника все награды — а у него их оказалось даже больше, чем у Мони, — то ли звук расставляемых в актовом зале стульев.

И сам Моня появился в весьма приподнятом настроении. Его информатор с Центрального рынка (как красиво называл он тамошнюю торговку семечками Лейлу, бабу вредную, но приметливую) заметила некую тетку, которая раньше носила на базар конфеты-подушечки, а с недавнего времени стала промышлять чаем вразвес. Да еще и хвасталась, мол, скоро свежего привезут, а то и конфет шоколадных. Тетку ту пригласили для разговора, а она узнала мужика на портрете работы Камаева. И все о нем рассказала: как зовут, где живет... Даже такие подробности, которые Моня предпочел бы о том товарище и не знать.

В свою очередь, взятый Монею за жабры участник «Маскарада» мялся, жался, изображал невинную девушку в первую брачную ночь — но все-таки согласился сотрудничать. Правда, сказал, что вряд ли скоро будет новое дело — внутри банды возникли какие-то серьезные разлады. Но когда-нибудь же как-то все решится! Не бросать же, право, серьезным людям такое выгодное дельце.

В общем, «Маскарады» были у Мони почти в руках.

И Коля Васько, стесняющийся новенькой красивой формы, тоже солидно украшенной орденами и медалями, заикаясь и отхлебывая из фляжки, сообщил, что в декабре женится на Дарье. И всех к себе на свадьбу пригласил.

День обещал быть чудесным.

Клим Петрович минут пять не мог начать собрание — все любовался единообразным форменным видом сотрудников.

А после чтения передовиц сообщил, что следующий год для советской страны — юбилейный. И к юбилею многие рабочие и колхозники берут на себя обязательства. Чтоб, значит, к следующему седьмому ноября отчитаться о выполнении. И если есть желающие...

Сотрудники УГРО удивленно переглянулись. Арина представила себе, как выходит и обещает повисить количество, скажем, препарированных трупов. И что будет, если трупов не хватит... Моня хихикнул, встал и пообещал, что сократит к юбилейному году потребление

служебных карандашей на погонный метр. Это было воспринято как сигнал. Каждый выходил — и что-нибудь такое обещал. Снизить протираемость штанов, увеличить проходимость наро-мест в камере предварительного заключения, увеличить уликособираемость за счет коленкоползания. Даже Цецилия Цезаревна поклялась сократить расход губной помады.

Атмосфера была как в цирке. Клим Петрович покраснел как помидор и делал вид, что с головой ушел в какие-то бумаги.

И вдруг Арина увидела, что Шорин мелко перекрестился, встал — и решительно пошел к трибуне.

— Извините, товарищи, я о таком... интимном. В общем, ну вы знаете, я это... — начал он, стесняясь и краснея, — в общем, обладаю некими особыми способностями высокого ранга. Ну, так получилось. В общем, мне тут в барском доме... Ну, то есть в госбезопасности задачу поставили. Увеличить обороноспособность страны путем это... — он совсем покраснел, — производства наследника. И я прошу, — тут его голос внезапно окреп, появилась в нем решимость, даже наглость какая-то, — и я прошу Арину Павловну Качинскую помочь мне выполнить обязательство перед Родиной к юбилею. Вот.

Арина встала и вышла из зала, хлопнув дверью.

До вечера Арина сидела, запершись в своем кабинете. Работала с такой скоростью, будто действительно дала обещание к следующему Октябрю выйти на рекордные рубежи. Несколько раз к ней стучался Моня, один раз даже в окно, но она не ответила. Если по делу — передаст через Цецилию Цезаревну, если защищать своего друга — пусть делает это где-то еще.

Ближе к вечеру, когда рабочий день официально закончился, в окно постучал уже сам Шорин. Арине жутко не хотелось его пускать, но то, что он набрался смелости и сам пришел, заслуживало уважения. Арина показала жестом, мол, заходи.

— Я опять идиот? — спросил он, повинно опустив голову.

— Не опять, а все еще, — уточнила Арина, возвращаясь к бумагам.

— Ну извини, не умею я вот это все, мол, позвольте вручить вам руку и сердце в вечное пользование.

— Зато «Увеличим поголовье драконов совместными усилиями!» — запросто. Извини, роль свиноматки-рекордистки меня не прельщает.

— Ну это... Я ж ради красного словца... Не, то есть они меня постоянно долбят, мол, раз я теперь такой бесполезный кусок дерьма, то хоть нового дракона сделать надо бы... Но я на них знаешь что клал? Ну вот просто поддался моменту. Как-то все случая искал, а тут такое... Показалось — уместно.

— Показалось.

— Но ты так и не ответила по сути вопроса.

Арина почувствовала, что сейчас набросится на этого наглеца с кулаками. Но он смотрел простодушно, и действительно ждал ответа.

— По сути — полностью с тобой согласна. Родине нужны драконы. Женись на хорошей девушке, заведите детишек... Буду рада заходить к вам в гости по выходным на огонек. Ну или что погладить, если не сумею раздобыть уют и фикус.

— Не получится, — Шорин был абсолютно серьезен, — ты прости за прямоту, у меня никогда такого не было, чтобы одна женщина дольше, чем на неделю-другую.

— Стареешь?

— Может быть. Нет, действительно. Извини за подробности — попробовал тут с одной. И ничего не вышло. Так что у меня просто нет вариантов — либо ты, либо никто.

— Значит, никто.

— Жестоко.

— Зато честно.

— Не понимаю. Ведь я тебе нравлюсь. Ведь нравлюсь же? — он зарылся носом ей в волосы.

— Нравишься. Очень нравишься, — она мягко отстранилась, — я хочу быть с тобой, пить с тобой чай, читать Маринкины дневники... Спать с тобой, в конце концов. Но вот это — семья, дети... Черт, да тоже хочу. Но это невозможно. Точка. Никогда. Не с нами. Не в этой жизни.

— Но почему?

Арина мучительно подыскивала слова. Рассказать Шорину все она была не готова.

— У меня не может быть детей, — сказала она, стараясь не глядеть ему в лицо.

— Извини, не знал. Но это же мелочи. Ну обойдется родина без поголовья... Главное, мы вместе, нам хорошо... Я даже на кота почти согласен. Кстати, а врачи что говорят? Совсем-совсем никак, или...

— Там другое, — махнула рукой Арина.

Шорин хотел что-то уточнить, но тут в окно постучали так, что чуть не выбили стекло.

— Черт! Я все двери запер. Не хотел, чтоб нам помешали, — рыкнул Шорин и побежал к выходу.

Страсти по мануфактуре

На пороге стоял, зябко поеживаясь, Коля Васько в ярко-голубом исподнем. Арина молча поставила чайник.

— Ты чего голый по улицам бегаешь, физкультурник? — спросил Шорин, усадив Васько на диван и закутав его в Аринину шинель.

— На-а-а-а-а... — начал Васько, запрокинув голову и помогая звукам руками.

— Понял, — Шорин достал фляжку. — Только не усердствуй, неразбавленный.

Васько отхлебнул, закашлялся, попытался запить горячим чаем, еще больше закашлялся, но потом все-таки пришел в себя, став заметно бодрее.

— Прямо на Греческой раздели! Форма ненадеванная, сапоги — почти новые. Ну что за люди? — сокрушался он.

— Так, потерпевший, опишите приметы напавшего, — Шорин сделал серьезное лицо.

— А я помню? Все как в тумане. Подошли сзади — и вот уже лежу посреди Греческой в чем мать родила практически.

— По голове, что ли, дали? Раз не помнишь, как раздели, — предположила Арина.

— Да нет, вроде... Не помню.

— Следов удара нет, — Арина внимательно осмотрела макушку Васько, — Давыд, глянь, может подчинили его?

Шорин потер руки — и провел ими вдоль спины Васько.

— Ни хрена не понимаю, дай сравню, — он протянул вторую руку к спине Арины, — Не-а, чист и светел. В общем, гражданин Васько Н. О., пишите заявление. Оружие-то с тобой было?

— Не, я теперь как пить иду — Дашка у меня его забирает. Бойтся, чтоб чего не натворил.

— Ага, значит, имело место алкогольное опьянение... М-да, хреновые дела, — Арина покачала головой, — Эх, как бы это написать, чтоб не «из-за пьянства лейтенанта Васько в распоряжении преступников оказалась милицейская форма», а как-нибудь, чтоб ты не очень причем...

Васько испуганно вжал голову в плечи. Давыд не сдержался и хихикнул.

— Да не пугайся ты так. Максимум — Яков Захарович пожурит. В общем, пиши, я сейчас сбегая, штаны тебе хоть принесу. А то если Даша не так поймет — тут ты выговором не отделаешься.

Когда Васько в подвернутых штанах Шорина и свитере Арины наконец-то убрался восвояси, Давыд плотно прикрыл дверь — и посмотрел на Арину пристально и серьезно.

— Я у тебя там что-то почувствовал. Похоже на проклятье.

— Ты никогда не ошибаешься. И я же говорила — детей у меня не будет никогда.

— Немцы?

— Нет, простой советский парень Толя Глазунов.

— Кажется, у меня появился личный враг.

— Нет, пожалуйста. Он не виноват. Ему было очень больно.

Арина вспомнила, как пинала в ярости банки с выдохшимся бесполезным эфиром. Как Александр Зиновьевич умолял, грозил, кричал, чуть ли не плакал в телефон. Как запинаясь, объясняла Толе и еще пятерым «везунчикам», что у каждого из них два выхода: сгнить

заживо по дороге в тыл, или получить помощь, но на живую. Максимум, что может предложить отечественная военная медицина, — по два глотка спирта. Или народные средства в виде легкого сотрясения мозга.

Толя сказал — «на живую». Мальчики очень любят казаться смелыми. Но не выдержал. Руки-ноги ему, конечно, держали, а вот рот заткнуть не догадались. Съевший собаку на особых ранениях Александр Зиновьевич то ли спал, то ли отсутствовал, а остальным просто не пришло в голову. До сих пор во сне Арина слышала его то ли шепот то ли стон «Бу-удешь про-оклята». Он потом писал Арине письма, извинялся... Бедный мальчик.

Шорин обнял Арину.

— Извини, я не знал. Но я что-нибудь придумаю, обязательно. Может, как-то можно снять...

— Мне не мешает. И это... Не говори никому. Ты первый, кто в курсе.

Арина сказала это, кажется, слишком холодно. Давыд замолчал, допил чай — и ушел.

Моня сиял, как именинник. Участник «Маскарада», обещавший сотрудничать, не подвел — и рассказал, где, когда и во сколько намечается новый грабеж. Человек он был в банде небольшой, так что подробностей не знал — но и этого было довольно.

Вооружившись планом базы, Моня расставлял рябчиков, объяснял каждому его задачу.

— Что-то как-то они не по графику, — задумчиво произнесла Арина.

— Да уж, начинаю волноваться за здоровье их Особой, — вторил ей Шорин, — на полмесяца раньше, не случилось ли с ней чего...

— Ну понимаешь, Давыд, для женщины это не самые приятные дни...

— А для ведьмы — самые боевые. Как минимум единицу к рангу добавляют, — объяснила Лика, — потому и говорят, «злющая, как ведьма». Когда с одной стороны это, а с другой — изволь мутить, будешь тут злющей...

— Кстати, в военкомате сказали, что нет у них такой дамочки на примете. Ни разведчицы, ни любой другой.

— Приезжая?

— Поглядим. Может — дезертирша. Вот возьмем ее — и расспросим.

Но взять ведьму Моне не пришлось. Задержание банды пошло не по плану. Моня уютно расположился в конторе склада, остальные — на своих местах.

В тишине и тепле Моня дремал над кружкой чая и книжкой, когда к нему пришел сторож с вопросом, куда его люди повезут складское имущество.

Моня от такого вопроса быстро проснулся. Свистнул рябчиков — и едва успел поймать шайку на выезде со склада.

Сторож потом рассказал, что к нему подошел товарищ лейтенант милиции в полном обмундировании и попросил помочь грузить мешки. «Чтоб бандитов в заблуждение ввести» — так объяснил. То, что сторож этого лейтенанта раньше не видел, — ну мелочь же, может, позже подошел, может — не разглядел. Ну, он и помог.

Еще пару рябчиков позвал. Те тоже в охотку покидали мешки — ночь выдалась холодной.

— Нет, ну этот-то идиот — ладно, но чтоб наши ребята так сгупили... — злился Цыбин. Но как бы то ни было, «Маскарад» взяли. Правда, без Особой. Тот самый «лейтенант», немедленно выразивший желание сотрудничать со следствием, прямо по дороге в УГРО рассказал, что девицу из банды выгнали. «Мы честные воры, на мокруху не

подписывались, да и с этими... Осо-о-обыми дел иметь желания нет. Пока помогала — терпели, а как стала своевольничать — вопрос ребром поставили, либо мы, либо она. Ну, выгнали, в общем.

В разгар допроса банды каретный сарай огласили громкие вопли. Арина выскочила посмотреть. В приемной стояла Даша, уперев руки в боки, и орала. Яков Захарович, вышедший из кабинета на шум, опасно протягивал ей стакан воды.

— Вот вы с жуликами боретесь, а сами хуже них! — орала Даша, — вот вы, Яков, как вас там...

— Захарович.

— ...совсем стыд потеряли. Вот сами посмотрите. Мало того, что человека раздели среди бела дня, так еще и издеваетесь!

— Пойдемте ко мне в кабинет, все расскажете...

— Нет уж! Прямо здесь все расскажу, чтоб вам стыдно было!

В тот же момент в дверь УГРО ввалилась дама не менее горластая и корпулентная, чем Даша.

— Я за вас, бездельников, преступника поймала! — так же громко заорала она, отодвинув Дашу бедром. — Два месяца уже не чешетесь, простым людям вместо вас работать приходится!

— Благодарю вас за бдительность и помощь уголовному розыску, гражданка... как вас? — растерянно пробормотал Яков Захарович.

— Немучинские мы. А благодарить нечего. Вы скажите, делать-то мне что?

— Так что у вас случилось?

— Что случилось? И вы еще спрашиваете, что случилось! Так белье покрали! Прямо с веревки! Новенькое, с одной шпопочкой! А вы не чешетесь. А потому что сами с воров в доле!

— Погодите, гражданочка! Я первая пришла! — Даша пришла в себя и толкнула Немучинскую в бок. — Вот вы посмотрите: выдали отрез, говорят, на всю форму. А тут — ну максимум на жилетку!

Она достала из сумки ткань и стала прикладывать ее к Якову Захаровичу.

— Да у меня срочное! Вот вы сами послушайте. Я вора нашла! Иду, значит, по Петропавловской, которая теперь Каляева, вижу — он!

— Кто? — ошалело спросила Даша

— Вор! И прямо в белье идет, не стесняется. У меня там пятнышко приметное, сразу узнала!

— Что? Прямо вот в одном белье?

— Что украл — то надел. Вор, что с него взять... Я — за ним. Он — бежать. И знаете куда он прибежал?

— Куда?

— Сюда! Ну я думала — совесть проснулась, сдаваться пошел. Стою под дверью, жду, когда показания давать позовут и бельишко вернут. А тут этот выходит.

— Кто?

— Да вор же! Один выходит, без конвоя. Уже одетый, в штанах, в свитере каком-то.

— Небось, тут и упер. У меня так жениха обокрали.

— Может, и упер, а может — в сговоре они тут. С ворами. В общем, вышел он — я за ним. До самого дома проследила — и адресочек записала.

— Так, давайте адрес! Сейчас пошлем туда наряд — заберут вашего вора и белье ваше... — не выдержал Яков Захарович.

— Большая Успенская, то есть теперь Перовской, дом пять, квартира восемь — со двора, комната с синими шторами.

— Ах ты ж тварь! — заорала Даша и кинулась с кулаками на Немучинскую. — Это ты меня сейчас воровкой назвала? Это я там живу!

— Да не, — пропыхтела Немучинская, отбиваясь, — там мужик был. Лядащий. А не баба здоровая.

— Ты кого лядащим обозвала, стерва? — Даша пошла в атаку.

Дамы дрались. Рябчики, которые, по идее, должны были разнять драку, корчились от хохота.

Арина не знала, что делать. Яков Захарович, вроде, серьезный человек, к таким вещам привычный, просто хлопнул дверью своего кабинета. Из-за двери раздалось громкое похрюкивание — суровое начальство наконец дало себе волю.

— Гражданка Немучинская! — Ангел притащил стопку каких-то тряпок. — Не могли бы вы помочь нам в опознании покраденного белья? Раз вы у своего все штопочки-пятнышки помните.

— Взяли все-таки лядащего? Вон, и бабу его берите, хулиганка она! — довольным голосом сказала Немучинская, остывая.

— А вам, Дарья Владимировна, позвольте вернуть форму вашего жениха, — торжественный Моря протянул Даше сложенные вещи. — Только сегодня конфисковали у преступника.

Даша подхватила шмотки и быстро ретировалась. Ангел тем временем вывалил ворох тряпок перед Немучинской.

— Ой, вот эти наши... Или вон те... Не пойму, — бормотала под нос Немучинская. — А можно взять какие получше? Я доплачу!

— Нет, гражданочка, у нас тут не частная торговля, а милиция. Забирайте свое — и идите с миром. И это... вы потом, как остынете, до Большой Успенской сходите, прощения попросите... Потому что бельешко ваше нашел следователь Васько, Николай Олегович. Жизнью, можно сказать, за кальсоны ваши штопаные рисковал! А вы его почти жену обругали, в драку вот полезли... Нехорошо...

Ангел сокрушенно качал головой, выпроваживая Немучинскую. Наконец закрыл за ней дверь — и заржал.

— Жалко, конечно, что все запомнят этот день по бабам, дерущимся за подштанники, а не по тому, что некий скромный Мануэль Цыбин взял банду, которую полгода искал, — вздохнул вечером Моря, заходя к Арине попить чайку, — но хоть выступление Шорина после такого никто не вспомнит.

Арина покивала головой.

Декабрь 1946

— Добрый вечер, Ирина Павловна!

Арина только что выскочила из магазина, где участвовала в бойком скандале. Ругаться не особо хотелось, но и идти к Моне с пустыми руками было нехорошо. Новый Год все-таки. Впрочем, где-то в середине скандала она почувствовала даже какой-то азарт. Что-то древнее, из времен, когда еду можно было добыть только охотой.

Тихий вежливый голос за спиной в мир дикой охоты не вписывался никак.

Арина обернулась — Кодан улыбался ей уголками губ, помахивая авоськой с торчащими рыбьими хвостами.

— Кирилл Константинович! Не ожидала вас здесь увидеть!

И правда. Арина подумала, что есть люди, которых просто не представляешь без окружающего их пейзажа. Как в школе невозможно представить, что строгая Алиса Германовна вечером уходит домой, переодевается в домашнее, готовит какую-то самую обычную еду. Или диктор Левитан ругается своим прекрасным голосом с соседями из-за перегоревшей лампочки в коридоре.

Кодан был человеком Южного кладбища. И никак иначе. Арине даже иногда казалось, что нет никакого Кодана, что он призрак, блуждающий среди разоренных могил.

В середине ноября, когда похолодало, они попрощались до весны.

Было что-то неправильное в их встрече. И сами они были непривычными друг другу — растрепанная Арина с бутылками и свертками и Кирилл Константинович, на кладбище казавшийся почти монументальным, а тут сгорбившийся, ставший сразу каким-то маленьким и немолодым.

— Не желаете ли прогуляться в честь нашей неожиданной встречи? — Кодан улыбнулся шире.

— С удовольствием.

Он подал ей руку — и они пошли бродить по городу.

Арина удивилась, что ограничивала общение с Кириллом Константиновичем только кладбищем. Он оказался блестяще эрудирован, при этом не навязчив. С ним было чрезвычайно приятно прогуливаться.

Увидев здание Оперы, Арина подумала, как хорошо, наверное, было бы зайти туда с Коданом. Он не стал бы дичиться и скучать, как Шорин, счастливо поднимать палец в самых трудных местах партии и в антракте обсуждать голоса и манеру исполнения певцов с жаром футбольного болельщика, как это делал Цыбин, или хихикать в неожиданных местах, как Ангел.

К сожалению Арины, Кирилл Константинович сбил полет ее фантазий, мимоходом заметив, что раньше был большим поклонником оперы, а теперь поостыл, предпочитает иные радости.

Впрочем, и без оперы их прогулка доставляла Арине истинное удовольствие.

Они обсуждали странный архитектурный стиль одного из домиков на Мещанской (конечно, на Коллонтай), когда Кирилл Константинович вдруг заметил:

— А вы обратили внимание, Ирина Павловна, насколько Левантия — несоветский город?

Арина хотела возразить, что зря Кодан так, вполне хороший город, вон, про местный завод даже в «Правде» как-то написали... А потом задумалась. Действительно, было в Левантии и левантийцах что-то, неуловимо отличавшее их от всех прочих. Хотя, казалось бы, трудно найти более непохожих друг на друга людей, нежели левантийцы — но все равно, один левантиец был похож на другого больше, чем на любого киевлянина, ленинградца или бакинца.

— И ведь Советский Союз тоже не особо принимает Левантию, — задумчиво продолжил Кодан, — Вы заметили, не существует даже ни одной песни про Левантию. Про Москву, Ленинград, Киев, Одессу, Саратов — есть, даже про некоторые деревеньки есть, а вот про Левантию — ни одной. Неужели от недостатка поэтов?

— Да уж, чего-чего, а поэтов у нас — предостаточно, — улыбнулась Арина. — Но какие песни, когда половина страны называет наш город с ударением на А, а вторая — на И. кстати, как правильно?

— А вот это вам никто не скажет. Есть факты, подтверждающие каждый из вариантов. Но мне больше нравится на А. Свободнее звучит.

— Да, тот самый «иронический ветер Леванта» чувствуется, — улыбнулась Арина.

— Иногда мне снится другая Левантия, без красных флагов, радиоточек на каждом столбе и бодрых маршей, — вздохнул Кодан. — Ужасная крамола, но, к сожалению, сны нам не подвластны.

Они дошли до парка и присели на скамейку.

— Прошу простить мою нескромность, но скажите, Ирина Павловна, почему вы все время одна? Красивая молодая женщина, интересный собеседник... Неужели современные молодые люди столь невнимательны?

— Ну что вы, мне тут даже недавно предложение сделали... кажется, — Арина покраснела, поняв, что действительно не знает, было ли идиотское выступление Шорина предложением или издевательством.

— А вы, стало быть, отказали.

— Стало быть...

— Кандидат был нехорош?

— Вполне хорош... Только вот...

Арина задумалась, что «только». И вдруг рассказала Кодану про Марину и Митю, как они были влюблены, как строили планы на будущую жизнь, как хотели детей, как, смеясь, купили даже первое «совместное имущество» — фарфорового ослика, который нравился обоим. А потом — все. Конец.

И, наверное, как у Марины и Мити, — не самый плохой вариант. Вот если бы они успели до войны пожениться, завести детей... Хотя сейчас-то как раз самое время для планов — войны больше не будет. Вон, даже карточки с нового года отменяют.

— Иногда забываю, насколько вы еще юны, — вздохнул Кодан, — помню слова про «войны больше не будет» и в семнадцатом, и в двадцать четвертом... Почему-то не сбылись.

— Шесть лет назад у меня были любящие родители, близкая подруга, дом, какие-то увлечения... Сейчас — только работа. Надо строить все заново...

— А надо ли? Я вот тоже за последние годы много что потерял. И, знаете, жить стало намного легче. Когда ничего нет — ты свободен, не боишься новых потерь. Помните, жил при Рождественской церкви такой Савелий?

— Хорошо помню. Слепой. Очень боялась его в детстве.

— А зря. Приятный был человек. Образованный. Когда-то был богачом, отцом семейства, меценатом. Потом — все кончилось. Разорился, ослеп, жена и дети покинули... Жалел единственно о том, что не может читать книги. В остальном — был счастлив. Говорил, что только потеряв все, понял, как хорошо вставать утром — и ничего не бояться, ни о чем не беспокоиться.

— Ой! — Арина не хотела перебивать Кодана, но проведя, ладонью по скамейке, повредила руку.

— Занозили? Позвольте посмотреть. Эх, глубоко засела — пальцами не вытащишь. У вас нет с собой пинцета?

— К сожалению...

— Не побрезгуете, если я попытаюсь ее высосать? В детстве получалось...

Арина кивнула. Конечно, все это было страшно негигиенично. Но Кодан держал ее руку так деликатно, говорил так мягко...

— Вот и все! — Кодан торжествующе показал окровавленную щепку.

Арина вдруг задумалась: а с чего она взяла, что Кодан стар? На морозе его щеки приобрели некоторый румянец, а умные острые глаза смотрели пронизательно и твердо.

— Спасибо! Возьмите платок — у вас кровь на губах.

— Благодарю! Только славы вурдалака мне не хватало, — улыбнулся Кодан. — С вашего позволения, выстираю — и передам при следующей встрече. А пока вынужден вас покинуть.

Арина вздохнула. Действительно, гуляя с Коданом, она совершенно забыла о времени. Он встал и пошел — со своей нелепой авоськой, из которой торчали рыбки хвосты, в старом пальто... Внутри у Арины образовалась какая-то тянущая пустота. От которой она чувствовала себя какой-то невесомой. «Как конфетная обертка», — вспомнила она слова Шорина.

А ведь Кодан прав — не стоит строить то, что может рухнуть в один миг.

Хотя было еще рановато, Арина пошла к Цыбину. В комнате Мони на маленьком диване, положив голову на один подлокотник, а колени — на другой, дремал Шорин. Арина на цыпочках пробралась мимо него на кухню.

— С Давыдом все в порядке? — спросила она у раскатывавшего тесто Мони.

— В рамках. В общем, не важно, разберемся. А ты вот что-то какая-то бледная.

— Обычная.

— Подожди, ты же врач. У тебя же всякие знакомства есть... Может, знаешь хорошего специалиста по Особым ранениям? Точнее, по последствиям оных.

— Знаю, но в столице.

— М-да, шиш я его туда отправлю...

— Так все-таки что с ним?

— Трагический и неизлечимый диагноз: друг-паникер, — раздался хриплый со сна голос Шорина у них за спиной.

— Может, я и паникер, зато ты вот до сих пор живой. Местами благодаря моему паникерству, — флегматично заметил Моня. — Раз проснулся, помоги пельмени лепить. А то скоро куча голодного народу нагрянет.

— И не подумаю. Я зашел попросить тебя дать ключ от твоей кельи. Мне с Ариной надо парой слов перекинуться без свидетелей.

— Это теперь так называется? — скептически хмыкнул Моня, передавая ключ.

Монина келья оказалась чем-то типа просторного стенного шкафа, переделанного под

комнатушку. Большую ее часть занимала кровать, а все стены были обвешаны книжными полками.

Арина тут же потянулась к корешкам.

— Не советую. Моня отдаст ближнему и не очень последнюю рубашу, но если вынесешь книгу — ты для него враг навсегда.

— Спасибо, что предупредил. Итак, раздевайся.

— Вот так прямо сразу? Даже не обнимешь для начала?

— Вечно ты... Хочу посмотреть, что там Моня паникует.

— Все время забываю, с кем имею дело, — вздохнул Давид и стянул гимнастерку вместе с майкой.

Арина, как ни странно, не часто видела Давыда обнаженным. Бытовые условия не располагали.

Она произвольно залюбовалась его торсом, напоминавшим античную статую. Не столько сложением — хотя тут уж природа Шорина не обидела, а мраморными прожилками старых шрамов. Каждый из них она успела не раз покрыть поцелуями. Ей показалось, что один из них изменился. Стал чуть ярче, пустил новые лучики... Или показалось?

— О чем задумалась?

— Неважно.

— Важно. Ты пела про пыль.

— Я бы сказала, но точно не знаю. В общем, не нравишься ты мне, Давид.

— О как. А раньше нравился.

— У тебя вот тут что-то не то, — она прикоснулась пальцем, — и кожа горячая.

— Нормальная температура тела взрослого дракона около сорока двух градусов, если что. Так что все нормально.

— В общем, хочешь помереть пораньше — твое дело. Но вот Моня твой расстроится, — она нашла в кармане огрызок карандаша и какую-то бумажку и стала быстро писать. — Так что вот адрес — правда, в столице, но ближе, извини, нет. Скажешь, что я попросила глянуть.

— Твой приятель?

— Бывший начальник. Профессор. Защитил диссертацию по отложенным последствиям особых травм. Ну и вообще — хороший дядька. Если еще жив. Он немолодой уже.

— Будет случай — загляну, — он начал одеваться. — Но, если можно, не прямо сейчас. У меня были другие планы на вечер.

— И какие же? Зачем ты меня сюда позвал? Раз ты оделся — подозреваю, не для того, о чем подумал Моня.

— Не для того. В общем, это...

Он встал на одно колено, покопался в кармане, протянул ей что-то.

— Это кольцо моей бабушки. Семейная реликвия. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Вне зависимости от обстоятельств и всего прочего.

— У меня есть время подумать?

— Ну... Год скоро заканчивается.

— У тебя всегда все привязано к датам? То к Новому году, то к юбилею страны...

— Ладно. Давай так. Я тебя не тороплю, готов ждать хоть до морковкина заговения, но как решишься — тут же дай знать.

— Договорились.

Они вышли. Шорин вернул ключ Моне. Тот глянул на часы:

— Да ты рекордсмен!

Но осекся, напорившись на злой взгляд Шорина.

— Ладно, не буду вас беспокоить. Идите в комнату, расставьте стулья, — скоро уже люди придут.

Арина думала над предложением Давыда. Что могут построить два пустых фантика? Если очень постараются — карточный домик. До первого сквозняка, который унесет и их постройку, и их самих. А ведь прав Кодан — пока нечего терять, не страшно. Пока в новой жизни Арины не было Давыда, бояться было решительно нечего. Она спокойно ходила по городу среди ночи — взять у нее было нечего, а жизнь... То ли кончилась, то ли еще не началась. А вот теперь — ей было страшно за Давыда. А вдруг Моня прав — и все серьезно? Как же страшно будет потерять и его.

— Я понимаю, что ты меня плохо знаешь, — перебил ее мысли Давыд, расстилая на полу скатерть, — так что можешь задавать любые вопросы.

— Во-первых, кому ты так здорово насолил?

— Немцам, по большей части. Румынам, итальянцам... А до того финнам, а до них — японцам...

— Я не про то. За пять особых таранов, если мне не изменяет память, дают героя. Чаще всего, посмертно. На твоей шкуре я насчитала шесть.

— Восемь. В двух мне чертовски повезло.

— Вопрос — что ты такого натворил, что вот за всю эту красоту ты получил не героя, а под зад коленом.

— Одного генералиссимуса, не будем называть имен, послал матом. Объяснил, что очередное его задание — туфта полная и потеря людей без смысла. Думал, не жить после этого — но вот обошлось. Долгая история, замнем. Переходим ко второму вопросу.

— А второй вопрос — кто был тот напыщенный индюк, который отправил тебя вот с этим, — Арина провела по гимнастерке Шорина у самого сердца, где и располагался тот подозрительного вида шрам, — к нам, в мир живых? Четкий черный маркер — ложитесь, товарищ Шорин, помирайте себе спокойно, только раненых не беспокойте, вы не с ними, вы в списке потерь офицерского состава.

— Ну, так оно, примерно, и было. Так и сказали, мол, ты не ранен, ты просто убит. Только вот Цыбину это не понравилось.

— А при чем тут Моня?

— При пистолете. Который он десять часов держал у виска врача, которому ничего не оставалось, как бороться за мою жизнь. Ну и за свою.

— Забавное, думаю, зрелище.

— Ну, сам я, как ты понимаешь, не смог им насладиться, но те, кто видел, — описывали красочно. Монечка, этот нежный цветок, орал матом, обещал порешить всех, в общем, был действительно грозен. Потом, конечно, извинился, врачу часы свои подарил.

— Вот так живешь, считаешь себя интересным человеком, многогранной личностью с претензией на, простихоспади, интеллект и интеллигентность, — вздохнул Моня, внося в комнату кастрюлю с пельменями, — а запомнят тебя хулиганом с пистолетом.

— Монь, вот серьезно... — начал Шорин.

— Если серьезно — у меня вечеринка, праздник, Новый год. Еще одно слово с таким пафосом — и до утра будешь ходить в костюме зайчика. И читать стихи с табуретки.

И вечеринка началась. Пели, играли в фанты, Моня с умным видом гадал каждому на картах (Арине выпало знакомство с молодым брюнетом и предательство пожилого блондина), пили, танцевали, опять пели...

Все было похоже на трофейное кино — ярко, красиво, но не про Арину. Она с трудом дождалась утра нового, 1947, года.

Март 1947

Зима пролетела как-то мимо Арины. В январе захворал Евгений Петрович, с конца марта Бэба Таборовская долго отсутствовала, тоже по каким-то делам со здоровьем, — в общем, работы было чуть больше, чем по горло.

Но все-таки как-то получалось иногда выкроить вечер, чтобы провести его с Давыдом и Маринкиными блокнотами.

Как-то, раскрыв очередную страницу, Арина засмеялась. Шорин, для которого записки Марины все еще были непонятными иероглифами, даже обиделся:

— Да что ты там хихикаешь? Рассказывай давай!

— Вот в этом вся Маринка. Месяц сидела безвылазно в библиотеке из-за мужика с этим самым на лбу.

— С чем на лбу? — не понял Давыд.

Арина, хихикая, рассказала историю, свидетельницей части которой она была.

Как-то в УГРО забежал человек в низко надвинутой кепке — и начал ломиться в дверь Особого отдела. Обычно, посетители, даже пострадавшие от лиц с особыми способностями, крайне опасно косились на особистов, крестились в их сторону и плевали через плечо. А это — сам к ним прибежал.

Минут через десять Ахав Лазарев притащил того мужичка к Арине. Товарищ изрядно упирался.

— Тебе тут дело как хирургу. Тонкое и крайне интимное, — сквозь тщательно сдерживаемый смех сказал Ахав и удалился.

Мужик понуро стащил кепку — и Арина вскрикнула: посреди лба у него болтался детородный орган весьма внушительных размеров, частично загораживая мужику обзор мощными тестикулами.

— Режьте. Под корень! — решительно сказал мужик — и свалился в обморок.

Когда через пару часов Арина выпроводила товарища с перевязанной головой, тот же Ахав передал его уже Чуприну — и, давась хохотом, рассказал Арине историю.

Мужик завел себе развлечение: устраивал каждый вечер засаду на пустыре, через который шли в общежитие работницы ткацкой фабрики, выжидал, когда пройдет девушка без подружек, — и бросался на нее.

«По словам задержанного, когда насильничал, а когда просто сиськи мял», — уточнил Ахав. И вот как-то нашему герою чертовски не повезло. Девушка, на которую он направил свою страсть, оказалась Особой. И пожелала ему от всей души... Ну, то, что случилось.

И с утра оно выросло во всей красе. Этот простодушный человек не нашел ничего умнее, как пойти в УГРО жаловаться на ущерб здоровью и внешнему виду, причиненный лицом с Особыми способностями.

Отрезанный орган долго еще стоял в кабинете у Арины в банке со спиртом. Евгений Петрович приклеил к нему табличку: «Так будет с каждым, не оформившим запрос на экспертизу».

А Марина вот подошла со всей серьезностью. Хотела выяснить, можно ли исправить такого рода урон здоровью, не прибегая к хирургии, раз случился он по причине применения Особых способностей.

Подумав о шраме на голове, Арина вспомнила Кодана. После Нового года они так и не встречались. Как там он?

— И что Марина нашла в библиотеке? — нетерпеливо спросил Давыд, видя, что Арина ушла в свои мысли

— Тут схемы какие-то, ничего не понимаю, — ответила она, протягивая блокнот.

Шорин внезапно заинтересовался. Он задумчиво вглядывался в схему, крутил руками, проводил пальцем вдоль своего тела, хмыкал «Ага, понятно» и «Нет, так не пойдет».

Наконец он поднял голову и пристально посмотрел на Арину.

— Ты понимаешь, что твоя подруга нашла простой и эффективный способ снимать проклятья?

— Наверное. Но ты же понимаешь, я не спец. Может, нашла, а может — просто что-то нафантазировала себе. Она вот говорила, что все детские игры — они про Особых. И «колечко», и «пятнашки», и «казаки-разбойники»...

— Надо об этом подумать... Но ты вообще поняла, что я только что сказал? Давай попробуем. Не получится — значит, не получится. А вот если все выйдет...

— То ты выполнишь свое ноябрьское обещание.

— Прекрати ты. Ну стыдно мне, стыдно — тебе достаточно? Ну давай попробуем!

— Не смей.

— Не вижу причин твоего отказа.

— Ну, понимаешь, если вдруг получится... Назад дороги уже не будет. А я не хочу детей.

— Мне казалось, они довольно забавные...

— Да, возможно. Но во-первых, мне уже очень много лет. Во-вторых, я не умею все это. А в-третьих, не с моей работой. Вот я сегодня закончила в одиннадцать вечера. Точнее, прекратила. Завтра с семи утра буду опять по уши в отчетах.

— Между прочим, Таборовская, по слухам, отсутствует именно по этой причине.

— Поэтому я сижу тут до одиннадцати. Я своим коллегам такого не желаю. В общем, разговор окончен. Ищи себе другую подопытную. Или сам можешь кого-нибудь проклясть в экспериментальных целях.

Шорин посмотрел на нее недоуменно и молча ушел.

Арина сама не понимала, почему она так грубо обошлась с Давыдом. Да, она привыкла жить с проклятием. Опять же, радовало, что не нужно каждый месяц возиться с заскорузлыми тряпками. Но все-таки. Если быть совсем уж честной — она иногда представляла себе, как держит в руках кого-то маленького, беззащитного, живого... Но такое возможно, только если войны больше не будет. Еще лет сто. А иначе как своими руками отпустить такого живого, такого своего? Каждый день, с младенчества, учить, как выжить в войне. Чтобы был шанс дожидаться обратно. Живого.

Или... «Или как я» — подумала Арина, — «Или... как Давыд?».

Давыд — он же... Не совсем живой? Арина удивленно поняла, что так, наверное, и есть — хоть Давыд и не жил на краешке казенного дивана, не питался сомнительного вида бурдой из местной столовой, ходил на танцы и в кино — все равно было заметно, что большую часть себя он оставил где-то еще. Ну как с отрезанной конечностью — как бы ловко ни был бы сделан протез, от живой руки или ноги его легко отличить.

Подумав о смерти и мертвых, Арина отругала себя, что земля уже давно прогрелась, а она еще ни разу не была на кладбище.

Следующий день, по идее, должен был быть выходным, так что Арина обещала себе закончить все дела до обеда — и пойти навестить покойных.

Даже кладбище весной выглядело как-то радостно. Юная, невероятно яркая трава пробивалась везде, а где-то уже и мать-и-мачеха показалась.

«А я милого узнаю по походке», — тихонько напевал Михал, собирая граблями мусор с дорожек.

Арина улыбнулась — Михал выглядел трезвым. Хорошо, что без привычной «трудотерапии» на кладбище не запил по-новой.

Арина шла по кладбищу, автоматически напевая прилипчивую песенку про милого в панаме.

А вот человек, шедший Арине навстречу, кажется, трезв не был. Он шагал неуверенно, как будто бы сомневался в собственных ногах. Может, протезы?

Но человек приблизился, и Арина узнала в нем Кирилл Константиновича. Подхватил ревматизм? Травмировал ногу?

А еще при каждом шаге он засовывал руку в карман, что-то оттуда доставал и тут же отправлял в рот, наверное, семечки.

Заметив ее, Кодан приветственно приподнял шляпу и тут же снова полез в карман. Нет, не семечки. Небольшой кусок хлеба. Он поймал ее взгляд и развел руками:

— Постоянно тянет есть.

— Наголодались в войну? — посочувствовала Арина.

— Да нет, вроде, всегда хорошо питался, — он говорил с усилием, подбирая слова, — мое орудие труда — мозг, а потому обязано быть в хорошей форме.

— Вы ведь, кажется, оставались в городе во время оккупации?

Кодан никогда не говорил о себе прямо. «В масштабах истории моя личность неинтересна», — отшучивался он, когда Арина пыталась расспрашивать. Но что-то она узнала. Кирилл Константинович преподавал историю в одном из левантийских вузов. Когда вуз спешно эвакуировали, Кодан по каким-то причинам уехать не успел и остался в оккупированном городе. Как он выжил, чем занимался — этого Арина не знала. Но хорошо, что не голодал.

— Умный человек всегда найдет себе занятие, — тихо сказал он.

— Кирилл Константинович! Вы в порядке? — сегодня Кодан тревожил Арину.

— Благодарю за заботу. Вполне благополучен.

— Вы качаетесь и говорите странно...

— Ах да, болел зимой, видимо, еще не отошел. Позвольте вас покинуть, — он снова прикоснулся к полям шляпы и неуверенно пошел к выходу.

Арина растерянно проводила его взглядом.

— Глянь, Моня, никак, твоя знакомая, — Шорин кивнул головой, указывая подбородком на труп.

— Ох, похоже, что она, — вздохнул Моня. — Думал, она у себя в швейной артели к нормальной жизни вернется...

— Ну-ка Расскажи, — попросила Арина.

Познакомились они в марте 1946-го, незадолго до возвращения Арины в Левантию. Моня зашел в магазин за хлебом и угодил в безобразную свару.

Продавщица громким криком требовала милицию, двое хмурых мужчин били кого-то в

углу.

— Я милиция, — Моня достал удостоверение и подался вперед. — Что у вас тут происходит?

Все оказалось скучно и банально: девушка украла хлеб с прилавка. Моню поразило, что пока два мужика пинали ее ногами, она смотрела стеклянными глазами — и откусывала кусок за куском.

— Извините девушку. Она меня не дождалась. Я отбежал за деньгами и карточками, а она не выдержала. Вот, пожалуйста, получите, — Моня радовался, что прикреплен именно к этому магазину и может помочь.

— Пойдем, дорогая, — обратился он галантно к воровке, — и пожалуйста, больше так не делай. Я понимаю, ты не завтракала, но люди могут бог знает что подумать.

Он подал девушке руку калачиком — и только тогда заметил, что у нее нет ног. Вздохнул, помог поставить тележку — и снова предложил руку. Так они и вышли из магазина — за руку, как влюбленная парочка.

— Зря вы так, дяденька! Они меня знают, — хрипло сказала спасенная девушка.

— Дура ты. Если уж неможешь, лучше бы на рынке сперла или у покупателя.

— Да ну. У живых людей красть — не по совести.

— Ага. Только вот в магазине товар — это государственная собственность. Могла бы к стенке пойти как миленькая.

— Ох, больно я жизнью дорожу. Давай, красавчик, быстренько с тобой расплачусь — да и побегу дальше. Мне удобно, нагибаться не надо.

Моню аж передернуло.

— Совсем сдурела? Я не для этого... Тебя звать-то как?

— Тонькой.

— Значит так, Антонина. Давай через день встречаться на этом месте, — Моня огляделся, запоминая локацию. — Я буду тебе жрать приносить. А воровать не надо.

— А что еще делать? Жрать-то хочется, а на работу меня брать что-то никто не торопится.

— Решим вопрос.

И решил ведь. Пристроил Тоню в артель. Девушка оказалась старательной, трудолюбивой. Первую неделю Моня слушал жалобы руководителя артели, мол, кого ты привел, — а дальше только благодарности и предложения сшить костюм со значительной скидкой. И все ведь было хорошо.

И вот эта самая Тоня лежала сейчас в переулке недалеко от Центрального рынка, маленькая, скрюченная и мертвая.

— А скажи, Монь, что у нее было с алкоголем? — задумчиво спросила Арина, разглядывая труп.

— Вот тут принципиально. Ни капли. Никогда. Даже в праздники. Даже не курила. Ну в последнее время мы мало общались...

— Оно и видно. Судя по следам на пальцах — смолила нещадно.

— А что насчет алкоголя?

— Просто посмотри цвет кожи. Выглядит, как будто печень отказала. Хотя... белки глаз не желтые, а они должны были пожелтеть в первую очередь.

— Так, а еще? — Ангел привычно записывал за Ариной.

— Лежит тут от пяти дней до недели — точнее скажу в прачечной.

— Исключено. Вчера ее тут не было. Место не такое уж тихое.

— Да уж... И трава под ней свеженькая. Значит, приволокли. Сейчас погляжу, откуда...

Черт! Бред какой-то! Вон, сам глянь — следы колес. Получается, не принесли — а прикатали прямо на этой ее тележке... Но сами следов не оставили... Ничего не стыкуется...

— Разберемся, — это уже Моня сказал. Арине показалось, что голос у него стал глухим и надтреснутым.

— А с чего вы взяли, что это вам разбираться? — вскинулся Ангел. — Может, никакого особого следа.

— Да она воздушной была... Она рассказывала, еще в школе гаданиями промышляла.

А к безногой гадалке кто пойдет? Раз себя не уберегла...

— Дай глянуть, — попросил Шорин. Моня отошел в сторону.

Шорин присел над трупом, лицо его побледнело. Затем он встал и грязно выругался.

— Проверь сам. Ни следочка.

Арине показалось, что она где-то уже видела что-то похожее. Вспомнить бы, где и когда...

— Кстати, — совершенно некстати заметил Шорин, когда они возвращались с трупом назад, — а вот если я, допустим, уеду — что вы делать будете? Вот ординарных экспертов у нас четыре штуки, а я один.

— Перебьемся уж как-нибудь, — рассеянно ответил Моня, глядя в окошко.

— Меня тут вызывали, говорят, какой-то бардак у меня в военной биографии, просили в столицу съездить.

— Ну, так поезжай.

— Не завтра, ближе к концу апреля.

— Да отстань ты от него, видишь, человек переживает, — привстала со своего места Арина.

— Да в норме я, просто что-то знакомое, а что — вспомнить не могу, — вздохнул Моня. — А ты, Давыд, если вернешься без тортика из кондитерской на Тевелева персонально для меня — так можешь вообще не возвращаться.

— А что за торт? Может и мне надо? — сунулся Ангел.

— Надо-надо! Это такое... эх... — Моня блаженно улыбнулся.

— А тебе что? Ты, кажется, не любительница сладостей, — Шорин повернулся к Арине.

— А ей — по классике: черевички, те самые, которые сама царица носит, — подмигнул Моня.

— Поищем, — серьезно ответил Шорин.

Черевички

Апрель 1947

Шорин вернулся утром двадцать девятого апреля. Ходил по каретному сараю, раздавал сувениры из столицы. Час отвечал на вопросы Васько, соскучившегося по родному городу. Прямо под окном у Арины.

— Вот ровно между площадями, на Сумской. Там, где церковь Мирносиц была. Скверик разбили, вместо часовни что-то типа беседки, а под ней — пруд. Кривой такой, но симпатичный.

Васько только угукал, требуя новых и новых подробностей.

— Да пойми ты, чудак-человек, времени у меня не было по городу шляться. По делам я там был.

Васько не отставал, но, на счастье Давыда, его позвал Мونها. О чем там они трепались у крыльца — Арина уже не слышала, но вскоре сам Давыд зашел к ней в кабинет и рухнул на диван.

Лицо у него было бледное, осунувшееся.

— Очень устал?

— Еще бы, я ж своим ходом добирался. Считаю, верхом. Только Серенького успел помыть — и сюда.

Арина не сразу сообразила, что Давыд этим ласковым именем зовет свой мотоцикл.

— Удачно хоть съездил?

— Да... — Шорин махнул рукой. — Майора дали, героя дали.

— Ого! Неплохо, поздравляю!

— Угу. А в остальном — полная ерунда. Я посплю тут у тебя часок?

— Да иди ты домой, раз всю ночь ехал. Завтра придешь.

— И не подумаю. Сегодня у Мони народ собирается. Если я с работы сбегу, а у Мони покажусь — будут задавать слишком много вопросов, — Шорин откинулся на подлокотник дивана, но тут же вскочил и хлопнул себя по лбу. — Ну я болван! Главное-то забыл! Я же тебе черевички привез!

Он развязал свой мешок — и поставил перед Ариной обувную коробку.

Арина обнаружила в ней пару черных туфель, даже на небольшом каблучке и с ремешком на пуговке.

Она тут же скинула сапоги — и примерила подарок.

— И все-таки ты колдун. Как ты размер угадал?

— А что угадывать? Отсюда досюда, — он отмерил на ладони расстояние от запястья до первой фаланги среднего пальца. — Так что, высылать сватов? Как там по классике?

— Ты обещал не торопить.

— Извини, просто обстоятельства... В общем, может...

Пауза продолжалась довольно долго. Арина подняла голову — Давыд спал.

Мونها раз пять за день забежал к Арине сказать, что очень хочет видеть ее вечером. Ну и заодно бросал умиленный взгляд на спящего Шорина.

— Пошли, там твой Ангел такой цирк показывает, — шепнул Мونها Арине где-то в третий свой визит.

Цирк был знатный. Шорин привез огромную стопку столичных тортов — вафельных,

с шоколадом и украшенных фруктами из помадки. Выдавал один на троих рябчиков — благо, торт уже в коробке был поделен на куски.

Моне, Ангелу и еще нескольким «особо приближенным» досталось по персональному тарту.

Попробовав кусочек, Ангел закатил глаза и сообщил, что во-первых, это самое вкусное, что он ел в своей жизни, а во-вторых, он прямо сейчас доест свой торт целиком.

Народ смотрел скептически: все-таки дело было сразу после обеда, а торт не выглядел таким уж маленьким.

Наконец трое рябчиков подошли к Ангелу и предложили пари: если он и вправду управится со своим тортом за раз, не оставив ни кусочка, они выдадут ему свой торт в качестве приза. Что случилось бы в случае Ангелова поражения — неизвестно, ибо торт он слопал в мгновение ока.

— А если я и этот торт в один присест съем — что будет? — спросил он у публики.

— Слипнется, — поставил диагноз Васько.

— Ладно, получишь наш, — заявила другая тройка рябчиков, пошутукавшись. Второй торт исчез так же стремительно, как и первый.

— А если третий съем?

Кажется, желающих спорить среди рябчиков больше не нашлось. Зрелище-зрелищем, но и самим тортика хочется.

— Была — не была! — выпалил подошедший на шум Яков Захарович. — Съешь этот — мой получишь!

И Ангел съел. По мнению публики, уже чуть медленнее. Но съел, не оставив ни крошки.

Печально потряс над столом пустую розовую коробку.

Яков Захарович выдал Ангелу его трофей.

— Ну этот хоть оставь на завтра!

— А если я и этот съем?

— Лопнешь.

Рябчики о чем-то шушукались.

— Эй, Ангел! Если ты и этот торт съешь — мы тебе две банки сгущенки дадим! С сахаром!

У Ангела загорелись золотые чертики в глазах. Четвертый торт он ел уже медленно, обстоятельно, смакуя каждый кусочек. Но справился — и победно поднял над головой пустую коробку.

Получив сгущенку, он посмотрел на нее нежно, как на любимое существо.

— Эх, что-то последний торт был лишним. Надо чем-то вкус перебить.

С этими словами он вскрыл банку сгущенки — и выхлебал ее через край. Глядя на оторопелые лица зрителей, проделал то же со второй. И умиротворенно откинулся на спинку стула.

— Осенька! Может, тебе чайку налить? — озабоченно спросила Арина, не на шутку волнуясь о здоровье проглоты.

— Ох, спасибо, Арина Павловна! Очень надо чаю! Только сахара побольше положите, а то я несладкий не пью, — заявил Ангел под свист и аплодисменты публики.

Уходя вместе с Ариной с представления, Моня улыбнулся:

— Вот какие необыкновенные таланты бывают у людей! Хоть в цирк его отправляй. Имел бы успех.

— Ладно тебе. Наголодался ребенок, — вздохнула Арина.

Моня посерьезнел, разговор оборвал, но еще раз напомнил, что вечером очень-очень Арину ждет.

Вечеринка началась как-то странно. Моня встал и сказал чрезвычайно торжественный тост про какую-то девушку, которая восхитила его своим вдумчивым отношением к миру, умением быть хорошим другом и потрясающей красоты глазами — голубыми с зеленым.

Слово взял Евгений Петрович и сообщил, что знает эту девушку дольше, чем Моня, так что, во-первых, хочет подтвердить сказанное, а во-вторых — спеть для нее. И пел. Что-то на свои стихи. Жестокий романс о буднях уголовного розыска и о том, как важны для простого эксперта надежные приятели и теплые слова.

Потом говорили, пели, плясали и показывали всякие номера остальные.

Арина заглядывала в глаза всех присутствующих женщин, пытаясь понять, какой из них посвящено действо.

Когда все желающие сказали, спели и сплясали, Моня сел к пианино и тихо запел:

Я безумно боюсь золотистого плена

Ваших медно-змеиных волос...

Арина обомлела. Неужели все это — ей? Для нее?

...Я со сцены Вам сердце, как мячик, бросаю.

Ну, ловите, принцесса Ирен! — допел Моня, делая жест в сторону Арины — и перед ней появился букет роз. Остальные захлопали, начали протягивать Арине цветы и подарки.

Арина поняла, что сейчас расплачется.

— Спасибо, спасибо, — только и повторяла она.

— Нет, ну а что? Раз ты сама день рождения не празднуешь — должен же кто-то это сделать... Мы тут тебе не самые чужие люди...

Арина плакала.

В детстве она обожала день своего рождения — мама с папой каждый год придумывали что-то новое для ее гостей. Игры, маскарады, домашние спектакли, а когда Арина подросла — почти настоящие балы.

Взрослая же Арина предпочитала праздновать день рождения дважды. Один раз — с родителями, за семейным столом, с разговорами и планами, а второй раз — с друзьями где-нибудь подальше от дома. Если погода позволяла — ехали на море. А бывало — все вместе шли в кино или театр, или на танцы. Весело было. Беззаботно.

А сейчас... Не то, чтобы Арина забыла, когда у нее день рождения, но вот праздновать факт, что много лет назад родилась какая-то девочка, которая стала теперь ею, — представлялось ей странным и абсурдным. А вот же — оказалось, вполне нормально. Даже весело.

Арина утерла глаза.

— Моня! Мне не так много лет исполнилось, может, пригласишь меня на вальс?

Моня улыбнулся с облегчением — и объявил танцы.

— Моня — настоящий волшебник, — мечтательно говорила Арина Давыду, когда они шли от Цыбина. — Ну вот как в сказках. Особые способности — это одно, а он ведь чудеса творит.

— Позер он, твой Моня, — нахмурил брови Давыд, — фокусник из цирка.

— Ну вот с днем рождения угадал...

— В личном деле подсмотрел, — отрезал Шорин.

Арина не стала говорить, что имела в виду другое, она не была уверена, что Шорин поймет.

— А еще рябчиков за нос водит. Мол, про любую девушку скажу, на что клюнет. Они верят.

— А он не знает?

— Он знает, что почти любая девушка, если ее в кино сводить, мороженым угостить и чулки подарить, становится мягче и сговорчивее. Исключений мало.

— Ты что на Моню взелся? Гадости о нем говоришь...Ревнуешь, что ли?

— Может, и ревную. Ну не умею я так изящно. Чтоб о важном говорить — а как будто о пустяках. И никто не обижается, не приходится краснеть и извиняться. А я вот только могу говорить, как есть. Еще и слов на все не хватает.

— Считай это прямоотой и откровенностью.

— Я-то могу чем угодно считать, но вот окружающие не ценят.

— И действительно, почему бы это?

Они уже дошли до каретного сарая. Шорин крепко обнял Арину и держал, прижав к себе. Она обожала вот так стоять с ним, обнявшись. Но в этот раз тело, к абсолютному послушанию которого Арина привыкла, вдруг подвело. Живот скрутило резкой болью.

— Давыд, извини, я пойду? А то что-то выпила больше, чем стоило, — Арина выскользнула из объятий Шорина.

Тот посмотрел на нее серьезно, хотел что-то сказать, но Арина закрыла дверь у него перед носом.

Это было грубо — Давыд явно обиделся. Ни на следующий день, ни через день он не заходил. И Первого мая, после демонстрации, сразу убежал. И второго, и третьего... На выездах говорил с ней тепло, улыбался. Но как только они оказывались во дворе УГРО — тут же бежал по каким-то неотложным делам.

Моня, вызванный Ариной на откровенный разговор, сам не понимал причину случившегося.

— Говорит только, что сделал либо самое правильное дело в жизни, либо самую большую глупость. Зная его, ставлю на второе.

— То есть на меня он не обижен?

— Наоборот, рассказывает, какая ты прекрасная. Но чтоб я к тебе руки свои поганые больше не тянул. Это цитата, если что.

— Но если не я, то что? Вот не понимаю, в столице, вроде бы, его обласкали...

— Ага. По самое не балуй, — Моня посерьезнел. — Ты понимаешь, что если родное государство внезапно начинает интересоваться своими драконами, даже калечными, — это не к добру?

— Будет война?

— Не знаю.

Вечером того же дня, когда все уже разошлись, Арина вышла покурить и пройтись. Май выдался теплым, даже жарким. В сумерках она увидела знакомую спину.

— Давыд! — окликнула она. Тот подошел. Обнял.

— Арина! Девочка моя! Ну не надо, пожалуйста. Ты скоро все сама поймешь.

— Ты наконец-то остыл ко мне — и нашел себе приличную девушку, которая с радостью совет с тобой уютное гнездышко?

— Не мечтай. Я, как выяснилось, однолюб. Так что приличной девушке ничего не грозит.

— Ты любишь меня? — Арина действительно удивилась. Никогда раньше ей не приходило в голову, что Давыд может её любить.

— Люблю. Люблю тебя, девочка моя. А ты меня? Давай честно, я не обижусь.

— А я... — Арина сама не знала, что она ответит. — Я люблю тебя, Давыд!

— Тогда — пошло оно все ко всем чертям, — прорычал Давыд, взял ее на руки — и понес к привычному дивану в Арином кабинете.

Июнь 1947

— Мануил Соломонович! — прошептала раздатчица, прежде чем выдать Моне миску. — Вы мне не поможете?

— Раечка! Я всегда к вашим услугам. А что делать-то?

— Мне совет нужен. У меня брат помер, у него осталась там... одна. Крыса ядовитая.

— Жена?

— Да какое там... Села на шею, ножки свесила, но до загса допинать не успела.

— Понятно...

— Так вот, прихожу с поминок гардероб его забрать. Красивый, прочный, сейчас таких не делают, — и раздатчица принялась в деталях описывать гардероб и историю его появления.

Моня тоскливо покосился на остывающие котлеты.

— Так эта тварюга мне говорит, мол, по закону гардероб теперь — государственный. Потому как братьям-сестрам наследства по закону не положено. Она ведь врет?

— Врет, — улыбнулся Моня, — так раньше было. А в самом конце войны наше мудрое правительство закон-то поменяло. Так что бегите, Раечка, в исполком по месту жительства заявлять свои права на гардероб и прочее имущество!

— Спасибо! — расцвела Рая и положила Моне еще одну котлету.

— Вот скажи, Моня, откуда ты такой уникальный взялся? — спросила Арина, когда Моня наконец-то сел за столик.

— Ну, это долгая история... Моя мама встретила моего папу...

Арина рассмеялась.

— Да нет, я не про это. Впервые вижу Особого с ординарным высшим образованием. Я думала, для вас не только школы специальные, но и все остальное...

— Так и есть. Но вот у меня оба родителя — ординары. У нас вообще Особые способности в семье не приняты... Единственная известная мне представительница — моя троюродная бабушка. А мне вот так повезло... Родители не совсем представляли, что со мной делать. Но потребовали, чтоб пошел в институт, как нормальный человек. Способности способностями, а образование никому не повредит. Вот так я и получился... такой.

— Хорошо получился.

— Спасибо. А что ты так котлету нюхаешь? Хорошие котлеты, есть можно.

Арина пожала плечами. Она давно уже не страдала тонким обонянием, что ее, надо сказать, вполне устраивало. Летом морг не благоухал.

Но сейчас котлеты пахли как-то уж очень противно. Арина еле сдержала тошноту.

— Не, ну испорченные явно. Или мясо какое не то положили.

— Они рыбные.

— Значит, не ту рыбу. В общем, воздержусь.

Арина печально встала из-за стола. «А ведь здорово, — уговаривала она себя, — появляются какие-то новые привычки. Вот, могу не доесть еду, могу почувствовать запахи... Еще немного — и начну жить нормально. Комнату сниму. С фикусом».

Размышляя о различных бытовых радостях, Арина добралась до актового зала. На

собрании обещали что-то важное. Как, впрочем, каждый раз.

— Отдать свою жизнь за Родину — долг и право каждого советского человека! — в голосе Клима Петровича звучал металл.

— Арин Палин! Что он такое говорит? — испуганно прошептал Арине Ангел.

— Кровь для нужд Смертных сдавать будем.

— Много?

— Пару капель.

— А, фигня!

— Там не в крови дело. Кровь только... ну, как пропуск. С кровью Смертные получают часть жизни каждого из нас. Не бойся, всего пару дней.

— А все-таки! А если мне завтра уже помирать? А они последнее! И я прям там помру!

— Ангел, не сей панику среди мирного населения. Смотри. Вот твой организм — он лет на сто жизни рассчитан. Столько ты все равно не проживешь — и не мечтай. Вот выкурил папироску — и, считай, час жизни у себя отнял. Простудился — еще немножечко в минус. Плюс не с твоим характером в окружении внуков помирать. Так что до того дня, который ты сегодня Смертным отдашь, ты по любому не доживешь. Так что иди, не бойся.

После собрания, когда все вышли во двор покурить и подышать, Ангел поймал Шорина.

— Давыд Янович, а вы пойдете?

— И не подумаю, — Шорин лениво потянулся, — с Особыми у них этот фокус не проходит.

— Ну вот. Как кровь — так обычные, как жизнь — так мы же... А вот драконов никто не доит.

Арина мрачно усмехнулась:

— Был момент, когда драконов доили. Не у нас. У фашистов. Причем свои же. Слыхали о Людвиге фон Бере?

— Младшем или старшем? — уточнил Шорин. — Впрочем, встречался с обоими. Он на автомате провел рукой по груди. — Боюсь, им не понравилось.

— Старшем. Его подоили ради эксперимента. Не буду рассказывать, что именно из него выдоили — и ввели десяти замечательным арийским девушкам, готовым увеличить оборонно-драконную мощь Третьего Рейха.

— Ну, с замечательными девушками мог и сам... — мурлыкнул подошедший Цыбин.

— Ты его Второго видел? Я удивляюсь, как он Людвиг-младшего сам... — поднял брови Шорин.

— Ой, да ладно тебе! Думаешь, о нашей с тобой теплой дружбе слухов не ходило? Потом расскажу... Так чем эксперимент кончился-то?

— Могу угадать, — улыбнулся Шорин. — Рождением десятка замечательных, здоровых, но совершенно обычных немецких младенцев?

— Ну, почти, — печально вздохнула Арина, — девять младенцев. А одна будущая мать драконов умерла довольно страшно. Буквально, сгорела изнутри.

Моня и Давыд переглянулись. Видно, что, несмотря на грустную историю, они пытались не рассмеяться.

— Значит, все-таки не врал слухи. Интересно, а Людвиг-младший...

— Ставлю на Гроссштайнбека.

Ангел прислушивался к их диалогу удивленно, а потом догадка озарила его лицо:

— У них что, тоже только один дракон наследует? Как у моей бабушки?

— Ага. Но вот у фон Беров — точно старший сын. И раз получилось зачать дракона — можно сказать одно: покойный Людвиг-младший был своему предполагаемому и не менее покойному папочке не более, чем коллегой.

— А та девушка? Почему она... — взволнованно уточнила Арина.

— А тут только легенды и мифы. Говорят, обязательно для дракона, чтобы он был создан любящей парой. По-другому — не получается.

— Звучит как сказка.

— Да все, что про Смертных, — звучит как сказка. А на деле — баракло, — Коля Васько только вышел и не слышал предыдущего разговора. — Хрен собачий они от меня получают, а не жизнь.

— А что так? — Ангел уже почти успокоился, но слова Васько его напугали.

— Один раз соснет на пару дней, а ты потом неделю света белого не видишь. Сам как неживой ходишь.

Арина отвела Васько в сторону.

— Вы в штрафбат за что попали? — спросила она участливо.

— Да... было дело, — Васько махнул рукой. — А вы откуда знаете?

— Кровь для Смертных, как правило, берут шприцем, потом смешивают — и выдают Смертному в пробирке. Напрямую сосали только в войну и только штрафников.

— Ага. Вот так возьмет совсем малость, поднять в атаку мертвых, когда живые говорят «лучше сразу расстреляйте» — а ты потом себя не чувствуешь. Будто мертвый. Вокруг — как кино крутят. Пули, снаряды — а тебе все равно. И внутри пусто и уныло.

— А разве так не всегда?

— Не-а. Когда долго не сосали — мы и песни пели, и анекдоты травили, даже влюблялись... — Васько покраснел. — А точно через шприц будут?

— Гарантирую! Сто раз так сдавала — и ничего. Не хуже, чем обычно.

— Я вам верю. А то мне грустить нельзя. У меня жена молодая, вся жизнь впереди, — Васько улыбнулся и отошел.

Арина пыталась вспомнить, что такое знакомое было в словах Васько — и не могла. Было слишком жарко, слишком сонно, слишком кружилась голова.

Хотя все окна были открыты, в катафалке было душно до зеленых кругов перед глазами. Кажется, это лето было самым жарким за всю историю Левантии. Арине постоянно хотелось спать, а еще больше — залезть в холодную воду — и жить там, как лягушке. Но даже в море вода была теплой, чуть ли не теплее, чем в бане. Арине пришлось раскошелиться на легкий сарафан и купальный костюм. Иначе совсем невозможно.

И тот и другой предмет гардероба сшила сама Зося Боярская, жена Тазика. Арина, хоть бывала на кладбище часто, никогда мадам Боярскую не встречала — но каждый раз слышала ее звучный голос из задних комнат конторы. Она поставляла мануфактуру чуть ли не половине Левантии. Сарафан и костюм обошлись совсем не дорого — то ли происхождение имели сомнительное, то ли Тазик сделал Арине скидку.

Но даже в легком сарафане, сиреневом с цветами, жарко было невыносимо.

Вся надежда была на то, что, когда катафалк тронется с места, появится хоть какой-то ветерок. Но они сидели внутри уже минут десять — ждали Давыда, который куда-то запропастился.

Наконец он появился — и Арина вздохнула с облегчением.

— Извините, пришлось сходить переодеться, — улыбнулся Давид, залезая внутрь, — не ехать же в грязном.

Он сел рядом с Ариной — и та чуть не задохнулась.

— У тебя что, новый одеколон?

— Тот же самый, новую бутылку открыл.

— Ядреный. Его не используют, часом, как химическое оружие?

— Не узнавал.

— Если ты им будешь пользоваться чуть в меньших объемах — люди к тебе потянутся.

— Ты в порядке? — взволнованно спросил Моня. — Я с ним рядом сижу — и мне как-то нормально пахнет.

— Ты принялся. А у меня глаза слезятся.

Моня покачал головой.

Картинка, представившаяся Арине на месте преступления, была более чем идиллической. Труп лежал посреди клумбы в окружении розовых кустов. Хоть не для протокола фотографируй, а для открыток. «Люблю тебя до смерти» или как-нибудь так.

Сам труп был тоже весьма живописен — лежал он в столь спокойной позе, что казался спящим.

Еще и с кепкой на лице — как от солнышка прикрылся. Неравнодушные соседи заметили, что товарищ уж больно долго отдыхает среди роз, только на вторые сутки. Так что жара и мухи изрядно добавили деталей в картину.

Арина склонилась над трупом. Розы пахли оглушительно. Даже, скорее, воняли. Когда запаха роз так много, он тяжелее и противнее, чем запах машинного масла или керосина. В глазах у нее потемнело, и она осела на траву. «Ненавижу розы», — шепнула Арина перед тем, как окончательно потерять сознание.

Июль 1947

— Арина Павловна, вас в барский дом вызывают. Вот тут все записано.

Дежурный протянул Арине листочек. Разумеется, только время и номер кабинета. Арину всегда раздражало, как МГБ-шники напускают на себя важность, каждый раз старательно показывая, что УГРО для них — пыль под ногами. Ну сказали бы по-человечески: «Простите, ребята, мы тут посеяли отчеты по такому-то делу, дайте копии, как время будет», — и всем бы удобно. Но нет, надо сначала вызвать, потом уже в беседе упомянуть, какое именно дело интересует (забыв уточнить, какую именно бумажку из вороха имеющихся в деле они хотят посмотреть), потом вызвать еще раз, уже с делом под мышкой, потом... В общем, из пустячного вопроса устроить канитель на неделю. Интересно, кто зовет. Арина уже знала, что если в кабинет 201, то это

к самовлюбленному Богурдовичу, если в 203-й — то к вечно простуженному Турцеву, если в 205-й, то к тихому и какому-то забитому Можейко. Но в этот раз прийти следовало в 318-й кабинет.

На третий этаж Арину еще ни разу не звали — поговаривали, что там сидит высокое начальство, а с ним общих дел как-то не предвиделось.

Причем время назначили — через час. А действительно, что мелочиться — могли бы через десять минут — и весело наблюдать из окон, как Арина рысью несется вокруг квартала, стараясь не опоздать.

Впрочем, хоть бежать смысла не имело, но и тормозить тоже не стоило. Во-первых, можно будет спокойно покурить, предвкушая встречу, во-вторых, чтобы не нервничать, пока молодой человек на вахте (их там было с десятков разных, мордастых, сытеньких, в лейтенантских погонах, но о войне явно знавших только из кинофильмов) соизволит заполнить пропуск, сличив многократно фото в удостоверении с оригиналом и досконально выяснив, куда и по какому делу Арина направляется. Да и коридоры в барской усадьбе были какие-то бесконечные.

На крыльце, конечно, курил Цыбин. Арина зло подумала, что вот ему — самое место в барской усадьбе. Как ни выйдешь из каретного сарая — всегда наткнешься на курящего Цыбина. Интересно, он хоть иногда бывает на рабочем месте?

— Ты не обедать ли? — поинтересовался Моня мечтательно, — а то бы с радостью составил компанию.

Мысль об обеде вызвала приступ тошноты. После тех мерзких котлет в столовую явно не тянуло, а больше-то и пойти некуда.

— Да нет, в МГБ позвали. Ты не знаешь, что они на этот раз посеяли? — собрав всю свою приветливость, ответила Арина.

— А черт их... А в какой кабинет?

— Какое тебе дело? — Арине надоел вальяжный тон Цыбина.

— Ты в последнее время какая-то нервная. У тебя все хорошо?

— Да, спасибо, твоими молитвами, — Арина бросила эти слова через плечо, уже спускаясь с крыльца.

Моня пожал плечами — и скрылся внутри УГРО.

Арина неторопливо дошла до Старолитейной площади. Перед входом в барскую усадьбу

очень медленно выкурила папиросу, стоя на самом солнцепеке. Идти в холодные коридоры МГБ не хотелось до чертиков. Но она все-таки поднялась по мраморной лестнице, изо всех сил надавила на гигантскую дверь — и вошла.

Кажется, здание было построено с одной целью: показать вошедшему, насколько он мал и ничтожен. Циклопического размера зал на первом этаже поглощал любые звуки, превращая их в невнятный ропот. Огромная мраморная лестница вела вверх, куда-то во тьму. Помещению отчетливо недоставало рыцарских доспехов по углам и фамильных портретов на стенах.

— Качинская? Вас ждут, — внезапно сказал очередной усатый лейтенантик на вахте, лишь мельком взглянув на удостоверение Арины.

Арине стало не по себе. Ждут, хотя пришла на полчаса раньше, да еще и вот так — без формальностей. Она вспомнила, как еще до войны чекисты вызвали следователя Владимира Титаренко — и больше он не появлялся ни на работе, ни дома, ни где-нибудь еще в Левантии.

«Ладно, грехов за мной не числится», — перебила мрачные мысли Арина и решительно шагнула за обитую дерматином дверь с номером 318.

Напротив двери за массивным столом сидел человек с погонами майора госбезопасности. Арина вспомнила, что видела его первомайской демонстрации — такую открытую и приятную улыбку невозможно забыть. Эта же улыбка и сейчас ослепила и окрылила Арину. Улыбка простого хорошего паренька, у которого все просто замечательно, который рад и погоде на дворе, и результатам вчерашнего футбола, и тому, что к нему пришла такая прекрасная Арина, и вообще — всему миру целиком.

Арина даже не заметила, что заулыбалась в ответ.

— Присаживайтесь, Ирэна Павловна, — сказал хозяин кабинета неожиданно тусклым для такой улыбки голосом, — желаете чаю?

— Спасибо, воздержусь. Итак... — Арина сделала паузу, ожидая, что хозяин кабинета представится.

— Вы близко знакомы с неким Шориным Давидом Яновичем.

— Давыдом.

— Предположим. Значит, знакомы. И что вы о нем думаете?

— Соответствует занимаемой должности. С коллегами вежлив. Оценить рабочие качества в полной мере не могу, я ординар.

— Да, мы в курсе. Но он же вам не только коллега?

— Предположим.

— И как он в плане личного общения?

— Боюсь, вам тут не светит. Предпочитает женщин, — Арина давно уже не улыбалась и понимала, что хамит, но эта игра в кошки-мышки начинала ее раздражать. Зачем им понадобился Шорин?

— Да я и не претендую. Так вы не отрицаете, что у вас с Шориным имеется связь?

— По слухам, такая же, как у половины Левантии... Женской половины.

— Не совсем. Ваша связь, насколько нам известно, продолжается существенно дольше всех его предыдущих, гм, симпатий.

— Так совпало.

— И как вы планируете свое будущее?

— Выйти от вас, дойти до морга, заняться трупом, который меня там дожидается с

утра... — Арина надеялась, что хоть сейчас ГБ-шник поменяет свой ровный скучный тон на человеческий. Она начала уставать от этого бессмысленного разговора. В кабинете было душно, голова кружилась, хотелось курить, но пепельницу хозяин не предложил.

— Я в более глобальном смысле. Вы собираетесь как-то развивать ваше общение с Шориным? Может, брак заключить...

— Вам, наверное, не докладывали, но он делал мне предложение. При свидетелях. Получил отказ.

— Но сейчас, когда обстоятельства несколько изменились...

— Да? Не знала. Что же случилось, что Давыд Янович внезапно стал для меня идеальной парой в горе, радости и всё там прочем? Кстати, подайте пепельницу.

Продолжая улыбаться, хозяин подал Арине тяжелую медную пепельницу. «Пожалуй, такой можно убить», — подумала Арина, закуривая.

— А что касается обстоятельств, — он продолжал улыбаться широко и искренне, — то теперь, учитывая ваше положение... Кстати, говорят, курение плохо сказывается.

— Мое, простите, что? — Арина закурила.

— Ну, положение...

Хозяин кабинета нарисовал перед собой в воздухе большой живот. Арина посмотрела на себя, как будто ожидая увидеть такой же и рассмеялась.

— Вас неточно информировали. Абсолютно исключено.

— Ах да, проклятье, Глазунов... Слышал, слышал.

Арина замерла. Отношения с Шориным — ну ладно, допустим, какие-то слухи ходили, предложение, опять же, это идиотское. Но про Глазунова она не рассказывала никому, кроме Шорина. Присутствовавшие тогда в операционной вряд ли догадались — слухов по госпиталю не ходило. Значит, Давыд? Но зачем?

— Ну раз вы помните Глазунова, наверное, вы помните, как Давид Янович, — улыбчивый протянул «и» в имени Давыда, — сделал вам подарок на день рождения, сняв проклятье. Как он вас балует, и черевички, и очищение... Я бы на вашем месте держался бы за такого.

В дверь просунул голову какой-то лейтенантик.

— Станислав Ростиславович, вас там...

— Я занят, — произнес он тихо и вроде бы даже со своей обычной улыбкой, но лейтенанта как ветром сдуло.

— Станислав Ростиславович, вы взрослый человек. Если бы проклятье было снято, я бы заметила... некоторые приметы.

— Вам, возможно, лучше знать, я не медик. Помните, неделю назад вы всем отделением сдавали кровь в рамках дня донора?

— Было такое...

— В целях заботы о сотрудниках уголовного розыска был проведен анализ этой самой крови. Можете посмотреть ваши результаты.

Арина чувствовала, что погружается в какой-то липкий, вязкий черный туман. В висках стучало.

«Розыгрыш. Глупый, жестокий розыгрыш», — пыталась убедить себя она, но рациональная часть ума уже подсказывала: смотри, и вот эта непереносимость духоты, и утренний голод до тошноты, и странная реакция на одеколон Шорина и на розы, и те столовские котлеты...

В крохотное отверстие, оставленное туманом в ее зрении, она рассмотрела бумагу, которую протягивал ей Станислав. Ну да, сомнений нет. Конечно, акушерство не было Ариным любимым предметом, но настолько она его помнила.

Значит, Шорин ее обманул. Подставил под удар, воспользовался. «Он всегда добивается своего. Характер такой», — вспомнила Арина слова Цыбина.

— Вы злитесь? — абсолютно сухо, без участия или хотя бы злорадства поинтересовался Станислав.

— Нет, что вы. Во всяком случае, не на вас.

— Неужели на Давида Яновича? Не стоит. Он же, так сказать, полезное для страны дело сделал — предпринял шаги к созданию достойного наследника. Ну, если, конечно, повезет. Вы человек надежный, партийный, так что сможете воспитать настоящего советского гражданина, способного защитить нашу Родину даже ценой собственной жизни. Не так ли?

Арина кивнула, глубоко дыша.

— Так вот, вернемся от приятных новостей к цели вашего визита, — улыбнулся Станислав.

— Да-да, — слова доходили до Арины, как сквозь подушку.

— Выпейте воды. Я вижу, вы взволнованы.

— Спасибо.

— Итак, как вы знаете, будущий счастливый папа в каком-то смысле уникален. Как, возможно, уникален и ваш будущий ребенок.

— Вы имеете в виду, что он тоже может быть драконом?

— Не люблю это народное наименование. Особый рангом 13. Так точнее. Да, насколько нам известно, это первый ребенок Шорина, так что с вероятностью пятьдесят процентов у вас будет особый Особый.

Арина кивнула головой. Значит, наследничек. Она вспомнила останки той немецкой девушки.

Ну что ж. Значит, такова судьба.

— Особые 13-го ранга, — продолжал Станислав Ростиславович все так же ровно, — являются стратегическим ресурсом советского народа. А потому родных и близких каждого такого Особого мы время от времени приглашаем на беседу, чтобы государство было уверено в хорошем самочувствии и вообще в полном благополучии, как вы выражаетесь, дракона. Чтобы они всегда могли поделиться любыми сомнениями и трудностями с органами, призванными охранять государственную безопасность. Так что ровно через неделю заходите сюда же, в то же время. На вахте для вас лежит пропуск. А пока — не смею задерживать.

Станислав Ростиславович любезно проводил Арину к выходу из кабинета и распахнул дверь, еще раз широко и необыкновенно обаятельно улыбнувшись ей на прощание.

Она вышла за двери МГБ пошатываясь. Было странно, что за время их разговора с Станиславом Ростиславовичем мир остался прежним. Не рухнул, не провалился в тартарары. Даже Старолитейная площадь была все такой же — пыльной, мощеной булыжником, все так же окаймляли ее кривоватые елки, все так же проходили по ней, разговаривая и смеясь, какие-то люди. Будто ничего и не произошло.

От одной из елок отделился темный силуэт. Арина узнала человека, которого меньше всего хотела бы видеть в эту минуту. Ей хотелось повернуться, шагнуть назад в духоту

коридоров госбезопасности. Чтобы взять Станислава Ростиславовича за горло — и душить, пока он не признается, что все выдумал, что просто пугал ее... Но у нее совсем не осталось сил. Она закурила, сломав несколько спичек.

Шорин подошел.

— Мне сказали, что ты здесь. Извини, я должен был тебя предупредить — ты теперь мой близкий круг общения, так что вот так, — начал он неловко.

Она глядела сквозь него невидящими глазами. Он попытался напустить на себя беззаботный вид.

— Боже, что ты такое узнала обо мне, что тебя это так поразило? Давай рассказывай, мне ужасно любопытно.

Арина хотела что-то ответить, но все слова сплелись в ее горле в огромный ком, который мешал дышать и который невозможно было выпустить из себя.

Давид протянул к ней руку.

— Я понимаю, этот Станислав — какой-то липкий. Когда первый раз от него шел — хотелось только вымыться. Желательно, еще и кожу содрать, а потом новую отрастить. Но потом привык. И Моня привык, и мама...

Арина оттолкнула руку.

— Пошел вон! — прохрипела она почти без голоса и почти побежала, сама не зная куда, лишь бы подальше.

«Пыль-пыль-пыль-пыль». Арина шла быстро, не глядя по сторонам. Идти все равно было некуда.

Из какой-то подворотни на нее залаяла собака. Не зло, так, для порядка. Арина вспомнила, как в детстве они с отцом ездили в гости к его однокашнику, дяде Аркадию, разводившему охотничьих собак.

Арина вдоволь наигралась с мягкими пузатенькими щенками, а потом спросила: «А можно мне тоже щеночка? Ну, если ваши собачки захотят еще детей». Взрослые долго смеялись, а потом дядя Аркадий сказал: «Ирэночка, детка! Мои собачки заводят щенков, когдаэтого хочу». И так он выделил это «я», что маленькой Арине стало не по себе. Страшно стало.

Она тогда заплакала — и ее тут же отправили спать.

Но это было давно, много жизней назад. А сейчас Арина чувствовала себя той самой собачкой. Хозяину понадобились щеночки, а мнение собаки — ну кто будет спрашивать собаку? Да, любят, да, гладят по шелковистым ушкам, но права выбирать свою судьбу не дают.

Но Шорин ошибся — с Ариной этот номер не пройдет. Она не позволит решать за себя.

А сейчас как раз ее ход. И она сделает все, чтобы в ее жизни никакого Шорина больше не было. Страна большая, место найдется. Можно уехать хоть в Кенигсберг, хоть в столицу, хоть к черту на рога. У нее своя жизнь, и пускать в нее Шорина только потому, что он так захотел, — велика честь для подлого обманщика. Как-нибудь без него справится. Хотя, конечно, с ребенком будет труднее...

Мысль о ребенке заставила Арину замереть. В ее жизни появится человек, от которого не убежать, не скрыться. Который будет полностью зависеть от нее...

Ладно, время есть — эту мысль можно пока отложить.

Более важная мысль — где ночевать. На работе — не вариант. Ключ от кабинета у Шорина есть, так что наверняка он будет ее там ждать. А сил на последний разговор нет.

Надо все обдумать, чтобы разговор точно стал последним.

Так, это потом.

Можно пойти к Якову Захаровичу. Они с женой всегда рады Арине... ну, были рады когда-то, в одной из прошлых жизней. Не важно. Но даже с милейшим, все понимающим Яковым Захаровичем говорить нет сил. Он поймет, он, может, и подскажет что дельное — но не сейчас.

Арина задумалась. А потом подняла голову — и пошла в сторону вокзала. Там можно поспать в тепле, даже кипятком разжиться. Заодно узнать, куда можно уехать подальше от карих глаз с красным отливом — еще утром таких любимых, а сейчас — глаз обманщика и врага.

Как ни странно, на вокзале удалось вполне прилично выспаться. Впрочем, с билетами было туго: «Страна вся на колесах, никуда не выехать», — хмуро пробормотала билетерша, захлопнув перед Ариной окошко.

Больше народу, чем на вокзале, было только в женской консультации, куда Арина побежала с раннего утра. Но она все-таки дождалась своей очереди. Вчерашний день не оказался ночным кошмаром или игрой воображения.

«Еще одна по мужикам допрыгалась», — брезгливо, почти не снижая голоса, сказала врач акушерке за спиной у Арины. Когда же Арина несмело спросила, не будет ли каких осложнений, если ребенок унаследует Особые способности, получила по полной. Что старая для первых родов, что тощая слишком, что думать надо было головой, а не тем местом между ног, что осложнения будут обязательно, что статистику материнской смертности она всему району подпортит...

В общем, бежала оттуда Арина, втянув голову в плечи и стараясь не расплакаться.

На работе стало только хуже. В кабинете у нее сидел Шорин.

— Ты пил? — спросила она, задыхаясь от невыносимой вони смеси одеколona и перегара.

— Как ты убежала, я сразу к Ростиславычу. Мол, чем вы человека так напугали. Он и рассказал. Ну, я на радостях немного... позволил себе.

Арина сражалась с заевшим оконным шпингалетом. Шорин подошел сзади, помог, попытался обнять ее — но она отстранилась.

— На радостях? — Арина распахнула окно и жадно вдыхала свежий воздух.

— Ну... — веселый настрой слетел с него, — ты же помнишь, мы мечтали, как бы все здорово было, если бы...

— Если бы что? Если бы мы были моложе, если бы не были изгрызены войной, если бы были силы, если бы готовы были строить что-то новое, а не ползать по обломкам, делая вид, что все так и есть?

— Ну, может, мы что-то сможем?

— Нет, мы сможем только еще больше покалечить друг друга, а потом — и ребенка. Так что нет. С этого момента — никаких «нас». Есть я, есть ты, и мы не имеем друг к другу никакого отношения.

— А ребенок?

— Это уже только мое дело. И я постараюсь с ним справиться. Твой дорогой Станислав Ростиславович сказал, что у меня все получится. Партия поможет.

— Так и сказал? Узнаю... Арин, я понимаю, ты зла на меня, но ведь нам хорошо вместе...

— Было. Пока ты не обманул меня самым подлым образом. А теперь иди, не хочу тебя видеть.

— Ну, работаем мы все еще вместе.

— Я постараюсь как можно скорее ликвидировать это досадное недоразумение. Прощай.

Она хлопнула дверью собственного кабинета и выскочила на крыльцо. Где, конечно, стоял, небрежно облокотясь о перила, Моня. Посмотрев на Арину, он молча протянул ей платок. Только тогда Арина заметила, что по лицу у нее текут слезы. Она надеялась, что Шорин не видел ее плачущей. Впрочем, какая разница. Все, что с ним связано, — уже позади. Она выкурила подряд две папиросы — и почувствовала, что злость улеглась холодным черным комом где-то в районе груди, а сама Арина осталась спокойной, даже немного веселой. Она вытерла лицо и улыбнулась Моне.

— Ну, как прошел первый банный день? Как тебе Станислав Ростиславович — скажи, душка? — Цыбин скроил настолько брезгливую физиономию, что Арина не удержалась и хихикнула, — Дальше, впрочем, проще. Никаких бесед по душам, просто: жив, здоров, Давыд Янович тоже не хворает, приветы вам передает, в опасных настроениях замечен не был.

— Надеюсь, никакого «дальше» не будет. Не хочу иметь ничего общего с этим твоим Давыдом Яновичем.

— Что значит «не хочешь»? Насколько я понимаю, у вас... как бы это сказать... через некоторое время появится нечто... общее.

— Я смотрю, он не только подл, но еще и болтлив.

— Молчалив как рыба. Особенно сейчас, ибо похмелен. Но дедукция — величайшая из наук — молчать не намерена.

— И что же говорит твоя дедукция?

— Тот факт, что вы вместе минимум с прошлого октября, допустим, эти прохлопали. Я заметил только потому, что знаю неназываемого человека как родного, спал с ним в обнимку чаще, чем с любой девушкой. Ничего такого — только тепло, ты понимаешь. Плюс где-то с октября же он мне начал рыдать, какое у тебя каменное сердце и как ты его не любишь. То есть влюбился, как полный балбес. В общем, до Седьмого ноября они не знали. Но после того выступления — не знать не могли. При этом молчали. И после твоего дня рождения кто-то оставил хороший такой Особый след на крыльце. Тоже не заметить сложно, даже наши практиканты заметили. Что это были вы — любой ребенок сообразит. Что он тебя от меня провожает — тоже не новость, ты же понимаешь, среди моих гостей наверняка есть хоть один стукач. И опять они молчали. А тут вдруг добро пожаловать в наш узкий круг. Значит — что-то поменялось. Предложение он тебе уже делал, отказала ты ему у меня на глазах... Так что остается не так много вариантов. Что скажете, Уотсон?

— Только то, что сказала раньше. Никакого отношения к этому человеку иметь не хочу. Вне зависимости от... обстоятельств.

— А придется. Арин, ты, наверное, не понимаешь. Не важно, что ты думаешь о нем, важно, что он думает о тебе. Знаешь, сколько в Советском Союзе осталось драконов?

— Не представляю.

— Точно вообще мало кто представляет. Но десятка три, наверное, наберется. А знаешь, сколько их нужно, чтобы, скажем, устроить переворот в стране?

— Тоже не представляю.

— А вот этого тем более никто не знает. Но я подозреваю, что может хватить и пары-

тройки, если окажутся в нужное время в нужном месте. А теперь, дорогой Уотсон, скажи мне сама, кто мы такие для них, — он показал большим пальцем куда-то вверх.

— Заложники?

— Молодец, угадала. Так что можешь бежать от Шорина куда хочешь — в любом месте тебя ждет очередной Станислав Ростиславович, Ростислав Владиславович или какая еще сволочь в том же стиле. И тем более когда у тебя есть нехилый такой шанс увеличить поголовие левантийских драконов аж вдвое...

— И что мне теперь делать?

— Ну, если хочешь, можешь сказать в вашу следующую встречу, что Шорин готовит восстание... Ну не знаю... Национал-анархистов, например. Или масонов.

— Спасибо за высокое мнение обо мне. Я ненавижу этого человека, но не настолько.

— Ты его не ненавидишь. Ты зла на него, ты раздосадована, ты растеряна. Но ты его любишь.

— Есть вещи, которые нельзя простить даже любимому человеку.

— Что ты тут сидишь? — спросил Мونها, заходя вразвалочку в кабинет Арины и плюхаясь на диван. — Уже почти пять, можешь уходить с чистой совестью.

— Да особо некуда. Так что не тороплюсь.

— А как же встреча выпускников? Я плакат видел.

Арина вздохнула. Она тоже видела появившийся еще в марте на альма-матер плакат, мол, в связи с обстоятельствами встречи выпускников 31-го, 32-го, и так далее до 36-го годов, посвященные десятилетию окончания, будут проводиться в этом году 27 июля, в день именин основателя института Ираклия Галлета.

Зайти хотелось. Не то чтоб соскучилась по однокашникам — она никогда не была душой компании, близких друзей на курсе не завела. Но ей очень хотелось встретить тех, кто... «кто был со мной на одной войне» — Арина сформулировала для себя так. Военных врачей. Которые без слов поймут, что «выдохся эфир» — это страшнее, чем «кончилась еда», что два часа сна — это намного больше, чем полтора, что свет и горячая вода — это роскошь и счастье... Которым не надо объяснять, что «нет сражений на войне» — есть только работа, много тяжелой работы без мыслей, без радости, без конца.

Но теперь Арине было страшно туда идти. Не было сил снова погружаться в воспоминания.

К тому же наверняка все будут с радостью обсуждать свою нынешнюю жизнь. Перед самым вручением дипломов у них был большой спор, что важнее для женщины — семья или работа. Тогда Арина заявила, что сначала станет лучшей в гнойной хирургии, а потом — выберет среди поклонников самого достойного. А теперь вот придется отвечать за те слова. А что тут ответишь? С хирургией не сложилось... точнее... в общем, не сложилось. Точка. Нынешняя Аринина работа для сокурсников — нечто непонятное, но точно — предательство профессии. С семейной жизнью тоже... не очень. И тоже нет сил все это объяснять, как-то оправдываться или придумывать что-то. Терпеть насмешки или, что хуже, жалость.

Но Мونها прав: глупости все это. Вместе с Ариной диплом получало человек восемьдесят, не считая фармацевтов и прочих стоматологов. Так что пристального внимания к своей персоне можно не опасаться. А посмотреть на однокашников любопытно.

Сначала всех собрали в огромной потоковой аудитории. Большую часть собравшихся Арина видела впервые.

На сцене за накрытым бархатной скатертью столом сидели профессора. И тут, как ни странно, Арина тоже знала лишь немногих. Новый молодой ректор сменил Сергея Александровича Варшавского, впрочем, вряд ли в результате интриг — Сергей Александрович был очень стар, еще когда Арина только поступала. Даже Аринина мама помнила Сергея Александровича уже пожилым, в толстых очках и со слуховой трубкой у уха.

Но, видать, молодой ректор (фамилию его Арина прослушала) привел за собой «своих людей» — каких-то очень похожих друг на друга, с совершенно не запоминающимися лицами.

Арина узнала только Наума Арнольдовича с кафедры анатомии и Василия Анатольевича с венерологии.

Говорили долго и бессмысленно. О роли медика в военное время (а то сидящие в зале не

представляли себе эту самую роль!), о новых горизонтах науки, о ведущей линии партии... Потом трогательные первокурсники развели выпускников по аудиториям. Каждый выпуск — в свою.

Если в потоковой народу было так много, что кто-то сидел на ступеньках, кто-то стоял, прислонившись к стене, а кто-то занял подоконники, то в аудитории, где встречался Аринин курс, собралась лишь горстка — двадцать один человек.

Боренька Котидес, пламенный фотолюбитель, ради встречи напечатавший целую пачку фотографий с выдачи дипломов, раздал присутствующим по одной фотокарточке — и теперь грустно глядел на внушительную стопку, оставшуюся в руках.

— Ну, наверное, кто-то не доехал, многие в эвакуации остались... — нерешительно предположила Инночка, нежное создание и неисправимая оптимистка.

Как-то эта фраза всех успокоила. Начались приветствия, объятия, разговоры.

Болтали о любимых и нелюбимых преподавателях, о том, какие предметы было трудно сдавать, а какие — легко... Все как будто уговорились, что не было последних двенадцати лет.

— Ты стихи сочиняешь? — вопрос несколько озадачил Арину.

Перед ней стоял Филя, длинный и нескладный, с которым она приятельствовала на первых курсах.

— Нет... — растерянно ответила ему Арина.

— Ну ты стоишь, ни с кем не разговариваешь, и взгляд такой — как будто внутрь себя смотришь.

Он неловко замолчал. Арину всегда удивляло это несоответствие в Филе: прекрасный поэт, эрудит и умничка, безжалостный пародист и тонкий лирик на бумаге, в жизни он был неловок во всем. Почти двухметровый, при этом до крайности тощий и сутулый, с несоразмерно огромными ногами и руками, круглыми удивленными глазами и мясистым носом, он вечно все ронял, задевал и ломал. В разговоре стеснялся настолько, что замолкал на полуслове, от застенчивости потеряв мысль.

— Да... задумалась. Выйдем, поболтаем? — Арина помнила, что в шумной компании, даже такой небольшой, Филе нехорошо.

— Ты, небось, на второй линии служила? — спросил он, оказавшись в гулкой тишине коридора.

— Как угадал?

— На первую идут самоубийцы, на вторую — фанатики, на третью — хитрецы, на четвертую — все остальные.

— Ну... наверное. А ты?

— У меня самая мирная из врачебных профессий. Вот все нужны на войне — от хирургов до венерологов. Даже педиатры. И только патанатомы совершенно не при деле. Люди умирают, а отчего — никому не интересно. Так что я тоже на второй, в общем... Ну, просто — куда послали. Хотя разок пришлось и по специальности. Здесь.

— В институте?!

— В Левантии. Тут, когда город под этими гадами был, лаборатория была. На людях эксперименты проводили, сволочи.

— Очень круто пришлось?

— Я только недавно перестал просыпаться от собственного крика. Они там мало того, что людей мучили, еще и Смертного себе завели, чтобы «неудачные эксперименты» сами

рассказывали, что там с ними не так было и что чувствовали, когда умирали...

— Сволочи немецкие.

— Если бы... Говорят — и врач, который экспериментировал, и Смертный — наши, левантийские. Ох, своими бы руками...

— Ну что, Робинзоны? Как оно на острове? — хриловатое контральто вытасило их из мрачных мыслей.

На них каравеллой двигалась монументальная Вера Илларионовна Орлова. Из тех самых графов Орловых. Страшный сон любого студента.

Вера Илларионовна была одной из первых российских женщин-хирургов. Причем хирургов военных. Училась за границей, там же набралась революционных идей. Как-то оказалась полезна самому Ленину — так что Советская власть сквозь пальцы смотрела и на ее непролетарское происхождение, и на недолгую работу в Царскосельском госпитале.

Студентов она считала неженками, пришедшими на все готовенькое. Гоняла нещадно. Любимой ее забавой на экзамене была «игра в Робинзона». Студенту предлагалось вытянуть по бумажке из двух кучек. В одной были диагнозы (от пореза до рака), в другой — то, что у него есть под рукой (и тут мог быть любой набор инструментов и медикаментов, а могло быть просто слово «ничего»). И под строгим взглядом Орловой нужно было рассказать по шагам, что будешь делать.

И почти всегда, когда студент что-то изобретал, пытался юлить и выкручиваться, раздавался низкий голос Веры Илларионовны: «Имейте мужество признать свое бессилие! Ваш товарищ мертв!»

Арина много раз мысленно благодарила Веру Илларионовну. И за то, что научила обходиться без, казалось бы, необходимого, и за умение признавать бессилие.

Теперь смогла поблагодарить лично.

— Вы про своего Хайкова уже слышали? — спросила она Арину, когда поток благодарностей иссяк.

— Только то, что было в газетах.

— Жаль, я думала узнать подробности. Он вас отмечал. Думала, как закончите — возьмет под крыло.

— Не взял.

— Напрасно. Но это к лучшему. Сейчас такое знакомство могло боком выйти.

Вера Илларионовна тяжело вздохнула. Хайков был ее любимчиком, ее гордостью. Достала из сумки папиросы, предложила Арине и Филе.

Это было очень странно — вот так запросто курить с профессором Орловой. Как для древнего грека выпивать с богами.

Но все-таки это был немного экзамен. Вера Илларионовна не преминула подробно расспросить Арину чуть ли не о каждом примечательном случае, с которым та столкнулась за войну. Очень обрадовалась, узнав, что Арина работала с Александром Зиновьевичем.

— Изумительно талантливый юноша был. Чуть ли не первым в мире заинтересовался Особыми ранениями. Кстати, Антоша в последние годы тоже интересовался Особыми. Чем именно, честно говоря, не вникала. Говорил, будет сумасшедший прорыв. Но вот... не удалось...

Помолчали. Арина вспоминала Хайкова. Почему-то только по частям: длинные ловкие пальцы, в которых, казалось, было больше суставов, чем положено природой. Глаза цвета неба, смотрящие сквозь людей, тонкую полуулыбку...

— Странно. Так мало знакомых в Левантии осталось, а комнату не снимешь, — вздохнул Филя. Он не любил Хайкова — точнее, просто не выделял из череды вредных преподавателей, смеявшихся над его неуклюжестью.

Фраза эта прозвучала настолько некстати, что Вера Илларионовна и Арина одновременно осуждающе посмотрели на Филю.

Тот стусевался.

— Впрочем, юноша прав, — сказала Орлова, как будто бы Фили не было рядом. — Я, когда вернулась из Омска, несколько месяцев не могла жилье найти. Дом наш разбомбили, так что ночевала по знакомым. Пока наконец этот новый, — она величественно повернула голову в сторону, где находился кабинет ректора, — мне комнату не выбил. А вы где теперь живете?

Слово за слово, и Арина рассказала все. И про диванчик в УГРО, и про новые обстоятельства, из-за которых придется все-таки что-то с жильем решать.

— Знаешь что, — задыхаясь от собственной храбрости, почти выкрикнул Филя, — а выходи за меня замуж! У меня комната — почти пятнадцать метров! Будем вместе жить!

— Не советую, — Вера Илларионовна подняла брови, — если не хотите, чтоб юноша попрекал вас своим благородством всю жизнь. Я верю, вы можете самостоятельно разобраться в своих проблемах. Более того, не думаю, что кто-то, кроме вас, сможет это сделать.

— Извини, Филя, при других обстоятельствах я бы, наверное, с радостью...

— Да я понимаю, это ты извини, — Филя улыбнулся кривовато — и почти убежал в сторону выхода.

— Кстати, о моих учениках, пошедших по кривой дорожке, — чуть понизив голос, произнесла Вера Илларионовна. — Был у меня такой мальчик, Сережа Сидорук. Хороший, умный. Гинеколог — от бога. Но вот бес попутал, решил, что деньги ему нужнее. Теперь работает в клинике где-то на Поникаровке на полставки. А в свободное, так сказать, время — указ от тридцать шестого года нарушает. Но весьма искусно, в стерильных условиях, без осложнений. Хотите — адресок дам? Вы человек неравнодушный, может, поставите в известность соответствующие органы, что вот человек себе уже на два года наработал... Я не могу, я его педагог, сама виновата, что вместо советского труженика коммерсанта воспитала.

Орлова достала из ридикюля изящную записную книжку с серебряным карандашиком, черкнула пару строк, отдала листочек Арине и удалилась царственной походкой.

Арина решительно смяла бумажку. Нет, она не могла так. И дело было не в указе, не в возможной уголовной ответственности...

«Слишком много смертей. Слишком много. Еще одна будет точно лишней», — подумала она, выбрасывая записку с адресом в урну.

— Что-то ты выглядишь не очень, — Моня тревожно и внимательно вглядывался в лицо Арины, забыв про тлеющую папиросу.

— Приятно получить комплимент от мужчины.

— Я серьезно. Знаешь, немного за тебя переживаю. Будешь смеяться, но хотел бы видеть тебя живой и здоровой.

— А что, я настолько плохо выгляжу, что ты сомневаешься в моей живости?

— Ты когда последний раз себя в зеркале видела?

— Ну...

— Понятно.

Цыбин достал из кармана маленькое круглое зеркальце в золотистой оправе. Арина взглянула в него — и чуть не закричала. В зеркальце отразилась старуха с запавшими почерневшими глазами, обтянутыми бледной кожей скулами и посиневшими губами.

— М-да. Краше в гроб кладут. Впрочем, вполне соответствует внутренним ощущениям.

— Слушай, я в этих делах не спец, ну ты бы дошла до врача, не знаю...

— До какого? Обычные разводят руками, говорят «вообще не понимаем, что происходит», а где взять специалиста по начинающим драконам — ума не приложу.

— Значит, все-таки мальчик?

— Предположительно.

— Скажешь Давыду? Он будет рад.

— И не подумаю. К нему этот ребенок отношения не имеет.

— Угу. Я верю.

— Скажем так, не будет иметь отношения юридически.

— Как скажешь. А насчет врача — есть одна идея, но она тебе не понравится.

— Все-таки готова выслушать. А то правда, что-то совсем нехорошо.

— Специалист по всяким вашим женским делам, стаж — лет так тридцать, если не больше. Плюс знает, что такое начинающий дракон на собственном опыте.

— А в чем подвох?

— Сама не догадываешься? В том, что за последние сорок лет в Левантии родился только один дракон — и он тебе хорошо известен. Ну как? Готова увидеться с его ближайшей родственницей, такой же заложницей своего сына, как и ты?

— В последнее время у меня слишком мало ситуаций, подразумевающих выбор. Буду благодарна, если сводишь меня к ней.

— Сегодня часов в шесть вечера. У ДавыдЯныча как раз будут дела в городе, так что дома мы его гарантированно не застанем. И не нервничай, Белка — потрясающий человек!

— Белка?

— Бэлла Моисеевна, извини, Шорина. В общем, до вечера. И это... береги себя пожалуйста.

Когда вечером Арина вышла из каретного сарая, Моня уже ждал ее на крыльце.

Идти оказалось недолго — если дворами, так вообще ерунда. Затерянный в глубине квартала трехэтажный серый дом, весь оплетенный девичьим виноградом, стоял покоем, как стол на свадьбе. Во внутреннем дворе сохло белье, резвились дети, какой-то шелудивый пес

деловито разведывал подступы к помойке. За столиком под навесом чисто мужская компания азартно резалась в карты. Из открытых окон слышались обрывки слов, гитарные переборы, хрип радиоточки и звон посуды.

Этот дом был совершенно не похож на Аринин, но выглядел таким уютным, что казался почти родным.

Они поднялись на третий этаж, Моня позвонил в один из звонков условным сигналом: короткий, длинный, три коротких, длинный.

Открыла им маленькая тонкая огненно-рыжая женщина в уютном домашнем платье.

— Моня, извини, денег нет, так что не больше полусотни, причем с отдачей, — сказала она с порога тихо, но молодо и звонко.

— Я по другому делу, — промурлыкал Цыбин, — вот, коллеге надо помочь.

Он пропустил Арину вперед.

— Я тебе сколько раз говорила, что я такими вещами не занимаюсь?

— Да тут другое! Проконсультировать, подсказать. Почему вы обо мне всегда так плохо думаете?

— Потому что хорошо тебя знаю. Иди чаем распорядись. Ты знаешь, где там что.

— Да я на минуточку. Так что если удостоите меня разговором тет-а-тет, убегу после него немедленно.

Арина в каком-то полусне пошла за рыжей — и очутилась в темноватой комнате, заставленной книжными шкапами, с круглым столом, покрытым бархатной скатертью, с пухлым диваном, с фотографиями на фоне выцветших обоев... И опять, все это было совершенно не похоже на квартиру Ариных родителей, но ощущалось настолько своим, настолько уютным...

Раздражал только легкий запах шоринского одеколона — от него слегка мутило.

Рыжая вышла из комнаты, а Арина стала рассматривать фотографии: Давыд с какой-то девушкой, явно на маскараде — он в черкеске с газырями, с длинными подкрученными усами и накладной бородой, она — в вышиванке, смеется, запрокинув голову. Как же похожа на эту рыжую.

Арина еще раз посмотрела на фото — да, это рыжая, как там ее Моня называл? Белка?

Получается, что с бородой — не Давыд. Его отец?

На другой фотографии маленький мальчик в матроске обнимал грубо сделанную деревянную лошадку. В руке у мальчика была такой же топорной работы сабелька, но видно было, что малыш гордится своими сокровищами. И рядом — тот же мальчик, но уже взрослый, такой знакомый и родной, рядом с живой лошадыю чистит настоящую саблю с таким же гордым видом.

Сколько ему тут? Лет двадцать? Шейка еще тоненькая, как у подростка, усишки перышками... Птенец дракона.

Арина вздохнула — и почувствовала, что в комнате очень жарко и душно.

У Арины начало темнеть в глазах — и она присела на диван. Она не заметила, как вернулась Белка.

— Да ты вся горишь, деточка, — рыжая дотронулась запястьем до лба Арины, так же, как это делал папа, и больше никто — остальные трогали лоб ладонью или губами. — Ты больна?

— Нет, это он... — Арина погружалась в тошнотворную, пропахшую одеколоном темноту, слова ей давались с трудом. Она показала рукой себе на пока еще впалый живот.

Она очнулась от резкого запаха нашатыря. Увидев, что Арина открыла глаза, рыжая убрала пузырек — и протянула Арине стакан с коричневой жидкостью.

— Вот, выпей. Ты не против травок?

— А что там?

— Липовый цвет, подорожник, мята, ромашка... Ну и еще десяток. Я потом напишу тебе рецепт.

— Это не повредит малышу?

— Нет, что ты. Пей давай. Я только этим отваром и спасалась. Свекровь покойная рецептом поделилась. А с нею — ее свекровь...

Арина выпила горячий отвар — и темнота отступила, в ушах перестало гудеть, прошла противная дрожь в коленях.

Внезапно пришел голод — мучительный, до тошноты.

— Смотрю, подействовало, — улыбнулась рыжая. — Хочешь немного бульона с сухариком?

Арина слабо улыбнулась и закивала.

Бульон был невозможно вкусным — Арине казалось, что она проглотит ложку. Когда у нее последний раз получилось нормально поесть? Неделю назад? Больше?

— Ну вот и умничка, — улыбнулась рыжая, когда Арина доела. — Меня Бэлла Моисеевна зовут, а тебя?

— Арина... Качинская, Арина Павловна.

Женщина повернула Арину лицом к свету.

— Так ты же Павы Качинского дочка? У которого клиника на Конной?

— Ну... да. Была.

— Ох, бедная девочка. Знаю про Паву с Витой. Как сказали мне — побежала туда, но поздно, конечно...

Арина опустила глаза.

— Я ведь дружила с твоим папой. Ну как дружила. Мы вместе учились, потом он за мной ухаживал. Красиво, с цветами, со стихами... Наши родители уже к свадьбе готовились, но тут в мою жизнь ворвался Ян. Твой папа был абсолютно замечательный, но такой... обычный, спокойный. А с Шориным все было, как в романе. Я же совсем молоденькая была, так что не устояла...

— А папа что?

— Страдал, плакал, дежурил у моего крыльца. Только Шорин к крыльцу не подходил — подъезжал на лошади к моему окну — и похищал прямо с подоконника. Каждый раз.

Арина улыбнулась, представив себе Давыда, только с завитыми вверх усами, похищающего юную ярко-рыжую девушку из окна. И своего папу, молодого, как на снимке из альбома, в черной бархатной курточке и нелепом галстуке, мнущегося с букетом на крыльце.

— А на нашей свадьбе Пава бил рюмки.

— Никогда бы не подумала, что папа мог что-то разбить. Он же тихий и аккуратный... был.

— Он тихо и аккуратно брал рюмку — и отламывал ей ножку. Даже не глядя. Задумавшись. И так одну за одной. Очень переживал. Но вскоре нашел хорошую девушку Виту — и вполне утешился. Они ведь хорошо жили, да? Мы как-то перестали общаться после их свадьбы...

Арина горько усмехнулась.

— Да, вполне. Мирно, тихо, с цветами и стихами. Жили счастливо и умерли в один день...

Бэлла Моисеевна обняла Арину за плечи.

— Подумать только, у меня могла бы быть такая доченька. Ты очень похожа на Паву, знаешь?

— Да, мне говорили.

— Он всегда хотел дочку Ирочку. «Сиреневое имя»

— Угу. «За то, что май тебя крестил»...

— Жаль, Пава до внука не дожил. Он был бы идеальным дедушкой.

Арина кивнула.

Бэлла взяла ее за руку.

— Мне неудобно спрашивать... Но, если я правильно понимаю, твой ребенок — Особый. И не просто Особый...

— Да, вы правильно понимаете. И да, в Левантии не так много драконов, чтобы ваш следующий вопрос имел смысл. И нет, это не накладывает на вас или вашего сына какие-либо обязательства. Наоборот, буду благодарна, если Давыд исчезнет из моей... из нашей жизни.

— Погоди, Давыд в курсе?

— Более чем.

Арина рассказала все: и о проклятье, и о том, что случилось в день ее рождения, и о разговоре со Станиславом, и о жалких попытках Шорина как-то все наладить...

— Ох, ну и заварили же вы кашу... — Бэлла задумалась. — Но подумать только — у двух моих любимых мужчин, у Павы и Яна, будет общий внук.

Она улыбнулась мечтательно, но потом посерьезнела.

— Ты пока не руби с плеча, подумай. Давыд — не такой плохой человек, хотя мне стыдно за этот его поступок. Не так я его воспитывала.

— Я просто никак не могу понять, почему он так поступил.

— Он тебе не рассказал? Испугался.

— Что я его брошу? Не смешите. Роль печального Пьеро — не в его стиле.

— Что умрет, не оставив наследника. Что прервет линию драконов Шориных.

— Ах да, Шорины не доживают до сорока...

— Не доживают. Я смотрела в архивах. Последние восемь поколений — точно, а дальше документов не сохранилось. И после того, что ему Зиновьич наговорил... Кстати, откуда ты его знаешь?

— Работали вместе.

— А я с ним учиться начинала. Он дальше пошел... Въедливый.

— Не то слово. Так что он сказал Давыду?

— Черт его знает. Давыд так и не рассказал. Но приехал весь потерянный. Судя по всему — дела там плохи...

— Вы так спокойно об этом говорите...

— Человек ко всему привыкает. Когда я получила первую похоронку на Давыда, думала, сама умру от горя. Когда вторую — поняла, что так просто его не возьмешь. На четвертой уже смеялась. А всего их было восемь.

— А теперь...

— А теперь вот, считай, предупредили заранее. Очень любезно. Будем жить каждый день, как последний, — а так поглядим. Может, опять ошибка.

Бэлла обнимала Арину за плечи и тихо покачивала туда-сюда. Арина пыталась не расплакаться.

Она была дома. Она была не одна. И впервые за много лет ей было тепло.

Они еще посидели, выпили чаю.

— Давыд, наверное, скоро придет, не хотелось бы с ним тут столкнуться, — засуетилась Арина.

Ей никуда не хотелось идти, но она чувствовала, что чем дальше остается, тем труднее будет покинуть эту уютную комнату.

Бэлла легко подскочила:

— Давай я тебе травок отсыплю, заварить. У тебя есть что-нибудь типа фляжки, чтоб с собой отвар носить? Как голова закружится — делаешь глоточек. И перед едой.

— Спасибо! — Арина спрятала в сумку сверток с травами.

— Прости, не мое дело, но если не возражаешь — я бы тебя понаблюдала. Не против забегать ко мне раз в неделю-другую?

— Буду рада. Сколько вы хотите за визит?

— Ирочка, ты меня обидеть хочешь? С Давыдом ты можешь не иметь дел, но все-таки я считаю твоего ребенка своим внуком. А брать деньги с собственного внука — как-то... Странно. Ладно, беги, жду тебя на той неделе.

Август 1947

Шорину исполнится тридцать семь только осенью, значит, до сорока еще больше трех лет. Три года — это тысяча девяносто шесть дней. Благодаря урокам бабушки Фаины на Южном кладбище, Арина умела считать такие вещи быстро...

Очень мало. И с каждым прожитым днем остается все меньше. Арине, право же, было чем заняться, кроме бесполезной математики.

Но постоянно где-то на краю зрения пересыпалась тонкая пыль в песочных часах. Чуть меньше наверху — чуть больше внизу.

— Это вот просили передать, — Шорин подошел с какими-то бумагами.

Арина протянула руку — и их руки соприкоснулись. Всего на мгновение — но Арина почувствовала, будто по телу пробежала электрическая искра.

Она подумала, что прогнала Давыда из-за глупой позы, из-за собственного дурацкого страха. Что любит его больше жизни. Что хочет быть с ним каждый момент своего существования. Что мечтает готовить ему завтрак, стелить постель и расчесывать его длинные черные волосы перед сном.

— Убью, скотина! — голос Цыбина вывел Арину из сладких грез. — Ты совсем идиот или притворяешься?

— Я хотел... Ну... Ладно, для простоты — совсем идиот, — признал Давыд, пряча глаза от друга.

— Арин! Если он тебя еще раз подчинить попытается — бей вот сюда. У него там точка чувствительная, — Моня показал, куда бить прямо на Давыде.

— Монь! Ну ты меня пойми, она со мной не разговаривает, не дает возможности все объяснить.

— А тут и объяснять нечего. Смирись. Все. Эта женщина никогда не будет твоей. Имей мужество это признать.

— Раньше ты был на моей стороне.

— Вот именно потому, что я на твоей стороне, я говорю — отстань от человека. Я понимаю, ты ни в чем не виноват, просто выполнял приказ. Родина сказала — нужен дракон, ты и побежал. Но попробуй как-то, что ли, отвечать за свои действия. Понимаю, на войне было легче — там за твои поступки отвечали другие, даже когда ты действовал, ни с кем не посоветовавшись, просто потому что вожжа под хвост попала. А вот в мирной жизни, прости, такое не работает.

— Ну ты-то хоть дай все объяснить спокойно.

— Прости, неинтересно. Но могу дать дружеский совет.

— А давай.

— Мотай отсюда, куда хочешь. Вернее — куда родина пошлет. Вон, в Одессе сейчас один твой знакомец военным округом командует. Тот самый, которому ты обещал...

— Ну не при дамах же! — Шорин, кажется, был на пределе.

— Напомни ему, может, он до сих пор мечтает... — так же невозмутимо продолжил Моня. — В общем, проваливай.

— Может, не надо? — неожиданно для себя взмолилась Арина.

— Он опять мутит? — Моня был готов драться.

— Монь, да не мутит он. Ну просто... ну это мое дело, не твое. Извини. Ты очень мне помог, но вот давай я сама? Ну правда...

— Я вообще ни во что не вмешиваюсь. Ваши дела — так ваши дела, творите что хотите, хоть на голове стойте, — клокотал Моня, закрывая за собой дверь Аринино кабинета.

— Вас, товарищ Шорин, я тоже не задерживаю, — Арина углубилась в бумаги.

Она не понимала себя, не понимала происходящее, не понимала, как жить дальше. Надо строить какой-то мир. Не для себя, для ребенка. Она сама уже почти привыкла к пустоте вокруг и внутри.

Есть работа, есть кладбище, есть вечеринки у Мони — и это камушки, по которым прыгаешь, чтобы окончательно не упасть в холодное звенящее ничто.

Она взяла чистый лист бумаги и принялась составлять список всего, что необходимо для нормальной жизни.

И не могла составить. Просто не помнила, как оно бывает. Вот стол — он нужен? Если дома не работать, если есть можно на подоконнике... Или вот кровать. Нужна — или хватит просто матраса на полу? И что нужно для ребенка? Непонятно. И непонятно, где брать это все по списку. Голова и так кружилась (Арина отхлебнула из фляжки чудодейственного Бэллиного отвара) — а теперь еще принялась нещадно болеть. Арина выкинула так и не дописанный список в корзину — и вернулась к работе.

А через пару дней ее снова вызвали в барский дом.

— Здравствуйте, Ирэна Павловна, — широко улыбнулся Станислав Ростиславович, гостеприимно указывая на кресло.

— Арина.

— Ах, да, знаю-знаю, ваши родители поменяли вам имя, чтобы, так сказать, было ближе к народу.

Арина молча кивнула. Станислав Ростиславович подошел к окну — и стал романтично вглядываться куда-то вдаль.

— А вы знаете, Ирэна Павловна, что когда Россия захватила эти земли, их называли Понизовье? Кстати, первые упоминания найдены...

— В буллах римского папы одиннадцатого века, знаю эту байку. «Когда Папы жили еще не в Авиньоне, а в Риме».

Ее до зубовного скрежета раздражала манера Станислава Ростиславовича говорить как бы ни о чем, изображать светскую болтовню — но при этом вести разговор к какой-то цели, не понятной собеседнику.

— Вольная страна. Говорят, многие пиратские суда ходили под флагом Понизовья. Богатая страна. Торговали с половиной мира. Счастливая страна. Много веков без войн и эпидемий... — Станислав Ростиславович блаженно прикрыл глаза, затем резко распахнул. — А потом кто только не захватывал этот райский уголок. Эту байку вы тоже знаете?

— Слыхала...

— А слышали ли вы, что во время оккупации и после в Левантии и окрестностях появились объединения людей, желающих восстановить былую независимость Понизовья? И что люди эти и сейчас от своих планов не отказались?

— Ну, если им рекламировали Понизовье так же, как вы мне сейчас, — не удивлюсь.

— А не высказывал ли подобные идеи кто-нибудь из ваших знакомых, может, близких?

— Вы, только что.

На мгновение лучезарная улыбка Станислава Ростиславовича пропала у него с лица, сменившись злобным оскалом. Но он тут же совладал с собой.

— А кроме меня? Ведь идея, согласитесь, выглядит заманчиво, — мягко продолжил он.

— Возможно. Но пока не слышала... кроме как от вас.

— А Давид Янович ничего похожего не говорил?

— Вы в курсе, что я не общаюсь с Давыдом Яновичем.

— Ну и прекрасно. Не смею вас больше задерживать, — улыбнулся Станислав и открыл дверь.

В этот раз на Аринин звонок открыла не сама Белка, а ее соседка — худая старуха с поджатыми губами и толстым полосатым котом на руках. Арина вспомнила про войну Шорина с этим котом — и улыбнулась.

— Бэлла Моисеевна за этим своим уродом убирает. Абсолютно аморальный тип, ненавидит моего Тимошу, да к тому же еще и нечистоplotен, — сообщила соседка.

Арина хотела уже извиниться за Давыда, но подумала, что раз не имеет к нему отношения, то и извиняться было бы глупо. К тому же заподозрить Давыда в нечистоplotности она бы не смогла. Белка мыла пол, шепотом ругая «наглое грязное животное». Арина даже захотела вступиться — ну, бывает, может, напился человек, что уж сразу так?

Но тут к ней выбежало нечто черное, лохматое, ростом в половину соседского кота.

— Вот. Приволок. А это наглое грязное животное сначала украло котлету, а потом наделало лужу прямо посреди комнаты, — вздохнула Белка, распрямляясь. — Тебе говорю. Глаза бесстыжие!

Лохматое завилало хвостом, из чего можно было сделать вывод, что, скорее всего, в будущем оно станет собакой.

— Шел мимо речки, увидел — какие-то ребята утопить пытались. Пристыдил, отобрал... Сказал, мол, и так смертей слишком много — дайте хоть ему пожить по-человечески. Теперь вон вытирайте за ним... Позорище хвостатое.

Арина погладила щенка, и он облизал ей руку.

— Дода с детства о собаке мечтал. Он вообще зверушек любит, — Бэлла закончила с полом, вымыла руки и теперь наливала Арине чай, — но вот только сейчас дорвался.

Она протянула под стол кусочек печенья. Снизу благодарно зачавкали.

— Дода решил, что заведет собаку, как только папа с войны вернется. На следующий же день пойдут вместе на Конный рынок — и купят самого красивого щенка.

— Он так и не вернулся?

— Возвращался... пару раз. На день, на неделю. И три раза на долечивание — но тогда не до того было.

— И он все надеялся?

— Придумал себе отца и верил в него, как в бога... «Папа то, папа это». Спрашиваю его, какую кашу на завтрак будет — а он: «А какую папа больше любит». Во всем мечтал быть как папа. А когда в Додины двенадцать отца не стало, заявил, что теперь он — старший Шорин и будет обо мне заботиться...

Белка отвернулась и украдкой промокнула глаза платком.

Щенок выскочил из-под стола, где мирно спал, и бросился к двери, отчаянно виляя

хвостом.

Через несколько секунд на пороге показался Шорин. Он опустился на колени и принялся ласкать щенка. Тот повизгивал от восторга.

— Варяг! Глянь, какую я тебе обновку купил! — Шорин достал из кармана тоненький ремешок с ошейником размером с браслет от часов, — будешь как серьезный пес гулять. Все окрестные собаки обзавидуются.

Он поднял глаза — и увидел Арину.

— Я пойду, — севшим голосом сказала она Белке.

И вышла, пройдя мимо Давыда, стараясь не смотреть в его сторону.

Наутро Моня форсил здоровенным фонарем под глазом. Каждому интересующемуся он выдавал свою версию — впрочем, такую же неправдоподобную, как другие.

Арине же врать не стал.

— Да из-за тебя, можно сказать. Шорин прознал, что это я тебя к Белке отправил. Сначала врезал, потом стал выяснять, зачем. Потом извинялся, мол, дурное предположил. Из него выйдет неплохой отец, заботливый, — неожиданно закончил свою речь Моня, запудривая синяк.

— Да уж. Главное качество заботливого отца — сначала руки распускать, потом интересоваться, что случилось.

— Я не лезу, это не мое дело, я не лезу, это не мое дело, — на какой-то модный мотивчик напел Моня, продолжая гримироваться. — Ладно, все, не вмешиваюсь. Ты лучше скажи — в таком виде можно девушке показываться, или лучше не надо?

— Лучше не надо... — вздохнула Арина. — Тебе не к лицу.

Взлет и падение

— «Прибыла в Одессу банда из Ростова», — задумчиво напевал Яков Захарович, заходя в Особый отдел.

Арина, зашедшая стрелнуть у Лики папиросу, замерла. Яков Захарович пел редко — и только когда был очень невесел. Причем предпочитал мелодии из опер. А уж если он дошел до хулиганских песен...

— В общем, товарищи особисты, я получил пренеприятнейшее известие из Одессы. К нам едет, — Яков Захарович посмотрел на часы, — а скорее всего, уже приехала одесская банда. Страшные люди. Действительно страшные — местные бандиты их боятся. Там все — Особые. Причем не меньше тройки. Они не ради выгоды, они ради куража людей убивают и грабят. Развлекаются так. Где они будут жить в Левантии — черт их знает. Есть только портрет их главарши. Вот, любуйтесь.

Он достал фотографию женщины лет тридцати пяти, яркой брюнетки с большими глазами, тонкими губами и крючковатым носом. Дама смотрела в объектив дерзко и прямо, в душу заглядывала.

Лица сверлила глазами фотокарточку. Она побледнела, ноздри у нее дрогнули.

— Фимка Элиади! — прошипела она.

— Да, — Яков Захарович, кажется, ничего не заметил, — так и написано: Элиади Ефимия Анастасовна, она же Чума. Ну раз дама вам знакома — больше ничем помочь не могу. Только удачи пожелать. Судя по письму, она вам понадобится. Да, и еще. Хорошо бы взять живой.

Когда за Яковым Захаровичем закрылась дверь, Лица обрушилась на стул и закурила, не замечая скривившегося Шорина.

— Ты с ней знакома? — Моня заботливо плеснул в стакан коньяку и подал Лице.

— Учились вместе. Потом на войне... встречались, — Лица залпом влила в себя коньяк и запила остывшим чаем.

— По разные стороны?

— Нет, ну что ты. По одну. Но лучше бы по разные.

Лица начала свой рассказ.

Любой Особый рангом выше тройки — военнообязанный по умолчанию. Чем выше ранг — тем с более юного возраста. Тройки — с шестнадцати, драконы — с двенадцати.

Много есть дел для ведьмы на войне.

Ликина эскадрилья в бумагах именовалась «особыми частями воздушной обороны». Самолет стоит дорого. Это ценный алюминий, сталь, множество рабочих часов. Если самолет разобьется — полбеда, а вот если угонят его немцы себе — то у нас будет на один самолет меньше, а у них — на один больше. Для этого и взлетали в небо девочки Лики, выставляя заслоны. Гибли десятками, сотнями — но это самолет стоит дорого, а простая деревенская ведьмочка — так, мелочевка.

Были задачи и посложнее. Несколько раз даже сами захватывали вражеские самолеты — и вели до наших аэродромов. И в разведку летали. И картографам, бывало, помогали. Но главное — заграждение.

Ликиных девочек называли мотыльками. Потому что рядом с огромными машинами казались они невесомыми. Потому что парили. Потому что мало кто из них жил после

попадания в эскадрилью больше месяца.

Ли́ка старалась сберечь своих девочек как могла. Снова и снова пыталась рассчитать безопасные места, отрабатывала с ними приемы... Это продлевало жизнь на дни, иногда — на недели. Не больше. Ли́ка рычала и плакала в бессилии.

А вот у Фимы в эскадрилье порядки были иные. Ее девочки могли купить себе жизнь. И не жалкие дни, а месяцы и годы. Одни говорили, что Фимка берет золотом, другие — что привлекает красивых и покорных, третьи — еще что-то придумывали... Ли́ка не знала правды. Знала только, что вокруг Фимы постепенно образовалась компания из девушек, находящихся в эскадрилье не первый год. И ни разу не летавших в заслоне. Не обласканные Фимкой девочки погибали быстро. Очень быстро. Редко кто из них доживал до своего третьего вылета.

Не сказать, чтоб Фимины фрейлины скучали. Как только появлялась возможность «сделать красиво» — скажем, угнать немецкий самолет с ВПП, предоставив «расходному материалу» разбираться с разъяренными немцами, — за дело брались именно они. И, хотя не брезговали мародерством, получили за свои проделки достаточно наград.

Что с ними стало после войны — Ли́ка была не в курсе.

— Значит, женская банда... Оригинально, — протянул Мoня озадаченно. — И где их искать?

— Троицкая, 11, — отчеканила Ли́ка. — У нее тетка там жила.

— Думаешь, приехала в гости к любимой родственнице?

— Почти. Она все училище мечтала, как тетка наконец-то помрет — и оставит ей свое золотишко. У нее муж ювелир был — делал какую-то невероятную красоту по индивидуальному заказу.

— Ну и славненько, — улыбнулся Мoня, — командуйте.

Арина глазом моргнуть не успела, как Ли́ка превратилась в себя прежнюю. Растрепанная, с горящими глазами, она бегала по всему УГРО, раздавала короткие распоряжения, инструктировала рябчиков, в общем, вела бурную деятельность, заражая окружающих каким-то ликующим энтузиазмом.

Моне и Давыду же сказала коротко: «Сейчас идете выспаться. Завтра сидите тут, может, понадобится». Арина не успела этому удивиться, как тут же Ли́ка заявила, что сама Арина ей понадобится на операции, пусть будет готова.

— Вот все не могу понять — если Ли́ка будущее видит, что она всегда так туманно говорит? — Арина поймала Мoню уже на выходе. Он с серьезным лицом шел выполнять команду «спать до завтра».

— Сейчас попытаюсь сформулировать, — Мoня достал папиросу, — сложно это. Ничего мы на деле предсказать не можем. Ну то есть, чтоб сбылось. Но вот... Наверное, ближе всего будет — «сердцем чуем». Вот я тебе могу сказать, мол, сделай то, что скажет Ли́ка, но что она скажет — не представляю.

— Ну я и так, в общем-то, не собираюсь с нею спорить.

— А стоило бы, — Мoня бросил недокуренную папиросу. — Шорин! Пошли! Начальство сказалo «баиньки» — так что будь любезен исполнять.

Арина ушла к себе, чтобышний раз не встретиться с Давыдом.

В катафалке Ли́ка сидела молча. Все попытки выяснить у нее хоть что-нибудь успеха не имели. Рябчики, веселые и возбужденные, принялись трещать между собой. Кто о девушках,

кто о шмотках, кто о кино. Арина сидела у окна и полусонно разглядывала улицы Левантии. Вспоминала какие-то мелочи. Как первый раз ехала на труп — и хотела на каждом перекрестке выскочить из машины — то потому, что боялась не суметь, то — чтоб похвастаться, мол, она теперь не просто так — а настоящий эксперт. Или как вон в том магазине на углу папа покупал ей ботинки. Года в три, наверное. Тоже было лето, все окна настежь — и маленькая Ирэна не долго думая выкинула туфельку за окно. «Ирэночке срочно нужны новые ботиночки, эти ей не нравятся!» — закричал папа — и повез ее в магазин. Долго выбирали новые — и купили целых три пары, потому что Арина прижала их к себе — и не давал забрать. Лучше всего

запомнился вкус новых кожаных ботиночек — чуть кисловатый и сытный. А потом папа отвез ее в фотографию — и на стене долго висела карточка, где Арина с наспех повязанным бантом сидела в окружении двух плюшевых медведей.

Сейчас вместо обувного был продовольственный, а вместо фотографии — ремонт обуви. Арина сама не заметила, как уснула. А катафалк все ехал и ехал.

— А мы не слишком долго едем? — спросила Арина, проснувшись и обнаружив за окном девятый дом по Троицкой улице.

— Ребзя, точно, час уже тут торчим! — один из рябчиков удивленно поглядел на часы. Арина пробралась к Вазу.

— Чертовщина какая-то, — вздохнул тот, — бензина нажег на год вперед, вроде еду, а пейзаж за окном не меняется.

Они услышали, как Лика громко чертыхнулась.

— Вазик, останови! — скомандовала она. — А ты сбегай к ближайшему автомату. Телефон розыска знаешь? Позови Мануэля Соломоновича, скажи — на щит наткнулись. Арин, встретишь их?

Арина пожалала плечами и вышла из катафалка.

Серебристый мотоцикл Шорина показался быстро, как будто ждал неподалеку. Моня с Давыдом спешили, переглянулись.

— Барахло, а не щит. На три угла. В смысле, три бабы, простите, дамы держат, одна — за ними приглядывает. Та, которая приглядывает, — самая сильная, — Шорин говорил небрежно, но было заметно, что он сосредоточен. — Смотри, какой красивый домик напротив. Как раз подойдет.

— Вполне, — улыбнулся Моня, — Арин, ты спрашивала, как драконы работают. Сейчас есть шанс посмотреть на работу дракона своими глазами.

— Спасибо, насмотрелась, — поджала губы Арина.

— Ну неужели не любопытно? За билет денег не беру, твою безопасность гарантирую.

— Ну давай.

Дом восемь, стоявший напротив одиннадцатого, судя по всему, перенес пожар и был признан неподходящим для жилья. Так что обитателей в нем не было, стекло в окнах — тоже. На третьем этаже над улицей нависал весьма изящный балкончик, поддерживаемый двумя малообаятельными кариатидами. Моня показал на него, Давыд кивнул — и парочка, а за ними Арина, Лика и один из рябчиков в роли связного, последовали в парадную.

Про этих кариатид по Левантии ходила малопристойная легенда. Ровно напротив, на одиннадцатом доме, тоже на третьем этаже, был точно такой же балкончик — но уже поддерживаемый атлантами. Говорили, что весьма знатные влюбленные (тут сплетники называли множество фамилий) перелезали с балкона на балкон по перекинутой доске,

скрываясь, соответственно, от мужа одной и жены другого.

— Единственное, дамы, прошу тут не курить, — сказал Давыд на ходу, прыгая через три ступеньки, — мне сосредоточиться надо, а запах очень отвлекает.

Арина с Ликой кивнули.

— Арин, — шепнул ей на ухо Моня, — ты, когда все это будет, приглядывай за ним как врач. Но если что — не к нему, а ко мне. Его нельзя отвлекать.

Проходя через анфиладу комнат третьего этажа, Моня подобрал почти не обгоревший матрац — и расстелил его на балконе.

— Прошу! — указал он Шорину несколько театральным жестом. Шорин лег, потянулся и закрыл глаза.

— Он тут что, спать будет? — шепнула Арина Цыбину.

— Ну, почти.

— А я думала — драконы красиво воюют. Дым, огонь — и посередине змей в блестящей чешуе.

— Знал бы — фейерверков бы припас. Ради зрелища. Не, никакой чешуи — обычный человек.

— А почему тогда дракон?

— Ну... Сильный, огненный... Плюс раньше они к драгунским полкам приписаны были. Чтоб передвигаться быстрее. Драконы-драгуны. Похоже. Ты смотри, сейчас интересное начнется.

Глаза Давыда под веками вдруг начали бешено метаться. Он заскрипел зубами, сжал кулаки и выгнулся, как в припадке. Закричал, завертелся. Арина хотела броситься к нему — но Моня удержал, кивком головы показав, что все в норме.

Шорин взревел, весь напрягся — и резко открыл глаза.

— Готово, — сказал он устало, — а разговоров-то было...

— Ты ляг, поспи часок, — заботливо хлопотал вокруг него Моня, подавая фляжку.

— Не поверишь, я в порядке. А для тебя дельце есть. Там девочки, три штуки, которые щит держали. Их бы успокоить малость. А то сейчас в себя придут — бузить будут.

— Это мы запросто, — улыбнулся Моня.

Он закрыл глаза, сосредоточился... Из парадной дома напротив выскочила девушка. С такого расстояния Арине показалось, что на ней та самая шляпка, которую ей когда-то притащил Ангел. Наверное, ошиблась — видно через зелень растущего в палисаднике каштана было так себе, и сама Арина особой зоркостью не отличалась. Да и мало ли в Левантии похожих шляпок?

Моня сложил большой и указательный пальцы в колечко — и показал товарищам.

— Одна сбежала. И на ту, которая щит не держала, силенок не хватает.

Арина удивилась: она знала этот жест — так американцы показывали, мол, все в порядке. При этом скалились в улыбке и говорили «хоккей». Какой же тут хоккей, если силенок не хватает? Но, кажется, Давыд с Ликой поняли, что хотел сказать и показать им Моня.

— Я вот, кстати, нет, — улыбнулся Лике Давыд, — хочешь, с вами пойду?

Лица медленно покачала головой.

— Я пойду одна.

— Сдурела? — поинтересовался Моня светским тоном.

— Я должна. Мы все-таки подруги... дружили. Если сейчас попытаемся вломиться всей

ордой — она перестреляет нам половину рябчиков. А я попытаюсь ее уговорить. Пообещаю, что не допущу высшей меры, что... Ну, там посмотрим.

— Ты, конечно, начальство, тебе решать, но, по-моему, это дурь, — разозлился Шорин.

— Ты прав. Но я не могу не пойти.

Шорин хотел что-то возразить, но Моня мягко отодвинул его в сторону. Арина видела, как блестят глаза у Лики. Да, отговаривать ее было бесполезно.

Дверь хлопнула. Арина выскочила на балкон и смотрела, как Лика, такая хрупкая в своем сером платье с белым воротничком, пересекает залитую солнцем мостовую Троицкой улицы. Как скрывается в темной парадной.

На балкон вышли Давыд и Моня. Цыбин достал из кармана складной театральный бинокль с перламутровой ручкой — и пытался что-то разглядеть через грязные окна дома напротив.

Не спрашивая разрешения у Шорина, он закурил. Тот отодвинулся чуть в сторону, но ничего не сказал.

На балконе с атлантами показалась Лика. Она подняла руку и показала такой же хоккей, как показывал Моня.

Вздвогнув всем телом, она сделала шаг вперед — и тогда даже Арина заметила, что за спиной у Лики Фима держала финский нож у Ликиного горла.

— А вот руками махать не надо, — сказала она, вроде бы, довольно тихо — но Арина услышала, как будто говорили у нее над ухом.

Фима ткнула Лику кулаком чуть ниже плеча. Раздался тихий хруст — и рука Лики повисла плетью.

— Ключица, — прошептала Арина. Моня дернулся бежать вниз.

— Стой! — крикнула Лика. Моня замер.

— Тебе слова не давали, — услышала Арина голос Фимы.

И финский нож запорхал по лицу Лики, оставляя порезы на щеках, лбу, носу и подбородке.

— Но она дело говорит, белобрысый! Дернетесь — прирежу ее.

Моня стал белее своей рубахи. Шорин вцепился в ограждение балкона.

Фима снова приставила нож к горлу Лики. Другой рукой она залезла к ней в сумочку, достала наручники и приковала Лику к балкону.

— Ну все, пока, не хворайте, — Фима махнула платочком.

Арина не могла понять, куда собирается Фима. Но тут снизу, с улицы на уровень третьего этажа взлетел мотоцикл Шорина. Фима прыгнула в седло.

В ту же секунду Давыд одним движением забрался на ограждение — и прыгнул с него.

Он мертвой хваткой вцепился в плечи Фимы. Та закладывала крутые виражи, ныряла вниз и свечкой взлетала, пытаясь сбросить с себя Шорина. Но он все-таки сумел оседлать мотоцикл за спиной у Фимы. И достал пистолет.

— Идиот! Застрелишь меня — сам вниз полетишь, — прошипела Фима.

— А что, Давыд летать не умеет? — шепотом спросила Арина.

Моня покачал головой:

— Не его специальность.

Арина заставила себя оторвать глаза от страшного зрелища. Она сбежала по лестнице, свистнула ближайшего рябчика — и побежала освобождать Лику.

Они успели донести Лику до катафалка, остановить кровь и зафиксировать руку, когда

раздался жуткий грохот.

Арина вскинула голову.

— Он ее оглушил. Рукояткой по голове. Прямо над крышей. Успел спрыгнуть вместе с ней, а мотоцикл упал, — кричал Арине кто-то из рябчиков.

— Так что стоишь? Беги, помоги, — крикнула Арина.

Но Шорин уже сам вышел из дверей черного хода с перекинутой через плечо связанной Фимой.

Подскочил Моня, перехватил Фиму — и Шорин сполз по стенке.

Арина собрала всю волю в кулак, чтоб не броситься к нему, бледному до синевы. Впрочем, рябчики дотащили всех до катафалка — быстро и бодро.

— Простите, товарищи, вам придется пешком, — сообщила рябчикам Арина, — у нас тут раненый и опасный преступник.

— Да мы понимаем, прогуляемся, тут недалеко, — нестройно ответили те. В катафалке Арина все-таки не удержалась.

— С ним все в порядке? — спросила она у Мони, — или как там у вас, хоккей?

— Устал. Сутки проспит, потом кукситься будет... какое-то время, — вздохнул Моня. — А хоккей-то тут причем?

— Ну вы пальцами так делали, — Арина показала, как именно.

— А, это другое. Показываем, мол, «я на нуле, мутить не способен».

— Давыд! — невнятно пробормотала Лика, стараясь не шевелить изрезанными губами. — Я теперь твоя должница. Говори, что хочешь.

— Убеди вон ту дуру выйти за меня замуж, — так же тихо шепнул ей Давыд.

— Не обещаю, но попробую.

— Лика, пожалуйста, не болтай, тебе вредно, — Арина сама испугалась своего голоса, насколько громче он звучал, чем голоса Давыда и Лики, а потом добавила тихо: — Я согласна.

Часть 2. Дракон. Свадебный переполох

— Ты точно ординар? — Моня внимательно заглянул в глаза Арины. — Мне, чтоб этого к жизни вернуть, все силы нужны были — а ты разок ему улыбнулась — и он бодр, весел, скачет козлом, требует у меня устроить шикарную свадьбу.

— Дарю методу. В следующий раз попробуй ему предложить руку и сердце — может, подействует.

— Пожалуй, воздержусь.

— И от шикарной свадьбы, если можно. Мы просто пойдем-распишемся — и на работу. Может, потом, в узком коллективе...

— Не выйдет. У нас с Давыдом Яновичем пари. Аж с сорок третьего года. Когда один из нас женится — другой обязан организовать ему шикарную свадьбу. Зато первый должен надеть самый нелепый галстук, который найдет.

— А меня не спросили, хочу ли я выходить замуж на глазах кучи народа за человека в нелепом галстук?

— В сорок третьем мы с тобой были мало знакомы. Извини. В следующий раз предположим и такое развитие событий. А пока пари — это святое.

Шорин вошел какой-то чуть ли не приплясывающей походкой и как-то очень по-хозяйски поцеловал Арину в макушку.

— У тебя деньги есть? — деловито спросил его Моня.

Шорин достал из кармана портмоне.

— А сколько надо?

— Тысяч пять минимум.

Давыд погонял пальцем монетки туда-сюда.

— Нет, столько точно не будет.

— То есть ты мне предлагаешь в сжатые сроки придумать, чем накормить половину Левантии совсем без денег, да еще чтоб это было шикарно?

— Пари, брат, такая вещь — давши слово, крепись, — с деланным сочувствием вздохнул Шорин.

— Придется устраивать складчину. Ой, не люблю я это дело, — подумав, заметил Моня и неожиданно добавил: — А жить вы где собираетесь? У жениха или у невесты?

На последних словах Моня ласково погладил диван.

— У меня, конечно, если мама из дома не выгонит.

— А с чего бы ей вас гнать?

— Ну я вчера пришел... Ну как пришел — ну, ты помнишь. Разве что не принесли. Еще и плотнул на радостях. Мама спрашивает, что случилось, а я ей, мол, щит пробил, в воздухе дрался, но это все мелочи, главное — я женюсь.

— А она?

— Сказала, что я урод, что я со своими... тут слово плохое, в общем, с девушками, могу жить где угодно, а в моей комнате будет жить ее внук с Ирочкой.

— Ирочка — это я? — на всякий случай уточнила Арина.

— Ага.

— М-да, у вас семейное — сначала реагировать, потом дослушивать, — вздохнул Моня, осторожно ощупывая скулу.

— Ну прости уж. Ну да, дурак был.

— Ладно. Ты лучше скажи, к какому числу мне все это непотребство организовывать?

— Давай соображать.

Они втроем склонились над календарем. Выходило, что идеальный день для свадьбы — седьмое сентября, воскресенье. Моня со вздохом обещал управиться, Давыд уточнил у Арины, не передумает ли та к сему моменту, Арина про себя прикинула, что есть надежда не стать посмешищем из-за очевидности причины свадьбы... В общем, если не особо придирается, всех все устроило.

На ближайшем собрании Моня попросил слова.

— Товарищи! У меня приятная новость, и я надеюсь, все вы по мере сил примете участие в намечающемся мероприятии. Дело в том, что седьмого сентября наши коллеги — товарищ Качинская и товарищ Шорин — наконец-то женятся. И потому, дорогие будущие гости, прошу вас собрать все ненужные вам предметы быта, труда и обихода для обмена их в колхозах на продукты питания и отмечания.

— Шо? — переспросил Ангел.

— Кушай хорошо, — огрызнулся Моня. — Говорю, кто хочет, чтоб у этих двоих была нормальная свадьба, приносите всякое, что можно на еду поменять. Деньги тоже пойдут.

Посыпались вопросы к докладчику: что нести, куда нести, можно то, можно это — Моня охотно отвечал.

Арина под шумок сбежала на крыльцо. Через пару минут к ней присоединился Ангел.

— А вы с Давыдом Яновичем действительно женитесь? Вот прямо друг с другом? — опарашил он Арину вопросом.

— Ну... да. Ты же слышал.

— А я смогу приходить к вам в гости?

— Конечно.

— И когда Давыд Янович будет дома?

Арина засмеялась. У них в классе каждая девочка обожала одного двух солистов местной оперы — хрупкого, чуть женственного тенора Лазоревского или мощного брутального баритона Латермана. Войны шли нешуточные. До слез и порванных чулков. Никогда Арина не думала, что кроме «лазористок» и «латерманьячек» встретит еще и заядлого «шориниста».

— Да заходи, конечно. Можешь и Наташу свою взять, будем дружить семьями...

— Она меня бросила, — с отчаяньем в голосе произнес Ангел, — вроде, все нормально было, а тут «не до тебя, дурака, я серьезными вещами занимаюсь». Тоже мне, серьезная...

— Да ладно тебе грустить, мало ли в Левантии девушек?

— Такая — одна, — убежденно и твердо произнес Ангел.

«Какой же он все-таки еще малыш!» — умиленно подумала Арина.

Вечером в кабинет Арины зашел Шорин.

— Ты долго еще? — спросил он, потягиваясь.

— Да уже все. Сейчас попью чаю — и спать лягу.

— Здесь?

— А где еще?

— Дома... Ну, у меня дома. Пойдем, у меня там комната отдельная.

— Давай после свадьбы.

— Не, ну скромность, конечно, украшает невесту, но вот так-то зачем?

— Не представляю, в каком, гм, статусе появлюсь завтра возле вашей уборной. Не хочу пересудов, а тем более — оскорблений.

— В статусе человека, который утром хочет в сортир. А мои соседи берегут свое здоровье. Поэтому делают зарядку, чистят зубы и никогда не обсуждают моих близких. Ну, кроме Варяга. Но если ты обещаешь не гонять кота Гандлевских и не грызть чужую обувь...

— Я постараюсь.

— Давай помогу тебе собрать манатки, — Шорин открыл шкаф и решительно приступил к делу.

— Mam! Познакомься с моей невестой! — крикнул Давыд с порога, опуская на пол вещмешок со всеми Ариными пожитками.

— Ирочка! Где ванная, ты знаешь. И если отведешь туда Доду, буду благодарна. Так и не завел привычку мыть руки после работы, — спокойно сказала Белка, ставя на стол третью чашку.

Давыд не соврал — у него была собственная комната. Арина даже видела дверь туда, но принимала за стенной шкаф. Впрочем, по размеру она от стенного шкафа отличалась несильно. Кровать, узкий шифоньер, пара книжных полок, кусок одеяла, постеленный на пол, вероятно, для Варяга, — даже от этого скромного убранства в комнате было тесно. Но вместились в комнату еще и три украшения: вырезанная из старого журнала литография крейсера «Варяг» (так вот в честь кого Шорин назвал пса, поняла Арина), фотография Яна Шорина в рамке на полке и топорного вида деревянная лошадка на окне.

Но все равно Арина внезапно поняла, что она дома. Наконец-то дома. И усталость, которая копилась в ней все эти годы, навалилась — и заставила Арину расплакаться.

— Ну ты чего? — смущенно спросил Давыд, переминаясь у входа. — Ну да, так себе комнатуха, и окно на помойку. Ну ты погоди, я слышал, сейчас дом для милиционеров строят, может, нам с тобой комната достанется...

Арина не понимала, что он говорит. Она наконец-то жила. Дома. Она рухнула на кровать. Тут плакать стало абсолютно невозможно — молотя во все стороны хвостом, на кровать запрыгнул Варяг и принялся слизывать слезы шершавым языком. Вскоре они уснули в обнимку.

Утром ее разбудило рычание Варяга.

— Представляешь, он тебя от меня защищает, — захохотал Шорин, увидев, что Арина открыла глаза. — Я только руку протянул тебя растолкать — а он чуть в драку не полез. Учти, кудлатый, я ревную.

— Варенька! Иди кушать! — раздался голос Белки. Варяг тут же бросился из комнаты.

— К вам это тоже относится, — добавила Белка сурово, — а то только Варенька моей еде радуется.

— Mam, ну хватит Варяга Варенькой называть, он все-таки самец, ему неприятно, — попросил Шорин, целуя Белку в макушку и садясь за стол.

— Ирочка, садись, поешь, пока эти самцы все не слопали, — улыбнулась Белка топчущейся у стола Арине. — Тебе надо хорошо питаться. Это сейчас твоя главная обязанность. Хорошо есть и хорошо спать.

Давыд помял рукой шею.

— Это мне до февраля на полу спать? Я после сегодняшней ночки совсем деревянный.

— А то и до марта. Умей отвечать за свои поступки, — назидательно произнесла Белка.

— Я буду двигаться. Вчера как-то внезапно заснула... — потупилась Арина. — Давай разомну.

Давыд подставил плечи — и разве что не замурлыкал от удовольствия.

— Я кофе сварю? — предложила Арина, когда Давыд снял ее руки со своих плеч и поцеловал.

— Правило этого дома номер один. Готовить кофе, гладить одежду и чистить обувь здесь имеют право только мужчины. Потому что вы, женщины, в этом ничего не понимаете, — торжественно объявил он — и раскочегарил примус. — Иди одевайся, нам еще перед работой с Варягом погулять надо.

— Сейчас, только посуду помою, — отозвалась Арина так, как будто слышала эту фразу каждое утро уже много лет.

Моня постоянно забегал к Арине с какими-то вопросами, уточнениями и предложениями по поводу свадьбы. Арина отмахивалась: мол, на работе — только с рабочими вопросами. На самом деле, она не могла представить все то, что говорил Моня. Что значит — какие мелодии будет играть оркестр? Это что, целый оркестр будет играть в честь нее? Сидеть во главе стола, слушать какие-то тосты в свою честь, целоваться с Давыдом у всех на глазах — это все звучало как-то странно, как из другой жизни.

Но один из вопросов заставил Арину задуматься. «Ты уже всех пригласила, кого хочешь видеть, или мне это взять на себя?» — спросил Моня где-то между обсуждением закусок и выбором цветов на стол.

Кого она хотела бы видеть? Давыда, Белку, Моню — но они и так будут, особенно Давыд.

А кто еще? Коллеги — будут. Бывшие однокурсники... Особо близких друзей среди них у Арины не было и в годы учебы, и тем более сейчас. Сослуживцев по госпиталю? Где их искать, Арина не представляла. Александр Зиновьевич в столице, вряд ли приедет, а остальные — еще дальше, разъехались по всей стране. Разве что...

— Если ты займешься еще и моими гостями — будет здорово, — сказала она Моне, а сама побежала на кладбище.

Шла она, вроде, недолго, но мыслей передумать успела множество. Хочет ли она видеть Кирилла Константиновича на свадьбе? — Пожалуй да, но настоящего, такого, с которым она познакомилась, а не того, какого видела в последний раз, — развязного, шатающегося, странного и страшного. Как представить Кодана Давыду? Как друга, знакомого, приятеля? Не обидится ли сам Кодан, что Арина, до того почти не говорившая с ним о личном, зовет его на свадьбу?

Вопросов было куда больше, чем ответов. И перед самым входом на кладбище возник еще один — почему Арина решила, что Кирилл Константинович будет на кладбище именно в это время? Не живет же он там. И где его искать, если на кладбище его не окажется?

Но искать не пришлось — Кодан сидел на скамеечке, сколоченной Михалом, возле ручейка, разделяющего старое кладбище и новое.

При появлении Арины он встал, снял шляпу и приветливо поклонился.

— Ирина Павловна! Не ожидал встретить вас так рано! — улыбнулся он ей.

Арина почувствовала, как напряжение внутри спадает: Кирилл Константинович был рядом, и это был тот самый Кирилл Константинович, которого Арина знала. Мягкий тихий голос, скромная полуулыбка, взгляд чуть опущен и обращен куда-то внутрь.

— И я рада вас видеть, Кирилл Константинович. Как вы? Поправились?

— Благодарю вас, чувствую себя отменно.

— А что с вами было? Честно сказать, выглядели вы пугающе.

— Умоляю, не принимайте близко к сердцу. Небольшая инфлюэнца, не более...

— И такие осложнения? Вам обязательно надо проконсультироваться с хорошим неврологом. Сейчас соображу, кого вам посоветовать.

— Прошу, не утруждайте себя. Все уже совершенно прекрасно!

— Может, пройдемся? — Арина не знала, как теперь перейти к главному, и надеялась, что на ходу будет лучше думаться.

— Был бы рад, но жду уважаемого Михала Вацлавовича. Он должен мне помочь в одном деле.

— Ох, Кирилл Константинович, прошу вас, будьте осторожны. Михал — юноша увлекающийся, не все, что он делает, одобряется уголовным кодексом.

— Вы сегодня на редкость заботливы! Но позвольте вас успокоить — ничего незаконного мне не требуется. Только ответы на несколько вопросов по истории кладбища.

— Я хорошо знаю Южное кладбище — и готова ответить на любые ваши вопросы.

— Очень любезно с вашей стороны! Но тогда, боюсь, мне будет неудобно перед Михалом. А вот, кстати, и он.

Арина вскочила со скамейки — и быстро отвела Михала в сторонку. Ей наконец-то стало все ясно. Вот чем объяснялось то, что Михал с зимы не пил (Вазик подтвердил — ни капли), чем объяснялось странное поведение Кодана.

— Михал! Что вы там за дела творите? — шепнула она сурово.

— О! Мы с паном Тадеушем такое дельце придумали! Ну, то есть придумала, конечно, пани Боярская, а мы только так... Я вот — и художником и продавцом. У меня это... клиентура проверенная.

Арина схватилась за голову.

— Михал, ты хоть понимаешь, что это незаконно?

— Пани Боярская сказала — комар носа не подточит. Пан Боярский весь день законы читал, говорит — все честно. И польза людям. Не водкой же торгуем!

Арина разозлилась. Объяснять что-то этому дураку — бесполезно. Придется действовать по закону.

— Николай Олегович! Я знаю, кто в Левантии торгует наркотиками, — решительно заявила она прямо с порога, добежав до каретного сарая, как будто за ней гнались.

И принялась строчить показания.

В пятницу, 29-го августа, Моня назначил сбор вещей. Особый отдел уже с утра напоминал лавку старьевщика. Моня с видом заправского аукциониста руководил процессом.

— Пальто на вате, черное, суконное! Прекрасная вещь в хорошем состоянии! Благодарю!

— Калоши новые, парные, на красной подкладке, без монограммы! Размер — около сорокового! Замечательно!

— А это ты что принес? — вдруг закричал Моня на одного из рябчиков.

— От отца остался... У нас никто не пьет — только простаивает. Торговать-то нельзя...

Моня выхватил из рук рябчика странную конструкцию из бака и труб и прижал к себе, как младенца. — Как твоя фамилия?

— Степанов...

— Выражаю устную благодарность стажеру Степанову за экономию материальных средств! — торжественно провозгласил Цыбин и добавил намного тише: — Сахар добавляем, водку вычеркиваем.

Ближе к вечеру имущества оказалось достаточно даже на взгляд Мони.

— А можно я вам... себя сдам? — тихо спросил Цыбина Володя Камаев.

— Не, у нас это... крепостное право отменили.

— Я не крепостным... Я художником. У меня все соседи уже портреты свои заказали... и эти... по фотографиям... ну, чтоб большие были.

— А это идея. Поедешь завтра с нами. И еще пару товарищей сагитируй — для менее художественных работ: помочь фрукты собрать или там дрова наколоть...

— О! Кстати, я и наколоть могу, — улыбнулся Володя, показывая кривоватые буквы «ВОВА» на костяшках пальцев, — я ж с флота, у нас многие умели...

— А вот такую живопись мы поощрять не должны, так как пользуется она популярностью у криминального элемента, которому уподобляться не стоит, — улыбнулся Моня, — но приборчик возьми. Может, и пригодится.

Арина усмехнулась про себя. Моня автоматически почесал левое предплечье. Как-то раз она видела Моню без сорочки — и знала, что именно на этом месте изображена дикого вида русалка.

Конечно, сбор вещей был зрелищем увлекательным, но работы никто не отменял, так что пришлось все-таки Арине отправиться к себе в кабинет.

Куда через некоторое время постучала Лика.

— К тебе можно? Хоть отдохну — ты единственная, кто на меня не пялится, как на оживший труп, — вздохнула она.

Арина опустила глаза. Она привыкла к людям с различными повреждениями, но Лика с рукой на перевязи и тридцатью швами на лице выглядела... В общем, Арина хорошо понимала тех, кто крестился ей вслед.

— Это не на продажу, это лично тебе, — Лика принялась доставать из сумки нечто огромное, белое и невесомое.

— Что это?

— Парашют. Натуральный шелк. Один раз жизнь мне спас. Бери-бери! Лучшей ткани на свадебное платье и не придумаешь!

Арина опустила лицо в прохладную гладкую ткань, чтобы не было видно, как она плачет.

Утром катафалк, под крышу забитый всяким барахлом (Моня присовокупил к собранному диван из Ариного кабинета и какую-то мебель из своего сарая) отбыл по окрестным колхозам закупаться на свадьбу. Вернулись вечером в воскресенье в пустом катафалке (Моня от греха подальше сгрузил все наменянное к себе в сарай) — очень

довольные, но молчаливые.

— В этот раз третьего сентября не будет, — грустно констатировал Моня, когда они вчетвером ехали на очередное происшествие.

— То есть завтра будет четвертое? — подняла брови Арина.

— Не, в смысле праздновать не буду, никакого настроения. Дотерплю уж до седьмого, — Моня печально вздохнул. — Дава! Сядешь ты наконец?

Давид стоял, скрючившись, нависнув над Вазиком, и канючил:

— Ну посмотри еще раз, ну пожалуйста! Ну может, что-нибудь можно сделать? Любые деньги, ты же знаешь, за мной не заржавеет.

Вазик смотрел на дорогу, не обращая внимания на Шорина.

— На что это он его уламывает? — поинтересовался Ангел.

— Да принес ему остатки мотоцикла, разве что не в носовом платке. Он сначала упал с третьего этажа, потом горел... в общем, так себе видок, — обстоятельно объяснил Моня, — даже Вазик чинить не взялся. Вот и ходит за ним, мол, почини-почини.

— Да что ему эта железяка? — не выдержала Арина. — И так последние деньги на эту дурацкую свадьбу ухлопал...

— Эта железяка нам жизни спасала не по разу. С драконом-то в чем сложность — Особыми способностями его фиг убьешь, а вот пулей — запросто. Так что самое простое — узнать местоположение, да и разбомбить вместе с окружающим квадратным километром. Так что петляли вдоль линии фронта, как зайчики. Сначала на лошадях, а потом Серого... добыли. В общем, он ему не железяка, а друг. Покойный.

— Вот скоплю денег — куплю Давыду Яновичу новый. Когда у него день рождения? — мечтательно прошептал Ангел.

— Через два месяца.

— Не успею...

— Ну, у него каждый год день рождения... Вот через тринадцать лет ему как раз пятьдесят стукнет — сможешь накопить.

Ангел начал что-то прикидывать в уме, шевеля губами и загибая пальцы.

Первое, что бросилось в глаза по приезде: на стене детского дома углем была нарисована опрокинутая буква В — знак «Маскарада».

— О! Новенькие пожаловали, — протянул Моня.

— Ага, скоро каждый мальчишка, разбив мячом окно, будет такую же загогулину рисовать, — поддакнул Ангел.

Арина вздохнула. Забавное наблюдение, конечно, только из открытой двери склада детского дома вместе с перьями из разорванной подушки вырывалась такая тоска, что хоть вешайся.

Она прикусила губу и пошла выполнять работу.

В отличие от прошлого «Маскарада» этот, кажется, ничем не брезговал. Склад выглядел совсем пустым. Стопка ночных горшков у стенки, несколько разломанных игрушек на полу — и перья, перья...

Шорин вышел во двор, закрыл глаза... И вдруг выматерился. Моня подскочил удивленный.

— Ты что творишь? Тут дети!

— Да... Старую знакомую встретил.

— Что? Та, из прошлого «Маскарада»?

— Она самая. Куражилась как хотела. Веселая, радостная, как пьяная.

— Ребят, — Арина подошла в задумчивости, — что-то тут не то. Прошлый «Маскарад» замки ломал, а тут — открыт аккуратненько.

— А где у вас обычно лежит ключ от склада? — поинтересовался Моня у директора детского дома.

Директор — худая до изможденности женщина одних с Ариной лет — посмотрела на него испуганно.

— У нас тут со сторожами плохо, так что мы решили, — она со всхлипом втянула в себя воздух, — в спальне у старших его хранить, за портретом Ленина. Туда никто не полезет, дети воспитанные. А чужого человека кто-нибудь бы заметил.

— Так, пойдемте к портрету, — решительно сказал Моня.

— А мне бы, — тихо добавил Шорин, — с вашей старшей группой познакомиться.

— Да, пройдемте, я покажу... — мелко закивала директор. — А старшая группа сейчас на прогулку выйдет.

Дети вышли строем. Они не выглядели несчастными — болтали, смеялись, подпрыгивали. Увидав их группку — начали болтать куда громче, показывая пальцами на Шорина.

Моня переговорил с воспитательницей — немолодой женщиной с прямой спиной, та кивнула — и Моня жестом подозвал Шорина.

Арину поразило, как серьезно Давыд разговаривал с детьми. Приседал перед каждым на корточки, то вытянувшись, то чуть сгорбясь, чтобы каждый раз смотреть глаза в глаза. Что-то тихо говорил, внимательно слушал ответ. Несколько раз дал примерить фуражку, а самому бойкому пацану — даже потрогать пистолет.

«А ведь Моня прав — из Давыда получится хороший отец», — подумала Арина. И только тогда заметила, что Шорин с детьми не только разговаривал. С каждым он старался улучшить момент, когда ребенок отвлечется, или заглядится на блестящие пуговицы шоринской формы, или начнет что-то долго рассказывать, — и проводил рукой вдоль спины ребенка. Как тогда с Васько... и с самой Ариной.

Одну девочку Шорин после беседы взял на руки — и отнес к Моне.

— А вот наша пострадавшая, она же невольная соучастница, она же свидетельница. Давай, Жанночка, расскажи про тетю.

— Она такая красивая была, как из кино! — начала Жанна восторженно, от волнения дергая Давыда за туго стянутые резинкой волосы. — Подошла к ограде, спросила, это у меня помада или губы такие яркие. А потом нарисовала меня своей помадой, а потом еще рассказывала про Золушку, только не настоящую, которая про жука пела, а какую-то дурацкую. А потом я ничего не помню, а потом только я оказалась в коридоре, и наш электрик Даниил Иванович меня ругал, что я гуляю, когда все уже в столовой. А тетю ту я больше не видела. Я думала, это я сплю, а потом мальчишки стали смеяться, потому что у меня помада размазалась.

— Вон видишь тетю? — Давыд повернул Жанночку в сторону Арины, — скажи, чем эта наша тетя от той отличается.

— Да совсем не похожа. Эта обычная, а та сказочная.

— Не. Так у нас, дружочек, ничего не выйдет. Давай в подробностях и деталях. Вот

волосы, например.

— У этой они серые и короткие. А у той белые и длинные — как у тебя, дядя.

— Вот молодец! — Давыд поцеловал Жанночку в щеку. — Сейчас дядя Моня подробно запишет все, чем эти тети отличаются. Про волосы, а потом ты про глаза расскажешь, про рост, про одежду... В общем, сейчас будем все про эту тетю вспоминать. Потому что она знаешь кто?

— Фея?

— Не-е-ет. Злая колдунья! А мы ее ловить будем. Как добрые колдуны.

— А разве милиционеры-колдуны бывают?

— Бывают-бывают. Давай теперь про глаза.

Арина стояла, умиленно слушая. Еще никогда допрос свидетеля не был таким трогательным.

Жанна, как маленькая обезьянка, лазала по Шорину. Заплела ему косы, штук пять, не меньше, обцеловала всего, а еще взяла обещание, что он непременно придет еще, причем обязательно с собакой.

Когда с показаниями было покончено, Арина отошла за угол покурить.

— Тварь жирная! — услышала она голос директора.

Конечно, Арина не считала, что все на свете должны ее любить, но услышать такое от едва знакомого человека было несколько неприятно.

— Ой, извините, это я не вам, — директор детского дома подняла на Арину заплаканные глаза. Арина протянула ей папиросу. Та взяла с благодарностью.

— Представляете, звоню в Наробраз, говорю, мол, так и так, ограбили, уже завтра детям есть нечего будет. А они мне — мол, решайте на месте, через неделю-другую что-нибудь придумаем. Тварь жирная! Зажравшаяся мерзкая тварь! Ненавижу! Хуже фашистов! — женщина плакала навзрыд.

— Мне надо с товарищами посоветоваться, кажется, были какие-то резервы на такой случай, — Арина побежала к своим.

Все трое выслушали внимательно. Моня выразительно посмотрел на Давыда. Тот, в свою очередь глянул на Арину. Та кивнула.

— Монь, а хватит там? — нерешительно спросил Шорин.

— Еще как! Я же это... с запасом покупал. Там за один диван наш любимый пять мешков картошки выдали и еще яблок на сдачу.

— Так что мы стоим? Поехали!

Моня с Давыдом уговорили Вазика помочь — тот и не возражал.

Погрузка в Монином сарае и разгрузка на складе детдома прошли быстро и задорно. Директор смотрела округлившимися от удивления и восторга глазами.

Моня отвел ее в сторону.

— Тут еще немного деньгами...

— Что вы, Мануэль Соломонович! Не надо! Детки сыты — с остальным справимся! Она снова плакала, но уже от радости.

Из детского дома выбежала Жанночка.

— Уже вернулся? — спросила она у Шорина строго. — А почему без собаки?

— Извини, не успел за ней заехать.

— Это неправильно, — отчитала она его, — я тебя уже с собакой нарисовала. Вот.

Она протянула Давыду мятый листок. На нем красивый милиционер держал на поводке

большую собаку. Милиционер почему-то был обут в оранжевые тапочки.

— Это я? А что это я в тапочках?

— Ничего ты не понимаешь! Это сапоги. А оранжевый — просто самый красивый цвет. Вот я тебе им сапоги и нарисовала! — она поцеловала Давыда и убежала.

— Умеешь ты, Цыбин, подарки делать, — вздохнул Давыд, когда они возвращались в каретный сарай. — Скажи, Арин, лучший же подарок на свадьбу.

Арина закивала головой.

Вечером Давыд и Моня зашли по старой памяти к Арине выпить по бутылочке пива после работы. Сидеть пришлось на двух чурбаках, притащенных из дровяного сарая. В дверь тихо постучали.

— Войдите, — серьезным голосом произнесла Арина.

— Значит, свадьба отменяется? — спросил Васько, проскальзывая в дверь. Моня развел руками.

— Вот самое обидное. Бражка стоит, аппарат есть, так что в случае чего — напоить могу всю Левантию. А вот накормить — увы.

— Мне тут тетка полсвины прислала... Ну это... — Васько всосал в себя, кажется, весь воздух, что был в комнате, — вы возьмите, в благодарность. Это ж вы нас с Дашей познакомили... И дело вы хорошее сделали.

И это было только начало. Каждый день к Моне, Арине и Давыду подходили сотрудники УГРО и стыдливо предлагали какие-то продукты на свадьбу. Кто-то принес фруктов из своего сада, кто-то — картошки и буряков из запасов...

Рябчики просто позвали Моню на ночную рыбалку с уговором — весь улов пойдет на свадьбу.

И очень жалели, что ни толком засолить, ни завялить рыбу не успеют.

Тут уж Моня взял на себя командование — и показал, как коптить рыбу в железной бочке.

Моня рассказывал подробности ночных приключений всем, кто интересовался, почему все рябчики УГРО так упоительно пахнут копченой барабулькой.

А в пятницу всех троих вызвал Яков Захарович.

— Скажите, ребята, вы не могли бы свадьбу вашу перенести? — начал он без предисловий.

— На сколько примерно? — ответил Моня неохотно.

— Лучше бы на год-другой. Но если совсем невозможно — хоть на неделю.

— Исключено. Люди из других городов приедут, отменять приглашения поздно, неделю их тут мариновать — вообще не дело...

— Моня, ты из меня зверя-то не делай. Я ж только рад за эту парочку, — Яков Захарович кивнул на Давыда и Арину, как будто бы они были где-то далеко, — но сам пойми. Шорин у нас один такой. Лику мы с тобой договорились беречь, до работы особо не допускать, а значит, в воскресенье у вас с Давыдом так и так рабочий день.

Моня кивнул.

— Теперь Арина.

— У меня в воскресенье выходной, — робко заметила Арина, умоляюще глядя на Якова Захаровича.

— Помню, но нет. Не выходит. Потому что ваш научный отдел хуже Особого. Ни одного

ответственного человека. Ваш драгоценный Евгений Петрович записался на какую-то конференцию судмедэкспертов в Москве. Вот, телеграмму прислал. Мол, отбыл на конференцию в соответствии с январскими договоренностями. А я, значит, помни, отпускал я его в январе, или он сам придумал.

— А Таборовские?

— А у Таборовских сегодня ночью дочь родилась. Так что, боюсь, они не выйдут.

— Не выйдут, — эхом ответила Арина.

— Получается — вы оба в воскресенье работаете. И Моня ваш — с вами за компанию.

— Яков Захарович! — лениво протянул Моня. — Ну сами подумайте. Вам точно надо, чтоб мы весь день тут сидели? Или вам важно, чтобы в случае чего мы выехали оперативно?

— Скорее, второе.

— Так свадьба будет в десяти минутах отсюда медленным шагом. Посадим дежурного на телефон, если что — мы мигом.

Яков Захарович хотел что-то возразить, но только рукой махнул.

— В общем, сидите, где хотите, но предупреждаю, криминальный элемент по воскресеньям не отдыхает. Так что горько там или не горько — поедете в свадебное путешествие на место преступления.

— Так точно, — молодцевато козырнул Шорин, пытаясь погасить улыбку от уха до уха.

Свидетели и потерпевшие

— Ты сукин сын, бесчувственный к красоте! — Моня вещал, как со сцены.

К вернувшейся из ванной Арине бросилось на руки нечто, оказавшееся перепуганным Варькой.

К его ошейнику была косо пришпилена бутоньерка.

— Пытался этому охламону красоту навести, так он сопротивляется. Даже вон цапнул, — Моня показал поцарапанный палец.

— А зачем ты ему бутоньерку нацепил?

— Так он это... Член семьи, лучший друг жениха. Куча народу придет, оркестр будет — а тут Варька как шпана бегаёт в одном ошейнике, даже без цветов.

Шпана Варька, сидя на руках у Арины, вилял хвостом и пытался лизнуть ее в лицо.

— Оркестр? Монь, ты палку-то не перегнул? И так денег нет, а ты оркестры заказываешь...

— Ну тоже мне оркестр. Ни разу не джаз Энтелиса. Так, Аркадьичей пригласил за бутылку-другую сыграть.

Аркадьичи еще в Арином детстве считались левантийским курьезом. Руководитель ансамбля, статный седовласый Илья Аркадьевич Муштай, кроме того, что был великолепным кларнетистом, имел еще две отличительные особенности: во-первых, он со всеми был на «вы». Даже приходя вечером пьяненьким и ругаясь с женой, он хоть и матерился, как портовый докер, но исключительно на «вы».

Второй же странностью Ильи Аркадьевича была его святая вера в тайну имени. Он был убежден, что имя, а особенно отчество определяет судьбу человека. Поэтому в свой ансамбль брал людей исключительно с отчеством Аркадьевич (в крайнем случае — Аркадьевна). На музыкальные способности он смотрел во вторую, а то и в третью очередь, так что ансамбль был дружным, приятным в общении, но по части музыки — на большого ценителя.

Чаще всего искусством Аркадьичей можно было наслаждаться на похоронах, иногда — на свадьбах. Арина относилась к ним с той же нежностью городского уроженца, как к нелепому городскому фонтану в виде регулярно перекрашиваемой бетонной девы или к Площадке Райко.

— А жених-то где? — встrepенулся Моня, — у меня для него подарочек, его часть пари.

— Тут я, тут, показывай, что притащил, — раздался недовольный голос Шорина, — и Давыд вышел из своей («нашей» — поправила себя Арина) комнаты.

Арина с Моне́й ахнули... По изысканности Шорин сейчас не уступал даже Моне, хотя был бос и растрепан. Одет он был в шикарный костюм цвета кофе с молоком.

— Откуда такая красота? — присвистнул Моня.

— Яну шили на свадьбу. Моя мама настояла, чтоб жених прилично выглядел, — Белка вошла с горячим чайником, — так что один раз надеванный. Наум Львович подогнал, сказал — на сдачу от платья.

Моня достал из кармана нечто нестерпимо-яркое. Развернул — это оказался шелковый галстук, на котором по желтому фону прыгали оранжевые обезьяны.

— Не, я такой не повяжу, — отпрянул Шорин.

— Ну, братец, — пари есть пари. Я свою часть выполнил, теперь твоя очередь. Я, между прочим, этот галстук аж из Японии привез! Только ради тебя. Так что не наденешь —

сначала обижусь, а потом повяжу его Варягу. Может, он лучше понимает, что такое честь и мужская дружба.

— Отстань от собаки. Я это... — Давыд потупился, вертя чудовищный галстук в руках, — в общем, я не умею все это вязать.

— Понял. Позволь за тобой поухаживать, — Моня принялся деловито завязывать галстук Шорину. — Виндзорский узел, последний писк моды! Кстати, во сколько вы регистрируетесь?

Арина с Давыдом переглянулись.

— А что, там как-то договариваться надо было? — удивленно спросил Давыд, — Я думал, заскочим как-нибудь...

— Да ничего ты не думал, — досадливо вздохнул Моня, — небось, просто забыл.

— Честно говоря, да.

— Ладно, давайте одевайтесь — что-нибудь придумаем. Надо успеть до начала рабочего дня, а то Яков Захарович нам устроит. И, Дава, если ты заправишь эти прекрасные брюки в сапоги — ты будешь глубоко неправ.

Белка достала из шифоньера нечто белое, невесомое, струящееся и матово поблескивающее. Такую роскошь Арина раньше видела только на дивах из трофейного кино.

— Ирочка! Тебе помочь? — Белка поманила Арину в маленькую комнату.

Платье шилось без примерок. Арине недосуг было бегать в ателье, так что она отдала Белке Ликин парашют, а вместо выкройки вручила свой летний сарафан. Но Белка была знакома с лучшим левантийским портным Наумом Львовичем Тома, а он свое дело знал крепко. Платье село как влитое.

Невеста вышла из комнаты походкой королевы. Восторженный свист Мони и возглас Давыда подтвердили: она была в этом платье не просто хороша — великолепна.

Арина никогда не подозревала, что она красивая. Да еще и настолько. Она удивленно, как в первый раз, рассматривала себя. Сзади подошел Шорин — и тоже восхищенно уставился на отражение Арины.

— От вас, конечно, глаз не оторвать, но нам пора бежать, — встрял Моня, — паспорта не забудьте. И это, Дава, звездочку приколи.

Давыд скривил лицо, и Моня поспешил объяснить:

— Понимаю, что раздражает. Но это лучше, чем сидеть в очереди.

И Моня оказался прав. Когда они дошли до загса — там уже скучали три пары. Но Арину с Давыдом пропустили вперед без вопросов.

Девушка-регистратор была какая-то странная. Когда Давыд и Арина вошли — округлила глаза, увидев черный «особый» паспорт Давыда, успокоилась было, но, заглянув в него, снова выразила крайнее удивление.

Впрочем, работу свою выполнила быстро, так что уже минут через десять они вышли из загса мужем и женой.

— Мы так и будем весь день бегом? Можно мне пять минут постоять-покурить? — раздраженно спросила Арина, когда Моня бодро потрусил в сторону каретного сарая.

— О! Хорошая идея! — Моня развернулся на пятках, остановился и достал папиросу.

— Вот запретит тебе муж-тиран курить — что делать будешь? — ехидно спросил Шорин, отмахиваясь от дыма.

— Буду по нему иногда скучать, может, даже поздравлять открыткой с праздниками, — задумчиво ответила Арина.

— Нет, ты слышал, слышал — ей папиросы важнее меня! — запальчиво выкрикнул Давыд Моне

— Бачили очі, що купували, — флегматично отозвался тот. — Арине тоже вот не повезло. Ты теперь, можно сказать, ее жизнь.

— Длинная же у меня жизнь, — смерила Арина Давыда взглядом с ног до головы.

— Зато какая тяжелая... — печально вздохнул Моне.

Из открытого по случаю жары окна загса послышался женский голос:

— Нет, Нюр, говорю тебе — настоящий сумасшедший. В ухе серьга, на шее галстук с обезьянами, — Моне многозначительно поднял бровь, а голос продолжил, — ты бы его невесту видела! Она мне в матери годится и страшна как смертный грех. А потом смотрю — мне два паспорта подают, простой и «особый». Ну, думала, ведьма, очаровала человека. А нет — Особый там он. Точно сумасшедший!

У Давыда на скулах заиграли желваки.

— Дава! Умоляю! Тебе еще работать! — Моне бросился к другу.

— Я вежливо, и мутить не буду, — прорычал Давыд, одним махом запрыгивая в окно.

Через минуту из окна донесся голос Шорина. Говорил он негромко, сжав зубы, даже не говорил, а утробно рычал:

— Девушка! Вы не будете столь любезны извиниться перед моей женой?

Тут же в окне появилась голова регистраторши.

— Извините, — сказала она в сторону Арины, громко икая.

До каретного сарая шли молча. Настроение было не праздничное. Арина иногда украдкой посматривала на Давыда — и пыталась понять, изменилось ли что-нибудь от того, что в их жизни появился листок желтой бумаги с тусклыми машинописными строчками и расплывающимся фиолетовым штампом.

Вот этот человек рядом — не просто коллега, друг, любимый — а муж. На всю жизнь. Его или Арину — как получится.

А как дошли до УГРО — потек обычный рабочий день. Ну разве что юная практикантка вскрикнула, увидев Арину в свадебном платье, выходящую из морга. И Клим Петрович, столкнувшись в коридоре с Шориным, прочел ему лекцию о недопустимости буржуазных обезьянок в образе сотрудника уголовного розыска. Равно как длинных волос, серьги в ухе и порванного под мышкой пиджака.

Шорин, как всегда, пропустил слова Клима мимо ушей, хотя пиджак все-таки зашил — на живульку, небрежно — но лучше, чем с дырой ходить.

В обед Моне посмотрел на часы и сказал, что у Давыда с Ариной есть ровно час, чтобы сходить домой, привести себя в идеальный вид — и выйти к гостям.

До дома они бежали, взявшись за руки и хохоча, как два школьника, удравшие с уроков. А дома — целовались без конца, как после долгой разлуки.

— Братцы! Не задерживайте церемонию, вас все уже ждут, — они не заметили даже, как в комнату вошел Моне.

— Ох! — зашедшая за ним Белка всплеснула руками. — Ирочка, да что ж ты с непокрытой головой? Нехорошо это, не по-человечески.

Она принялась рыться в шкафу. Где-то в самой глубине скрипучего рассохшегося ящика раскопала нужное — и торжествующе вытянула на свет стопку белых кружев.

— Моя фата. В ней за Яна замуж выходила, — она накинула фату на Арину, — а хорошо, тебе идет.

Тяжелые кружева легли вокруг лица, как рама портрета, придавая Арине сходство с дамами прошлых эпох.

Она подала Давыду руку — и парой спустились вниз.

Арина выскочила из темной парадной — и зажмурилась. Солнце светило невозможно ярко.

Накрытые скатертями всех мастей столы, выстроенные друг за другом, змеились по всему двору. Скамейки из стульев с перекинутыми между ними досками повторяли траекторию столов. Между деревьями были протянуты веревки с цветными флажками и бумажными цветами.

Женщины бесконечной вереницей несли с летней кухни на столы все новые и новые блюда, кастрюли, тазы и супницы. Мужчины деловито расставляли бутылки. В углу под навесом сыгрывались Аркадьичи — помимо самого Муштая, присутствовали аккордеонистка Алла Аркадьевна, гитарист Лев Аркадьевич и барабанщик Кузьма Аркадьевич, брендмейстер в отставке.

Звуки отражались от стен дома, множились и улетали вверх, в кроны деревьев, а оттуда — к солнцу.

У Арины закружилась голова от этой яркой, шумной, нереальной картины. Она закрыла глаза.

— Качинская! — раздался резкий голос Александра Зиновьевича.

Ну вот и все. Сказка кончилась. Пора просыпаться — и на смену. На войне сны всегда такие и были — яркие, длинные, про счастливую мирную жизнь, про любовь...

Арина помотала головой и открыла глаза. Левантийский двор со столами, нелепыми флажками и веселыми лицами друзей и коллег никуда не делся. А Александр Зиновьевич, несколько располневший и полысевший, стоял рядом и протягивал Арине букет.

— Прекрасно выглядишь, Качинская. Можно тебя на пять минут для приватной беседы?

Арина вопросительно посмотрела на Давыда, тот поморщился и кивнул.

— Ты понимаешь, во что ты вляпалась? — спросил Александр Зиновьевич, когда они отошли в сторону и достали папиросы. — Ты хоть знаешь, чем этот проходимец зарабатывает на жизнь?

— Мы коллеги.

— То есть ты тоже этим промышляешь? Никогда бы не поверил.

— Промышляю чем? Александр Зиновьевич! Раньше у вас не было привычки говорить загадками.

— Этот твой жених явился ко мне где-то в апреле, мол, посмотрите, что там со мной, а то друзья волнуются.

— Я его к вам направила.

— Не сбивай меня, я сам собьюсь. И так между делом спрашивает: «А вот если я женщину прокляну на бесплодие, ну, чтоб детей не было, — ей от этого что будет, кроме отсутствия всяких волнений и неприятностей?» Каков вопросик! Я, конечно, его порасспрашивал — и сдается мне, что он затеял нехорошее дело. Предлагает дамам проклятье в качестве средства от детей. Ну, я ему вкратце обрисовал все, чем чревато такое «народное средство», он аж побледнел и срочно попрощался. Так что ты смотри, как бы благодарные клиентки вас обоих не растерзали.

Арина рассмеялась от облегчения.

— Александр Зиновьевич! Вы опять все не так поняли. Я вижу Давыда на работе

каждый день — на такой промысел у него не хватило бы ни сил, ни времени.

— Дай-то бог, — вздохнул Александр Захарович, — дай-то бог...

Тут на них накинута Белка, погнала Арину за стол, а Александра Зиновьевича вовлекла в поток воспоминаний о совместной учебе.

— Так ты все это сделал из-за того, что Зиновьич тебе наговорил? — шепнула Арина Давыду, когда они сели во главу стола.

— Что «это»? А... понял. Ну да. Страшно за тебя стало.

— Ну ты б хоть предупредил.

— Надеялся дождаться момента, когда ты сама заметишь. Но не выдержал. Что поделывать, если угораздило влюбиться в чертовски привлекательную дамочку.

Арина вздохнула и погладила его по плечу. Без спросу решить ее судьбу для ее же блага — в этом был весь Давыд.

Свадьба шла своим чередом. Пили, пели, кричали «Горько!», гомонили на все лады.

Постоянно кто-то приходил, кто-то уходил, каждому вновь пришедшему доставалась тарелка наваристого борща («Мама говорит — они три ведра сварили», — шепнул Шорин). С каждым надо было поздороваться-попрощаться, выслушать поздравления, перекинуться парой слов. Это напоминало сон, где чередой проходят перед глазами знакомые, полужаномые и вовсе незнакомые лица.

— Позвольте вас ангажировать! — Ангел в сияющей парадной форме встал у Ариного плеча. Арина оглянулась — музыканты играли что-то явно не танцевальное. Возле Шорина в такой же приглашающей позе стоял Моня. Арина нашла глазами Якова Захаровича. Тот развел руками: мол, он предупреждал.

Во дворе уже стоял катафалк — и Белка быстро, но интенсивно пихала Вазику пироги, рыбу и борщ в стеклянной банке.

— В общем, труп у нас. Лежал на чердаке. Зимой там белье сушат, а летом почти никто не ходит. Мальчишки обнаружили. Мужчина, больше ничего не знаю.

— Ну, уже что-то, — улыбнулась Арина.

Попав в прохладную полутьму катафалка, она наконец-то смогла сосредоточиться.

— А ты теперь мой муж, — удивленно произнесла она, глядя на Давыда, как в первый раз.

— А ты — моя жена, — так же удивленно ответил он.

— Муж.

— Жена.

Оба засмеялись.

— Приятно видеть, что вы разобрались, кто из вас кто, — усмехнулся Моня.

Может, люди тот чердак почти не использовали, а вот голуби облюбовали давно и прочно. Пол казался белым от обилия свидетельств их присутствия. Арина сначала пыталась идти аккуратнее, чтоб не запачкать прекрасное платье, но потом поняла, что бесполезно. Шорин все-таки заправил свои пижонские штаны в сапоги. Моня поглядывал на него с некоторой завистью, с его лакированными туфлями такой фокус бы не прошел.

Труп лежал у самого окна, так что был освещен солнцем, как актер на сцене. Арина глянула ему в лицо — и почувствовала, как по коже пробежал холодок.

— Пиши, Ангел! Мужчина, родился 16 марта 1922 года. Особый, воздух, пятерка. На правом боку шрам длиной восемнадцать сантиметров...

— Вы это прямо под пиджаком видите? — Ангел округлил глаза.

— Я сама ему этот шрам организовала, — пожала плечами Арина.

— О! Опять знакомый, — пробурчал под нос Моня.

— Левантия — город маленький, — вздохнул Шорин, — а может, ты еще и знаешь, кто все это сделал? Были у него недоброжелатели?

— Более того, я слышала, как один человек назвал его своим первым врагом и обещал убить, — ответила Арина спокойно.

— О! Кто же это?

— Ты. Разреши представить, перед тобой Глазунов Анатолий Степанович.

— Тот самый Глазунов, который... — Шорин автоматически провел рукой вдоль спины Арины, как будто проверяя, не появилось ли там снова проклятье.

— Он самый.

— Не, ну это не я... Я с ним и познакомиться-то не успел, — растерянно промычал Шорин.

— А вот это ты прокурору расскажешь, — ответил ему Моня, сделав зверски серьезное лицо.

— Монь, он тоже желтый, как та девушка...

— Я тут поднял прошлогоднее дело, еще апрельское. Помнишь, наверное, — тоже был такой же желтый. Его потом опознали — тоже особый был, земля, троечка.

— И все то же самое... — Арина нагнулась к труп, привычно становясь на колени.

Шорин успел кинуть на пол свой пиджак — и чудесное платье почти не соприкоснулось с грязным полом.

— Значит, пришел он сюда сам. Вон там след остался, вот тут на подошве это самое... Пришел и помер, — Арина уже откровенно злилась, — и был он тут совсем один. Как это объяснить — не знаю. Лежит дней пять, при этом — ни одного насекомого. Брезгают они им, что ли?

Она жестом пригласила Шорина.

— Моня! Фонишь, — крикнул он, закрыв глаза и сосредоточившись. Моня отошел в другой угол чердака.

— Моня, христом-богом прошу, отойди ты наконец! Фонишь, как скотина. Если не сдвинешься, сделаю больно.

Моня пожал плечами, но отошел уже совсем далеко — на лестницу.

— Да твою ж мать, Цыбин! — рыкнул Давыд, резко ударив локтем за спину. Арина взвыла — удар пришелся ей по ноге.

Давыд распахнул глаза и вскочил, как на пружинах.

— Прости, прости! — он обнял Арину. — Сумасшествие какое-то, мне показалось, что ты фонишь. Причем здорово так...

— Это не я, — Арина потупила глаза, — это он...

Она взяла руку Шорина и положила себе на живот. В этот момент ей показалось, что внутри как будто бы маленькая рыбка плеснула хвостом.

— Ой... — Давыд расплылся в улыбке, — а ничего он так... неслабенько... Монь! Иди сюда, глянь, какой мужик крепкий растет... Дракон!

— Если ты не заметил, мы тут немного по делу, — лениво отозвался Цыбин, но подошел: — Арин, можно?

Он протянул руку к Арине и зацокал языком.

— И правда, силен, папаша, — Моня дурашливо хлопнул Давыда по спине. — Работай давай, вот выгонят тебя за тунеядство — на что будешь пеленки-распашонки покупать?

— Так отойдете вы... трое?

— И я? — подал голос Ангел, сидевший на окне поодаль и в разговоре участия не принимавший.

— Ты — как хочешь.

И Шорин снова склонился над трупом, закрыв глаза.

— Зря вас только гонял — опять все чисто, — объявил он через минуту. Остальные только вздохнули.

— А что его на чердак этот грязный потянуло? — рассуждал Моня в катафалке. — Что у него там за дела были?

— На крышу, наверное, хотел. Он страстным голубятником был, — ответила Арина, — даже бредил своими птицами. И письма мне писал — на полстраницы просьбы его простить, остальное — про то, какие у него на голубятне живут «монахи», «крымчаки» и даже «спартаки».

— Значит, забежал на чердак голубей проведать, увидел что-то и помер внезапно... — Моня выглядел ошалело — у него явно что-то с чем-то не стыковалось.

— Забежал — неверное слово. Еле заполз, периодически падая и обтирая стены, — ну, судя по одежде. Но все сам. Запаха алкоголя нет, но шатало его изрядно. Еще проверю, что в желудке, — Арина задумчиво курила, не замечая, что пепел падает на платье.

Она попыталась представить себе походку, которой забирался на чердак Глазунов. Получалось похоже на то, как ходил в марте Кодан.

— Монь, похоже, тут не алкоголь... Тут другое. Сдается мне, Михал Вазиков наркотиками торгует — и этому продал. Ему нужно. У него болело... Этим сейчас Васько занимается, можешь детали спросить.

Арина вкратце рассказала про странное поведение Кодана (назвав его своим кладбищенским знакомым), про намеки Михала, про свои соображения.

— Ну тогда все сходится, — улыбнулся Моня. — Вот скажи мне как медик: может быть вещество, отнимающее особую силу?

— Это не ко мне. Спроси у Александра Зиновьича. Кстати, откуда он взялся на свадьбе?

— Ты мне ни одного адреса не дала. Так что сел, вспомнил всех, кого ты упоминала, — и пошел сначала в прокуратуру — ну, ты знаешь, я там до войны работал, у меня там своих много осталось, потом по другим инстанциям... В общем, кое-кого нашел. Напомни — я тебе письма отдам, которые мне написали. Нинка твоя в Сибирь к мужу уехала, пишет, там холодно, но весело, вон, третьего ждут. Просит у тебя прощения, но за что — не пишет. Байгиреев с Баймухановым теперь в одной квартире живут. Их соседи путают. Написали, сами не приедут, но обещали при случае прислать барана. Не знаю уж, живого или нет...

Моня еще долго описывал жизнь Ариных знакомых. Арина удивлялась, как, оказывается, много людей она знает. И что странно — они не забыли ее.

Внезапно она осознала, что не чувствует ставшей уже привычной звенящей пустоты вокруг и внутри. Мир был заполнен людьми, домами, животными — и все они создавали плотную, толстую ткань бытия, в которой было идеально подходящее место для самой Арины. Это было похоже на... счастье? Наверное. Арина не пыталась подобрать слово, чтобы описать, что происходит с ней.

У нее есть муж, зимой будет сын, есть жилье, семья, любимая работа... Есть целый

большой мир вокруг.

— Если бы мне кто-нибудь сказал, что я буду ехать в катафалке с трупом незнакомого мне человека и смеющейся невестой, я бы решил, что говорящий бредит, — улыбнулся Мона, — но вот ведь, все на лицо. Ах да, еще жених весь в перьях и голубиных приветах.

Давыд снял пиджак и попытался его отчистить.

— Сейчас до каретного сарая дойдем, у меня там щетка есть, но, боюсь, даже она не справится, — вздохнул Мона. — Нельзя тебе, Давыд, приличные вещи давать.

— А что до сарая? Нас, между прочим, гости ждут, — Шорин, кажется, пропустил мимо ушей большую часть слов Мони.

— Ну, если хочешь, иди к гостям. А нам с коллегами надо всю документацию оформить. Арина Павловна вот, небось, еще захочет в морге себя проверить...

— Убедил. В УГРО — так в УГРО, — смиренно кивнул Шорин.

Но спокойно заняться бумажной работой им не дали. Прямо на пороге их ждал дежурный рябчик с сообщением о втором, а возможно, и третьем трупе.

— Страсти, как в кино! — обозначил он суть преступления. — Значит так, на лакокрасочном есть девушка, Клара Марихина.

— Симпатичная, — промурчал Мона.

— В том и проблема. В нее в один момент времени влюбились два человека: химик Снятковский и бухгалтер Шенгелия. Бухгалтер, кстати, еще и Особый, правда, всего второго ранга. В обед между ними случился конфликт с матерной руганью и зуботычинами. А после обеда оба пропали. Вообще. Дома не появлялись, на работе — тоже. Надо ехать выяснять.

— Спасибо, съездим, — Мона вздохнул, — не дают насладиться свадьбой... Я бы вот только за это сажал.

Как только тело Глазунова перенесли в морг, катафалк снова отбыл на место преступления. Уже начало смеркаться, но лакокрасочный завод можно было бы найти и в полной темноте — по запаху.

— Выдержишь? — заботливо шепнул Давыд.

— Приятно пахнет, не розы какие-нибудь, — вздохнула Арина, — вот так бы ходила вокруг и нюхала.

— Хочешь, буду водить тебя сюда на прогулки? — улыбнулся Давыд.

Задний двор, где в последний раз видели обоих пропавших, был изрядно затоптан, так что Арине делать было особо нечего. Ангел опрашивал свидетелей, Мона — утешал роковую женщину Клару.

Давыд тоскливо бродил по двору.

— Иногда хочется начать курить, чтоб не торчать без дела, — вздохнул он. Рядом тут же возник Мона.

— Тебя папироской угостить или работы подкинуть? Клара говорила, мол, Снятковский просто матерился, а вот Шенгелия — проклятьями сыпал. Типа «чтоб тебе повылазило». Конечно, двойка — это несерьезно, но проверь, чисто на всякий случай.

— Попробую. Не верю я, чтоб он серьезно, но давай вы с Ариной покурите где-нибудь подальше отсюда, а я посмотрю.

Арина с Монею отошли. Давыд, казалось, продолжил бесцельно шататься по двору, но по тому, как сошлись его брови, по капелькам пота, выступившим на лбу, Арина понимала, что все не просто так.

Она попыталась привычным жестом поправить очки — и только тут поняла, что видит

каждую морщинку на лбу Шорина без всяких очков.

— Монь! Вы надолго мне новые глаза сделали? — толкнула она Цыбина в бок.

— Что? А, нет. В полночь новое платье твое обратится в старое и бедное, лошади станут мышами, кучер крысой, а карета — тыквой.

— Ну вот... А я только во вкус вошла.

— Особые воздействия, — нудным голосом диктующего учителя начал Моня, — делятся на временные, требующие регулярного возобновления либо полного прекращения, и перманентные. Большинство перманентных воздействий слабообратимы и приводят к плохо учитываемым последствиям как для объекта, так и для субъекта особого воздействия.

— Ну вот, а я думала — вы чудеса творите...

— Вот уж чем никогда не занимались... — Моня пригляделся. — Он что-то нашел, пошли.

Давыд, не открывая глаз, уверенно шел куда-то вглубь двора. Моня указал в ту сторону первому встречному:

— У вас там что?

— Склад готовой продукции.

Давыд почти уперся в дверь склада — Моня едва успел подбежать и распахнуть ее перед ним. Давыд решительно дошел до одной из бочек — и остановился.

— Тут, — выдохнул он.

Моня, не говоря ни слова, всем телом ударился в бочку и опрокинул ее. Полилась густая синяя краска, а потом показалась человеческая рука.

— Одного, кажется, нашли, — мрачно сообщил Моня, счищая синие брызги с костюма.

— На лице и руках — ожоги, на вид — кислотные, — Арина попыталась оттереть краску первым, что попало под руку — подолом платья, — судя по форме и расположению — плеснули на него кислотой. Дальше расскажу уже в морге.

— Ну что, Шенгелию обнаружили, осталось найти Снятковского... Хотя... есть мысль, — Моня удалился в задумчивости.

Найти Снятковского оказалось нетрудно. Когда Клара узнала, где и в каком виде был обнаружен Шенгелия, она честно призналась, что выдала Снятковскому ключи от своей комнаты. Он наплел бедной девушке с три короба, мол, Шенгелия навел на него порчу — и если не спрятаться, бог его знает, что случится.

Кино получилось негодное, только писанины прибавилось. «Еще и Клару теперь утешать», — вздыхал Моня.

— Ну вы живописны, — присвистнул Ангел, разглядывая товарищей. Его форма по-прежнему сияла чистотой, а вот на одежде Давыда, Арины и, в меньшей степени, Мони грязь с чердака причудливо смешалась с краской.

Добрый Вазик попытался было почистить их бензином — но вскоре осознал тщетность попыток.

— Эх, собиралась платье перекрасить в какой-нибудь синенький или там желтенький — и носить, — вздохнула Арина.

— Да будут у тебя еще платья, обещаю, — обнял ее Давыд.

Бумажная волокита заняла не так много времени. Даже Шорин снизошел до того, чтоб накарбать пару строк кривым почерком. Можно было возвращаться к гостям.

Двор выглядел волшебным. Моня раздобыл где-то множество электролампочек, покрасил

их в разные цвета — и скрутил в гирлянду. Двор светился, как танцплощадка.

За столами уже почти никого не было. Пара спящих пьяных, целующаяся парочка — остальные, кажется, разошлись.

Белка выбежала встречать.

— Дети, вы ели? — сурово спросила она вместо приветствия, — Дода, ты можешь вообще помереть с голоду — твое право, но жену накормить обязан! Сидите здесь, сейчас принесу вам поесть.

Тут же перед ними возникли две тарелки борща, картошка, рыбка, еще что-то...

— А что Варяг меня не встретил? Как не родной? — доев борщ, удивился Давыд.

Из-под стола раздалось виноватое поскуливание. Варька лежал, не в силах пошевелиться, виновато вилял хвостом и, придерживая лапками набитое тугое брюшко, очень сыто икал.

— Ну хоть ты повеселился, — вздохнул Давыд.

Похмелье

Судя по кислым похмельным лицам сотрудников УГРО на следующий день, свадьба удалась. Все говорили вполголоса, жаловались на головную боль и страдали.

Моня, сменивший серый костюм-тройку на не столь великолепную пару, снабжал всех желающих аспирином и ценными советами.

Арина же сидела в прохладной полутьме морга и смотрела на Глазунова. Пухлые губы, черные брови вразлет, вьющиеся темные волосы... Совсем еще малышка, по большому-то счету. Ее ровесники в этом возрасте еще гоняли в футбол, бегали на танцульки, строили планы на настоящую взрослую жизнь...

Арина ощупала шрам на боку у Глазунова. Синюшный, кривой... Не до красоты тогда было. Она провела скальпелем по рубцу. Все зажило. Могло начать снова гноиться, могло пойти заражение, но нет, повезло. Хорошая работа.

— Ты опять поешь про пыль? — голос Шорина за спиной заставил ее подпрыгнуть.

— Не врываись сюда внезапно, пожалуйста. Я привыкла, что контингент здесь тихий, молчаливый. Лишние звуки пугают.

— Ты мне зубы не заговаривай. Если ты пела про пыль — значит, что-то плохо. С тобой или с малышом?

— Да все хорошо, просто задумалась.

— О чем?

— Вот видишь здесь? Все чистенько, гладенько, красота...

Давыд поморщился — у него явно были другие представления о прекрасном.

— Предположим.

— В общем, тогда там был вот такой ком из гниющего мяса. Еще немного — перитонит. Или заражение крови. И одно другого совсем не исключает. В общем, повезло мне. Вовремя попался.

— Ну и хорошо, что ж грустить? Ты молодец, и вообще кучу народу спасла. Мне твой Зиновьич знаешь, сколько про тебя напел?

— Да не в том дело. Просто получается, что вот эта вся работа — а мы часа три возились, не меньше — зря. На четыре года... Да портной не будет костюм шить, если ему сказать, что через четыре года его изделие на помойку выкинут...

— Ага, а если сказать пекарю, во что его булка превратится после того, как ее съешь, он вообще с ума сойдет.

— Да ну тебя, дурака.

— Арин, это был взрослый мужчина. Ты сделала свою работу — правильно, хорошо, на совесть. Как он ей распорядился — уже не твоя печаль.

— Да если б на совесть... Говорю — повезло. Понимаешь, полевая медицина — это и не медицина вовсе. Задача врача — чтобы человеку, которому сейчас плохо, стало назад хорошо. А задача военного врача — вернуть боевую единицу на позиции... И что там будет, когда война закончится, — не наше дело. Вот мог тот же Глазунов прийти домой — да и превратиться за год-другой из человека в развалину.

— Ну, слушай, это война. Я там тоже не цветочки нюхал.

— Ну, ты хоть своих не калечил...

— Калечил и убивал. Знаешь Изюм?

— Есть такой городок. Недалеко от столицы. Все, что я о нем знаю...

— В общем, было дело — ударила мне вожжа под хвост, что там можно прорваться...

Себя убедил, еще троих драконов... И каких — я при каждом из них Вторым за честь почел бы служить... Шурик Ланин — умничка, ленинградский интеллигент, все книжки пересказывал... Алият Асвацатурова. Женщина-огонь. Я в нее чуть не влюбился... и Боря Батыршин — человек серьезный, немолодой уже. Каждого убедил. Даже Моню вот почти убедил. Кое на кого из высшего командования матом наорал, когда меня выдернули за шкуру и спросили, куда я, дурак, лезу...

В общем, пробили мы там щит. Вчетвером-то. И день держим дырку, мол, проходите, ребята. Нормально, продвигаются наши... А ночью мы чуть дальше нос сунули — а туда уже десяток немецких драконов свезли. Мне бы сказать, мол, извините, обосрался, отступаем, пока целы. Но все уже в азарте... В общем, из десяти ихних и четверых наших выжил один. Я. И то — спасибо Моне. И вот из этих троих дети были только у Борьки... Так что я считай, одним махом две ветви драконьи зарубил... Янеку, как вырастет, воевать тяжелее будет...

— Янеку?

— Ну, нашему сыну.

— В смысле, Павлику?

— А Павлику-то зачем? Вот представь, серьезный человек, дракон, на коне... И Павлик. Ну не бывает таких Павликов.

— А Янеки бывают?

— У него дедушка был Ян.

— А другой — Павел.

— Но Ян звучит лучше. Гордо, мощно... Мужское имя.

— А Павел — благородно.

— Я сказал — Ян.

— А я сказала — Павел!

— Ян!

— Павел!

Они еще какое-то время так переругивались в прачечной, потом — на улице, пока Арина курила очередную папиросу, потом, продолжая препираться, ввалились в приемную.

Посетитель, сидевший в приемной, круглолицый мужчина лет пятидесяти, поднял на них глаза — и вдруг затрясся.

— Дракон! Ты еще не сдох! — произнес он с ненавистью в голосе. Шорин мило улыбнулся:

— Сдох. Я его сын. Евгений Львович, если не ошибаюсь?

— Да, вы правы... Как вас там... Янович, — посетитель явно был смущен.

— Давыд. Через Ы.

— Не буду говорить «очень приятно», чтоб не врать.

— Взаимно.

Арина переводила взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что происходит.

— Познакомься, Арин! Легендарная личность. Простой прапорщик, ординарный, чуть не убивший настоящего дракона в восемнадцатом году под Екатеринодаром! И только разорвавшийся рядом снаряд не дал ему закончить начатое. А дальше — сюжет. Кто-то что-то перепутал, ты же понимаешь, Гражданская, сложно понять, кто есть кто, — и оказались

они в госпитале на соседних койках. Так и познакомились. Ну, имена друг друга узнали. Насколько я знаю, Евгений Львович получил на память о тех славных временах трясущиеся руки и параноидальную ненависть к драконам.

— Правду ли говорят, — он вежливо склонился в сторону посетителя, — что вы даже книгу написали про рыцаря, убивающего в одиночку сразу троих драконов?

— Одного, но трехголового.

— Мило. Надеюсь, сюда вы пришли не по мою голову? Прошу прощения, у меня последняя.

— К сожалению, все куда банальнее. У меня украли чемодан.

— У-у-у-у... Ну, это не ко мне.

— Ну да, приносить пользу — это так не по-драконьи... Арина решила вмешаться в этот обмен любезностями.

— Напишите, пожалуйста, заявление о пропаже. Подробно: где украли, что украли, при каких обстоятельствах. Если в чемодане были вещи, которые вы сможете опознать — опишите их подробно.

Она скосила глаза на его пляшущие руки.

— Если вам тяжело писать, давайте я запишу под вашу диктовку.

Евгений Львович отмахнулся и принялся что-то карябать карандашом на придвинутом Ариной листе.

Когда Давыд и Арина вышли на крыльцо, Шорин вздохнул:

— А знаешь, я к этому старому пню чуть обниматься не полез.

— С чего бы вдруг?

— Во-первых, он избавил меня от твоих препирательств. А во-вторых, он из рассказов моего отца, а значит — как будто его частичка. Ну...

Шорин сделал неопределенный жест рукой, явно не находя слов.

— Я понимаю, — вздохнула Арина, погладив его по руке.

А через два дня все УГРО провожало Лику в Воронеж.

Ей пришло официальное письмо: новой улице города решено было дать имя единственной дочери Лики.

Арина помнила Олю — та иногда заходила к матери на работу.

Ординар, дочь Воздушной, она с детства мечтала о небе. В семнадцать лет пошла в первый левантийский аэроклуб. Хотя была девочкой неспортивной, даже пухленькой, — окончила его с отличием. Лика говорила, с утра до ночи тренировалась, слишком уж мечтала о небе. «Сама виновата — когда она маленькая была, катала ее на венике, чтоб не плакала», — смеялась Лика.

«Лика тогда смеялась», — удивленно вспомнила Арина.

Уже в девятнадцать Оля гордо носила звание пилота гражданской авиации — и, счастливая, рассказывала, как с кукурузника посыпала удобрениями колхозные поля.

А в сорок первом Олю зачислили в авиационный полк. Позывной она выбрала себе «Сурок» — в честь игрушки-талисмана, которую всегда брала с собой.

Дальше все знают из газет: про ночные вылеты, про орден Красного Знамени, врученный Оле еще в 1942-м. Про то, как в 1944-м над Польшей вражеский истребитель сбил Олин бомбардировщик, и как ни у нее, ни у ее штурмана не оказалось парашотов — место для них заняли дополнительные бомбы.

И сшитый Ликой тряпичный сурок размером с палец не помог, не спас...

А вот теперь — улица Ольги Поволоцкой. Лика смотрела на всех так, будто еще раз потеряла дочь. Арина не могла представить, каково это — пережить своего ребенка. И грустно думала, что такое предстоит Белке. А может быть, и ей самой. «Шорины до сорока не доживают».

Она обняла Лику на прощание.

— Ты что, я же вернусь скоро, — скороговоркой буркнула Лика, — еще до пятого трупа...

Арина, как всегда, не стала уточнять, что она имеет в виду.

— Поехали в музей? — Давыд подал Арине руку калачиком.

— Как мило! Обычно, сначала ходят по театрам и музеям, потом — женятся, потом детей заводят, а у нас как-то все в обратном порядке, — улыбнулась Арина, но руку приняла.

— Ладно тебе. Там «Маскарад» похозяйничал...

— Ну вот. Никакой романтики.

— Только работа, работа и еще раз работа, будь она трижды счастлива.

В катафалке атмосфера стояла похоронная. Моня был печален и задумчив, Ангел отвернулся к окну.

Арина с Давыдом не стали мешать коллегам хандрить. Шорин уснул, привалившись в уголке, а Арина отодвинула фиолетовую шторку и рассматривала улицы, по которым проезжал катафалк.

За последний год город здорово изменился. Часть плешей на месте разрушенных домов застроили, часть — просто прибрали, превратив в аккуратные то ли скверики, то ли палисадники, и их уже освоили дамы с младенцами и собачками. Катафалк затормозил, пропуская колонну детишек.

Арина заметила на скамеечке чуть поодаль Кодана. Он сидел и задумчиво кормил птиц, не замечая окружающих. Сердце у Арины дрогнуло — он выглядел очень одиноким и потерянным.

Катафалк тронулся, и Арина почти сразу забыла про Кодана.

Как ни странно, катафалк привез их не в картинную галерею, где выставлялись работы не только местных самородков, но и известных мастеров (а гордостью коллекции был автограф Репина на салфетке местного ресторана). И не в Музей революции, бывший Исторический, где демонстрировались, в том числе, «предметы обихода эксплуататорских классов», например собольи шубы и брошки с жемчугом.

Они остановились возле любимого музея Арины — Музея человека.

До революции это было частное собрание одного чудаковатого профессора, который побывал однажды в Кунсткамере и загорелся идеей сделать в Левантии нечто похожее. Он скупал экспонаты в России и за рубежом, а некоторые создавал сам, украшая препараты кружевами, цветами и насекомыми в духе доктора Рюйша.

Мечтая познакомить каждого — грамотного ли, нет ли — жителя Левантии с чудом человеческого тела, он создал множество экспонатов, с которыми можно было как-то взаимодействовать. Весы, которые показывали, сколько таких, как ты, надо, чтобы собрать одного слона, — и сколько надо мышей, чтобы собрать одного тебя. «Стеклянного человека», в которого можно было грушей закачать подкрашенную воду — и смотреть, как кровь течет по кругам Гарвея. Картины, изображающие, сколько продуктов съедает человек за свою жизнь: хлебные поля, стада коров, озера воды.

Арина в детстве обожала этот музей. К тому же, родители любили рассказывать, что познакомились возле заспиртованного эмбриона с двумя головами. На каждую головку создатель музея заботливо надел по кружевному чепчику. Так что когда Арина слышала про «Купидона — маленького божка, соединяющего влюбленных», она представляла именно этого уродца в банке.

Моня остановился у дверей музея выкурить папироску.

— Опять, небось, жулики нашими руками недостачу покрывают. Ну что, что может быть нужно «Маскараду» в этом музее?

— Там касса есть, с деньгами... — махнул рукой Ангел. — За вход рупь дерут, набегает.

— Мелковато для «Маскарадов», — вздохнул Моня, — даже для новых.

— У них там спирта много. Куча препаратов, каждый — в спирту выше головы. Спирт от этих препаратов красится, так что его время от времени меняют, — подсказала Арина.

— Еще он испаряется, а бывает, что проливается. Я год пороги обивал, чтобы мне выделили спирта, — и вот, наконец, добился. А толку? Только получили — тут же и украли, — раздался тихий высокий голос.

Говоривший был на голову ниже Арины и Мони, а Шорина — так на две. Худенький, узкоплечий, он напоминал бы ребенка, если бы не седые волосы и глубокие морщины.

— Соломон Исидорович Эрлих, директор музея, — представился он, — а вы, полагаю, уголовный розыск? Давайте я вас напою чаем, а потом приступите к делу.

— Некогда нам чай гонять, — пробурчал Ангел.

Арина строго на него посмотрела. Все-таки над манерами этого бывшего жулика предстояло еще работать и работать.

— Простите моего коллегу, Соломон Исидорович, молод, горяч, рвется в бой. Но в чем-то он прав: чем меньше людей пройдет по месту преступления — тем лучше будут следы, — куртуазно улыбнулся Моня.

— Так музей закрыт до понедельника. Спирт — дело небыстрое. Старый слить, новый залить, экспонаты, если надо, очистить от плесени и прочего... Вот и прикрыли. Так что сегодня, кроме меня, никого нет.

— Тогда чай! — решительно выкрикнул Цыбин.

В маленьком уютном кабинете Эрлиха со шкафов пристально глядели бюсты неандертальца, Ленина и основателя музея. Соломон Исидорович кипятил чайник на буржуйке, расставлял стаканы, жестянку с чаем, треснутую сахарницу с сахарином, сухарницу с галетами, а сам рассказывал об истории музея в общем и о каждом экспонате отдельно.

Арина не преминула упомянуть родителей и двухголового младенца в чепчиках.

— Мы его ласково называем Васенькой, — признался Эрлих, — он практически талисман нашего музея.

— Кроме спирта, что-нибудь еще пропало? — деловито спросил Ангел.

— Пропало? — Эрлих встрепенулся, как будто его только что разбудили. — А... Вы знаете, да. Очень странная история — из всех экспонатов пропал только один. Скальпель из диорамы «Урок анатомии доктора Рюйша». Вещь, конечно, ценная — подлинный инструмент восемнадцатого века, но вряд ли его можно кому-то продать, кроме узкого круга коллекционеров.

— Раз уж о деле заговорили, — вздохнул Моня, разомлевший от чая и музейных историй, — может, подскажите, как часто вы меняете спирт в экспонатах?

— Раз в несколько лет. В последний раз меняли в сороковом, ну вы понимаете, потом не до того было. Но сейчас — очень важно сменить, иначе возможны невосполнимые утраты. Взять, например, замечательный экземпляр раковой опухоли, вырезанный и декорированный самим основателем музея...

— То есть получается, кто-то знал, что у вас будет спирт, и пошел к вам в музей целенаправленно? — перебил его Моня, не пожелав дослушать историю раковой опухоли.

— Да все знали. То есть все сотрудники музея, постоянные посетители — мы из причины закрытия тайны не делали. В Спиртпроме тоже знали... В горсовете.

— В общем, все, кроме нас, — задумчиво произнес Моня. — Ладно, товарищи, к делу!

«Маскарады» разнообразием не баловали. Та же кривая маска углем на стене, та же девушка, подчинившая сторожа. Давыд выяснил, что скальпель стащила именно она. Но больше ничего нового узнать не удалось.

— Моня! Я женился на транжире! — Давыд вскочил навстречу другу с табуреточки в Арином кабинете.

— Боже мой! Что натворила эта женщина? Позволила себе новую помаду? Или даже платье? Или... неужели, туфли? — голосом опереточного трагика завыл Моня.

— На всю зарплату купила книги. Конец октября, а у нас дров на зиму считай нет, полсарая свободно, зимнего пальто у нее нет, для ребенка ничего не куплено, а она книги тащит вон такенными стопками, — Давыд кивнул в угол кабинета, где стояли две весьма внушительные связки книг.

— Тяжело тебе с этим некультурным? — вздохнул Моня, обращаясь к Арине. — Дашь посмотреть, что достала?

Он разворошил обе связки и углубился в одну из книг, сидя прямо на полу.

— Пропавшие люди, хуже алкоголиков, — вздохнул Шорин.

— Кстати, вот эту рекомендую, тебе понравится, — протянул Моня не глядя один из томов, — там про собаку. Не волнуйся, детская, все поймешь.

Давыд недоверчиво оглядел потрепанную книгу с ньюфаундлендом на обложке, открыл, пробежал глазами, перелистнул на начало — и тоже углубился в чтение.

Арина умиленно смотрела на обоих. Когда Ангел влетел к ней в кабинет, шумно распахнув дверь, она хотела уже зашипеть на него, мол, тишина должна быть в читальном зале, но остановилась — все-таки рабочий кабинет в рабочее время не совсем библиотека.

— Арин Пална! А вы знаете, что Михала опять взяли? В этот раз — надолго!

— О боже! Все-таки наркотики?

— Хуже. Человека убил. В рамках самообороны. С ним сейчас Николай Олегович общается. Ой, как у вас книжек много! А можно посмотреть? А почитать дадите?

Арина прикрыла голову от потока слов. Указала жестом на книги, мол, делай, что хочешь.

Вскоре читающих было уже трое.

Конечно, Арина тоже была не против сесть в уголке с книжкой, но случившееся с Михалом ее волновало. Так что она отправилась к Васько. Но не удержалась и прихватила все-таки одну из книг — монографию по древнегреческой поэзии. Такая же была у родителей, но тогда руки так и не дошли прочесть.

— Подожди минут десять, мы уже почти все выяснили, — шепнул ей Васько, закрывая дверь прямо перед носом.

Арина не стала возражать и пошла на крыльцо курить. Конечно, открыла книгу и, конечно, зачиталась. Где-то в середине странных и болезненных любовных отношений Сапфо и Алкея, подробно откомментированных бесстрастным ученым, на крыльцо вышел и Васько, на ходу прикладываясь к фляжке.

— Ты не в курсе, Михала этого в детстве головой никуда не роняли? — спросил он у Арины, закуривая.

— Мы не были знакомы.

— А я думал, все в Левантии друг друга знают.

Арина улыбнулась. И вспомнила, как они так же стояли на крыльце полтора года назад — когда Арина только вернулась в город. Совсем недавно — а сколько всего успело измениться.

— Не все, но многие.

— Как с Дашей идем куда — она обязательно с десятком-другим людей здороваётся. Хотя... Я тоже заметил — как-то много знакомых стало вокруг. Не всех, правда, помню, кто и откуда. Как-то вижу лицо знакомое, говорю, мол, здравия желаю, думал, кто из Дашиных знакомых... Оказалось — карманник, которого мы полгода назад брали. Неудобно вышло. Но скоро буду как Даша — весь город в голове держать.

— Вы с ней вообще похожи стали. Вон, ты сейчас руку держишь, как она обычно... Васько с удивлением принялся рассматривать свою руку.

— И правда...

— У меня в книжке про то же. Там про двух древнегреческих поэтов — мужчину и женщину. Так автор пишет, что раз у мужчины попадают стихи в ее стиле, а у женщины — в его, скорее всего, они были влюбленной парой.

— Забавно... Это, получается, как у Смертных?

— А что у них?

— Ну, когда Смертный кого-то соснет, ну, не много народу разом, а одного кого-нибудь, он потом, пока жизнь его не отдаст мертвому, на этого человека похож становится, — Васько покосился на Арину, чтобы понять, разобралась ли она в нагромождении слов. Арина кивнула, и Васько продолжил: — Мы даже смеялись. У нас Смертный был такой идейный, что прям жуть. Я себя рядом с ним врагом народа чувствовал. Вот спустят приказ какой дурацкий...

— И засекаешь время по часам, когда его отменят, — усмехнулась Арина. — Знакомо.

— Ага, — разулыбался Васько, — понимаешь. А он — сразу действовал. Потому что Родина сказала. Так вот, соснул он как-то одного нашего. А тот мужичок был такой... себе на уме. Молчаливый, ни с кем особо не прятельствовал. И этого нашего Смертного как подменили. Сапоги чистить перестал. Как приказ — так сразу: «Кому это надо — пусть тот и выполняет». Шутки стал шутить такие... Опасные. Чуть СМЕРШ по его душу не приехал. Но тут надо было поднять одного, так что пронесло. Как допросил того покойничка — снова стал правоверным коммунистом.

Васько сплюнул под ноги.

— Так что с Михалом? — спросила Арина, отсмеявшись.

— Дурак твой Михал.

— Это я и так знаю, а по делу-то что?

— По делу там сразу пяток дел. И убийство — самое мелкое и простое.

Арина присела на крылечко и приготовилась слушать.

Рот ее постепенно открывался — да, такой истории, пожалуй, ни в одной книжке не вычитаешь.

Боярские, а скорее всего — Зося Боярская, женщина, по мнению всей Левантии, большого ума, придумали идеальный план. Раздобыв где-то укупорочную машинку, они купили несколько ящиков водочных бутылок и начали производство.

В бутылки наливалась вода из колонки, укупоривалась, а затем бутылка украшалась

этикеткой. В этикетках было все дело. На них точно такими же буквами, как на государственной водке, было написано: «Вода. Из колонки. Дураков 40 %».

Михал был в этой артели лицом не последним. Он с помощью штампа, тщательно вырезанного из старой крышки, оттискивал этикетки, он таскал воду, а главное — он сбывал готовую продукцию из-под полы. Благо, места, где собираются страждущие, не имеющие сил прочесть этикетку, знал Михал досконально.

Стоила вода производства Тазика недорого — в два раза дешевле магазинной водки. Так что спрос был велик.

Сначала Михал боялся примелькаться, а потом понял, что главное — выбирать покупателей в таком состоянии, чтобы запомнить и догнать его уже не смогли бы.

Но были те, кому предприятие Боярских стояло поперек горла. Нет, не алкоголики, а торговцы спиртным. Таким же незаконным, но вполне настоящим.

И вот Михала подкараулили трое. Некий Буберман, уважаемый в узких кругах самогонщик, некий Калашников, грузчик спиртзавода, по-тихому приворовывающий ящик-другой в целях продажи, и самый интересный персонаж — некий Иванов. Который с недавнего времени торговал спиртом на разлив.

Эти трое прижали бедного Михала к стенке и начали аргументированно объяснять политику в области цен на спиртное на черном рынке. Михал, поняв, что бить будут сильно, а возможно — до смерти, схватил первое, что попало под руку. К несчастью Калашникова, это оказалась тяжелая металлическая урна. Михал ударил ею Калашникова по голове и сбежал. Калашников погиб на месте, по отчету Евгения Петровича — от черепно-мозговой травмы, несовместимой с жизнью.

— Да там мозги по стенке веером разлетелись, какая уж тут жизнь, — пояснил Васько, прихлебывая из фляжки.

Итого, трое оставшихся в живых участников битвы за водку ждали своих сроков.

— погоди, Васько! — встрепенулась Арина. — Говоришь, спирт у этого Иванова внезапно появился? Он еще здесь?

— Спирт?

— Иванов!

— Да где ему еще быть?!

— Тогда поддержи его еще немного, Моне, думаю, есть о чем с ним поболтать. А кстати, что со спиртом?

Васько протянул флягу.

— Не, с тем, который у Иванова. Мне бы для анализа...

— Я тебе занесу.

Арина побежала к себе. Изба-читальня не изменилась, слышался только мерный шелест страниц. Арине нечеловеческим усилием удалось вытащить Моню из книги.

Услышав новости, Моня бросился к камерам. А Арина с чувством выполненного долга взялась за книгу.

— Дурость эти ваши книжки, — вскрикнул вдруг Ангел, бросая книгу в угол.

У Арины Алкей и Сапфо как раз расставались навсегда.

— Осенька, что случилось?

— Да вот любовь там, и все счастливы, и она ему на шею бросается...

— И что не так?

— Не бывает такого. Вон, Наташа моя...

— Вы же, вроде, расстались.

— Ну я решил так просто не сдаваться. Доказать ей, что я ее люблю. Цветы ей таскал, духи покупал, чулки... Ну, она смилостивилась, разрешила мне появляться. Ну как. Если что сделать надо — дрова наколоть, картошки с рынка принести, мебель передвинуть — тут сразу я нужен, давай, старайся, Осенька, голубчик. А как поцеловать в благодарность за труды — так иди, откуда шел. А на днях совсем прогнала. Говорит, я мальчишка и дурак, а у нее серьезные дела.

Арина внимательно рассматривала Шорина:

— Значит, вот так можно было... Дрова рубить, мебель таскать, а потом — пошел вон?

И что мне это в голову не пришло?

— Любишь ты меня. Так что терпи.

— Значит, Наташа меня... не любит? — у Ангела в глазах стояли слезы. — Но ведь полюбит? Правда? Если я еще немного постараюсь...

— Боюсь, тут тебе ловить нечего. Поверь опытному человеку — бесполезно это все, — вздохнул Шорин.

Ангел ушел курить. Вернулся с решительным лицом:

— И все-таки я ее добьюсь! — произнес он, сжав зубы.

И ушел с гордо поднятой головой, правда книжку про любовь унес.

Арина снова погрузилась в чтение. Когда автор по уши залез в рассуждения, правда ли, что Алкей бросил Сапфо, или это было расставание по взаимной договоренности, вернулся Моня.

— Расколосся Иванов. Ага, «Маскарад» ему спирт притащил. Более того — он сам их и навел. Говорит, покойный Калашников проболтался, мол, будет крупная поставка. Так это или нет — у покойного уже не выяснишь. Но обещал связать с товарищем, который от «Маскарада» с ним общался. Так что и этих «маскарадов» возьмем. И дамочку ту неуловимую.

— Что-то голос у тебя нерадостный.

— Да вот с «Маскарадом» продвинулся, а с теми желтыми трупами отлетел назад.

— С чего это?

— Ну смотри. Если кладбищенская братия промышляла никакими не наркотиками, а водкой — значит, тут не в наркотиках дело. Вопрос — в чем?

— Какое-то новое Особое воздействие, которого мы с тобой еще не видели, — протянул Давыд.

— Откуда ему взяться? Тебе же в школе объясняли: количество комбинаций ограничено.

— А если так?

Дальше, казалось, друзья перешли на какой-то непонятный язык. По крайней мере, Арина не могла понять ни слова. Но друг друга они понимали прекрасно, кипятились, доказывали что-то друг другу...

— Нет, ну ничего не выходит. Человеческий организм — штука неизменная, — вздохнул Моня.

— Погодите, ребята! А если, допустим, какой-нибудь гениальный хирург что-то изменит в человеке? Отрежет, пришьет... не знаю.

— Ну если так, тогда... — Моня снова о чем-то заспорил с Давыдом на своем птичьем языке.

— Ну да, тогда вполне что-то может получиться, — наконец согласился Давид, — только кто такими вещами может заниматься?

— Был такой человек, — вздохнула Арина, — я у него училась.

Арина рассказала про Хайкова и его внезапное увлечение темой Особых.

— Мда. И никто ничего не знает, — вздохнул Моня. — Что не уничтожено — то засекречено, что не засекречено — то уничтожено.

— Будем действовать по методу Марины Комаровой, — решительно заявила Арина. — Мы знаем, что, во-первых, Хайков что-то нашел, во-вторых, нашел он это, находясь в Левантии. Значит, сможем повторить его открытие...

— Ага. Осталась сущая мелочь — перечитать все книги Левантии, собрать из информации неизвестно что... Дел-то на три минуты, — вздохнул Моня.

Шорин, который вновь уткнулся в приключения ньюфаундленда, наконец-то оторвался от книжки. Он загнул угол страницы, на которой остановился, — и с сожалением положил книгу на стол.

— Дава! Не порти книгу! Поссоримся! — почти серьезно зашипел на него Моня.

— Моня! А ведь ты шикарную мысль сейчас выдал! — Арина подскочила как ужаленная.

— Что книги портить нельзя? Ну, эту мысль культурный человек в детстве усваивает. Но некоторым она вон недоступна.

— Да отстань ты от него. Я другое сообразила. Хайков с книгами был очень неаккуратным. Ну, на самокрутки не пускал, а вот заметки на полях делал постоянно, целые монологи записывал. Спорил с автором, аргументы приводил, даже истории рассказывал. В общем, если найдем нужные книги — подсказки он нам сам оставит.

— А если мы совсем сумасшедшие везунчики, то нужные книги, скорее всего, будут в библиотеке вашего института, — добавил Моня и облизнулся, как кот.

Моня оказался везунчиком, каких мало. В институтской библиотеке нашлись не только сведения о том, какие книги брал Хайков, но и книги из его личной библиотеки. Библиотека получила их после его ареста, но даже не успела оприходовать.

В общем, книг получилось хоть и много, но вполне обозримое количество.

Моня на коленях молил Арину помочь разобраться с библиотекой, как-то рассортировать, понять, что к чему. Она была бы и рада помочь, но времени не хватало катастрофически. Да и уставать она к ноябрю стала изрядно.

Голова постоянно кружилась, ноги налились свинцовой тяжестью, иногда было трудно дышать. И официальная медицина, и Белка в один голос утверждали, что все нормально, все пройдет, как только Арина родит, но как-то от этого было не легче.

Моня, конечно, все понимал, но предупредил, что над этими горами фолиантов он сначала сойдет с ума, а потом состарится и умрет.

Арина обещала что-нибудь придумать.

И Монино везение снова сработало — однажды в магазинной очереди Арина встретила Филю.

Поболтали. Филя женился, жена его любила, на работе — уважали. Но все было как-то скучно, пресно.

— Как будто жизнь мимо меня проходит. У людей что-то интересное, а у меня — сплошная рутинка, — жаловался он Арине. — Могу рассказать, что буду делать завтра, через

год, через десять... С точностью до минуты.

Кажется, у Арины появился шанс убить двух зайцев: устроить Филе приключение и выдать Моне помощника, обладающего необходимыми знаниями, и при этом не пытающегося упасть в обморок при первой возможности.

Выяснили эти двое, впрочем, не так уж много. Судя по всему, Хайков интересовался Смертными. И вопросом, почему Смертные не могут сосать Особых. Как высосать из Особых жизнь — так и не понял. Зато нашел нечто более интересное.

Историю он подробно описал на полях учебника нейрохирургии. Как-то в начале сорок первого года ему попалась великолепная, почти безнадежная гнойная рана. Некий деревенский Смертный пошел на таран поезда. Ну, или просто задумался на путях.

К потере половины бедра отнесся философски — и пошел домой отлеживаться. Перед Хайковым очутился уже с температурой за сорок, в бреду, с прекрасным образцом гнойной раны и с полной готовностью перейти из Смертных в просто мертвые.

Конечно, Хайков своего Смертного с того света вытащил, даже ногу ему сохранил. Но в процессе наблюдения за выздоровлением Смертного Хайков обнаружил нечто потрясающее. Кроме ноги, тот поезд хорошенечко треснул своего оппонента по башке. Что-то там то ли помял, то ли окончательно оторвал — на момент описания истории Хайков не знал. Зато благодаря поезду получил тот Смертный прекрасное умение: сосать из Особых их особые способности.

Присосется, скажем, к тройке — она становится двойкой. Тот Смертный это в порядке анекдота рассказал. Мол, приходила к нему бабка-шептунья боль в ноге заговаривать — так он ее соснул. И ведь вышло. А так — больше ни-ни. Куда те единички высосанные девать, он не знал, сам пытался мутить — ничего не вышло. В общем, прекрасная загадка, требующая приложения гениального хайковского ума.

И ведь решил он эту загадку. Как — неизвестно. Но в другой книге на полях похвастался, мол, догадка есть, осталось проверить. А что материал для экспериментов у него вскоре появился — это уже было понятно.

— Получается, по Левантии гуляет Смертный, способный высасывать Особых. Дс доньшка... — задумался Моня. — Только вот всех Смертных призвали еще в сорок первом и так до сих пор и не демобилизовали. Нестыковочка.

Арина попыталась вспомнить. Где-то она слышала про Смертного в Левантии, но где и когда?

На ум ничего не приходило.

— А тот Смертный, с которого все началось?

— Я проверил, он в сорок втором помер. Шел по рельсам, не заметил поезд... Судьба! Моня многозначительно поджал губы.

Арина вышла на крыльцо. Мысль о Смертном не давала ей покоя. Она точно слышала о таком... Но где?

— Вы бы поменьше курили, милочка! — вернувшись с обеда Цецилия Цезаревна демонстративно сморщила нос. — Вам сейчас бесполезно. Потом ребеночек будет синенький, из роддома сразу на кладбище.

Кладбище... Ну конечно, кладбище!

Арина с таким восторгом и благодарностью посмотрела на Цецилию, что та аж отпрянула.

— Спасибо вам огромное! Это гениальная мысль! — Арина кинула едва начатую папиросу в ведро и умчалась к Моне.

Моня, услышав про восстание мертвецов на кладбище, тоже заметно повеселел. Но после разговора с Вазиком как-то сник.

— Как тот, который с поездом? Не жив? — осторожно спросила Арина.

— Живее всех живых. Пережил оккупацию, но сошел с ума. Сидит на Кувшинке, шьет рукавицы для нужд населения, — досадливо отрапортовал Моня.

— Так может, днем шьет, а по ночам Особых сосет? — уточнил Давыд.

— Это вряд ли, но проверить надо...

Бывшая станция Кувшиновка давно уже стала окраиной Левантии. Сумасшедший дом там стоял еще до Революции — знаменитый психиатр Корнелий Сергеевич Хивай доказал положительное влияние размеренной сельской жизни на течение психиатрических заболеваний на практике, построив лечебницу на собственные деньги.

Постепенно это место стали называть просто «Кувшинкой». Арина подумала, как странно — за последние два года она ни разу не слышала «ты что, с Кувшинки сбежал?» Теперь говорили: «Ты что, контуженный?»

Больница выглядела идиллически: голубой двухэтажный дом тонул в старом саду, посаженном еще пациентами Хивая. Новые пациенты дисциплинированно гуляли по дорожкам, взявшись за руки, вели тихие беседы, курили на лавочках.

Но оказалось, ехали напрасно.

— Ты — Цыбин, ты — Шорин, ты — Ли, а ты — Палей, — сказал им Смертный вместе «здрате». — Откуда знаете? — удивился Шорин.

— Я на нашем кладбище каждого знаю, а вы на своих предков похожи, — отрезал тот.

Но по делу ничего рассказать не мог. Свой кладбищенский отряд он поднимал самоуверенным шестнадцатилетним юнцом. Когда понял, что воевать смогут только самые свежие покойники — пара десятков, не больше, — поседел. А после того, как их отряд смели и даже не заметили, — спрятался в каком-то подвале. Так и не выходил оттуда, пока в сорок пятом не нашли. Пил воду из прохудившейся трубы, питался крысами.

Седой, сторбленный, он смотрел куда-то в угол — и разговаривал с покойниками, называя их знакомыми именами.

— Смертный, но не тот, — вздохнул Моня, — будем думать дальше.

Накануне

— Ну все, Яков Захарович все подписал, так что еще неделя — и вы меня до марта не увидите, — Арина с удовольствием вытянула ноги в проход катафалка.

— Мы? — удивился Моня. — Ну ладно, если ты нам с товарищем Ли откажешь от дома, мы не гордые, мы потерпим, но вот Давыду будет сложно...

— На работе не увидите, — уточнила Арина. — Поди, скучать будете...

— Нет уж, это ты все самое интересное пропустишь. Например, не увидишь, как в ночь на третье января я с блеском возьму «Маскарад»! — Моня горделиво задрал голову, любуясь собой. — Там такой план — не сработать не может.

— А почему на третье? — поинтересовался Шорин.

— Так прямо на горячем отловим. Смотри. С тридцать первого на первое страна пьет. С первого на второе — вроде, сторожу совсем обидно: все догуливают, один он работает, как дурак. Будет злой. А на третье — мягонький, смирившийся, бери родного... Ну, наверное, они так рассудили, я не знаю, не присутствовал. Но источник мой драгоценный говорит — в ночь на третье.

— А меня с собой возьмете? — умоляюще посмотрел на Моню Ангел.

— Всех возьму, кто возьмется. Людей у нас мало, так что каждые руки на счету. И тебя позову, и этого... папашу, — Моня кивнул на Шорина.

Шорин вопросительно глянул на Арину, та кивнула, мол, самое время.

— Кстати, о папашах. Скажи мне, друг, как у тебя дела с Господом нашим? Конфликтов нет?

— Ну ты и вопросы задаешь... Я коммунист, до того был комсомольцем и пионером.

Воспитан в духе атеизма и борьбы с мракобесием... В общем, как все: посты блюду неаккуратно, исповедуюсь редко...

— А придется! — насупил брови Шорин. — Мы с Ариной просим тебя быть крестным нашему сыну... Ну, когда он появится.

— Почту за честь, — улыбнулся Моня, — кстати, вы с именем-то определились?

— Павел!

— Ян!

Они произнесли это одновременно. И гневно посмотрели друг на друга.

— Понятно. Значит, будет, как у Таборовских, — вздохнул Моня.

— А что у Таборовских? — живо заинтересовалась Арина.

— Ну, они всю дорогу спорили, хотят они дочку Жанну или дочку Розу. По мальчикам тоже согласия не было, но уже не важно — в сентябре у них дочка родилась. А где-то через неделю смотрю — Таборовский у нас в приемной на диванчике ночует. Я к нему, мол, что стряслось-то? Да, говорит, дочку записал. Что, жена хотела Жанной, а ты — Розой? Да нет, говорит, напился с приятелем на радостях — и это... «Все Юльками — и я Юлькой». Конец цитаты. Неделю так на диванчике промаялся, пока теща не пришла, не сказала, мол, простили дурака, возвращайся в семью.

Все засмеялись.

— Ты учти, Давыд, у тебя тещи нет, защитить тебя некому, — резюмировал Моня, хлопнув друга по плечу. — Так что лучше уступи. Ну или придумайте что-нибудь третье, чтоб ни нашим, ни вашим. Вот, например, Мануэль — красивое имя. И много достойных

представителей.

— Не знаю ни одного, — поджал губы Давыд, подмигивая окружающим. Моня демонстративно отвернулся.

— А можно, — Ангел просительно посмотрел на Давыда, — я вашему сыну, ну, когда он появится, буду... Ну типа старшим братом...

Арина удивленно уставилась на Ангела:

— А как иначе? Ну ты это... он и есть... Или тебе официально надо, с подписью и печатью?

Ангел просиял.

— Я буду самым клёвым старшим братом! Честно! Всему его научу!

— А вот этого не надо, — нахмурился Цыбин. — Я уж наслышан, чему ты там можешь научить.

— А что я? Я хорошему... Рыбу ловить, змеев запускать, кораблики из коры делать... А еще я его буду защищать ото всех. Какой-нибудь хулиган малолетний решит там копейки отнять — а тут я.

— Не брат, а мечта, — вздохнул Моня.

Катафалк доехал до места. Засидевшийся Давыд спрыгнул с подножки, бодро чуть ли не добежал до трупа, разминая ноги, но быстро вернулся.

— Арин, там ничего нового. Ты это... посиди тут, мы быстро. Нечего тебе на это смотреть, там неприятное... — он загородил Арине дорогу широкой грудью.

— Давыд, ты в порядке? Если ты не заметил, это моя работа — смотреть на всякое... неприятное.

— Ну пожалуйста, не надо...

Арина подняла глаза на лицо Шорина. Давыд был здорово бледен, кажется, даже губы дрожали. Но все-таки служебный долг требовал подойти к покойному. Да и любопытство глодало — что же так напугало Давыда, успевшего за жизнь много чего повидать.

Она взглянула на труп — и ахнула.

Труп выглядел... Как обычно в этой череде непонятных убийств. Пожелтевший, казавшийся несвежим. Но тут и сомневаться не пришлось — был он куда свежее, чем казался. Ночью шел снег, но на трупе не было ни снежинки. К нему шла отчетливая цепочка следов — сам пришел. Один.

И вот...

Только был это не взрослый человек, а подросток с тонкой длинной шеей, торчащей из слишком просторного ворота перешитой шинели, с россыпью первых прыщиков на лице, с губами, измазанными шоколадом.

— К Борису Ефимовичу шел... — вздохнул Ангел, поднимая отлетевшую папку с нотными листами. — Скрипка, второй класс...

Он задумчиво напел мелодию.

— Фальшивишь в третьем такте, — пробурчал Моня. — Сбегай до своего Бориса Ефимовича, спроси...

— А если он помер, он старенький же был...

— Ага, помер и учеников принимает, — Моня почти рыкнул на Ангела, и тот бросился выполнять приказ начальства.

Когда Ангел ушел достаточно далеко, Моня приобнял Давыда за плечи.

— Дава, котик, возьми себя в руки.

— Ну ребенок же. Сколько ему? Лет десять?

— Да нет, кажется, старше, лет двенадцать, — вздохнула Арина.

— Да какая разница! Десять, двенадцать... Ты понимаешь, он ребенка убил. Вот так вот взял — и убил. Потому что мог. Как бутылку высосал, скотина.

Арина еще раз посмотрела на труп. Мальчик был худенький, с острым носиком. Рядом валялись толстые очки. Хороший такой мальчишка, из книжечеев, мечтателей ...

— Борис Ефимович говорит, что это Фелек Коваленко. Вроде, из школы для Особых. Сегодня утром был на уроке, соседи подтверждают...

— А родные, близкие?

— Мама у него в Ямской слободе живет, но где — Борис Ефимович не знает...

— А что-нибудь еще твой Борис Ефимович говорил?

— Что я олух и что зря в музыку не пошел... И что Коваленко в отличие от меня был приличным мальчиком, уроки не прогуливал, нож с собой не таскал...

— Вот, может, если бы таскал... — вздохнул Моня. — Ладно, пойдем.

Больше Арину на выезды не брали — Давыд подсуетился. Мол, зрелище, противопоказанное женщинам в столь деликатном положении. Арина злилась на него — несмотря на зиму, в кабинете у нее было жарко и душно, хотелось на улицу. Но и без выездов времени больше не стало — обычная привычная работа давалась с трудом, все плясало перед глазами.

Но Арина все равно уходила в отпуск без удовольствия. Что будет, когда она останется дома одна? Не зазвонит ли вокруг нее прежняя пустота?

Впрочем, зря беспокоилась. Домашние дела затянули ее полностью, с головой. Это было так странно, так непривычно — убирать, готовить, покупать продукты... А еще — шить крохотные чепчики и распашонки, подрубать пеленки, вязать носочки, шапочки и кофточки. Забытые, но такие приятные дела.

Давыд о работе рассказывал мало — впрочем, рассказывать было нечего. Обычная рутина, до которой эксперт Особого отдела в силу должности касался лишь краешком.

Коллеги иногда навевались в гости — кто чаще, кто реже. Моня, понятное дело, заходил регулярно. Где-то раздобыл плетеную коляску с белым кружевным верхом и цинковую ванночку — и гордо вручил Арине. Про дела же рассказывал чуть ли не меньше Давыда. Сводил все к светской болтовне, забавным завиральным сплетням и анекдотам. Как-то признался, что Давыд запретил ему рассказывать Арине о работе, чтобы та не разволновалась.

Чаще всех забегал Ангел. Чуть ли не каждый день — то на обед (Давыд смотрел неодобрительно, но сам подкладывал Ангелу супа или каши), то вечером, освободившись. Вот этот рассказывал все, что видел, — в красках и деталях. Правда, в его историях он всегда был героем, а остальные — восхищенным хором, но что поделаешь — мальчишка.

Новый Год справляли по-семейному, за чайным столом. Выпили чаю с пирогом, дождались полуночи и легли спать. Арина с Белкой пытались вытолкать Давыда к Моне, чтоб хоть повеселился, — но тот сказал, что будет скучать и волноваться.

Моня пришел сам, утром первого числа. Раздал подарки, устроил суетливую праздничную обстановку на пустом месте, одним фактом своего присутствия, от пирога отказался, клятвенно обещал Арине устроить в ее честь большой бал, как только будет возможность, — и убежал.

Ангел же пришел в обед второго января.

Когда Давыд вернулся, перед Ангелом стояла миска щей с куском мяса, а сам гений сыска разглагольствовал о ночной операции.

— А Мануил Соломонович сказал Николаю Олеговичу, чтоб не шел. Мол, не надо ему этого, потом жалеть будет. И Леокадия Викентьевна туда же, не ходи, мол. А он ни в какую. И вообще, говорит, по-хорошему, эти склады — его дело. Потому что Особый след — Особым следом, а имущество со складов вполне обычным путем тырят.

Давыд прошел к столу, рассеянно поцеловал жену и взял кусок хлеба.

— Руки вымой, — вздохнула Арина и обеспокоенно оглядела мужа: — Ты что такой серый?

— Да устал как черт, — он грузно уселся на стул, — прямо с утра в барскую усадьбу вызвали. Как делишки — как детишки... все как обычно. Смешно, но он больше про тебя спрашивал, чем про меня. Похоже, вы с маленьким теперь главные герои этой оперетки. Как он, кстати?

— Лягается, как жеребец.

— Это он молодец! Мужчина должен уметь драться! — Давыд притянул к себе Арину, положил руку ей на живот.

— Но не с родной же матерью!

— Да, тебе этот конфеток передал. Говорит, от них мозг развивается. И это... вместо папирос. Не знаю, что за конфеты — никогда таких не пробовал. Этот расхвастался, мол, новинка, нигде пока таких нет, чуть ли не во Львов за ними ездил.

— Да врет, как всегда.

— Ну ты не бойся, я одну съел — до сих пор жив. Нормальные конфеты. Только вкус непонятный.

— А на обертке что пишут?

— «Конфета-загадка». Загадочные они.

— Да что там за загадка? Лимонные, кисленькие, — подал голос обиженный невниманием Ангел. — Карамельки и карамельки.

— Я же говорю, врет. Будет он за карамельками во Львов мотаться, — улыбнулась Арина, разворачивая конфету. — Но ничего так, вкусные. И картинка забавная — с медведиком.

— А у меня с самолетом была, — опять встрял Ангел. — Там еще загадка про него.

— О! Точно! Тут про медведя:

Косолапий лохматий

Мед люблю собі шукати,

Цілу зиму люблю спати

Відгадай, як мене звати.

Давыд аккуратно расправил фантик.

— На стенку повесим, пусть маленький читать учится. И картинку смотрит — забавная.

— А хотите, я еще разных выпрошу? И с самолетиком, и там еще про грибок, кажется, была... — Ангел разве что на стол не залез, пытаюсь обратить на себя внимание кумира.

— Да где же ты эти конфеты берешь-то? — удивилась Арина.

— Так там же, у Станислава Ростиславовича. Честно, везде смотрел — нет нигде больше.

Шорин удивленно поднял бровь.

— А скажи-ка мне, Осип, что тебя связывает с этим, гм, достойным человеком?

Ангел покраснел и отвел взгляд.

— Ну... мы иногда... разговариваем о всяком. Что у нас происходит, что кто говорил...

— То есть постукиваешь? — уточнил Давыд недобро. Арина опустила ему руку на плечо.

— Прекрати. Мы все там бываем. Может, мальчику тоже... не оставили вариантов.

— Ну и что ты им уже успел порассказать, мальчик? — у Давыда играли желваки на скулах.

— Да ничего особенного. Они про вас не спрашивают, их больше другие интересуют. Следаки наши, начальство всякое... Про Леокадию Викентьевну спрашивают, про Якова Захаровича. Как дела идут, над чем работаем... Я этого Станислава Ростиславовича-то только в прошлом году впервые увидел. До того со мной другой разговаривал... Тот только грозился, а этот хороший...

— Конфетками кормит, улыбается, — поддакнул Давыд, ощерившись.

— Это ерунда. Он мне знаете, что обещал? Он мне обещал, что, когда в Левантии второй дракон появится — он меня к нему Вторым приставит! Вот!

Арина нервно рассмеялась. Ей было очень неуютно из-за того, что Давыд принял слова Ангела так близко к сердцу. Ну, подумаешь, бегают мальчишка в барский дом. Ну что он знает? Что он рассказать-то может? Обманули дурачка — тот и рад стараться...

— Вторым — это вряд ли. Вон Мануэль Соломонович твой — семерка, не баран чихал а иногда говорил, мол, силенок не хватает. А новый дракон, — Шорин опять погладил Арину по животу, — посильнее меня будет. Ему Второй нужен будет не простой... И не скоро — лет через пятнадцать, не раньше.

— А Станислав Ростиславович говорит — Второму помогут, чтобы смог, чтобы сдюжил. И дракон будет уже в следующем году. И не этот, мелкий, а настоящий, взрослый! И не искалеченный на войне, а сильный, настоящий!

Арина с ужасом смотрела, как Давыд побледнел.

— Дверь там, — как-то слишком спокойно сказал Шорин.

— Но я еще не доел, — Ангел, кажется, еще не понял, что происходит.

— Доел, — так же спокойно ответил Давыд, взял тарелку Ангела и перевернул ее в окно.

— Ну, извините, Арин Пална, побегу. Ваш муж, смотрю, не в духе, — пролепетал Ангел и смылся.

Когда дверь захлопнулась, Давыда прорвало:

— Что ты нянчишься с этим негодяем?

— Давыд! Прекрати! Он еще ребенок. Наивный ребенок. Ему рассказали сказочку — он и поверил.

— Вот посадят Лику, или там Васько, или даже Якова Захаровича — будет сказка...

— За что?

— Найдут. Этот ребенок притащил материальчику — на всех хватит. Кто при нем лишнего не сболтнул? Свой же... Ребенок же...

— Давыд! Ося не подлый человек. Ты это знаешь.

— Значит, глуп как пень твой Ося. Все, больше слышать о нем не хочу. Завтра ужин не готовь — вернись поздно. Пойду с Монею «Маскарадов» брать.

Давыд молча закрыл за собой дверь спальни, а Арина осталась собирать посуду.

День четвертого января начинался великолепно. Арина проснулась бодрой и веселой, мир не кружился перед глазами, за окном влажная духота сменилась легким свежим морозцем.

Сидеть дома не хотелось категорически.

Хотелось танцевать, играть в снежки, кататься с высокой горы...

В огромной квартире было тихо — все разошлись на работу. Она прошлась по большой комнате в вальсе.

Мутное зеркало платяного шкафа напомнило, что вальсировать пока не стоит. Впрочем, не так уж долго ждать. Через месяц-полтора можно будет танцевать. Совсем скоро. И все равно — не сидеть же дома.

Мальш толкнулся внутри — и стало жарко. Кажется, он тоже одобрял идею прогулки.

Но сначала Арина дисциплинированно позавтракала, даже с удовольствием. И книжку за чаем почитала — буквы не кружились перед глазами и не слипались в муть.

Быстро оделась, даже шапку и варежки взяла, чтоб не ловить косые взгляды прохожих, — и выскочила за дверь.

Она прогуливалась по парку в расстегнутой шинели, удивленно глядя на кутающихся в пальто прохожих — ей было тепло и весело.

Вдруг что-то опрометью метнулось через дорогу. Арина ойкнула, но потом рассмеялась — это была пушистая белочка, очаровательная, как с новогодней открытки. Белка деловито покопалась в снегу и достала оттуда желудь.

Арина подняла брови — надо же, какая хозяйственная зверушка. И решила дойти до рынка, может, там ее тоже ждет что-нибудь приятное — в конце концов, не одной белке быть хозяйственной.

На рынке было немногочленно — середина буднего дня. Да и не продавали ничего интересного или нужного. Домашние соленья, подмороженная картошка, какие-то обломки и осколки «из прежней жизни»...

В самом дальнем закутке Арина заметила двух баб, разложивших яркие детские игрушки. Арина подошла посмотреть — и среди деревянных матрешек, медведей, петухов обнаружила ярко-красного коня на колесиках. Представила, как умилится игрушке Давыд. Как мальш, когда подрастет, будет катать его по всему коридору — и ползти за ним. Наклонилась, чтобы посмотреть, — и услышала, как одна баба говорит другой:

— Точно говорю, один милицейский другого прям на складах порешил. Мне сама Аккерманша рассказывала, а муж ейный тот склад охраняет.

Арина замерла с конем в руках. Конечно, складов много, милиционеров — и того больше, слухи — вообще вещь ненадежная...

— Женщина! Лошадь-то брать будете? — спросила одна из баб, отвлекшись от беседы. Арина расплатилась.

— А на Греческой, говорят, какой-то Особый продавал очки заколдованные. Надеваешь их — и всех людей вокруг голыми видишь, — продолжила баба, спрятав деньги.

Арина чуть не рассмеялась от облегчения. Значит, легенды.

Она обняла одной рукой коня — и пошла с рынка. До вечера дел не было. Ужин готов — только разогреть, чистота — как в операционной, даже детское приданое уже пошито и

собрано до последнего чепчика. Арина даже немного обиделась на такую свою торопливость — вот теперь придется до вечера скучать с книжкой и предвкушать, как придут сначала Белка, потом Давыд

и начнут наперебой рассказывать, как интересно у них прошел день.

Арине захотелось обнять Давыда, похвастаться покупкой — причем не вечером, а вот прямо немедленно. В конце концов, беременные имеют право на капризы, он сам так сказал, но все-таки в качестве формального повода она купила у торговки пирог с печенкой. Принести мужу обед — вполне уважительная причина для посещения каретного сарая.

К торговке пришлось вернуться еще раз — первый пирог Арина слопала за десять минут, не успев пройти даже до конца переулка. Он был такой аппетитный, такой пахучий... Так здорово было есть его на морозе.

Второй тоже выглядел соблазнительно, но Арина сделала серьезное лицо, завернула пирог в газету — положила в карман, чтобы не искушал.

И сохранила его в целости до самого УГРО.

Она ждала, что коллеги встретят ее шутками, расспросами, может, даже пожалуются, как ее не хватает.

Но все выглядели какими-то подавленными, здоровались сухо, отводили глаза.

Шорин сидел за столом, с тоской глядя на чистый лист бумаги перед собой. Поднял голову, кивнул Арине — и тут же снова уперся глазами в бумагу. Даже ручку обмакнул.

— Привет, рад тебя видеть, — произнес он сухо, глядя на стол.

— Отчет?

— Объяснительная. Ты чего пришла-то? Белка говорила, тебе вредно далеко ходить. И погода так себе, — он еще раз обмакнул ручку в чернила и принялся выводить слово «Объяснительная» на середине листа.

— Отличная погода. Я поесть тебе принесла. Вот.

— Спасибо, я уже обедал. Отнеси домой, на ужин съем, — Шорин так и не посмотрел на Арину. Он подчеркнул слово «Объяснительная» двумя чертами, положил ручку на стол, смял лист и бросил его в корзину.

— Давыд! Что происходит? — не выдержала Арина.

— Все штатно.

— Не ври мне. Ты обещал, что тот раз будет последним.

— Арин, иди домой. Потом, пожалуйста, — Шорин поднял глаза — и они были какие-то непонятные. Виноватые, злые, растерянные — Арина никак не могла понять.

Арина молча вышла, закрыв за собой дверь, — и чуть не столкнулась в коридоре с Моней.

— О! Привет! — Моня расплылся в улыбке. — Как мой будущий крестничек? Еще на выход не собирается?

— Ты же знаешь, что еще месяц. Ты мне скажи — что у вас происходит?

— Работаем.

— Спасибо, драгоценный мой. А я думала, вы сюда поболтать ходите. А конкретнее?

— Восемь дел в разработке. Это лично у меня. Про остальных, прости, не знаю.

— Так. Мне это все осточертело. Что вы от меня скрываете? Что за объяснительную пишет Давыд?

— Да, вчера немного все не по плану пошло... — у Мони забегали глаза. И тоже стали какими-то виноватыми.

— А в остальном, прекрасная маркиза... Понятно. Ничего не скажешь — обещал дружку хранить нервы его жены. Ладно.

— Вы понятливы, Уотсон.

— Давыда не посадят?

— Нет, тут можешь быть спокойна. Давыд — в полной безопасности. Пойду помогу ему, ты же знаешь, сочинительство — не его конек.

У Арины снова отлегло от сердца. Да что за день — как на качелях.

Она уже подумала уйти, и потом уже, вечером, заручившись союзничеством Белки, взять Шорина в клещи — и добиться признания. Но все-таки постучалась к Якову Захаровичу.

Яков встал ей навстречу, обнял, а потом прижал ее голову к своей груди.

— Тебе уже сказали? — спросил он участливо. Арина подумала, что так бы спрашивал отец, если бы произошло что-то действительно страшное.

— Нет. Кто?

— Ангел.

Арина поняла, что ноги ее больше не держат. Яков Захарович усадил ее на стул, поставил стакан с водой.

— Как?

Арина, не спрашивая разрешения, вытащила из лежащей на столе пачки папиросу — и слепо шарила по столу в поисках спичек.

— Тебе стоит об этом? — Яков поднес ей зажженную спичку и внимательно посмотрел в глаза.

— Стоит.

— Помнишь банду, которая склады брала? «Маскарад» этот дурацкий... Новый.

Арина покивала головой, мол, помню, переходите к важному.

— Вчера ее взяли... Почти всю. Знаешь, кто был тот самый гипнотизер, который кладовщикам глаза отводил?

— Нет.

— Наташа Ангелова. Гамильтониха.

Арина вздрогнула, как от холода. Вспомнила Оськины глаза, когда он смотрел на свою любимую.

— Это она его?

— Нет. Она деру дала, Васько выстрелил. А этот дурачок решил своим телом защитить любимую... Защитил. Сбежала.

— Он...

Арина не знала, как спросить. И очень боялась услышать ответ. Яков положил ей руку на плечи.

— Он тут, у вас, в прачечной. Пойдем, попрощаешься. Арина затушила папиросу — и встала.

— Пойдемте.

Он лежал — на вид совершенно живой. Худенький, с веснушками по всему телу. С закрытыми глазами. С губами, застывшими в полуулыбке. С маленькой аккуратной дыркой напротив сердца.

— Точно случайно? Уж больно...

— Точно. Эта история у меня под контролем. Все подтвердили — просто вот так не

повезло пацану. Извини. Не сберегли.

Арина отвернулась, прижалась к груди Якова.

— Пойдем, девочка, провожу тебя до дома.

Они шли медленно. И говорили об Ангеле. Вспоминали все: и детство его, и недавнее.

Яков Захарович рассказывал, как во время оккупации Оська, знавший все подвалы, крыши и переходы, сражался в левантийском подполье и однажды был выпорот лично Яковым за попытку в индивидуальном порядке заминировать комендатуру. Шальной был — у местного гауляйтера лично спер пистолет и хвастался им.

«Забавно тогда было. Подполье наше — та еще компания. Шушера бандитская, в основном, ну и мы с Ангелом», — ностальгически вздохнул Яков.

От УГРО до дома можно было дойти за десять минут. Ну, за двадцать — если медленно беседуя, останавливаясь покурить и передохнуть. Они шли больше часа. Яков вел Арину какими-то дворами и закоулками, вечно, видать, по стариковской рассеянности, сворачивая не туда.

Но все-таки они подошли к дому. Яков Захарович как раз рассказывал об эпичной краже Оськой часов у самого Вертинского, приехавшего всего на один день в Левантию с гастролями.

Рассказывал так уморительно, что Арина, знавшая эту историю из протоколов, все равно хихикала.

По двору метался, как тигр по клетке, мрачный Шорин. Яков Захарович отпустил руку Арины.

— Почему не на рабочем месте? — рыкнул он на Шорина в лучших традициях царской охраны.

Давыд инстинктивно замер по стойке смирно.

— Мама прибежала, сказала, что Аринки дома нет, волнуется... Сказала искать, а где — ума не приложу.

— В рабочее время, товарищ Шорин, вами руководит не мама. Объяснительную написали?

— У вас на столе лежит.

— Возвращайся на работу, там еще дел невпроворот, даже для тебя найдется, чем заняться. А Арина твоя вот, в целостности и сохранности

— Вы... сказали ей?

— Она имеет право знать. Давыд, послушай немолодого человека: никогда не ври женщинам. Тем более — из уголовного розыска. Все. Пошел работать. Я тебя догоню.

Яков Захарович поднялся с Ариной до квартиры, но заходить на чай отказался категорически, как Бэлла его ни уговаривала.

Арина зашла в комнату, рухнула на диван — и осознание гибели Ангела вдруг налетело на нее, как поезд. Пока они говорили с Яковым, даже в морге, Ангел был еще живым — наглым, дерзким, насмешливым. А теперь вдруг стало ясно — его нет. Никто больше не посмотрит на нее зелено-золотыми раскосыми глазами, не протянет «Ну Ари-и-инПа-а-а-ална», не засмеется, откинув голову назад...

Маленький начал пинаться.

— Вот и нет у тебя теперь старшего братика, — сказала Арина, приложив руку к животу.

И расплакалась громко, навзрыд, вжавшись лицом в диванную подушку.

Она не знала, сколько проплакала, когда почувствовала на плече руку Бэллы и услышала ее взволнованный голос:

— Ирочка, почему у тебя юбка мокрая?

Арина пожала плечами, но поняла, что Бэлла права — она промокла до белья. Наверное, села на заснеженную скамейку... Хотя, вроде, они с Яковом Захаровичем не садились...

Бэлла задала пару уточняющих вопросов о состоянии Арины и ощущениях. Арина прислушалась к себе, ответила — и испуганно посмотрела на Бэллу: неужели, началось?

Бэлла кивнула:

— Давай, Ирочка, собирайся, пойдем.

И улыбнулась ласково.

Следующие 36 часов абсолютно выпали из памяти Арины. Как дошли пешком до роддома — дворами недалеко, быстрее, чем искать машину или ждать трамвая и ехать кругами. Как бесконечно долго то проваливалась в яркие сны, то мгновенно вылетала оттуда в приступ боли. Как напрягала все свои силы, когда требовалось напрячься, и всю свою волю, когда надо было переждать.

Громкий крик новорожденного раздался в три часа ночи 5 января 1948 года.

«В жизни вам пригодится процентов десять из того, что вы учите. Но какие это будут десять процентов — вы не угадаете», — любимая фраза преподавателя истории медицины крутилась в голове Арины. Ей безумно хотелось вернуться в прошлое — и выучить чертову неонатологию, и знать, что происходит с ее сыном. Ей казалось, что прошла уже вечность, она лежит одна, а ее малыш где-то далеко.

Наконец, в палате появились сестры, каждая из которых несла двоих младенцев. Арина на секунду испугалась, что не узнает сына. Она нащупала на тумбочке очки — и всматривалась в крохотные сморщенные личики чужих детей, ища отличия.

Ее сына принесли последним. Не сестра — женщина в возрасте, с твердым взглядом и властными жестами. «Начальница детского отделения, не меньше», — подумала Арина. Дама назвала ее фамилию — и Арина приподнялась на кровати.

Дама села у нее в головах, но младенца не отдавала. Арина улыбнулась: зря она испугалась. У сына было крошечное, но абсолютно узнаваемое, узкое шоринское лицо с черными бровями. Из-под чепчика торчали длинные черные волосы.

— Хороший мальчик, крепенький, — одобрительно сказала женщин. — Я Зинаида Матвеевна, и у меня для вас два сообщения.

— Во-первых, у ребенка обнаружены аномально высокие Особые показатели?

— Тогда три. Ваша свекровь уже давно всем рассказывает, что у нее будет внук-дракон. Так что ни для меня, ни для вас, думаю, это не новость.

— Не новость.

— Хотя пару сестер ваш дракончик уже успел напугать.

При этих словах малыш открыл глаза. Они были не младенчески-голубые, а черные с красным отблеском, как у отца.

И голос у ребенка оказался отцовский — громкий и крайне недовольный.

Зинаида Матвеевна передала малыша Арине, показала, что и как делать, — и уже через минуту ребенок присосался, довольно вздыхая после каждого глотка.

— А новости у меня такие. Во-первых, вас выпишут завтра. Рано, но ваша семья просила. Говорят, похороны близкого человека.

— Да, есть такое, — рассеянно ответила Арина.

Теплая тяжесть младенца, его крохотная ручка у Арины на груди, сосредоточенно сведенные бровки — все это наполняло Арину невозможным счастьем. Ребенок был целым миром, и думать о других мирах не было никакой возможности.

— И второе. Ваша свекровь сегодня ушла на пенсию. Так что можете не думать о яслях — уход за малышом будет по высшему классу.

Арина улыбнулась Зинаиде Матвеевне.

— Я Белку лет двадцать знаю, — пояснила та, — как она к нам работать пришла. Она в другом отделении, но ко мне приходила младенцев потетешкать. Любит она их. И умеет. Так что не волнуйтесь, все будет хорошо.

— Я и не волнуюсь, — пожалала плечами Арина.

И поняла, что действительно — чувствует себя намного спокойнее, чем последние много уже лет.

— Да что вы мне этого ребенка суете? Я вообще младенцев боюсь, они живые! — Моня отбивался от медсестер, пытающихся всучить ему кулек из одеяла, перетянутый голубой лентой. — Сейчас папаша подойдет, а я тут так, на правах друга семьи.

Арина рассмеялась, выходя на крыльцо, взяла ребенка сама.

— А где, кстати, тот самый папаша?

— Да... Решил, что надо непременно в коляске. Приводит ее в идеальный вид. Сейчас подойдет.

Арина вспомнила, как последние два месяца Давыд постоянно что-то поправлял в коляске. Бесконечно смазывал сочленения, поправлял колеса, чтобы шли идеально ровно, укреплял дно...

— Конечно, коляска — не мотоцикл, но если отвлечься от мелочей... — улыбнулся Моня. — А вот и он!

В конце переулка показался Давыд с коляской. Шла она, действительно, прекрасно — не скрипела, не виляла. Заглядение. Несколько семей с младенцами на руках посмотрели вслед Давыду с откровенной завистью.

Давыд подошел и опасливо заглянул в одеяло. Арина отбросила край пеленки, прикрывавший лицо младенца.

— Ой... какой... маленький, — непривычно-сдавленным голосом прошептал Давыд.

— Ты в его возрасте не крупнее был, ничего, подрос немного, — на крыльцо вышла Белка. — Ну что, папаша, бери сына — и пойдем уже, нечего ребенка морозить.

Давыд опасливо протянул руки. Белка показала, как держать.

— Боже, он же ничего не весит, — прошептал Давыд, — я точно не уроню?

— Ну это, брат, уже от тебя зависит, — заметил Моня. — Ну что, приветствуем нового гражданина Левантии, Шорина... До чего вы договорились?

— Иосифа? — прошептала Арина, вопросительно-испуганно взглянув на Давыда.

— Осипа! — в тот же момент сказал Давыд, опустив глаза.

— Приветствую нового гражданина Левантии, Шорина Осипа Давыдовича! —

торжественно заключил Моня. — Ну что, ура, товарищи?

— Ура, — пожав плечами, ответили Арина и Давыд.

— Да справитесь вы, все справлялись — и вы справитесь, — улыбнулась Белка, глядя в их встревоженные лица. — Вот увидите: Осенька — золотой мальчик! Давыд! Положи сына в коляску!

Давыд еще раз заглянул в лицо малышу, улыбнулся — и положил его в коляску. Белка резво покатила коляску вперед, Давыд не отступал ни на шаг, так что Моня и Арина немного отстали.

— Угостишь папироской? — шепнула Арина Моне. Тот протянул портсигар.

— Тут такая история, — начал он, закурив, не глядя на Арину. — Яков Захарович сказал, на похороны тебя не пускать. Ни при каких обстоятельствах и все такое. Впрочем, — он посмотрел на часы, — там все началось минут десять назад, так что все равно не успели бы. Но мы сегодня в каретном сарае собираемся помянуть... Там наши будут и его друзья, ну, помимо работы... Ты ведь придешь?

— Конечно. Сейчас придем домой — хоть блинов напеку, чтоб по-человечески...

— Да я уже подрядил рябчиков кашеварить... Один ловкий — печет блины на четырех сковородках сразу. Они у нас молодцы. Ты бы видела, как УГРО отдраили. Случай поганый, а дело — хорошее.

— Я сейчас. Придем, Осеньку покормлю — и три часа свободна.

— Да не торопись, время еще есть.

— А ты что на похороны не пошел? — встрепенулась Арина.

— Между жизнью и смертью выбираю всегда жизнь, — улыбнулся Моня. — Побежали, догоним этих троих. А то придется в угон объявлять.

Дома Ося проснулся, закричал. Арина развернула его проверить пеленки.

— Ой. Он же совсем крохотный! — изумился Давыд. — Я думал, там все он, а там одно одеяло...

— Да вырастет, вырастет. Еще никто младенцем на всю жизнь не оставался, — беспечно успокоил Моня. — Ты главное-то посмотри! Может, он вообще не наш!

Мужчины склонились над Осей, отеснив Арину.

— Тут торчит что-то... Веревка какая-то. Ничего не понятно.

— И правда. Странное что-то.

Вид у обоих был озадаченный.

Арина с Белкой веселились. Старая легенда о том, что левантийца легко отличить по форме пупка, ходила в городе не первое столетие. Даже врачи, прекрасно знающие, что никакого такого «левантийского пупка» не существует, иногда в нее верили. Даже Арина пару раз радовалась, встретив у раненого знакомую форму пупка, — как-то ближе казался такой человек, роднее. Пупок пуговкой считался отличительным признаком настоящего левантийца. На обладателей пупков другой формы смотрели как на странных или больных.

— А если его отодвинуть... — задумчиво произнес Давыд, протягивая руку к младенческому пупку.

— А ну не трожь! — коршуном взвилась Белка. — Сейчас как занесешь инфекцию!

Она запеленала Осю и принялась укачивать.

— У тебя сейчас что жена, что сын — хрупкие и нежные. Так что руки мыть тщательно, куда попало их не совать, обращаться бережно. И не курить в доме! — последняя фраза была обращена к доставшему папиросу Моне.

Моня спешно убрал папиросу.

— Понял, ушастый? У вас теперь стерильность. Лапами к ребенку не лезть, дохлых крыс со двора не приносить, — назидательно объяснил он залезшему на колени Варягу. Щенок обнюхал Осино одеялко, ошалело посмотрел на Моню, разве что плечами не пожал, — и убежал ластиться к хозяину.

— Нет, ну точно вырастет? — Давыд задумчиво переводил взгляд с сына на пса и обратно. Моня захихикал.

— Ах, вот чего ты всполошился! Не смог из пса ньюфаундленда вырастить — теперь за ребенка боишься?

Арина с Белкой засмеялись. Варяг, несмотря на все старания Давыда, на тайнскармливаемые котлеты, на систему тренировок — так и остался маленьким, чуть больше кошки. Короткие кривые лапки позволяли предположить среди его предков таксу, а квадратная бородатая морда — терьера.

Варьку обожали все мальчишки двора, заходили за ним, как за приятелем — поиграть в пограничников, или в охотников, или в покорителей Северного Полюса. Несмотря на несерьезный рост, Варька вполне мог тянуть санки — пустые, конечно, но все-таки.

— Тут проще. У Осип Давыдыча хотя бы родители известны. Вон, ты какая дылда, да и Арина меня на добрый сантиметр выше. Так что не в кого ему мелким быть.

Болтали, шутили, любовались маленьким Осей, пока Моня, поглядев на часы, не сказал «Пора». Давыд тихо спросил у Арины:

— Можно, я тоже пойду?

Арина удивленно посмотрела на него.

— Конечно, он же тебя так любил...

— Мы не успели помириться. Думал, вот возьмем «Маскарад» — скажу ему, мол, прости, вспылел. Он же действительно хороший парень был... Не гнилой... А его обманули...

Арина вздохнула тяжело:

— Знали, на что взять. Поманили драконами... Пойдем? Надевай шинель, там зима все-таки.

В актовом зале УГРО рябчики уже накрыли столы — и теперь стояли вдоль стен растерянные и молчаливые.

Моня принялся распорядиться. Делать было особо нечего, там поправить скатерть, здесь — переставить закуски, но Моня суетился и делал массу ненужных движений.

Подожли те, кто был на кладбище. Яков Захарович с черной лентой на рукаве, следователи, опера, Евгений Петрович, еще кто-то из УГРО и кучка ровесников Ангела — судя по всему, его приятелей.

Тихо поздоровались, тихо сели за столы.

Васько отловил мельтешащего Моню за полу пиджака.

— Сядь уже наконец, — сказал он веско, почти не заикаясь. — Еще раз говорю, не виноват ты. Ты все что мог сделал. Ты же нам с Осей приходиться запретил. Прямым текстом.

— Вот то-то и оно. Надо было запретить. А я как дурак: «Лучше не приходите», тьфу.

— Ну, запретил бы. Ты же знаешь — мы бы все равно пришли. И я и он. Ты бы что нас — в камеру посадил?

— Знал бы — посадил бы.

— В общем, не пори ерунду. Я виноват — и точка. Стрелял я. Вон, можешь у экспертов

спросить — чья пуля. Остальное все — дурь и болтовня бабская.

— Дело завалил я. И Наташа эта сбежала, и вот... человека не уберег.

— А что Наташа? Банду взял — и молодец.

— Только завтра она новый «Маскарад» соберет. Ей не впервой. А вот где мы с тобой нового Ангела возьмем...

Васько тяжело вздохнул и разлил им с Мoneй по стаканам.

— Давай за упокой души...

Клим Петрович встал и постучал ножом по стакану.

— Опять он! — шепнул Арине, закатив глаза, Евгений Петрович. — Он нас на кладбище попытался заморозить своей речью, еле отделались...

Но в этот раз Клим Петрович сказал быстро — то ли выдохся за время предыдущей речи, то ли выразительные взгляды Якова Захаровича несколько убавили поток красноречия.

Евгений Петрович едва успел выведать у Арины все ГТХ новорожденного, пообещать подкинуть всяких детских вещичек от подросших сыновей и поделиться кучей бесценных советов по воспитанию подрастающего поколения.

После Климa Петровича говорили все по очереди. Каждый рассказывал об Ангеле что-то свое, простое, человеческое. Кто-то из друзей вспомнил, как ловили с Ангелом бычков, кто-то — как знакомились с девушками на танцплощадке, кто-то даже попытался рассказать о мелких детских кражах на базаре — но на него зашикали.

Яков Захарович внимательно посмотрел на говорившего:

— Сенька! Галифанакиc! Тебя ли я вижу?

Арина замотала головой. Здоровый широкогрудый парень с убедительными черными усиками мало напоминал тощего до болезненности очкарика Сеньку Галифанакиса по прозвищу Кузнечик — одного из дружков и подельников Ангела в юные годы.

— Ничего себе вымахал! — не удержалась она от удивленного вздоха.

— Арин Пална! Да мы все это... выросли, — стеснительно улыбнулся Сенька. — Вон Аллочка Лучик недавно замуж вышла, Яшка Жженный — художником стал, в столице на шоколадной фабрике обертки для конфет рисует, Васька Мутный на складах, и не грузчик — а серьезный человек, счетовод!

— А сам-то ты?

— Я? — Сенька гордо выпятил губу. — Я уже полгода на инженера учусь! Буду первым человеком на заводе!

Арина с Яковым Захаровичем переглянулись. С каждым из названных представителей прогрессивной молодежи они имели дело еще до войны. Не как с инженерами и художниками, а как с воришками и хулиганами. Значит, не зря работали, раз из детишек толк вышел... Но из кого же тогда вырастают преступники, если даже из этих сорвиголов приличные люди вышли? И кем вырастет маленький Осенька?

— Я пойду, вдруг Ося уже проснулся? — шепнула Арина Давыду.

— Да спит он. Всего час прошел, — махнул тот рукой. — Если что, мама его сюда принесет.

Рассказы из жизни Ангела становились все забавнее, все менее парадными. Вот уже и часы Вертинского припомнили, и съеденные подряд четыре столичных торта... Раздавались сдавленные смешки, перешептывания...

«Мы разучились долго скорбеть. Слишком много поводов, слишком мало времени», — подумала Арина.

К ней подходили коллеги, спрашивали про малыша, поздравляли... Будто крестины, а не поминки.

Цецилия Цезаревна тихонько доложила Арине о подвигах Давыда на радостях от рождения сына. Ничего криминального — традиционно оседлал льва, был снят постовым, который вошел в положение — и даже штрафовать его не стал. Благо, Моня, который был рядом и трезвее, объяснил ситуацию.

Львов в Левантии было два. Они охраняли мост на старой границе города. Один, злобно ощерившийся, смотрел в сторону окраин, другой — тихий, прижавший уши, похожий на нашкодившего котика, — в центр. По примете, отец новорожденной левантийки, чтобы гарантировать ребенку счастливую жизнь, должен был погладить «домашнего» льва, а отец мальчика — «дикого».

«Вы же понимаете, Арина Павловна, ваш муж — человек увлекающийся, он просто погладить не мог», — шептала Цецилия.

Неподалеку жался молодой человек, явно из друзей Ангела, — темноволосый, кудрявый. Чуть прищуренные глаза и приподнятые уголки рта даже в самые серьезные моменты намекали на готовность улыбнуться. Между полными губами поблескивали крупные белые зубы.

Арина пыталась вспомнить паренька — но не могла.

— Я Кролик! — улыбнулся юноша, заметив, что Арина на него смотрит.

Легче не стало. Вот Кролика, кажется, в Ангеловой шайке не было. Был Миша Котик был Бабкен Волчонок, а Кролика, кажется, не было... Может, из совсем малышей — бегали с Ангелом детишки лет пяти, неотличимые из-за минимума одежды и толстого слоя грязи. Она уже хотела спросить, уточнить, но подоспевший Яков Захарович представил молодого человека по всем правилам.

— А это наш новый оперативный сотрудник, Борис Лазаревич Кролик. Вернешься — будешь с ним, гм, сотрудничать.

Арина покраснела. Хорошо, что она не спросила Кролика, не попадался ли он ей до войны.

— Сработаемся, — улыбнулась она вежливо.

— Непременно! — заулыбался Кролик. — Вы не смотрите, что я молодой. Я толковый, честно!

Арина кивнула и не удержалась — улыбнулась парню. Хороший он. Хотя, конечно, Ангела не заменит. И даже Оська не заменит. И никто.

Ладно, вранье, незаменимых у нас нет. Кролик так Кролик. Арина усилием воли взяла себя в руки.

— Они с моим отцом еще в ДВР порядок наводили, — вещал у Арины над ухом Шорин, — он о ней писал так, что мама аж ревновала. И скажу вам — не зря ревновала!

— Это да, — закивал Моня, — бабушка что надо!

— О господи! — Цецилия Цезаревна вдруг вскочила из-за стола, покраснела, побледнела, снова покраснела — и побежала к своему рабочему месту.

Присутствующие удивленно проследили за этим маневром — секретарь УГРО импульсивностью не отличалась.

— Вот! — она появилась в дверях актового зала через минуту, запыхавшаяся, — Письмо! На наш адрес пришло. Я еще удивилась — все в иероглифах, не поймешь, что и от

кого. А вот, оказывается...

Яков Захарович взял у Цецилии Цезаревны письмо, повертел в руках.

— Кто-нибудь понимает по-китайски?

— Ну, я немного... Пришлось, — Моня виновато развел руками, мол, извините, что я такой умный.

— Так прочти. Теперь у Ангела от нас тайн нет... Да и раньше-то... Эх.

— В общем, она пишет, мол, получила письмо, не знала, что ты жив... Дальше на полстраницы рассказывает, какие у него ошибки... Ничего себе, он ей на китайском написал, оказывается! Силен, однако, не подозревал... Тут о себе... У них там все неспокойно, революция будет... Как она победит — так сразу и приедет внука повидать... Дальше пожелания, наставления... В общем, вот так. Надо ей как-то написать, мол, не получится внука увидеть. Жалко. А он так мечтал с ней познакомиться.

— Да накатаем мы ей ответ. Сядем, вспомним, как там что пишется... — потрепал друга по плечу Давыд.

— Дава, не усложняй. Она по-русски лучше тебя и читает и пишет. Просто хотела внуку приятное сделать, раз уж он начал китайский учить. Цель, так сказать, дать — чтоб не просто учился, а для дела.

— Хорошо придумала, жаль, что не вышло, — вздохнул Давыд. Арине показалось, что голос мужа дрогнул.

— Пойдем, — шепнула она, — малыш испугается, если меня... нас не будет рядом.

— Пошли, — шепнул он в ответ.

«Вовремя же я вернулась из отпуска» — думала Арина, трясаясь в катафалке по февральскому льду. Первое рабочее утро началось с трупa. Знакомая картина: желтая кожа, светлые белки глаз.

В кармане — черный «Особый» паспорт огненного аж пятого ранга. Инженер-металлург Тумаркин Аркадий Лейбович, 1900 год рождения. Шел в полном одиночестве по улице, упал, умер. На глазах у прохожих. Оставил вдову и троих сирот.

Моня успел разослать ориентировки во все медицинские учреждения города, так что приехавшие врачи тут же позвонили в УГРО.

Все было просто, понятно и абсолютно безнадежно. Даже последняя загадка — почему убийца не оставляет рядом с жертвами следов и почему жертвы находят в странных местах — разрешилась. Совершенно случайно.

Ося обладал, по мнению соседей Шориных, крайне скандальным характером. Проще говоря, орал. Сытый, чистый, не мерзнет, не жарко, животик не болит, нигде не колет, не натирает, но кричит, как будто его режут.

Помогали только две вещи: когда папа садился перед Осиной кроваткой и принимался чистить пистолет («Мужчина растет, воин — понимает толк в оружии», — радовался Давыд, а Арина с Белкой вздыхали), либо когда Арина читала вслух. К содержанию чтения Осип Давыдович никаких особых требований не выдвигал: стихи — хорошо, сказки — пойдет, медицинский справочник — почему бы нет, старые протоколы — тоже отлично. Главное, чтобы мама говорила и страницы шуршали. Мог слушать и по полчаса, и по часу, старательно борясь со сном. Но потом наконец-то засыпал, к радости взрослых.

Днем Арина читала первое, что попадет под руку. А вот вечером приходил Давыд — и тут чтение приходилось уже выбирать. Описание рожистого воспаления или последней стадии сифилиса Осю вполне радовало, а вот его отца — корбило. Белка удивлялась, в кого ее сын такой нежный.

Наконец, решено было перед сном читать Маринины блокноты — там тоже попадались весьма неаппетитные вещи, но Давыд против них не возражал, уж больно любопытно было.

В один из таких вечеров и нашли они отгадку. Марина, прошерстив всю доступную литературу, выяснила, что явление Смертных не изучено. Вообще и совсем. «Как древние люди пользовались огнем, не умея его добыть и не понимая его природы, так и мы пользуемся силой Смертных, не понимая и не зная всех ее возможностей».

Митя Куницин охотно согласился быть подопытным. Оказалось, что силу живых можно передавать не только мертвым, но и живым же. Как-то он перелил (с разрешения всех сторон, конечно) немного силы Гавриленки лично Марине.

«Внезапно мне безумно, до покалывания в пальцах, захотелось вышивать. И так же сильно — курить. То, что Жорка без папироски разве что спит — это я знала. А вот про вышивку пришлось спросить. Все-таки признался — вышивает с детства. Бабушка научила». Арина рассмеялась, представив себе высокого широкоплечего Жорку с пальцами в огромных ручищах. Впрочем, вспомнила и его вышитые рубашки небывалой красоты. Думала, его девушка мастерица, или мама... А оказывается, сам.

— Так что получается, тот Смертный переливал силу от одной своей жертвы другой? Раз они начинали странно себя вести... Вон, Тонька безногая закурила, Глазунов ногами

пользоваться разучился... — Давыд лежал на кровати, закинув руки за голову и задумчиво разглядывая потолок, Оська слушал внимательно, но спать пока не собирался.

— Вряд ли. Зачем ему? Хотя... Погоди, я в этом ничего не понимаю, но просто по аналогии. Вот, допустим, у человека... Ну не знаю, гепатит.

— Допустим.

— Вот я беру у него кровь. А потом, не простерилизовав шприц, беру кровь у другого человека. Не переливаю кровь первого, и в шприце ее, вроде бы, нет уже, но вот шприц грязный.

— Допустим.

— И есть хороший такой шанс, что я занесу гепатит второму.

— Ну и не делай так, — Давыд досадливо посмотрел на жену.

— Да нет, я про другое. Может, никому он ничего и не переливал. Брал сначала у одного, потом у другого. А след оставался. Как от грязного шприца.

— А это мысль. Что думаете, коллега? — Давыд заговорщицки подмигнул Осе.

— Ы-ы-ы-ы-ы, — ответил Ося, зевая.

В общем, все было ясно и понятно. Осталась сущая мелочь — найти того самого Смертного. Всего-то навсего — найти Смертного, которого пропустили паспортный стол, военкомат и МГБ.

Кролик внезапно оказался полезен в этом деле — умел делать лицо хорошего мальчика и терпеливо выслушивать окрестных старух. Собирал слухи, сплетни, байки. Пока пользы это не приносило, но хоть какую-то надежду.

Ну, и радость, когда он пересказывал не относящиеся к делу слухи в катафалке. И как фокусник в цирке оказался Особым — и его били свои же, цирковые. И как Смертные на Нюрнбергском процессе оживили Гитлера, а он оказался двойником — и даже по-немецки не умел говорить. И что актриса Мария Миронова — Смертная, посидишь возле радиоприемника — а она у тебя пять лет отберет.

Под эти байки и ехали до УГРО. Новых идей, где искать Смертного, не появилось, но хоть посмеялись.

Моня зазывал Арину с Кроликом в Особый отдел — чайку попить, но не вышло.

На пороге УГРО стояла старушка. Маленькая, сторбленная, в шляпке с нелепой вуалеткой.

Она удивленно оглядывалась и часто мигала, как будто бы только проснулась и не понимала, где находится.

— О! Твой контингент, — ехидно подмигнул Моня Кролику, разглядывая старушку через стекло катафалка.

— Не думаю. Не тот типаж — слухами не интересуется, живет больше прошлым, чем настоящим, — абсолютно серьезно ответил Кролик.

Моня посмотрел на него уважительно.

— Все-таки пойдя разберись, что у нее случилось.

Кролик вернулся через полчаса.

— Говорит, кольцо украли, а милиция помогать отказалась.

— С чего бы вдруг? — лениво потянулся Моня.

— Да, сама не помнит, как и куда его дела. Говорит, всегда в одном месте хранила, в комодке под письмами дочери. Дочь умерла, кольцо и письма — все, что осталось. Тут вот заглянула в комод — а там письма все измяты, порваны, а кольца нет.

— Куда выходила, насколько, точно ли дверь заперла? — голос Мони стал деловым.

— Вот в том и дело, что весь день дома была. Ноги у нее болят, так что не каждый день выходит. Но вот что странно. Бабка старая, притом с мозгами, вроде, порядок. Я проверил — год помнит, месяц, основные общественные и политические события... В общем, нормальная она. Но убеждала меня, что сегодня вторник. Я даже почти поверил.

— Среда сегодня. Точно среда, — отчеканил Шорин. — Утром на молочной кухне пюре яблочное давали, вкусное, а это только по средам.

— Обжиралась младенца, папаша?

— Да ладно, один раз попробовал, когда Оська нос воротил.

— Ладно, поверим. Итак, у всех среда, а у дамы... Кстати, как ее зовут?

— Агнесса Оскаровна.

— А у Агнессы Оскаровны — вторник. Но, говоришь, нормальная. Так?

— Так, — Кролик перевел взгляд с Мони на позевывающего Шорина, — Давыд Янович! А можно вас попросить... Посмотреть, ну, по-вашему. Нет — так нет, но вдруг там что-нибудь...

Давыд нерешительно глянул на Моню. Тот веско кивнул — и Шорин вышел из катафалка. Подошел к старушке, что-то спросил, пока она отвечала — провел у нее рукой за спиной — и тут же прибежал обратно.

— ...Твою ж мать! — закончил он довольно длинную тираду.

— Что такое? — Моня неодобрительно поднял брови.

— Старую знакомую встретил. От этой Агнессы Оскаровны Наташей разит за версту. Моня вскочил:

— Так что мы сидим? Так, я оформляю дело, Арина расскажет Боре подробности, а ты, Давыд, предложи даме чаю. Она хоть и пожилая, но вполне заслуживает мужского внимания. Заодно про колечко расспроси. Во-первых, приметы, во-вторых — где и как наша дамочка могла его увидеть. Как все будут готовы — поедем на место. У меня тут личный интерес.

— Да у всех тут... Личное, — проворчал Давыд. — Ничего, в этот раз она от нас не уйдет. Обещаю. Разыщем, пока она себе новую банду не завела. Одна она против нас не сдюжит.

Но Давыд ошибался. Кролик прочесал всю Левантию с портретом Наташи в руках, нашел шляпное ателье, где она работала модисткой и уволилась за неделю до его прихода. Нашел ее новую квартиру. Нашел тех, кто ее видел, тех, кто о ней слышал, тех, кто был с ней знаком. А вот самой Наташи и след простыл.

Обнаружили ее в конце марта.

Странное это было зрелище — грязная пивная в рабочем районе со стоячими столиками, пол в мартовской слякоти чуть ли не по щиколотку — а посередине Наташа в золотистом платье до пола и каракулевой шубке.

Раздатчица сказала, что девушка подошла без очереди (а очередь, состоящая из работяг соседнего завода, и не возражала), взяла две кружки, одну выпила в себя махом, не отходя от прилавка, а вторую понесла к столикам, и вот прямо на ходу упала и умерла.

Раздатчица плакала, умоляла не сажать ее, клялась, что в пиво ничего не добавляла, что девушка сама...

— Да сама, сама, успокойтесь, гражданочка, — увещевал ее Моня, но Арине все-таки шепнул: — Пиво проверь, не по этому делу, но на всякий пожарный.

Арина не стала спорить. По этому-то делу все было ясно. Желтая кожа, странное поведение... И опять — ищи ветра в поле.

— А вот и колечко, — улыбнулся Кролик, поднимая руку Наташи, — закрываете дело?

— Да на этой дамочке, кроме колечка, столько всего... Как блох на собаке, — вздохнул Моня. — Меня в данном случае убийца ее интересует. А тут мы ни на шаг не приблизились.

— Ну должно, должно нам когда-нибудь повезти, — погладил друга по плечу Давид.

— Повезет, куда денется. — воспрял духом Моня. — А пока хочу снять пробу пива где-нибудь в более культурном месте. Составите компанию?

И коллеги не стали возражать.

На долгую память

Давыд крутился перед зеркалом. Арина уже хотела сказать ему что-нибудь колкое, но сама залюбовалась. Все-таки Давыду безумно шла форма. Особенно теперь, когда бирюзовый цвет вышук и кантов заменили на красный.

Белый летний китель обрисовывал широкую грудь, высокие сапоги и галифе делали ноги еще длиннее и стройнее. Красавчик. Неужели вот такая невозможная прелесть досталась Арине в мужья? Быть не может! Арина чуть не засмеялась от нахлынувшего счастья.

— Дода! — улыбнулась сыну Белка. — Можешь сбежать до фотографии? Гала написала, мол, хочу фото своих племянника, внука и невестки.

Галу Арина видела на свадьбе. Тетка Давыда, чуть ли не одного с ним роста, а шириной — раза в два больше, с косою чуть ли не до пола (рядом с ней даже хвост Давыда выглядел куцим), с громовым голосом. Танцевать с ней рискнул, кажется, только Яков Захарович. Давыда она приветствовала фразой: «Не думала, что у моего задохлика-братца такой красавчик народится», Арину осмотрела скептически. С Белкой они болтали как закадычные подружки, но видно было, что вряд ли они стали бы общаться, не будь родней.

— Мам, давай завтра? — Шорин наконец-то оторвался от зеркала. — У нас с Ариной как раз выходной.

— Хорошо, я тогда дошью Осеньке парадную рубашечку, чтобы тоже красавчиком смотрелся, — улыбнулась Белка и села за машинку.

На следующий день она продемонстрировала плоды своих трудов — крохотную, но совершенно настоящую матроску, как раз по размеру Оси. Осип Давыдович обновку одобрил — загулил восторженно. А вот от вязаных ботиночек отказался. Даже папины уговоры не помогли.

Арина надела потрясающее шелковое платье, недавно подаренное Давыдом, — зеленое, с узором из маленьких цветочков, с белым воротничком и пуговками-жемчужинками. Абсолютно прелестное. Нежнейшее.

Апрельский день был солнечный, пекло почти по-летнему, до фотографии Петросяна, самой известной и лучшей в городе, идти было далеко. Арина всю дорогу с удовольствием ловила на себе, Давыде и Осе восхищенные взгляды прохожих.

В фотографии уже был клиент. Судя по злому и усталому голосу Петросяна, клиент этот торчал там уже давно и радости не приносил.

— Прошу вас, не надо поз! Это просто фото на документ. Сделайте серьезное лицо, уберите руки от головы, а ноги от моего фона — вы его уже весь расцарапали! — голос Петросяна звучал обреченно. — Не выгибайте шею, не прикрывайте глаза!

Арине стало любопытно, что за странный клиент у Петросяна. Оставив Давыда и Оск гулять в тени лип, она заглянула в студию.

Она ожидала увидеть там кого угодно: заезжую кинозвезду, портовую девицу, балующихся детишек. Но перед Петросяном стоял Кодан. Кирилл Константинович небрежно опирался на бутафорские перила, стоящие на фоне. Выставив вперед ногу и старательно вытягивая мысок, каблуком второй он царапал краску колоннады. Глаза его были томно прикрыты, а одна рука...

«Как будто локон теребит», — подумала Арина.

— Давыд, посмотри пожалуйста. Там мужчина стоит в странной позе, что-то очень знакомое — не могу вспомнить. Вот представь, что он рукой теребит локон...

Давыд, не споря, не расспрашивая, бросился рассматривать незнакомца..

Вернулся задумчивый.

— Как он начал перила ногой ковырять — прямо по нервам. Захотелось в морду ему дать. Вот было же уже такое... Точно было, но когда — припомнить не могу. Но знаешь... Такая тоска рядом с ним...

— Как над обрывом, когда броситься хочется? — уточнила Арина, — То есть как от Смертного?

И тут Арина вспомнила, где видела похожую позу. Тогда Шорин среагировал точно так же — пустился бегом.

— Так, дорогой. Я в УГРО, а ты попроси у Петросяна сфотографировать гражданина: как есть, изогнутого, — и адресок у него спроси. Потом Оську Белке сдай — и тоже подходи. Тут кое-что важнее тети Галы.

Шорин кивнул. Даже не стал дежурно шутить, что важнее тети Галы ничего быть не может.

Арина почти бегом добежала до каретного сарая и принялась рыться в ящике со старыми негативами. Даже похвалила себя за привычку не выбрасывать испорченные и не относящиеся к делу кадры.

Наконец нашла пленку с нужной датой. Рабочие там были только два кадра в начале: сравнение запонки с места преступления с запонкой подозреваемого. Дело старое, давно раскрытое.

А вот дальше шли снимки с далекого августовского пикника. Когда это было? Года два назад?

Собачка Цецилии Цезаревны, Евгений Петрович на воротах, пойманная прямо руками рыба — кто-то из рябчиков изловчился ... Наконец-то пошли нужные кадры: Наташа на фоне мотоцикла Шорина. Одна нога выставлена, другая — царапает краску, глаза прикрыты, между пальцев — блондинистый локон.

Арина вырезала нужные кадры, на секунду полюбовавшись еще одним — на нем Ангел (на негативе — негр с белыми веснушками и черными зубами) смеялся счастливо во весь рот.

Пока возилась с пленками, прибежал Давыд. Увидав негативы, разулыбался, закричал на все УГРО:

— Монька! Ты нам с Ариной по гроб жизни благодарен будешь! Нашли, нашли нужного Смертного! Вот и адресок его!

Моня разве что не расцеловал обоих. Свистнул двух рябчиков — и убежал.

Вернулись быстро, ведя Кодана в наручниках.

— Давайте к Давыду Яновичу в кабинет его. Там допросим, — попросил Моня рябчиков.

Тонкая стеночка между кабинетами Арины и Давыда хорошо проводила звук. В этом они убедились не раз. Теперь же прижались к ней ушами и замерли.

— Я буду разговаривать только с вашим драконом, — Кодан говорил спокойно, чуть свысока.

— Предположим, здесь мы решаем, кто будет с вами говорить, — отрезал Моня.

— Как вас там? Цыбин? Вы производите впечатление умного человека. Говорить со

мною может кто угодно. А вот я — я буду говорить только с драконом.

— Ну, у нас есть методы...

— Которые вы не будете использовать. Потому что, повторяю, выглядите умным человеком.

Хлопнула дверь.

— Шорин, поговоришь с гражданином? — Моня шепнул это почти в ухо Шорину, подойдя вплотную.

Шорин кивнул, вышел, а Моня прижался ухом к стене.

— Шорин, Давыд Янович. Эксперт особого отдела. Дракон, — раздался из-за стень бодрый голос Давыда.

— Ну, присаживайтесь... дракон. Не обессудьте, чаю не предложу — самому не дали. Вода вон есть. Не возражаете, если я закурю?

— Возражаю.

— Тогда откройте окно. Не беспокойтесь, не те мои годы, чтоб через форточку от вас удирать.

Судя по звукам, Шорин окно открыл. Оба собеседника молчали.

— А скажите, дракон, — начал Кодан после долгой паузы, — каково это — быть драконом?

— Не знаю. По-другому не пробовал.

— А все-таки? Вы же видите, как живут другие... Сравниваете, оцениваете.

— Ну-у-у-у, — задумчиво протянул Давыд, а потом, словно опомнившись, заговорил твердо и недобро: — Мы здесь не чтоб мою жизнь обсуждать, давайте к делу.

— Скажите, дракон, вы хороший человек? — как ни в чем не бывало продолжил Кодан.

— Хороший. Итак, что вы, Кодан Кирилл Константинович, делали двадцатого марта тысяча девятьсот сорок восьмого года?

— Я, как бы это поточнее выразиться, делал... Делал счастливое будущее для нашей страны и всего мира.

— И каким же образом?

— По классикам марксизма-ленинизма. Обобществление средств производства, так сказать.

— В ваших устах звучит мерзко. По моим сведениям, в этот день вы убили человека. Гражданку Вратареву Наталию Александровну, 1925 года рождения.

— Побочные издержки. Дело-то не в этом.

— А в чем же?

— Как я уже сказал, в том, что средства производства, тем более такие мощные, как Особые способности, должны принадлежать народу, а распоряжаться ими должны не те, кто получил их по случайности рождения, а достойнейшие.

— Пожалуй, вам лучше было бы поговорить с Мануэлем Соломоновичем — он умеет светские беседы вести.

— Боюсь, он не сможет меня понять.

— А я, значит, смогу?

— Если возьмете на себя такой труд. Уверен, за полчаса смогу объяснить вам все.

— А если нет?

— Все зависит от вас. Хотите послушать меня — дайте хотя бы полчаса. Не хотите — что ж, проведу время в молчании.

— Ладно. Даю вам ровно тридцать минут, говорите что вздумается, а потом уже перейдем к делу.

— Позвольте, Давыд...

— Янович.

— Давыд Янович! Я говорю исключительно по делу. Это вы меня отвлекаете на каких-то малосущественных Вратаревых.

— Предположим. Итак, у вас полчаса.

— Начнем с вашего детства. Скажите, какая у вас была любимая книга?

— Не помню.

— А любимая игра?

— Ну... Как у всех, наверное. Вы извините, я детство свое плохо помню.

— Простите, если доставил неудобство своими вопросами. Давайте отвлечемся от ваших воспоминаний. Вот скажите мне, идеальный для страны дракон — он какой?

— Я, значит, по-вашему, плох для дракона?

— Отнюдь. Если считаете идеальным себя — так и скажите, мол, образцовый дракон перед вами. И любой главнокомандующий должен это понимать и ценить. А раз не понимает и не ценит — значит, дурак.

Моня с Ариной испуганно переглянулись. Кодан то ли болтливый глупец, то ли хитрый провокатор. Но Арина знала — к сожалению, Кодан отнюдь не глуп.

— Да нет, не образцовый я. Обычный, не хуже — не лучше прочих.

Моня улыбнулся — Давыд, сам того, кажется, не понимая, съехал со скользкой темы.

— И чем же вы не идеальны? — продолжил Кодан гнуть свою линию.

— Образован мало. Опять же, беспартийный...

— А вот, скажем, появится человек — образованный, приятный в общении, партийный... Но вот не повезло ему — ординар.

— Да, такое часто случается. Вон, Клим Петрович, парторг наш. Или там Гарик Асатурян, есть у нас такой следователь. Да хоть жену мою взять, Арину Павловну. Училась много, партийная, характер боевой, но дипломатичный...

Моня выразительно посмотрел на Арину и поднял указательный палец. Мол, обрати внимание — ценит.

— Так Ирина Павловна — ваша супруга? — в голосе Кодана послышалось несколько больше заинтересованности, чем было до сих пор. — И что она в вас... Впрочем, не о том разговор.

Вот если бы можно было передать свою силу другому человеку. Более, по вашему мнению, соответствующему представлению об идеальном советском драконе — вы бы это сделали?

— Зачем?

— Во-первых, чтобы у Родины был тот самый идеальный дракон. Во-вторых, чтобы пожить для себя. Книжки наконец-то почитать, в футбол поиграть... Кем вы, кстати, хотели быть в детстве?

— Как это?

— Ну все ж мечтают. Кто-то врачом хочет быть, кто-то продавцом мороженого... Ваши ровесники, думаю, через одного мечтали быть авиаторами.

— Никогда об этом не думал. Я дракон. Отец был дракон. Дед. Прадед.

— Вот и я о том же, Давыд Янович, ровно о том же. Вот прямо сейчас — если бь

выбирать, кем работать, — кем бы вы стали?

— Я дракон.

— А если нет?

— Это невозможно. Я родился драконом, им и умру.

— А все-таки? Ну, попробуйте, проявите фантазию...

— Не знаю. Наверное, в опера бы пошел. Или в шоферы. Или вот за лошадыми ухаживать...

— Любите лошадей? — Кодан явно заметил, с какой нежностью Шорин сказал последнюю фразу.

— Я всех живых люблю. Лошадей, собак, детей... Даже кошек... наверное.

— Кошки прекрасны. Особенно коты. Имел честь дружить с двумя замечательными представителями.

— Возможно.

— Кстати, ведь есть же милицейские собаки. Что вы думаете о работе кинолога? Это как раз собачий наставник, к кинематографу отношения не имеет.

— Неплохой вариант.

— И вот представьте: вы с собачкой бегаете, а кто-то достойный, тот же ваш Клим Петрович или... — тут Кодан запнулся, — или кто-то другой — исполняет должность дракона. На рожон, в отличие от вас, не лезет, в споры с начальством не вступает. Пользуется любовью и уважением коллектива.

— Не получится. Не смогу спокойно с собачками возиться, если буду знать, что человек за меня жизнью рискует. Хоть Клим, хоть кто.

— Хорошо, а как вам такой вариант? Собираем Особые силы по крупинкам. У единичек, двоек, троек... По сравнению с вами они же так, почти ординары.

— Ну, все-таки есть разница.

— Вы знаете, что от ранга к рангу сила Особых растет не линейно, а экспоненциально. То есть вы сильнее единички не в тринадцать раз, а раз так...

— Не важно.

— Вы абсолютно правы, в данном случае точная величина не важна. Но, чтоб дать силу дракона, скажем, Особому девятого ранга, надо еще пятерых таких же...

— Пятерых таких же... Что? Пустить в расход?

— Отчего же нет? Это в ваших интересах.

— В моих?

— В интересах вашего Особого отдела. Вы в курсе, кем были те, кого я, как вы выразились, убил?

— Людями. Советскими гражданами.

— Прошу вас, Давыд Янович, не кокетничайте — вам не к лицу. Будем честны: не позаимствуй я у этих людей их силу, они вряд ли воспользовались ею на благо общества. Хотите, вы будете называть моих, скажем так, жертв — а я подробно расскажу о каждой. У вас же есть список?

— Есть.

— Давайте по порядку, время ведь еще есть?

— Да, у вас еще пятнадцать минут. Итак, первый труп, апрель 1946 года. Земсков Рудольф Олегович. Не знаю, что за фрукт.

Моня повернулся к Арине и закатил глаза. Ну да, молодец Шорин, много успеет

рассказать подозреваемому...

— Конечно, не знаете, — даже сквозь стенку было слышно, что Кодан говорит с самодовольной улыбкой, — карманник он. Приезжий, из Балты. Изволил польститься на мой бумажник. Как видите, сам выбрал стать первым моим источником.

— А чем вам Антонина Круглова не угодила? В марте 1947-го?

— Воровка-то безногая?

— А Феликс Коваленко в декабре? Ребенок же!

— Вот тут каюсь. Не люблю подростков. Наглые твари. А этот — тот еще волчонок. Подошел, огня спросил. Маленький, засранец, а уже курит. Видно, по какой дорожке пойдет. Даже через стену было слышно, как Шорин заскрежетал зубами.

— А Виктор Плотников? — наконец продолжил он глухо.

— Значит, про Глазунова и без меня знаете. Хорошо. А про Плотникова еще не выяснили? Полюбопытствуйте, что он делал в Левантии во время оккупации. Весьма, гм, поучительная история.

— А вы, кстати, что делали в том же месте в то же время?

— Пытался выжить, извините, если вам это неприятно. Отстал от поезда — не смог эвакуироваться. Нашел единственную работу, дающую кусок хлеба. Не по специальности, преподаватели истории почему-то оказались не слишком востребованы. Уборщиком. По десять часов вытирал кровь, гной и прочие... неаппетитные вещи. Потом на мне ставили опыты. Как на крысе. Выжил — и даже обрел некоторые способности, которых раньше не имел. История не героическая, но и не позорная.

— Значит, вы не убийца, а жертва фашистских экспериментов...

— Давыд Янович, вы сотрудник милиции, а потому должны понимать важность точных формулировок. Во-первых, эксперименты на мне проводил не фашист, а советский ученый Антон Хайков, хорошо, как я понимаю, известный вашей, гм, супруге. Спросите у нее — она вам подтвердит, что в пылу научных изысканий он мог просто не заметить оккупации. Румыны... немцы... Ему было важно закончить работу. А во-вторых, я никого не убивал.

— Вы же сами только что признались...

— Признался в том, что забирал особые способности у вышеозначенных лиц. Которые, будучи преступниками, использовали свои способности явно не во благо общества и государства. А то, что они помирали через день-другой после нашей встречи — это уж не ко мне. Я знаю, что воздействие Смертного — штука малоприятная, но вот что поделаться — такова уж моя особенность. Я тоже не выбирал, кем родиться...

— Зачем вы это делали?

— Чудак-человек! Я же вам объяснил: на благо родины. Вы же знаете, у нас осталось не так много драконов. Еще один будет не лишним. А то и два, и три... Мы с вами оба увеличиваем поголовье драконов... Несколько разными методами.

— Ты меня с собой не равняй, — Шорин прорычал это тихо, но так низко, что звук отозвался у Арины в костях.

— Простите, если доставил беспокойство. Успокойтесь, вот, водички выпейте.

В ответ раздался рык. Арина попыталась вскочить как-то успокоить Давыда, но Моня ее удержал

— Сейчас возьмет себя в руки, — шепнул он. — Дава умничка, Дава сможет.

При этом Моня вперился взглядом в стену — то ли пытался внушить Давыду мысль, то ли мутил что-то. Кто их поймет, Особых.

Давид, судя по звукам за стеной, принялся ходить туда-сюда под спокойный, даже какой-то веселый голос Кодана:

— Ну взгляните на нас с вами объективно. Силища — огромная. Дайте точку опоры — и землю мы не только свернем, но забросим за какую-нибудь Альфу Центавра. При этом я клею коробки в артели, а вы — вот тут, в милиции, на должности, для которой бы тройки хватило с головой.

— Я вполне доволен. А вы, скорее всего, еще долго в свою артель не вернетесь.

— Скорее всего, вы правы. Но я о другом. Вы понимаете, что ваш уникальный дар пропадает втуне?

— Какое отношение это имеет к делу?

— Такое, что и вы, и я хотим приносить пользу. Максимальную, в соответствии со способностями. И моя польза в том, что я могу создавать драконов. В любом нужном стране количестве.

— Предположим. Я только не могу понять, как так вышло, что вы со своим желанием приносить пользу, будучи Смертным, не в армии. Не помню, чтоб кого-то из Смертных демобилизовали.

Кодан тихо застонал, как будто у него внезапно разболелся зуб.

— Какое отношение это имеет к делу?

— Самое прямое. Если вы не ответите мне на вопрос — значит, все, что вы мне тут наговорили, — вранье от первого слова до последнего.

— Ну, хорошо, хорошо... Видите ли... Кирилл Константинович Кодан — это не я.

— А кто?

— Скорее всего, прекрасный человек... был. Я не убивал его. Когда мы впервые увиделись, он был уже мертв. Ординар, но чем-то заинтересовал Хайкова. Я всего лишь убрал... то, что от него осталось после удовлетворения хайковского любопытства... В мои обязанности входило сжигать не только тело, но и одежду. За подкладкой я обнаружил документы.

— Повезло вам. Так все-таки, как получилось, что вас не призвали в армию? Насколько я помню, всех Смертных и, кстати, Особых забрали еще до оккупации Левантии...

— Вот тут вам понять будет труднее. Вы кто по крови?

— Коренной левантиец.

— Понятно. А я вот немец. Иван Стефанович Франц. Да не вскакивайте вы... Смешно но я даже немецкий язык знаю довольно плохо. Моя семья жила в России, кажется, еще с петровских времен. Династия инженеров. Моему прадеду доверили расчет первого в России железнодорожного моста. А мне вот — даже покойников доверять не спешили. Томили, проверяли... Ну, я решил не ждать решения своей судьбы — кинут меня на фронт или сгноят заживо, как неблагонадежного, — да и сбежал куда глаза глядят. Оказался в Левантии. Где и познакомился с покойным Коданом. Как я уже сказал, при весьма печальных обстоятельствах.

— Так для кого дракона-то собираете, гражданин Франц? Для наших или для ваших?

— Надеюсь, для наших, для Советского Союза. Думаю, что родина, а я, простите, считаю родиной отнюдь не Германию, оценит мои уникальные возможности... И я перестану трусливо оглядываться. Стану снова самим собой, уважаемым человеком, а не тварью дрожащей.

— Это вы пока уникальный.

— Вы же знаете, Хайков мертв, записи он оставил в беспорядке...

— Если открытие совершено, его можно повторить! И это проще — потому что уже известно, что оно возможно. Так что незаменимым вы пробудете недолго, а потом...

Что, по мнению Шорина, должно было случиться с Коданом-Францем дальше, никто так и не узнал, потому что на все УГРО раздался мат Якова Захаровича.

— Цыбин! — заорал Яков Захарович, прервав свою тираду.

Моня с Ариной выскочили в коридор.

— А этот твой где? — уже намного тише спросил у Мони Яков Захарович.

— Отказался говорить со мной, захотел с Шориным. Ничего, поболтают немного, потом вернусь — доведу дело до конца. Он признается, дальше вопрос оформления.

— Не получится. Эти... — тут Яков Захарович подробно рассказал некоторые странные особенности конституции и любовных предпочтений подразумеваемых им людей, — из барского дома требуют прислать Кодана к ним. Мол, не наше дело, не наш масштаб.

— А раньше они где были? Когда он Особых по всей Левантии сосал?

— Тогда он их не интересовал. А тут внезапно. Так что пиши бумаги, вызывай конвой — и все. Не наше это дело.

Яков Захарович добавил еще несколько матерных тирад, но уже обреченно, без запала. Моня присвистнул.

— Вот ведь суки, — безнадежно произнес он, — ну и ладно. Ну и черт с ним. Не будет больше убивать — и хорошо. Пусть порадуются. Пусть в столицу отрапортуют, мол, взяли уникального преступника, долго охотились, ночи не спали... Может, им по медальке дадут.

Он говорил зло и обиженно, Арине показалось, что сейчас он заплачет. Она обняла Моню. Даже ревнивец Давыд понял бы ее.

— Суки, конечно, суки. Ты молодец, а они — просто наглые.

Моня засопел ей в плечо.

В ночь на двадцать восьмое число Арину разбудил странный звонок в дверь. Как будто бы кто-то пытался нажимать на звонок, но палец все время соскальзывал. Арина открыла — и на порог хлынули рвотные массы. Вслед за ними обрушился Моня. Если бы не подоспевший Давыд, Моня сбил бы Арину с ног.

Пьян он был чудовищно. Смертельно пьян. Давыд закинул Моню в ванну, не раздевая.

— Сейчас дрова принесу, воду согреть, — засуетилась Арина.

— Обойдется, — рыкнул Давыд и принялся поливать друга холодной водой.

Кажется, это сработало — Моня начал оживать. Уже минут через пятнадцать он лежал в полной ванне ледяной воды, плескал ладонью по поверхности и пел про то, как рыбка хвостиком махнула, рыбка быстро уплыла.

Но желудок ему все-таки промыли. Несмотря на сопротивление и угрозы.

Пока обустроивали Моне гнездышко для ночлега, пока успокаивали раскричавшегося Осю, пока Арина стирала изрядно загаженные Монины тряпки, пока снова успокаивали рычащего Варьку и разбуженного им Осю — рассвело.

Решили уже и не ложиться — сидели и пили чай, поглядывая на мечущегося во сне Моню.

— Никогда не видела его таким, — вздохнула Арина.

— Ты не поверишь — я тоже. Из такого с ним выбирались, вспоминать не хочется. Я на

радостях, что живой, нажирался в сопли, а он всегда меру знал.

Ровно в семь утра Моня открыл глаза, рывком сел — и принялся удивленно оглядываться по сторонам.

— А почему я здесь? — спросил он удивленно, а оглядев себя, добавил: — И без панталон...

— Вот это я у тебя спросить хотел, — потягиваясь, ответил ему Давыд. — Приперся вчера, полквартиры загадил, буянил...

— Я?

— Совсем ничего не помнишь? — сочувственно спросила Арина, подавая аспирин.

— Не, ну почему? Детство помню, стихи какие-то... Имя свое помню... Рожи ваши смутно припоминаю... Но не точно.

— А что вчера было? Хоть что-то помнишь?

Моня попытался задуматься, но сморщился и схватился за голову.

— Ребят, может вы расскажете, что знаете, а я потом подхвачу? А то в голове пустота и мерзость...

— За пивом сбегать? — участливо спросил Шорин.

— Ой, нет! Я теперь, наверное, до старости ничего крепче кефира в рот не возьму. Белла Моисеевна! У вас, случайно, каких-нибудь травок не завалилось на такой случай? — взмолился он навстречу вошедшей Белке.

— Проверенный настой на лекарственных травах с добавлением минералов. В народе именуемый рассолом, — на полном серьезе ответила Белка.

Глаза Мони стали круглыми и молящими.

— Вернемся к событиям вчерашнего дня, — сухо произнес Давыд, когда Моня вылил в себя полную кружку рассола, добавив для пущего эффекта (по настоянию обоих присутствовавших представителей медицины) крохотную рюмку водки.

— Ну, на работе я вчера был... Ну, ты меня видел. А потом...

— Потом тебя к Станиславу вызвали, — вспомнила Арина.

Моня замер. Лицо его налилось кровью, губы задрожали.

— Вспомнил, — прошипел он сквозь зубы, — теперь не забуду.

— Так что было-то?

— Этот кусок дерьма мне между прочим сообщил, мол, извини, дорогой товарищ, недосмотрели мы, упустили вашего Франца, он же Кодан. И руками разводит так, а по роже видно — рад-радехонек. И лыба во всю харю.

Шорин коротко выругался.

— Ты понимаешь, — Моня схватил его за руку, даже не замечая, что сидит на полу совсем голый, прикрытый одной простынкой, — что он и дальше убивать пойдет? Теперь, когда вседозволенность почувал.

— Да все я понимаю... — Шорин автоматически налил себе из принесенной Белкой бутылки прямо в чайный стакан. — Одного не понимаю, с чего кому-то в барском доме так нежно заботиться об этом уроде?

— А я тебе скажу, — Арина говорила зло и сквозь зубы, — помнишь, Ангел хвастался, что Ростиславич его обещал во вторые произвести?

Давыд кивнул.

— А теперь подумай, во вторые при ком.

— Я думал, при мне... Моню побоку — как ненадежного и шибко умного, а Ангела

вместо него...

— Это вряд ли. Ну куда тебе во вторые ординара, да еще и влюбленного в тебя по уши? — рассудительно произнес Моня, жестикулируя одной рукой, а другой придерживая простынку. — Ты его тут же с пути истинного собьешь.

— Ага, этот может, — кивнула Арина

— И это, Давыд, раз уж пьешь в уже почти рабочее время — мне тоже плесни, — Моня продолжил разглагольствовать, — но вот не жаловался ли тебе Станислав... Кстати, как его фамилия, кто-нибудь знает?

Арина недоуменно переглянулась с Давыдом. Ну ладно, она-то не так уж давно познакомилась со Станиславом, но остальные-то...

— А черт его знает, — признался наконец Давыд, — я пытался спрашивать...

— Я тоже по своим каналам выяснял — глухо. Никто не знает. Может, вообще бесфамильный какой. Но не в том дело. А в том, что жаловался он мне, мол, мог бы историю делать, а вместо этого пасет тебя, как нянька в яслях.

— О! Мне он тоже что-то такое говорил... — припомнила Арина.

— Во-о-от. То есть хочет большего. Он проговаривался пару раз — мол, в чинах обошли, медалек недодали... А тут такая оказия — из нянечек прямо в драконы. Да, ребят, где моя одежда?

Арина умоляюще посмотрела на Давыда. Ночью она отстирала все, что могла, но все равно — пижонский костюм, белоснежная когда-то сорочка, галстук-бабочка, кепочка, да даже исподнее — были безнадежно испорчены. Арина попыталась восстановить по уликам действия Мони в состоянии опьянения — получалось, что часть пути он прошел на пяти костях, потом отдохнул в какой-то канаве, ввязался в драку, еще добавил водки, искупался... В общем, вечер провел насыщенно.

Давыд ответил Арине таким же беспомощным взглядом.

— Так, вас понял, — вздохнул Моня. — Давыд, не в службу, а в дружбу — смотайся до УГРО, там в кабинете Особого в шкафу моя форма висит... Внизу сапоги, в глубине — портфель со сменой белья... В общем, глянь там хозяйским глазом. Только это... Лике не попадайся, ты уже немного нетрезв.

Давыд побежал исполнять.

— Арин, извини, что я в таком виде приперся. Стыдно — не передать как, — вздохнул Моня, когда они остались вдвоем.

— Не бери в голову. Все нормально.

— Ничего не нормально! — вспылил Моня, наливая себе водки. — Ты понимаешь, что теперь любая жертва этого Франца — на моей совести?

— С чего бы? Вот скажи, что ты мог сделать? Хоть на законных основаниях, хоть с применением Особых способностей, хоть...

— Да ничего я не могу. Ничегошеньки. Но и смотреть, как преступник разгуливает по Левантии и убивает людей, — тоже не могу, — Моня выпил и налил еще. — Вот что ты мне прикажешь делать?

— Во-первых, прекратить хлестать водку. Запоя тебе не хватало.

— Кстати, это выход. Запью — и пусть они там хоть пол-Левантии положат ради своего дракона домодельного, мне все равно будет.

— А потом? Когда-нибудь придется выйти...

— А потом... А знаешь, не буду я ждать никакого потом! Найду этого Франца — и

сдамся ему.

— Зачем?

— Во-первых, с меня много Особой силы взять можно. За десяток-другой троек пойду.

— Уже несерьезно. Думаешь, доделает он Станислава своего — и успокоится? Только во вкус войдет. Это сейчас он хочет на благо страны служить...

— А потом?

— Сколько, ты говорил, нужно драконов для переворота?

— Тоже мысль. И ни разу не радует. Так что остается во-вторых: я всей этой ерунды не увижу. Потому что буду мертв и спокоен. И срать мне будет на всех Францев этого мира.

Моня почти прокричал последнюю фразу.

— Так, пойдем в ванную. Ты опять нажрался, — вздохнула Арина.

К возвращению Давыда ей более-менее удалось привести Моню в подобающий вид. Он сидел в шоринском халате и с мокрой головой в уголке, икал и гладил Варяга.

— Моня, учти, я никогда раньше этого не делал — могут быть последствия, — Шорин положил руку на затылок друга.

— Ай! Ты совсем? — вскрикнул Моня абсолютно трезвым голосом и добавил уже тише: — Спасибо, Дава, я в порядке. Но в следующий раз — поаккуратнее.

— В следующий раз я тебя просто прибью. В нашей компании может быть только один тоскливый пьяница — и это не ты. Не идет тебе. На вот, оденься. Лика меня все-таки поймала, сказала, что уже в курсе. Обещала лишить нас обоих премии за пьянство и пораженческие настроения.

— Легко отделались, — вздохнул Моня и принялся натягивать принесенную Давыдом одежду.

Когда на следующий день Моня пришел на работу в форме, Арина несколько удивилась. Форма ему не шла категорически. Погоны топорщились на покатых плечах, начинающееся пузико уютно лежало на ремне, португепя съезжала в сторону — и Моня рассеянно поправлял ее жестом, которым женщины поправляют лямку сарафана.

Под папироску она попыталась намекнуть Моне, насколько нелепо тот выглядит. Но всегдашний пижон и модник только отмахнулся:

— Зато практично. По утрам галстук подбирать не надо.

И даже не заметил, что стряхнул пепел себе на штаны.

— Давид, ты уверен, что Моня в порядке? — спросила она вечером мужа.

— Уверен, что нет. Но как это исправить — не знаю.

— Ну, тебе он как-то помог...

— Сказал, что от тоски помогают морской воздух, работа, мамины борщи и сговорчивые девушки, а потом предоставил все перечисленное. Предлагаешь по бабам его сводить? Я не против, но ты же ревновать будешь...

— Давид, не валяй дурака, — одернула мужа Арина. Но если бы она сама понимала, что делать!

Единственное, что она могла придумать, — это звать Моню по вечерам к ним в гости, кормить вкусным, развлекать стихами и разговорами.

Моня сначала сидел, как неживой, отвечал рассеянно и невпопад, ложку в рот засовывал, кажется, не замечая содержимого.

Но постепенно природный оптимизм взял верх.

Как-то, задержавшись на работе, Арина вернулась домой около девяти — и застала Белку, подглядывающую в замочную скважину собственной комнаты.

— Нет, ты посмотри, как эти четверо резвятся, — утирая выступившие от смеха слезы, шепнула она Арине.

Зрелище и впрямь было забавное. Посреди комнаты стояло вытасченное из угла громадное кресло.

За ним в нелепых позах прятались Давид и Моня. Время от времени то один, то другой высовывал из-за кресла голову и кричал «ку-ку».

Ося каждый раз всплескивал руками и счастливо смеялся.

Варяг тоже принимал участие в забаве — цапал сидящих в засаде за пятки. Не всерьез, конечно.

Моня, в очередной раз высунувшись из-за кресла, рассмеялся. Арина поняла, что давно не слышала его смеха. Ей стало легко и радостно.

— Серьезные взрослые люди, офицеры милиции, а дурью маетесь, — она, притворно ворча, вошла в комнату.

— О! Наша совесть явилась! Судя по всему, на ужин сегодня — только новые подробности по делу Луговского?

— Ну, щц, конечно, вчерашние, так что ваше высочество, боюсь, побрезгует...

— Чего? Это когда это я, мадам, вашими щцами-то брезговал? — возмутился Моня, галантно поцеловав Арине руку и на секунду обернувшись, чтобы помочь Давиду поставить кресло на место, — А сейчас я их вместе с кастрюлей слопаю. И с этим кудлатым

недоразумением, если оно меня кусать не перестанет. Варька, серьезно, отстань ты уже!

Арина с Давыдом улыбнулись друг другу — кажется, прежний Моня вернулся. Как оказалось, не надолго.

Через неделю позвонили из местной больницы.

— У нас тут от вас бумага, мол, если смерть внезапная и кожа желтая — звонить. Еще надо? А то у нас тут парень похожий...

Всю дорогу до больницы Арина молилась, чтобы этот звонок оказался ошибкой. Чтобы это оказался гепатит, или там цирроз, ну или пусть покойный окажется китайцем. Мало их, что ли... Очень старым китайцем... Ну пожалуйста, Господи!

Но, видать, Господь был слишком занят — не оказался тот труп ни старым китайцем, ни алкоголиком, да и печень у него была в порядке. Молодой парнишка, водяной.

Почерк Кодана-Франца узнать было нетрудно.

— Мануил Соломонович! А что это вы в чужие дела лезете? Докторов вот от работы отвлекаете... Нехорошо это, право слово, нехорошо! — раздался голос у них за спинами.

Арина, не поворачиваясь, узнала Станислава Ростиславовича. Моня развернулся на каблуках:

— Согласитесь, Станислав Ростиславович, смерть наступила при не самых обычных обстоятельствах. Так что вынуждены будем начать следственные действия. Работа, знаете ли.

Станислав, пропустив слова Мони мимо ушей, обернулся к Шорину:

— Давид Янович! Давно не виделись! Редко заходите. Вы же знаете, ко мне можно без приглашения, — и тут же поклонился в сторону Арины: — Ирэна Павловна, рад видеть вас снова на рабочем месте. Как там Иосиф Давидович? Здоров? Много ли веса набрал?

— Станислав Ростиславович, — отчеканил Моня, — попрошу вас не мешать нашим экспертам выполнять свою работу.

— А это не их работа. И не ваша, и не моя. Вы же прекрасно видите, что человек стал случайной жертвой эксперимента, в результатах которого заинтересованы люди не вашего масштаба, и даже не моего. Понимаю, вам неприятно. Но не волнуйтесь. Еще совсем немного — и если эксперимент окажется удачным, то поставки, так сказать, будут осуществляться централизованно. Буквально еще десяток-другой неприятных инцидентов — и об этой истории можно будет забыть.

Улыбка Станислава стала еще шире и лучезарнее.

— Пойдемте, нам здесь делать нечего, — прошелестел Моня посиневшими сухими губами.

— Нет, ну не может быть, чтобы не было выхода, — Арина прижала руки к вискам. Казалось, мысли сейчас разорвут ей голову.

— Есть выход. Есть, — мрачно ответил Давыд, не глядя на товарищей.

Но соврал Шорин. Дни шли, а ничего не менялось. Моня ходил в форме, грязной и мятой, на попытки хоть как-то его развеселить не реагировал. Он втягивал голову в плечи, отчего казался еще ниже ростом, сильнее прихрамывал на больную ногу, много и неопрятно курил. Даже, кажется, начал грызть ногти.

Давыд нервничал, рычал на всех, а вечерами молча сидел в углу и чистил пистолет. Говорил, что ему это как вышивание крестиком — успокаивает.

Даже стал предлагать коллегам почистить их оружие — в УГРО все говорили о скорой проверке.

Соглашались, как правило, те, кто оружием пользовался как Арина — никогда: эксперты и «кабинетные» следователи. Еще Кролик попросил — сказал, что у него пока что не очень получается.

— Ты, главное, детали не перепутай, — просила мужа Арина, — а то ко всем напастям еще я с ума сойду.

— Тебе так важна целостность оружия?

— Ну... Это, немножечко, часть моей работы. У меня образцы пуль всего табельного оружия есть. Ну... наших. Так что если перестрелка — могу со спокойной совестью написать: «Вот эту, эту и эту пули выпустили наши сотрудники, а вот эти пули — чужие». А так — придется искать, что за странная машинка пулю выпустила. Тебе нужно?

— Буду аккуратен, — успокоил Арину Давыд. А потом сжал ее руку в своей, горячей и сухой.

— Скажи, Арин, ты же не бросишь меня, если что? Ну если я, скажем, окажусь... ну не таким хорошим человеком, как ты обо мне думаешь?

— Давыд! Ну кто тебе сказал, что я думаю о тебе как о хорошем человеке? — отшутилась Арина. Но ни веселья, ни гнева шутка не вызвала.

Чем дальше — тем хуже становился Моня. Сидел в углу кабинета Особого отдела, безучастно глядя в стену. Не курил, не ел, не разговаривал. Что-то делал, только когда требовали — и делал через силу, двигаясь рывками, как ржавый автомат.

У Арины сердце разрывалось, но даже сама Орлова, к которой Арина бегала на поклон, ничего придумать не могла.

Давыд взял моду по вечерам выходить прогуляться на час-другой без Арины. Раньше она бы заревновала, а теперь — гуляй, дорогой, без тебя спокойнее. К случившемуся с Моней добавилось ожидание очередной комиссии. Очередного признания Давыда неполноценным.

В середине августа Оська подцепил краснуху, и Арину это отвлекло от рабочих дел.

Все изменилось в сентябре. Конечно, ни о какой вечеринке у Мони речи не шло. Представить себе этого расхристанного, разбитого, дурно пахнущего человека рисующимся перед гостями, распеваящим романсы или ведущим в танце даму было невозможно.

Но утром третьего сентября их позвали на труп. Участковый, обнаруживший тело, деталей не сообщил.

Теперь на трупы ездила от Особых только Лика. Тоже не самый жизнерадостный человек, но она хотя бы какие-то силы в себе находила.

А тут вдруг заупрявилась:

— Цыбин, вы все-таки за что-то получаете зарплату, — противным голосом отчитала она Моню, — так что поезжайте. И эксперта захватите.

Моня сопротивляться не стал. В катафалке сидел отрешенно, смотрел себе под ноги. К трупу даже подходить не стал, вяло махнул рукой Арине с Давыдом.

Арина наклонилась над телом — и со всей силы дернула Давыда за штаны.

— Быстро, зови Моню.

Тот глянул — и поспешил к другу.

— Монь, тут твой глаз нужен. Моня опять вяло махнул рукой.

— Если ты не пойдешь посмотреть, то я тебя на руках отнесу, — пригрозил Давыд.

— Да иду я, — Монин голос звучал, как из погребка.

Но стоило Моне глянуть на труп — как краска прилила к его лицу.

— Ребят, вы тоже видите ту же картинку? — спросил он, выпучив глаза, — Нет, я, конечно, смерти радоваться не могу... Но...

Арина выдохнула.

— А погода-то сегодня какая хорошая! Вон, ни облачка на небе, — вдруг заметила она.

— И птицы поют, — удивленно добавил Давыд.

— В общем, ребята, вы как хотите, а я сегодня искупаюсь, — подхватил Моня, — а возможно — даже нажрись. Грешно сказать, но на радостях.

— Простите, я не совсем понимаю... — начал застенчиво Кролик.

— Записывай, — строго ответила ему Арина, — мужчина, на вид лет 45–48, худощавый, волосы седые. На теле следы трех пулевых ранений, сделанных с близкого расстояния. Подробности потом, но предположу, что вот это, в сердце, послужило причиной смерти. В кармане... — она аккуратно отодвинула полу пиджака и сунула руку в нагрудный карман, — ну да, в кармане паспорт на имя Кодана Кирилла Константиновича.

— Интересно, кто его так, — промурлыкал Моня, — впрочем, Кролик, дело явно ваше. Так что расскажешь потом. Только это... Не усердствуй особо.

— Не сможет, — зло сказал Давыд и показал рукой.

К ним ехала сияющая черная «эмка». Такая в городе была одна — и значилась она за МГБ.

Из машины вышел весьма упитанный холеный мужчина лет сорока с длинными усами и небольшими черными глазками. За ним выскочили двое помоложе и застыли почтительно.

— Труп — осмотреть. Как только его привезут в морг — осмотреть повторно и составить заключение, — приказал он высоким голосом, лениво растягивая гласные.

— А вы, простите, кто будете? — тихо спросил Моня, заступая ему дорогу.

Вновь прибывший оглядел Моню с ног до головы, останавливаясь взглядом на каждой расстегнутой или оторванной пуговке, на каждом пятнышке одежды.

— Кто я буду — я знаю. А вы кто?

— Капитан Цыбин, уголовный розыск.

— Можете быть свободны, Цыбин, я вас не держу.

— Прекрасно. Но все-таки. Кто вы?

— Какая вам разница, Цыбин? Речь идет о деле государственной важности. Убийство этого человека, считайте, измена Родине.

Подбежал Кролик.

— Старшина Кролик, руководитель группы расследования. По какому праву вы тут распоряжаетесь?

У Арины брови полезли вверх. Во-первых, кто сказал Кролику, что он тут кем-то руководит... Он тут самый юный, самый малоопытный, самый младший по званию, если уж на то пошло. Но, с другой стороны, а кому еще руководить? Тоскливому, ушедшему в себя Моне? Им с Давыдом, чьи должности экспертов как бы подразумевают не главную роль? А во-вторых, голос у Кролика из мальчишеского превратился в серьезный, взрослый и очень недобрый.

— А что будет, если я вам не отвечу? — усмехнулся лощеный. Кролик спокойно достал пистолет.

— Я вас пристрелю. В отчете напишу, что имела место попытка похищения трупа с

места преступления. Возможно, мне докажут, что это было не так. Но это будет уже после ваших похорон.

— Прекратите балаган, юноша! — попытался защищаться МГБ-шник. Но осекся. Это не была детская бравада. Кролик не шутил. Лицо у него стало как у статуи — жесткое и какое-то неживое.

— Итак, прошу вас, не делая резких движений, дать моему коллеге, — Кролик кивнул на Цыбина, — документы и представиться. Вслух и отчетливо.

— Татаренцев. Александр Владимирович, майор государственной безопасности, то есть человек, у которого вы в подчинении. И если считаете, что эта выходка сойдет вам с рук...

— Документы, документы передайте, мой коллега ждет. Сказать-то много что можно. Мне вчера один форточник сыном Сталина представился.

Давыд молча сделал два шага вперед. Теперь он стоял между Кроликом и Моне, чуть сзади, как вторая линия обороны. Арина понимала, что смысла в этом нет, — но тоже подошла. Стрелять она, конечно, не собиралась, но все-таки.

Татаренцев двумя пальцами достал из нагрудного кармана служебное удостоверение и небрежно отдал его Моне.

— Не врет он, Борис Лазаревич, — сообщил Моне, — точно, Татаренцев, майор... Так что извинись перед товарищем — и уходим.

— Дай проверю, — сказал вдруг Шорин — и прошел к Моне, чуть не наступив на труп. Арина поняла, что все это сон. Взрослый суровый Кролик. Мягкий бесхребетный Моне Давыд, топчущий место преступления, да еще и интересующийся какими-то бумагами... Мертвый Кодан, в конце-то концов. Так не бывает, а значит — надо проснуться. Но проснуться не удавалось.

— Да, Мануэль Соломонович, действительно Татаренцев. Знаком ли вам этот человек? Я, признаться, первый раз его вижу.

— Тебе же тут черным по белому написали — из столицы приехал, — Моне показал нужную строчку, делая шаг в сторону друга — и тоже топча место преступления, — верни товарищу начальнику документ — и пойдем уже. У меня рабочий день кончается.

— Да пожалуйста, — Давыд переступил через труп и вложил удостоверение в руку Татаренцева. — Пойдемте, я бы вот после работы пивка хлебнул.

В катафалке Моне зашипел на Кролика:

— Ты что творишь? Жить надоело? Ты понимаешь, с кем сцепился?

— Понимаю. Мне про то, как они этого... покойного отпустили, Николай Олегович рассказывал. У них свои игры, но я им помогать не собираюсь.

— Сядешь.

— А я и так и эдак сяду. Вся семья там, я последний остался. Так что бояться мне нечего.

— Как знаешь. Но нас с собой не тащи, герой. Мы свое отвоевали, хотим дальше жить мирно и спокойно.

Кролик вскочил с сидения.

— Мануил Соломонович! Вы себя видели? Я пришел — все только и говорили: Моне то, Моне это, Моне может все, Монею все женщины обожают, а мужчины тихо завидуют... А вы на себя посмотрите! Грязный, небритый, говорите шепотом... Развалина. Я и в лагере жить буду, если надо, а вы на свободе не живете, а так — коптите! А все из-за этих... Из-за этого...

— У тебя зеркала не будет? — Моня отвернулся от негодующего Кролика к Арине. Та протянула. Он задумчиво разглядел щетину на физиономии.

— Вазик! Высади меня у Рождественской, все равно мимо поедем. Я скоро вернусь.

Через час он вернулся в УГРО. В белоснежной рубашке с янтарными запонками, в клетчатом галстуке-бабочке, в костюме в полосочку, в шляпе-панаме, выглядящей старомодно, но мило. Выбрит был идеально и одеколоном пах деликатно, но отчетливо.

Как будто бы двойник, заменявший все это время Моню, наконец-то ушел, вернув прежнего Цыбина в целостности и сохранности.

— Товарищи, — Моня взял слово на вечернем собрании, — у меня сегодня личная дата. День Победы... во всех смыслах. Приглашаю всех присутствующих ко мне. Прямо сейчас. Ничего не готово, но организуем что-нибудь по возможностям. Скромные дары в виде жвачки и выпивки глубоко приветствуются.

А спрыгнув с трибуны (Давыд вжал голову в плечи — ну как приземлится на больную ногу) — тихо сказал уже Кролику лично:

— Спасибо, Борь. Ты это, не торопись садиться, у нас тут весело, девушки хорошие. Давай познакомлю с одной...

Последний дракон

— М-да. Судя по времени — нарезался. Еще минут пятнадцать — и пойду его искать, — озабоченно констатировал Моня, глядя на часы.

Арина только вздохнула и подлила ему чаю. И именно в этот момент щелкнул замок на двери. Шорин почти вбежал в комнату с цветами в одной руке и позвякивающей сумкой — в другой, бросил сумку на диван — и обнял Арину, закружил ее по комнате, а потом поцеловал, смачно и долго.

— Двенадцать тестов! И все на ура! Полностью восстановлен, готов к возвращению! — прокричал он.

Арина и Белка переглянулись. Арина пыталась почувствовать ту радость, что охватила Шорина, но ощущала только сосущую тоскливую тревогу.

— Не ори, ребенка разбудишь, — вот Моня, кажется, был искренне рад за друга. — И где теперь нужны драконы? Война-то кончилась...

— О! Там отдельная песня. Берлин помнишь? Будем примерно теми же методами мировой коммунизм насаждать.

— Сильно. Прямо с завтрашнего дня?

— Не, две недели на уладить дела — и вперед, — Давыд наконец-то с размаху сел на стул и запустил пальцы в вазочку с печеньем.

— А откуда начинаем? Тебе-то все равно, а я, как ты знаешь, мерзляв. Если на север куда — хоть белье теплое раздобуду, а то выдадут, как в Финляндии, барахло.

— Никуда ты не поедешь. Сам сказал — война кончилась. Так что выдадут мне правильного Второго, огненного. Обещали даже смотрины устроить. А ты дома посиди. У тебя тут работа любимая. Будешь за женой моей приглядывать, а мне Оськины фотографии присылать, чтоб я видел, как сын растет.

Моня встал. Руки его дрожали.

— Правильного, значит. Фотографии, значит, — он сжал кулаки. — Простите, дамы, выйду покурить.

Он выскочил за дверь.

— Что это с ним? — искренне удивился Шорин.

— Ты совсем дурак? — зашипела на него Арина — и хлопнула дверью.

Моню она нашла быстро — он сидел в соседнем дворе на спрятавшейся в кустах скамейке. Она дотронулась до его плеча — он отбросил руку.

Села рядом, обняла. Моня поднял на нее заплаканное лицо. Арина поразилась, как изменились его черты — исчезла вечная саркастическая улыбочка, круглые, чуть удивленные глаза превратились в злые щелочки.

— Он прав, конечно, тут я нужнее, — выговорил Моня.

— Он не имел права. Просто не имел. После всего, что ты для него сделал...

— Приказы не обсуждаются. Сказали — бери нормального Второго, — он и пошел выполнять. Голос у Цыбина был какой-то далекий, хриплый и глухой.

— Ну мог бы как-то помягче...

— Дипломатия — не его конек. У тебя папироски не будет, а то выскочил налегке... Молча покурили. Цыбин вздыхал прерывисто, как наплакавшийся ребенок.

— Какой же я болван, на самом деле, — вдруг вскрикнул Моня, — Как только узнал,

что это у него обратимо, начал мечтать, как он приходит — и говорит, мол, все здорово, мы снова в деле. А я так встаю гордо, лицо каменное делаю — и заявляю, мол, я так, временная мера, найди себе хорошего Второго — и вой с ним долго и счастливо. Он, конечно, отнекивается, мол, никого мне, кроме тебя, не надо, а я твердо стою на своем. А оно вот так вот — все наоборот.

— И жить ему осталось всего-ничего, а все хочет побыстрее...

— Да вряд ли там что опасное будет. Не те времена. И драконы при государе — они сытенские, ленивые... Видал наших, кремлевских. Мельком, понятное дело, нас даже не представили, но Давыду такие на один вкус.

— Все равно, остался бы. Мы бы с Белкой хоть насмотрелись на него. Оська бы лицо запомнил...

— А что он мог поделывать? Это мы с тобой погони сняли — и свободны, а он — как родился, так считай, уже подписался воевать до конца. Думаешь, мне без него хорошо будет? У меня, кроме него... — Моня тяжело вздохнул, махнул рукой и отвернулся.

— Значит, и Оська когда-нибудь — вот так?

Моня пожал плечами. Арина достала еще папиросу, и снова молча курили.

— Я вас уже час ищу, — кусты зашевелились и появилась голова Давыда. — А вы, я смотрю, спелись.

— Сам мне велел жену опекать. Вот и опекаю по мере возможности, — Моня снова натянул на себя шутовскую маску.

— И жена не возражает? — ответил Давыд в тон.

— А с чего бы мне возражать? Моня обаятельный, опять же, не убегает мир спасать при первой возможности, — Арине дурацкие интонации давались с трудом, голос предательски дрожал.

Шорин подошел, сел на корточки у их ног.

— Монь! Ну объясни ты ей, что это не страшно, ненадолго...

— Вот пусть твой новый Второй объяснит, у меня дела поважнее есть.

— Ариш! Ну скажи ты ему, что зря он ревнует. Сам всю дорогу ныл, на какой части тела он вертел всю эту военную жизнь.

— Обратись к тому, на кого тебе не насрать, — холодно ответила Арина.

— Ничего вы оба не понимаете. Я без вас обоих не могу. И без мамы. И без Оськи... Но вы поймите: я настоящий только там. Я там нужен. Я там... — он замычал, подбирая слово, — я там я.

— Рад за тебя, — пожал плечами Моня.

— Ну вот почему вы оба имеете право быть на своем месте, а я должен за это извиняться?

— Да потому что... — Арина вскочила.

— Бесполезно, не поймет, — Моня положил ей руку на плечо, встал и ушел не оглядываясь.

— Вот и нет у тебя больше друга, — констатировала Арина.

— Да остынет — вернется.

— Не вернется. Ты долго пытался его прогнать. На этот раз — получилось.

— Ну вот как мне ему сказать, что Второй — это работа. Дурацкая, кропотливая, неблагодарная. А друг — это навсегда. Что я за него все готов. Не потому, что он мой Второй, а потому что он Моня.

— На что же ты ради него готов, интересно послушать.

— Умереть готов. Ну не знаю, что еще вам надо?

— Да ты за много что умереть готов! За родину — готов, за Цыбина — готов, за меня, если спросят, готов, за зарплату офицерскую — а вполне готов, за звездочку новую на погонах.

Помирать — несложная штука. Один раз — и свободен. А вот жить, жить ты за что готов? Просто — жить. Нормально. Как люди живут. За что? За кого? За Осю, за меня, за себя самого — слабо, да? Два чертовых года, — Арина кричала, плакала, слова вырывались из нее неостановимо, она чувствовала, что готова молотить Давыда кулаками, кусать его, царапать — что угодно, лишь бы услышал, понял.

Шорин то ли обнял, то ли захватил ее — так, что она не могла пошевелить ни рукой ни ногой в бессильной ярости.

— Дура ты! — прорычал он ей в лицо. — Как есть дура дурацкая.

— А ты, а ты... Мерзкая, холодная рептилия, никого не любящая, даже себя! — почти завизжала в ответ Арина. — И я дура, что с тобой связалась!

— Замолчи и слушай, — Шорин поднял голову, крикнул куда-то вдаль: — Мось! И ты подойди. Мне кое-что вам важное сказать надо.

— Но это в последний раз, — раздался ворчливый голос Мони, и сам Мось вышел из-за угла. — Ну тут я, рассказывай давай.

— Ребят, мне честно — с вами хорошо.

Арина с Моей синхронно закатили глаза.

— Но на войне ты — ты, рожденный драконом должен воевать, а не карточки отоваривать, пеленки и примусы тебя нервируют... — скороговоркой продолжил Цыбин.

— Иди ты... Да посмотри ты на меня, глаза свои разуй! Вон, видишь, шляпа, костюмчик... Носки с полосочками, — Шорин приподнял брюки, демонстрируя носки, — ботиночки вот по моде. Я же совсем другой с вами стал. Не хочу я воевать, хочу мороженое лопать, в кино ходить, в театры. Может, пошел бы, как Арина советовала, — на инженера учиться. И жили бы мы долго и счастливо.

Арина с Моей переглянулись. Арина подумала, что ведь действительно — Давыд стал каким-то другим. Любимым, дорогим — но другим. И осанка не такая болезненно-прямая, и походка изменилась, и даже целовать он ее стал по-другому, как-то более бережно...

— И все равно — тебя позвали, ты побежал, — констатировал Мось.

— Да. Потому что я в очередной раз трусливо сбегаю.

— От чего же на этот раз? — саркастично спросила Арина.

— Видишь ли, не так давно твой сумасшедший муж убил человека.

— Только одного? Мельчаешь, дракон.

— Я не шучу.

Арина с Моей во все глаза уставились на Давыда. Тот смотрел прямо, переводя взгляд с одного на другую.

— Кодан? — уточнил Цыбин.

— Он.

— Прекрасно. А ты мог сказать, пока это дело вели мы? Вот просто сказать, прости мол, меня, дурака, попытайся, Моська, задницу мне прикрыть, пока делом госбезопасность не заинтересовалась.

— Да ты же видел, они сразу же под контроль все взяли, — махнула рукой Арина.

— В общем, черт с ними со всеми, надо думать, что сейчас делать.

— Говорю же, сбегу.

— Ну год ты повоюешь, ну два... У таких вещей срока давности нет, — серьезно сказал Цыбин.

— Твои слова да богу в уши, — вздохнул Давыд, — там такая история планируется... В общем, если пару месяцев живой продержусь — хорошо будет. Но хоть Оська будет сыном героя, а не сыном преступника.

— Поэтому решил Моню не брать? — Арина смотрела прямо и твердо.

— Угадала. Еще вопросы будут или пойдем домой? Мама, небось, волнуется.

— Ну да, мама волнуется, зато мы вот — абсолютно спокойны. У нас все хорошо, — Цыбин стал сух и деловит. — В общем, помнишь Гришу, у меня на вечеринках про школу танцев поет, как напьется? Не самый плохой адвокат. Завтра я с ним свяжусь — обсудим, что можно сделать. Может, и уезжать никуда не придется.

— Ты сейчас кого обмануть пытаешься? Нас или себя? — зло спросила Арина. — Ты слышал, что сказал этот Татаринцев? Измена Родине. К стенке поставят без вопросов.

Моня шепотом ругнулся, признавая Арину правоту.

— А может, тебе от них сбежать? И от тех, и от других? Не знаю куда. За границу, не знаю... — продолжила Арина.

— Прекрасно. Стоит мне уехать из города больше, чем на неделю, тут же придут за тобой, за Белкой и за Мoneй. Оську — в детдом, вас — куда подальше... А я при этом буду весело шататься по заграницам. Великолепный план! Как я сам до такого не додумался? — прорычал Шорин.

Арина с Мoneй еще что-то предлагали, спорили, уговаривали. И все лучше понимали, что Давыд прав — его вариант был единственно возможным. Так дошли до дома.

Поднимаясь по лестнице, Моня выглянул в окно.

— И все-таки, похоже, я буду твоим последним Вторым, — пропыхтел он, пытаясь угнаться за Шориным.

— С чего бы?

Моня кивнул на окно.

— Не дадут они тебе двух недель. Вон, уже подъехали. Людей расставляют. Минут через двадцать в дверь позвонят.

Давыд звенел ключами перед дверью.

— Значит, времени немного, но есть. Ребят! Маме скажете потом, ладно?

Арина и Моня кивнули — и они зашли в квартиру.

Оказавшись в комнате, Давыд сразу бросился к сыну. Ося не спал, смотрел на отца внимательно и серьезно. Давыд что-то шептал — и малыш, кажется, отвечал.

Наконец, Давыд обернулся:

— Мам! Ося спать не собирается — погуляешь с ним часок? Ну пожалуйста!

Он застенчиво обнял Белку, поцеловал ее неловко в макушку. Ося заплакал — и Белка быстро понесла его на прогулку.

— Попрощаемся? — тихо спросил Давыд, когда за Белкой закрылась входная дверь. Арина посмотрела ему в глаза — и поняла.

— Что ты задумал? Ты с ума сошел? Не смей. Даже думать об этом не смей! — Арина шипела как змея.

— Ну что ты. Ну не глупи. Ты же знаешь — годом раньше, годом позже...

— Давыд! Это не выход, — твердо сказал Цыбин. — Пока есть шанс, ты обязан...

— Ты сам говорил: обязан я только самому себе. Прощай, — Давыд обнял Моню и крепко прижал его к груди. — Черт его знает, может, еще свидимся, Второй!

Потом так же крепко обнял Арину. Молча, ни говоря ни слова. Отпустив ее, скрылся в маленькой комнате.

— Я люблю тебя, — почти прокричала Арина ему вслед.

Моня взял ее за руки — и чуть ли не силой усадил на стул. Резкий требовательный звонок в прихожей и выстрел в маленькой комнате прозвучали одновременно.

Пыль-пыль-пыль-пыль.

Часть 3. Последний. Эпилог

Июль 1997

Летний день клонился к закату. Длинные ажурные тени деревьев делили аллеи Старого Южного кладбища на неровные квадраты.

По центральной аллее высокий мужчина лет тридцати с длинными дредами, в потертых джинсах и футболке с эмблемой NASA вез инвалидную коляску. В ней сидел крохотный, морщинистый, очень старый человек.

— Дава, котик, давай чуть медленнее, мне надо поздороваться с местными, — вдруг прошелестел старик на иврите.

Молодой замедлил шаг.

«Бромберги, Сутины, Алискеровы, Красные...» — старик читал фамилии на памятниках, не обращая внимания, написаны они на русском, украинском или идише.

— Там, — старик указал влево, — вон, где елочка, — участок 77. Цыбины. Распорядись, чтоб ухаживали. И фотографии чтоб через интернет присылали.

— Дедушка, это слово произносится вот так... — молодой человек и так говорил громко, а слово «интернет» повторил максимально четко.

— Староват я уже языки учить. Давай отсюда налево. И не умничай, а то буду говорить с тобой только по-русски. Дедушке можно, дедушка старенький.

Молодой только хмыкнул и продолжил путь.

— Стоп, приехали. Оставь меня тут. А сам сходи позови того паренька из конторы. Больше десятки ему не давай, пожалуйста. Не заслужил.

Молодой ушел, и старик остался один.

— Ну, привет, — тихо шепнул он, — вот я и вернулся. Не ждал? А тут такое дело... Аринка... Ну, ты знаешь, наверное, уже. Привез в целости... как смог, так и привез. По-другому не выпускали. Но хоть вместе будете. Так что не привередничай, будь паинькой.

А уютненько тут у тебя. Тихенько. Скоро и я к вам. Соскучился, признаться. Не знаю уж, здесь буду лежать, или там, рядом с Белкой, рядом с Оськой... Да, прости, не сберег. В восемьдесят шестом. Тридцать девять лет, подложили бомбу в машину. Теракт. А я что мог? Он серьезным человеком был, алУф мишнЭ — это, считай, полковник по-нашему, ты бы им гордился... Вместе со Вторым их. В один момент. Повезло им, в общем-то. Нельзя Первому без Второго, а Второму без Первого.

А Белка-то что? Ей в Израиле понравилось. Тепло, море рядом... Просто старость... Это давно было, в шестьдесят восьмом... Аришка вот — в этом году...

Представляешь, в честь Оськи школу для Особых детишек назвали. Скоро Натан туда пойдет учиться. Твой правнук. Представляешь, у тебя правнук есть! Очень смышленный мальчишка. И сразу видно — ваша порода. Они все в тебя пошли: и Оська, и Давид, его сын, и вот Натан. Давид тут, со мной приехал — я, прости, не слишком подвижен стал. Даже не танцую уже. Но по квартире или там в магазин за хлебом — почему нет? Вполне еще. Давид позже подойдет. Да, Давид, через «и». Ну язык у нас там такой — совсем без буквы «ы».

Ой, как мы в этом Израиле очутились — это такая история, со смеху помереть. Когда тебя хоронили... Нет, не плачу, что ты. Тебе показалось. Так вот, когда тебя хоронили, пришел этот кусок дерьма, который Станислав Ростиславович. Стоял вот прямо тут, где я сейчас. Улыбочку свою фирменную погасил, конечно, чтоб моменту приличествовать. Я уж

думал, ты сейчас из гроба встанешь, чтобы морду ему набить. Но гроб заколочен был, ты же помнишь, ушел ты не красавчиком... Так что, может, хотел, да не вышло. Аринка Белку обнимала, чтоб та не упала. А у меня самого руки заняты. Оську держу. Он ничего не понимает, но плачет... Кстати, представляешь, он первое слово сказал — «папа». Так вот, стоим мы, и этот стоит. С гвоздичками. Когда все закончилось, я Оську Аринке отдал, подхожу, говорю, мол, что ты здесь, гнида, забыл. А он такой, мол, я лицо частное, с покойным был знаком. Я ему, конечно, замечаю, что не будь его частного лица в нашей жизни, авось, покойный был бы менее покойным. Я бы ему врезал, но не при Белке же... Она бы не одобрила. Так что пришлось на словах. Сказал, что молчать не буду, о его нежной дружбе с Коданом найду, кому рассказать. А он мне — зачем, мол, я и так с работы слетел. Но, говорит, дракончика вашего в хорошие руки пристроил. И ушел. Я его больше не встречал, что с ним дальше было — разное говорили. То ли спился быстро, то ли наоборот — долго еще ходил, милостыню просил. А может, вообще нормально жил, работал где-нибудь в школе военруком, помер в своей постели в окружении безутешной семьи... Да ты, наверное, лучше знаешь. А если нет — Аринка справки наведет, она злопамятная...

А что за место, куда Осеньку пристроили, мне потом Аринка рассказала.

Представь, я дома, причем не один. И тут она врывается, кричит — «Моня, пойдем срочно поженимся». Я, конечно, отвечаю, мол, дай пару минут передохнуть — и я на тебе женюсь неоднократно. Ну ладно тебе, пошутил я так.

А она мне докладывает, мол, вызвали ее в барскую усадьбу и сказали, что Оська наш — подарок молодому государству Израиль. Мол, оно у Советов давно дракона просило, а эти схитрили: и дракон пока мелкий, и, если хотят выучить его — надо, опять же, от нас специалистов брать. В общем, отправляют Оську с мамой и бабушкой в Израиль, месяц на сборы дают. И Аринка хочет меня забрать. Просто так не отдадут, а как мужа — вполне можно попробовать. Ну это не сразу после похорон было, так что я в ту пору работал на лодочной станции, лодочки гражданам покататься давал. Ну и следил, чтоб не навернулись. Ну, ты понимаешь. После тех дел, что ты натворил, Аринка сразу с работы ушла, а я попытался остаться, но как-то совсем у нас гнило стало. Плюс по всему этому делу таскали то в прокуратуру, то в барский дом. Тоска, в общем.

Ну я и согласился. Ты не подумай, мы только на бумаге того. Ну, первые лет пять. Потом как-то смотрю — совсем Аринка тоскует. Плохо ей без тебя было, любила она тебя... Ну, ты знаешь. Вот и утешил, как мог... Ты прости, конечно, но сам понимаешь: по-другому никак. Загнулась бы она от тоски своей.

В общем, стали жить уже по-настоящему. Доченька родилась, Анечка. Ну это уже в пятьдесят четвертом. Тоненькая, слабенькая была — Аринка от нее не отходила ни на секунду, измоталась вся, но такая счастливая была... Она и внуков вынянчила — и твоих, и моих... Любила детей, аж светилась, когда малыш на руках.

Внуки у меня все... ох, даже не знаю, как сказать. В общем, притащила Анька к нам в дом эфиопа. Нет, парень-то неплохой, как потом оказалось, но черный что твой сапог. Я, конечно, левантиец, но всему есть пределы. Так что внуки получились... ну, не в меня. Все трое в Америку переехали. Звонят, пишут. У старшей внучки сын недавно родился... Так что я тоже прадед. Смешно.

А так что? Жили, работали... Аринка — в больнице местной, я — в армии... Да, опять не получилось мирно пожить. Хотя я больше учил и это... консультировал. Там заварушка одна была, когда мы на лодочках, а у них — эсминец... Потом расскажу, такое насухую

нельзя, но тебе понравится. Оське вон Второго сам обучил. И Давидику...

А ты как там? Не меняешься? Или все-таки постарел? А то Аринка-то да... Как вы будете, если она постарела, а ты нет? Не могу представить тебя старым. Интересно, ты бы сейчас все еще со своей гривой ходил, только седой, или облысел бы, как я? Черт тебя знает...

В общем, вы это... Не скучайте там вдвоем, ждите меня скоро. Увидимся уже по-настоящему, обнимемся наконец...

На плечо старику легла рука молодого.

— Дедушка, — он сказал это по-русски, с сильным акцентом, — дедушка, ты плачешь.

— Да, не обращай внимания, старость делает нас сентиментальными.

Он достал из-под пледа небольшую алюминиевую урну — и протянул ее подошедшему человеку с лопатой.

Оставить отзыв о книге - <https://knigoed.net/url/4kq>